

**Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского**

Арзамасский филиал ННГУ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ:
античность, средние века, новое и новейшее время**

ВЫПУСК 15

***Сборник статей
участников XIII Всероссийской научной конференции
(14–15 октября 2021 г.)***

***Арзамас
Арзамасский филиал ННГУ
2021***

УДК 930.9
ББК 63.3(0)-5я43
П 50

Рецензенты: кафедра всеобщей истории и обществознания
Пензенского государственного университета;
доктор исторических наук, профессор В. А. ЕВСЕЕВ

Редакционная коллегия: доктор исторических наук,
доцент А. Р. ПАНОВ (ответственный редактор);
кандидат исторических наук, доцент М. В. ТРЕТЬЯКОВА;
кандидат исторических наук, доцент С. А. ЗОТОВ;
кандидат педагогических наук Т. А. ПОЛЯКОВА

П 50 **Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время.** Выпуск 15. Сборник статей участников XIII Всероссийской научной конференции (14–15 октября 2021 г.). / Отв. ред. А. Р. ПАНОВ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. – 344 с.
ISBN 978-5-6046140-8-2

Сборник содержит статьи участников XIII Всероссийской научной конференции «Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время», прошедшей в Арзамасском филиале ННГУ 14–15 октября 2019 г. Конференция была посвящена 90-летию профессора Е. В. Кузнецова. Тематика статей связана с различными аспектами социально-политической истории Англии и других стран Европы от античного времени до современности.

Издание адресовано всем интересующимся вопросами всеобщей истории.

УДК 930.9
ББК 63.3(0)-5я43

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	6
Раздел I. Congratulatio	7
Зотов С. А. Нижегородский англофил (К 90-летию профессора Евгения Васильевича Кузнецова)	7
Курдин Ю. А., Пряников А. В. Е. В. Кузнецов – исследователь «Слова о полку Игореве»	16
Мальшев А. В. Об одной гипотезе профессора Е. В. Кузнецова	21
Исаков А. А. Епископ Дамаскин (Семенов-Руднев) и нижегородская историография	27
Раздел II. История Англии в средние века, раннее новое, новое и новейшее время	36
Щелокова Н. В. Оксфордский университет во времена Виклифа	36
Праздников А. Г. Малые сражения Войн Роз	42
Иванова О. Ю. «Великое дело короля»: развод Генриха VIII с Екатериной Арагонской как политическая проблема	53
Мальчикова С. П. Восприятие страны Восходящего солнца в ходе первых контактов англичан с японцами	64
Сорокина Т. Б. Истины Герберта Чербери	71
Ковалёв М. А. Джон Арбетнот в оппозиции вигам (1714–1735 гг.)	76
Эрлихсон И. М. Экономическая преступность XVIII века в отражении «Ньюгейтского календаря»	83
Сабитова Л. Р. Британские агенты в Средиземноморье в эпоху Революционных и Наполеоновских войн: Спиридон Форести	91
Зотов С. А. Thomas Carlyle's Philosophy of History (according to his essays of early 1830s)	97
Яблонская О. В. «Недетские проблемы» Великобритании в творчестве Джорджа Крукшенка	104
Галкина О. И. Политический портрет Николая II (по материалам журнала The Review of Reviews)	113
Ерохин В. Н. А. Дж. Диккенс и либеральная концепция истории английской Реформации в современной британской историографии	125
Сергеев Е.Ю. Роль высших политических институтов Советской России и Великобритании в двусторонних отношениях 1920-х гг.	138
Савосина Ю. В., Писчикова Н. П. Деятельность англо-русского профсоюзного комитета единства и Движения меньшинства в английских тред-юнионах и их влияние на формирование англо-советских отношений в 1920-е годы	144
Бирюков А. М. Образ Британии в советской прессе периода Великой Отечественной войны (по материалам газет «Известия» и «Красная звезда»)	150

Раздел III. История Европы: античность, средние века, раннее новое, новое и новейшее время	160
Панов А. Р. Египет и Первая Пуническая война	160
Куликова Ю. В. Восстание Фелициссима и финансовая реформа Аврелиана	169
Носова Е. С. Дружба как политический инструмент взаимодействия в исландском обществе	179
Лоцилова Т. Н. Образ Марии Медичи во французском медальер- ном искусстве начала XVII века	186
Беляев М. П. Вестфальский мир 1648 г. как основа имперского и европейского правопорядка	193
Третьякова М. В. Гран-тур как возможность сделать политическую карьеру: случай Франческо Альгаротти	208
Колосова В. А. Политико-правовые воззрения И. Канта	217
Ивонина Л. И. Владимир Маяковский, Наполеон и Первая мировая война	220
Ефимов О. В. Австро-венгерские военнопленные в Арзамасе в пе- риод Первой мировой войны	227
Волков Ю. К. Иммануил Валлерстайн о геокультурных изменениях в европейской политической системе на этапе формирования гло- бальной мир-экономики	232
Мостяев Ю. Н. Европа в современной системе международных ко- ординат	244
Красильников И. Б. Роль мусульман в политической жизни совре- менной Европы	252
Белова Н. Е. Европейский миграционный кризис и рост влияния правого популизма	260
Таньшина Н. П. Наполеон Бонапарт как актуальное прошлое: юби- лей 2021 года	266
Раздел IV. Страница студента	276
Тункова Ю. Ю. Ретроальтернативные сценарии античной эпохи: на примере несостоявшейся истории Римского государства в случае победы Марка Антония у м. Акций	276
Каталкин И. И. Статистический аспект структурного развития Са- лического закона (Lex Salica)	282
Грушина Т. А. Роль женщины в обществе по материалам произве- дений Б. Мандевиля	291
Зотова Н. Д. К вопросу о политической деятельности Адама Чарто- рыйского: дипломатическая миссия 1798–1799 гг.	298
Лозгачева В. Д. Гуманитарная политика Международного комитета Красного Креста в странах Европы на рубеже XIX–XX в.	305
Ломако П. Е. Периодическая печать русских анархистов-	315

эмигрантов в Швейцарии в 1901–1917 гг.	
Шашков В. А. Монархисты и эмиграция: Н. Е. Марков в Германии (1920–1921 гг.)	328
Сведения об авторах	340
Editor's Preface	343

От издателя

Уважаемые коллеги!

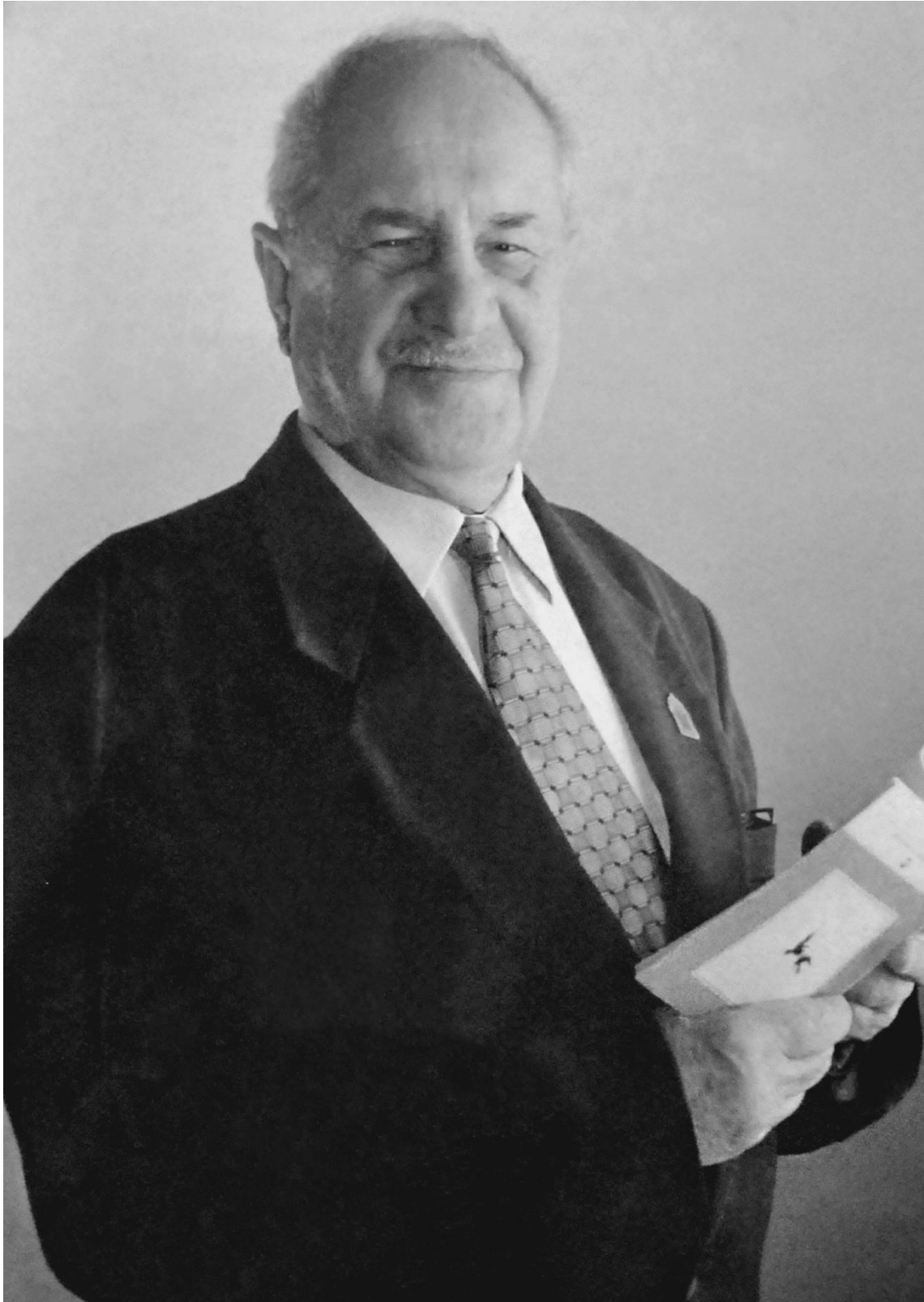
Вы держите в своих руках пятнадцатый выпуск сборника научных статей «Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время». В октябре 2021 г. состоялась Тринадцатая Всероссийская научная конференция с одноименным со сборником названием. Этот сборник – юбилейный выпуск. Символично, что юбилей нашего издания сопровождается и юбилей идейного вдохновителя и сборника, и конференции – доктора исторических наук, профессора Евгения Васильевича Кузнецова, которому в этом году исполнилось 90 лет.

В работе конференции приняли участие ученые из разных вузов России – Москвы, Коломны, Егорьевска, Смоленска, Калининграда, Ярославля, Кирова, Рязани, Магадана, Мытищ, Владимира, Пензы, Нижнего Новгорода, Арзамаса, Кулебак. В общей сложности в сборнике представлены работы сорока одного автора, многие из которых традиционно принимают участие в этой конференции.

Структура нынешнего сборника, по-прежнему, традиционная. Сборник состоит из четырех разделов. В первый раздел включены статьи, посвященные творчеству юбиляра – работам Е. В. Кузнецова. Во втором разделе содержатся статьи, где рассматриваются особенности социально-политического развития Англии в средние века, раннее новое, новое и новейшее время. Третий раздел содержит статьи, в которых речь идет о социально-политическом развитии других стран Европы в эпоху античности, раннего нового, нового и новейшего времени. В четвертый раздел включены статьи студентов и магистрантов.

Этот небольшой очерк-вступление завершим фразой, ставшей уже тоже традиционной.

Надеемся, что наш сборник будет интересен читателю и принесет пользу и удовольствие!

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КУЗНЕЦОВ

РАЗДЕЛ I. CONGRATULATIO

УДК 94(420)

НИЖЕГОРОДСКИЙ АНГЛОФИЛ (К 90-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА ЕВГЕНИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КУЗНЕЦОВА)¹

С. А. Зотов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В кратком очерке рассматриваются основные этапы творческой и научной биографии профессора Е. В. Кузнецова, отметившего в 2021 г. своё 90-летие. Акцент делается на той части научного наследия юбиляра, которая посвящена истории Англии в средние века и новое время. Одним из результатов этих многолетних усилий нижегородского историка стало создание признанной в России нижегородско-арзамасской научной школы по англоведению.

Ключевые слова: Е. В. Кузнецов, нижегородский историк, 90-летие, история Англии, научная школа.

История Англии как научно-исследовательское направление возникла в нижегородских вузах в начале 30-х гг. прошлого столетия, когда начали восстанавливаться исторические факультеты и возобновилось преподавание истории. Именно тогда вновь открытую кафедру всеобщей истории педагогического института в тогдашнем г. Горьком возглавил Сергей Иванович Архангельский (1882–1958). Он был подключён академиком Е. А. Косминским к той плановой научной работе, которую вёл Институт истории Академии наук СССР. Ему была предложена тема по истории аграрного законодательства Английской буржуазной революции XVII века. Ему удалось решить поставленные перед ним задачи: в течение пяти лет увидели свет два тома по аграрному законодательству Английской революции [3]. Книга оказалась одной из наиболее историчных среди вновь создаваемых отечественными учёными работ по английской тематике. После Великой Отечественной войны Архангельский стал членом-корреспондентом АН СССР. В 1946 г. он открыл исторический факультет в Нижегородском государственном университете имени Н. И. Лобачевского [11, с. 210–214].

В 1950–1955 гг. Евгений Васильевич Кузнецов являлся студентом этого факультета. Начиная со 2 курса (1951–1952 учебный год), он стал работать по проблематике, которую предлагал Сергей Иванович. Сложилось доброжела-

¹ Основное содержание данной статьи было впервые опубликовано в сборнике, изданном в Институте всеобщей истории РАН (г. Москва) в 2008 г., правда, под иным подзаголовком [5, с. 133–141].

тельное, совершенно неформальное отношение к студенту этого крупного учёного. Чтобы развить историческое мышление, историческую эрудицию, Архангельский каждый год на 2, 3, 4 и 5 курсах давал ему всё новые и новые темы по истории Англии. Судя по всему, со своими заданиями студент справлялся: в 1955 г. он стал аспирантом кафедры всеобщей истории. Научный руководитель Архангельский вопреки всем ожиданиям настоял, что XVII веком молодой исследователь заниматься не будет, и предложил уйти на совершенно новую проблематику – на историю Англии XV века, а точнее – историю «войны Алой и Белой розы». Естественно, это решение С. И. Архангельского во многом, как писал в своих мемуарах Евгений Васильевич, определило научную судьбу будущего доктора исторических наук [14, с. 99].

Летом 1956 г. Евгений Васильевич впервые появился в библиотеках северной столицы и провёл в них около двух месяцев. В январе 1957 г. начал осваивать московские библиотеки: в первую очередь, библиотеку Московского государственного университета, затем центральную библиотеку страны, называвшуюся тогда условно «Ленинка». Постепенно входя в тему, он больше и больше ею увлекался.

Уже тогда Кузнецов сформулировал для себя два основных принципа в научно-исследовательской работе. Во-первых, он решил никогда не работать (и выполнил этот принцип) с источниками выборочно, а изучать весь массив источников от «А» до «Я». Во-вторых, он понял, что человек, занимающийся историей другой страны, может вести работу на двух уровнях: «первичном» и более глубоком – «вторичном». Первый состоит в следующем: используя достижения источниковедения и историографии интересующей исследователя страны, возможно полнее передать эти материалы, творческие достижения учёных той страны на родной язык для отечественного читателя. Этот принцип Кузнецову удалось реализовать в своей кандидатской диссертации «Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV века (к проблеме возникновения английского абсолютизма)», защита которой состоялась 1 декабря 1959 г. в Нижегородском государственном университете. К июню 1959 г. он написал текст в 753 (!) страницы. Там были рассмотрены все основные источники по истории Англии второй половины XV века. Это было нетрудно, благодаря богатству наших библиотек, высокой квалификации работавших там специалистов. А также благодаря тому, что аспирант даже со скромной стипендией мог найти в столице «жилплощадь» и прокормиться (Ленинградский университет брал за жильё 50–65 копеек в сутки, а на скромный прокорм уходило от 95 копеек до 1 рубля 20 копеек; к тому же командировочные исправно оплачивал Нижегородский университет).

Большой объём диссертационного текста вызвал определённые сомнения у окружающих. Говорили, зачем такой большой текст, хватило бы половины, а другой половины хватило бы на докторскую. Но молодой специалист пресекал эти разговоры, указывая, что освоил только эмпирический уровень, вышел на уровень передачи тех идей, которые уже существовали в англий-

ской историографии. По убеждению Кузнецова, он как бы отреферировал английскую историческую науку по тому хронологическому периоду, который был ему обозначен научным руководителем.

Евгений Васильевич хотел большего, хотел работать так, чтобы его результаты были внове, «обогащали» чуждую до того ему научную среду совершенно другой страны. Поэтому, читая бесконечные тексты хроник, перелистывая юридические памятники и документы, он всё время стремился найти совершенно новое, то, чего не было в английской историографии. И в настоящее время гордится тем, что кое-что нашёл и написал. В 1958 г., заканчивая диссертацию, исследователь сумел подобрать материалы по народному восстанию в Англии 1497 г. и сделал текст, которым остаётся доволен по сей день. По предположению самого Кузнецова, это была действительно оригинальная в научном плане работа. Как всегда, в таких случаях, аплодисментов было мало, а критики было много. С. И. Архангельский, выслушав доклад своего аспиранта в июне 1958 г., посоветовал ему поглубже посмотреть на проблему и проверить написанное по возможно более широкому кругу источников и литературы. Академик не мог поверить, что англичане так мало внимания уделили такому неординарному событию, как народное восстание 1497 г. Евгений Васильевич продолжил работать в этом направлении уже после того, как статья была опубликована благодаря смелому согласию профессора МПИ им. В. И. Ленина В. Ф. Семёнова, который руководил одним из отделов вновь открывшегося журнала «Научные доклады высшей школы». Следует указать, что Виктор Фёдорович согласовал свою позицию с главным редактором журнала профессором МГУ П. А. Зайончковским, без одобрения которого столь необычно исполненная статья появиться в журнале не могла. И так в 1959 г. статья появилась [12]. Ещё через несколько лет Кузнецов с этим материалом выступал в Институте истории, в секторе средних веков, который вёл Я. А. Левицкий. Выступление нижегородского учёного было встречено в штыки, тем паче, что он попытался связать события 1497 г. с текстом «Утопии» Томаса Мора (её первой части). Критики заподозрили молодого исследователя в том, что он пытался подорвать авторитет некоторых академиков, которые издали «Утопию» Т. Мора и дали совершенно неправильный комментарий к той части текста, где Т. Мор писал о народном выступлении 1497 г. Статья так и осталась не переизданной. До сих пор Кузнецов верит, что когда-нибудь восстание 1497 г. будет признано более крупным, чем восстание 1450 г., и, возможно, более важным по политическим последствиям. Бесспорным для него остаётся также то, что Томас Мор, наблюдая расправу над повстанцами, не мог не задуматься о причинах окружавшего его социального зла.

Интерес к истории народных масс в советской исторической науке, как известно, поощрялся, и Евгений Васильевич не чурался дальнейших научных поисков по этой проблематике. Через несколько лет ему удалось найти документы, касавшиеся революционных событий в Кенте осени и зимы 1450–

1451 г., после того как летнее восстание под руководством Джека Кеда было подавлено. Историк познакомился со всеми публикациями в Англии, которые могли быть связаны с этим периодом. Но нигде ничего он не нашёл о тех действиях партизанских отрядов, которые хотя и не представляли большой опасности, но всё-таки не могли не осложнять политической ситуации на юго-востоке Англии, в непосредственной близости к её столице. Материал о действиях повстанческих отрядов в Кенте и смежных графствах частично был опубликован в сборнике «Средние века» [9]. Несколько позднее всё, что было собрано по восстанию в Кенте осенью и зимой 1450–1451 гг., вышло в издательстве МГУ [13]. Следует добавить вот ещё что. Занимаясь лоллардами, Кузнецов стремился обращать особое внимание на действия наиболее радикальных элементов движения. Ему также удалось найти никем не использованные материалы процесса, который вёл Кентерберийский архиепископ над неким Ролфом Менджином. Этот человек в начале XV в. пытался придать теоретической доктрине Джона Виклифа о благе того общества, где нет частной собственности, некие практические интерпретации. Естественно, Ролф был репрессирован. До сих пор Евгению Васильевичу представляется, что обнаруженный им Ролф был не единственным, но другие ему не попались, хотя значительную часть опубликованных епископских регистров XIV–XV вв. ему удалось просмотреть. Конечно, обозначенные проблемы сейчас мало актуальны, но они были актуальны в то, советское время, и Кузнецов подчинял свой интерес интересу общественному.

Естественно, нижегородский учёный рассуждал и об общих закономерностях развития Англии позднего средневековья. У него родилась некая сумма мыслей, которые при советской власти не получили ни малейшего признания. В отличие от позиции, заявленной М. А. Баргом, а также схожей концепции А. Н. Чистозвонова (в 60-х гг. XX в. общепризнанных лидеров советской исторической науки), Кузнецов считал, что начало капиталистического периода в Англии следует вести не с XVI века, времён Елизаветы, а с конца XIV – первой половины XV века [4, с. 310]. Именно в это время произошла перестройка английской суконной промышленности с ремесленных рельсов на рельсы кооперативные (мануфактурные). Это стало возможным благодаря появлению технических нововведений, в первую очередь, сукновальной мельницы, работающей на силе быстротекущей воды. Водяные сукновальни увеличили в несколько раз производимый продукт, а увеличение продукта стимулировало рост английской торговой экспансии в страны Европы. Умные англичане в XV в. говорили, что каждый человек должен есть, пить и одеваться. Еда и питьё есть во всех европейских странах, но такой шерсти и шерстяных тканей, как в Англии, нет нигде. По этому поводу Кузнецов написал несколько статей и учебных пособий [6, 10, 15, 16]. Некоторые его тезисы, хотя и противоречат взглядам виднейших историков-англоведов, всё-таки имеют элементы новизны, научной самостоятельности.

Из великих англичан особенно большое внимание нижегородского учёного вызывал Томас Мор. Во многом научный интерес к нему питался беседами с известным московским специалистом, профессором Игорем Николаевичем Осиновским. По его инициативе Евгений Васильевич предпринял перевод «Истории Ричарда III» Т. Мора на русский язык. Редакторы серии «Литературные памятники» сочли перевод слишком близким к оригиналу и мало литературным (с согласия Е. В. Кузнецова определённую литературную обработку текста провёл один из крупнейших специалистов в области лингвистики и литературы М. А. Гаспаров). Одновременно издательство признало уникальность комментариев переводчика к «Истории Ричарда III». Не вызвала отторжения и его вводная статья о Т. Море как историке, хотя большинство биографов Т. Мора делают акцент не на его исторических изысканиях, а подчёркивают философский, литературный и другие аспекты творчества. Для Кузнецова Томас Мор – историк, для его оппонентов – нечто более крупное, более абстрактное. По их мнению, он просто использовал исторический материал для некой иллюстрации, далеко не обязательной и едва ли заслуживающей какого-то особого внимания. Перевод и комментарии Кузнецова к «Истории Ричарда III» выдержали два издания [17, 18].

В своё время, когда нижегородский исследователь начинал работу над докторской диссертацией, в центре его внимания было творчество Джона Виклифа. Однако (Кузнецов просил не считать его злопамятным) специалисты по истории Англии из МГУ (Е. В. Гутнова, Ю. М. Сапрыкин) решительно возражали против выбранной темы, предполагая недостаточную научную компетенцию докторанта для работы со сложными богословскими текстами Виклифа. Спорить с ними было невозможно. Тогда Кузнецов посвятил докторское исследование ученикам Виклифа разных поколений, живших, писавших, боровшихся на протяжении более полутора сотни лет – с 80-х гг. XIV в. до Тюдоровской Реформации XVI в. Первоначальный текст докторской диссертации «Движение лоллардов в Англии конца XIV–XV вв. (Исследование по истории социальной борьбы в феодальной Англии)», защита которой состоялась 17 декабря 1973 г. в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина, был оформлен в книгу [7]. Эта монография была издана полукустарным способом в типографии г. Балахны. Позднее, готовясь к защите, Евгений Васильевич переработал текст, включив в него материал епископских регистров, которые ему удалось получить из книгохранилищ Великобритании. Этот лучший, расширенный вариант исследования о лоллардах, который хранился в личном архиве Кузнецова, был переиздан в Арзамасском государственном педагогическом институте имени А. П. Гайдара силами учеников в 2011 году [8]. Следует также отметить, что монография о лоллардах читалась в советское время: она была включена в список литературы для студентов исторических факультетов для самостоятельного изучения.

Иногда Евгений Васильевич пытался расширить пространство своих исследовательских поисков. Он изучал английское свободомыслие XVII в. (сочинения У. Герберта, Ф. Бэкона, Дж. Локка). Одно время увлекался историей Уганды конца XIX – начала XX вв. Ему удалось помочь одному из своих учеников С. Б. Сенюткину подготовить и защитить кандидатскую диссертацию о короле миниатюрного королевства Буниоро, расположенного на северо-востоке Уганды, по имени Кабарег. Определённое внимание Кузнецов уделял американским федералистам, преимущественно Дж. Мэдисону, и либеральным идеям знаменитого британца Дж. С. Милля. Но ни в одном из этих случаев его научные изыскания не были доведены до того уровня, когда их можно было бы напечатать. В последние годы нижегородский историк большое внимание уделяет раннесредневековому (англосаксонскому) периоду истории, а именно связям Англии с другими регионами Северной Европы.

Ещё в начале 70-х гг. прошлого столетия Кузнецов стал собирать авторский коллектив для издания серии исследований по истории Англии. Вокруг него объединилось несколько отечественных учёных, интересовавшихся этой темой. Во время работы Кузнецова в Нижегородском государственном университете вышло пять межвузовских сборников научных трудов, под разными названиями, но по одной проблематике – английской истории¹. После того, как он был вынужден перейти в Нижегородский педагогический университет, удалось выпустить в свет ещё два сборника². С переходом Кузнецова в 1995 г. в Арзамасский государственный педагогический институт (с 2012 г. Арзамасский филиал ННГУ им. Н. И. Лобачевского) было издано ещё шестнадцать (!) межвузовских сборников, которые наряду с английской проблематикой включали историю других стран в разные периоды их существования³. В Арзамасе под руководством Кузнецова издано также две коллективные монографии по истории Англии позднего средневековья [1, 2]. Названные издания получили международное признание, в частности, в американской исторической периодике [21, р. 67; 22, р. 71–72]. Город Арзамас включается специалистами в перечень современных российских городов, издания университетов которых содержат «заслуживающие внимания» со стороны научного

¹ Серия изданий началась под названием: «Англия в XIV–XVII вв. Проблемы генезиса капитализма». Под тем же названием сборники вышли в 1976 и 1977 гг. В 1980 г. новое название: «Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии». В 1981 г. третье название серии: «Англия в XIV–XVII вв. Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма».

² Англия. Проблемы английской истории и историографии. Горький: ГГПИ, 1989; Англия. Проблемы английской истории. Н. Новгород: ННГУ, 1992.

³ Проблемы английской и валлийской истории в позднее средневековье. Арзамас: АГПИ, 1999; Англия и Европа: проблемы истории и историографии. Арзамас: АГПИ, 2001; Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время. Арзамас: АГПИ, 2002 (Выпуски 2–4 под одноименным названием опубликованы в 2004 (два выпуска) и 2005 гг.). В 2008 г. в пятом выпуске появился новый подзаголовок «Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время», под которым сборники издаются по сей день (Выпуски 6–14 изданы соответственно в 2010, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 гг.). С 2014 г. ответственным редактором сборника является д.и.н., доцент А. Р. Панов.

сообщества материалы англоведческой направленности [20, с. 33]. В конце 2002 г. нижегородско-арзамасский коллектив исследователей, сложившийся вокруг профессора Е. В. Кузнецова, получил признание научной школы по «Средневековой и новой истории Англии» [19].

Педагогический стаж Евгения Васильевича приближается к шестидесяти годам. В 2010 г. он вышел на пенсию, отработав в высшей школе официально с 1 сентября 1958 г. (неофициально работал ассистентом С. И. Архангельского в 1956–1958 гг.). За эти десятилетия он читал разнообразные курсы и спецкурсы¹ в университетах Нижнего Новгорода, Волгограда, Твери, Иванова, Чебоксар, Брянска, Владикавказа, Запорожья. В настоящее время Евгений Васильевич активно консультирует молодых исследователей: только за последние двадцать лет он подготовил двенадцать кандидатов наук (пять в Арзамасе и семь в Нижнем Новгороде), а также консультировал трёх докторов наук. Тематика большинства защищённых под его руководством диссертаций касается истории Англии.

Литература

1. Англия и Уэльс в период позднего средневековья. Коллективная монография / Отв. ред. Е. В. Кузнецов. Арзамас: АГПИ, 1999.
2. Англия в позднее средневековье (XIV–XV вв.). Коллективная монография / Отв. ред. Е. В. Кузнецов. Арзамас: АГПИ, 2006 (переизд. 2010).
3. *Архангельский С. И.* Аграрное законодательство великой Английской революции. М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1935, часть 1; 1940, часть 2.
4. *Вайнштейн О. В.* История советской медиевистики. 1917–1966. М.: Наука, 1968.
5. *Зотов С. А.* Нижегородский англофил (к 76-летию профессора Евгения Васильевича Кузнецова) // Историк и общество: отечественное англоведение 1917–1991 гг. / Отв. ред. М. П. Айзенштат. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 133–141.
6. *Кузнецов Е. В.* Английское сукноделие и общественный прогресс // Англия. Проблемы английской истории. Межвузовский сборник научных трудов. Н. Новгород: ННГУ, 1992.
7. *Кузнецов Е. В.* Движение лоллардов в Англии (конец XIV–XV вв.). Монография. Горький: ГГУ, 1971.
8. *Кузнецов Е. В.* Движение лоллардов в Англии (конец XIV–XV вв.). Монография. Арзамас: АГПИ, 2011.
9. *Кузнецов Е. В.* Из истории крестьянских движений в Англии XV века // Средние века. 1967. Выпуск XXX.

¹ Е. В. Кузнецов читал следующие основные курсы: история средних веков Западной Европы, история западных и южных славян, история стран Азии и Африки (до XX в.), история России (главным образом древнего периода). Среди спецкурсов по всеобщей истории отметим следующие: история английского свободомыслия XVI–XVII вв., история Англии XV в., движение лоллардов XIV–XV вв., история английского средневекового парламента XIII–XV вв., история культуры Западной Европы в средние века и новое время, история колонизации Восточной Африки (Кения, Уганда).

10. *Кузнецов Е. В.* История экономического развития Англии в XIV, XV, XVI вв. Учебное пособие. Горький: ГГУ, 1983.

11. *Кузнецов Е. В.* Метод и результаты: к оценке творчества С. И. Архангельского // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. Межвузовский сборник научных трудов. Арзамас: АГПИ, 2001. С. 210–214.

12. *Кузнецов Е. В.* Народные движения в Англии конца XV века // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1959. № 1.

13. *Кузнецов Е. В.* Народные движения в Англии в середине XV века. Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во Московского университета, 1982.

14. *Кузнецов Е. В.* Одна жизнь менялась на иную. Мемуары русского историка. Арзамас: АГПИ, 2008.

15. *Кузнецов Е. В.* Торговля и купеческий капитал в Англии XIV–XV вв. // Англия. Проблемы английской истории и историографии. Межвузовский сборник научных трудов. Горький: ГГПИ, 1989.

16. *Кузнецов Е. В.* Экономическое развитие Англии в XIV–XV вв. Учебное пособие. Горький: ГГУ, 1981.

17. *Мор Томас.* Эпиграммы. История Ричарда III / Отв. ред. академик С. Д. Сказкин. М.: Наука, 1973.

18. *Мор Томас.* Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1998.

19. Письмо из Регионального центра научно-технической экспертизы (г. Санкт-Петербург) от 27 декабря 2002 г.

20. *Чикалова И. Р.* Великобритания: изучение в Российской империи (XIX – начало XX в.). СПб.: Алетейя, 2017.

21. Scholars of Early Modern Studies. Annual Directory of Research Including the Newsletter of the Sixteenth Century Studies Conference. Kirksville (Missouri, USA), 1999. Vol. 33.

22. Scholars of Early Modern Studies. Annual Directory of Research Including the Newsletter of the Sixteenth Century Studies Conference. Kirksville (Missouri, USA), 2000. Vol. 34.

NIZHNY NOVGOROD ANGLOPHILE (TO THE 90-TH ANNIVERSARY OF PROFESSOR YEVGENY VASILIEVICH KUZNETSOV)

S. A. Zotov

The National Research State University of Nizhnyi Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas

In a brief essay considers the main stages of the creative and scientific biography of Professor E. V. Kuznetsov, who celebrated in 2021 his 90-th anniversary. The emphasis is on that part of the scientific heritage of the jubilee, which is dedi-

cated to the history of England in the middle ages and modern time. One result of these years of Nizhny Novgorod historian's efforts was the establishment of a recognized in Russia, Nizhny Novgorod – Arzamas school of English history researches.

Keywords: *E. V. Kuznetsov, Nizhny Novgorod historian, 90-th anniversary, history of England, a scientific school.*

Об авторе:

ЗОТОВ Сергей Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории, обществознания и права, кандидат исторических наук, e-mail: istagpi@mail.ru.

About author:

ZOTOV Sergey Aleksandrovich

The National Research State University of Nizhniy Novgorod, Arzamas branch, Department of History, Social Studies and Law, Candidate of Historical Sciences, e-mail: istagpi@mail.ru.

УДК: 94(47).027

Е. В. КУЗНЕЦОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Ю. А. Курдин, А. В. Пряников

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В статье анализируются научные работы профессора Е. В. Кузнецова, посвящённые исследованию «Слова о полку Игореве», которые свидетельствуют о тесной связи западноевропейской и восточнославянской истории в средневековье и дают представление о различных сторонах жизни древнерусского общества; определяются перспективы дальнейшего изучения этого выдающегося памятника древнерусской литературы.

Ключевые слова: *Древняя Русь, древнерусская литература, «Слово о полку Игореве», Е. В. Кузнецов.*

Сфера научных интересов профессора Е. В. Кузнецова весьма обширна и многогранна. Самобытный универсализм учёного отражает «Список основных научных и научно-методических трудов доктора исторических наук, профессора Евгения Васильевича Кузнецова», представленный в 11-м выпус-

ке межвузовского сборника «Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время» [5]. Составитель списка включил в него более 70-ти монографий, статей и рецензий Е. В. Кузнецова, опубликованных в академических, столичных и региональных изданиях. Однако в этом подробном перечне работ, посвящённых истории средневековой Европы и Англии, древней истории восточных славян и русов, историческому краеведению и религиозно-философским исканиям нижегородцев, отсутствует целый ряд исследований по «Слову о полку Игореве».

Величайший памятник древнерусской литературы XII века неоднократно находился в орбите научных и публицистических изысканий Е. В. Кузнецова. Немаловажен и тот факт, что к анализу «Слова» учёный обратился в последние десятилетия своей научно-педагогической деятельности, в полной мере обладая необыкновенной интуицией в исследовании древних рукописей и текстов. В начале двухтысячных годов сложился своего рода кружок исследователей «Слова» из числа арзамасских учеников и коллег Е. В. Кузнецова. Во 2-м выпуске межвузовского сборника научных трудов за 2004 г. была опубликована первая совместная статья по «Слову о полку Игореве», выполненная на стыке истории и филологии [1], в третьем выпуске того же издания печатается вторая статья [3]. Эти работы достаточно убедительно доказывают балкано-средиземноморский ареал обитания северян до их переселения на днепровское левобережье. Сопоставление топонимики «Слова о полку Игореве» с античными источниками позволило авторам сделать вывод, что исторические материалы наглядно свидетельствуют о тесной связи западноевропейской и восточнославянской истории в средневековье. Как полагают авторы, северы, расселившись на востоке от Днепра на обширных территориях, стремились сохранить воспоминания о прошлом и давали своим поселениям престижные и сакрально обоснованные названия с корнем Рим. Приведённые в статьях примеры свидетельствуют о том, что автор «Слова» проявил незаурядную эрудицию в истории, сумев связать в своем поэтическом тексте события, разобшённые друг с другом более чем семью столетиями. Творцу литературного шедевра было хорошо известно о связи его предков северского (северянского) племени с древними жителями Нижнего Подунавья. Образ реки Дунай в «Слове о полку Игореве» не просто воспоминания, а отражения реальной жизни его предков на этой реке. В дополненном варианте статьи «Античные реминисценции “Слова о полку Игореве”», опубликованном в 2020 г., сравнительный анализ топонимов сосредоточен в разделе «Дунайские северы и днепровские северяне» [2, с. 46], во втором разделе «Топоним Буримка и прозвище Буй-Тур» раскрываются взаимосвязи балканских топонимов с этнонимами «Слова» и прозвищами древнерусских князей, участвовавших в походе вместе с Игорем [2, с. 50].

Глубокий анализ материалов «Слова» и смелая историческая индукция позволили Кузнецову «со товарищи» подготовить и издать учебное пособие, посвящённое социальной, политической, этнической и военной истории Руси

эпохи «Слова о полку Игореве» [4]. Этот труд вобрал в себя все предположения и творческие наработки профессора Е. В. Кузнецова, имеющее непосредственное отношение к «Слову». В качестве приложений были помещены упомянутые выше статьи и специальное исследование «Об антах, их «рексе» Босе и р. Бог (Буг)» [4, с. 85–111], основанное на смысловой связи топонимов и антропонимов, извлечённых из целого ряда европейских языков. Для доказательств своих положений учёный опирается на древнейшие письменные памятники, фольклор, разговорную традицию восточных славян, также содержащую онимический материал, который тождественен данным латинско-кельтских надписей, собранных в своё время Хольдером. Е. В. Кузнецов органично подводит читателя к выводу, что наименование героев «Слова» прозвищами Буй, Буй-Тур не только подчеркивание храбрости русских князей, а нечто более возвышенное, святое. Исследователь предполагает, что и легендарный певец Боян, известный автору «Слова о полку Игореве», носил «священное» в пространстве языческого менталитета имя, а также раскрывает первоначальный, исходный (сакральный) смысл сословного термина «боярин» и антропонима «Слова» Буй-Тур Всеволод [4, с. 106–108].

В учебном пособии раскрывается большой круг проблем, которые переданы в «Слове о полку Игореве». Достаточно перечислить названия глав, из которых складывается целостная картина-панорама эпохи создания литературного памятника: военное дело на Руси; политическая история; дружина Игоря и дружинники; этническая картина «Слова о полку Игореве»; мифология «Слова о полку Игореве»; удельная система. Рассмотренная в деталях историческая канва похода Игоря и его брата Всеволода на половцев в 1185 г., а также некоторые аспекты политических событий, связанных с походом, позволили выделить в «Слове» множество сведений о различных сторонах жизни древнерусского общества.

Огромная интуиция профессора Е. В. Кузнецова тем не менее не освобождает исследовательские взгляды историка от явной субъективности в оценке «Слова». Так, он не устоял перед искушением определить авторство произведения и указывает, что «повесть написал сам князь, освобождая свою совесть и свой ум от трагических для него и всех русских людей событий» [4, с. 6]. Характерно, что такой гипотетической стезёй прошёл и академик Б. А. Рыбаков, в своё время доказывавший, что автором «Слова» был летописец Петр Бориславич, но позднее отметивший, что «имя автора никогда не станет доподлинно известно. Поэтому мы можем лишь строить предположения, кто в те далёкие времена способен был написать такое произведение, как “Слово о полку Игореве”» [7, с. 4]. Следует отметить, что к предостережениям выдающегося историка и археолога не прислушиваются современные исследователи «Слова». Так, в 2015 г. вышла книга А. Н. Ужанкова «“Слово о полку Игореве” и его эпоха» [8], вызвавшая большой резонанс в научных кругах. В многостраничном исследовании известный филолог-медиевист предложил свою концепцию авторства и хронологии анонимного шедевра

Древней Руси. Резко отрицательную оценку этому труду дал А. М. Ранчин, отметивший в своей рецензии антиисторизм и тенденциозность автора книги, издание которой явно показывает, что «изучение “Слова” переживает кризис» [6, с. 374].

Между тем «Слово о полку Игореве» до сих пор являет собой плодотворную почву для исторических и лингвистических исследований. Достаточно сказать, что явно неполно представлена этническая карта «Слова», не раскрыты связи русских княжеств XII века с соседними народностями, не выявлены взаимоотношения славян, остготов и гуннов в IV–VI X. Л. Существенным ресурсом в решении историко-географических проблем «Слова о полку Игореве» являются данные различных списков «Повести временных лет», западнославянских летописей, а также этно- и антропониимии. Проверить известия нарративов можно путём привлечения онимических материалов. Прокомментированные выше исследования профессора Е. В. Кузнецова достаточно верно указывают правильное направление в изучении выдающегося памятника Русского Слова.

Литература

1. *Кузнецов Е. В., Курдин Ю. А.* Античные реминисценции «Слова о полку Игореве» // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время: К 75-летию доктора исторических наук профессора И. Н. Осинковского: Межвузовский сборник научных трудов: Выпуск 2 / Науч. ред. Е. В. Кузнецов. Арзамас: АГПИ, 2004. С. 168–179.

2. *Кузнецов Е. В., Курдин Ю. А.* Античные реминисценции «Слова о полку Игореве» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 45–56.

3. *Кузнецов Е. В., Курдин Ю. А.* О происхождении северов // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3 / Отв. ред. Е. В. Кузнецов. Арзамас: АГПИ, 2004. С. 145–146.

4. «Слово о полку Игореве» – зеркало эпохи: учебное пособие / Авт. Е. В. Кузнецов, Ю. А. Курдин, Р. В. Шиженский, А. Н. Белохвостов. Арзамас: АГПИ, 2012.

5. Список основных научных и научно-методических трудов доктора исторических наук, профессора Евгения Васильевича Кузнецова // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время: Межвузовский сборник научных трудов: Выпуск 11 / Отв. ред. А. Р. Панов; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. С. 11–14.

6. *Ранчин А. М.* О новой книге А. Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 358–376.

7. *Рыбаков Б. А.* Видеть через годы и века // Учительская газета. 25 июля 1985 г. С. 4.

8. Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М.: Академика, 2015.

**E. V. KUZNETSOV – RESEARCHER OF
«WORDS ABOUT IGOR’S REGIMENT»**

Yu. A. Kurdin, A. V. Pryanikov

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas

The article analyzes the scientific works of Professor E. V. Kuznetsov relating «Words about Igor’s Regiment», which testify the close connection of Western European and East Slavic history in the Middle Ages and give an idea of various aspects of the life of the Ancient Russian society; the prospects for further study of this outstanding monument of ancient Russian literature are determined.

Keywords: *Ancient Rus, Old Russian literature, «The Word about Igor’s regiment», E. V. Kuznetsov.*

Об авторах:

КУРДИН Юрий Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра русского языка и литературы, кандидат филологических наук, e-mail: yukurdin@mail.ru.

ПРЯНИКОВ Александр Викторович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра русского языка и литературы, кандидат филологических наук, e-mail: pryanikoff14@yandex.ru.

About authors:

KURDIN Yuri Alexandrovich

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas Branch, Department of Russian Language and Literature, Candidate of Philological Sciences, e-mail: yukurdin@mail.ru.

PRYANIKOV Alexander Viktorovich

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas Branch, Department of Russian Language and Literature, Candidate of Philological Sciences, e-mail: pryanikoff14@yandex.ru.

ОБ ОДНОЙ ГИПОТЕЗЕ ПРОФЕССОРА Е. В. КУЗНЕЦОВА

А. В. Малышев

МОО «Историческое сознание», отдел Этнологии, г. Кулебаки

В статье рассказывается о гипотезе профессора Е. В. Кузнецова, позволившей по-новому взглянуть на историографическую «судьбу» летописного Пуреша и давшей новое направление в изучении прошлого нижегородской мордвы.

Ключевые слова: профессор Е. В. Кузнецов, русские летописи, Пургас, Пуреш, мордва-терюхане, нижегородская мордва.

Оценка вклада Е. В. Кузнецова в развитие исторической науки, несомненно, принадлежит будущим поколениям учёных. Есть в его трудах гипотеза, которая сегодня позволяет занять новые рубежи в изучении нижегородского и, в целом, русского средневековья. Данная гипотеза касается известной по летописным источникам борьбы между русскими князьями и феодалами коренных народов Нижегородского Поволжья за право господства в Волго-Окско-Сурском регионе, являющемся сегодня южной частью Нижегородской области.

Напомним историю этого противостояния. Русские князья, продвигаясь в бассейны Средней Волги и Оки, в начале XIII века столкнулись с коренными обитателями этого региона – мордвой. Развернулись самые настоящие военные действия, на что указывает один из списков летописи, где рассказ назван прямо – «О войне на мордву», и где подчёркивается, что русские воины: «села пожгоша, живущих же в волости Пургасове посекоша мечем нещадно, а прочих в плен поимаша и послаша восвоися» [13, с. 94–95]. То, с каким ожесточением велись боевые действия (вторгшиеся дружинники сжигали жита, избивали скот, а мордвины, приступая к Нижнему Новгороду, разорили предместья и сожгли монастырь), говорит о серьёзном бескомпромиссном противостоянии с полным напряжением сил и средств.

Данные летописные известия дали ключ к исследованию средневекового прошлого мордовских народов эрзи и мокши, позволив историкам глубже взглянуть в прошлое этих этносов. И в этой связи любопытной представляется историографическая «судьба» упомянутого в летописи князя Пуреша (Пуреша) – союзника великого князя Юрия Всеволодовича и противника Пургаса. Пуреш – это случай особый. Из книги в книгу, из исследования в исследование «кочует» утверждение о «мордовском князе Пуреше», хотя в летописи нет прямых указаний на то, что Пуреш – князь мордвы.

Надуманым является и «назначение» Пуреша повелителем мордвы-

мокши, с последующим противопоставлением его Пургасу «назначенному» в свою очередь, повелителем мордвы-эрзи [5, с. 42–44]. Нигде в летописи не сказано, что Пуреш является мордвином, или, что он предводительствует у мокшей. Впрочем, тут одно зацепилось за другое, и исследователи, привлекая уже другие косвенные данные, практически составили последующее жизнеописание Пургаса и Пуреша.

Монах Юлиан, приблизительно в это же время посетивший Среднее Поволжье, сообщил, что в «царстве морданов» было «два князя», один из которых покорился татарам, а другой оказал сопротивление [2, с. 85]. Опираясь на его рассказ, исследователи допустили, что речь здесь идет о Пургасе и Пуреше, однако, говорить о том, что в данном случае они предводительствовали двумя народами мордвы (морданов) – эрзянами и мокшанами, между которыми уже тогда якобы наметилось противостояние, нет никаких предпосылок.

Тем не менее, такой вывод был сделан, и уже на основании этого вывода построили гипотезу, что один из князей, согласно источникам не покорившийся татарам, и есть Пургас. Мокшане же, под именем народа моксель, упомянуты средневековыми авторами как союзники татар, предводитель которых погиб в западном походе Батыя [4, с. 110], из чего решили, что это и есть Пуреш – «государь» (гех) мокши [15, с. 215]. Ничем не обоснованная догадка обросла подробностями, практически превратилась в аксиому и подаётся уже как исторический факт.

Но на самом деле единственное, что роднит летописного Пуреша с мордвой – это его имя. Подобное ему имя Пуреш (Пурес, Пуреска) было распространено среди языческой мордвы, и это, безусловно, является веским основанием для того, чтобы причислить летописного князя к мордовскому племени, при этом, как мы покажем дальше, совсем не обязательно к мокшанам. И вот здесь обращает на себя внимание гипотеза Е. В. Кузнецова, впервые озвученная им в 2005 году на страницах сборника «Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного». Профессор, видя расположение владений Пургаса в западной части современных южных районов Нижегородской области, называет его первым государственным образованием в этом регионе. При этом выдвигает предположение, что владения Пуреша находились к северо-востоку от Пургасовых. Е. В. Кузнецов допускает, что «мордва Пуреша была этническим предшественником будущей мордовской этногруппы – терюхан (Дальне-Константиновский район)» [7, с. 98].

Кроме антропонимики, говорящей о том, что языческое имя Пуреш (Пурес, Пуреска) было широко распространено среди терюхан, на это указывает и топонимика. В глубь Салавирских лесов, на месте предполагаемой границы между владениями Пургаса и Пуреша, расположено озеро Пуреш (Пурешево) как возможная память о терюханском князе.

Действительно, регион, в котором в начале XIII века находилось мордовское феодальное владение Пургаса, в целом, можно считать установлен-

ным [8, с. 6–14]. Безусловно, это владение не было единственным мордовским раннефеодальным образованием. В свое время И. Смирнов указывал: «В политическом отношении мордовская земля делилась на области». Одной из таких областей он считал «область Пургасову» [16, с.75]. Мордовский историк Н. Мокшин был уверен, что «Пургасова волость» не охватывала всей «земли Мордовской» [10, с. 48]. Тот же Юлиан вместе с сообщением о «двух князьях» мордванов в другом месте говорил, что царство мордванов (*regnum Morduanorum*) простиралось на 15 дней пути [2, с. 82], то есть занимало достаточно протяжённые территории. Учитывая, что в летописании говорится о том, что русские князья «воеваша землю Мордовскую, власти (волости – авт.), погосты и зимницы пограбиша» [13, с. 29], учёными допускается, что у мордвы в начале XIII века было несколько феодальных образований – «волостей». И владения Пуреша, основываясь на данных топонимики и антропонимики, с высокой долей вероятности можно отнести к северу и к северо-востоку от Пургасовой волости, именно в регион расселения терюхан и их предков, что и предложил профессор Е. Кузнецов.

В этом, несомненно, сыграли свою роль широчайший кругозор и научная интуиция профессора. Средневековые мордовские племена устья Оки, действительно, являются предками терюхан. А. Маскаев упоминал мордовские легенды об оставлении устья Оки, говорившие о том, что мордва из района Дятловых гор (устья Оки) переселилась в земли будущей Терюшевской волости, «где всякий поселился, кто где хотел, строил дом, кто как вздумал, стал жить, кому как угодно, под властью панков, которые были вроде начальников деревни» [9, с. 311]. Легенды о мордовских вождях Скворце и Дятле, и передаче своих земель во владение «московскому мурзе» связаны именно с мордвой устья Оки. Находки археологов говорят нам, что уже к XIII веку в среде предков мордвы-терюхан заметны следы влияния русской материальной и духовной культуры [18].

Одним из главных признаков развитого общества является его идеология. Известно, что религиозные верования мордвы П. Мельников описывал на примере языческой религии мордвы-терюхан (Нижегородской мордвы). А. Маскаев выразил уверенность в том, что мифологическая и религиозная системы, описанные П. Мельниковым, ни в коем случае не являются выдумкой [9, с. 130]. П. И. Мельников констатировал у терюханской мордвы наличие развитого пантеона языческих божеств со своей субординацией, что выделяет их среди других мордовских субэтнических групп. В качестве альтернативы А. Маскаев приводил симбирских и пензенских эрзян, в мифологии которых, в отличие от мифологии терюхан, не было строгой субординации [9, с. 131].

О том, что мордва устья Оки являла собой отдельный этнический анклав, говорят данные антропологических исследований, показавшие, что современные терюхане физическим строением отличны от эрзян, мокшан, великороссов Поволжья и других окружающих их этнических групп [1, с. 84–88].

В пользу гипотезы Е. В. Кузнецова указывают данные источников. Летопись говорит, что Пуреша атаковали болгары, и область расселения мордвы-терюхан в данном случае ближайшая к болгарским владениям. Тем более, согласно некоторым данным, на месте современного города Лысково стояла болгарская крепость Сундовит [6]. Предки мордвы-терюхан воевали с Пургасом и, кстати, сыграли решающую роль в его разгроме, когда Пурешев сын с половцами напал на Пургаса, возвращавшегося после неудачной осады Нижнего Новгорода, как раз по границе Салавирских лесов, по маршруту, который, по предположению арзамасского историка А. Петряшина, лёг в основу современной дороги Нижний Новгород – Арзамас [12].

Татищев сообщает, что Пургас после неудачной осады Нижнего Новгорода подвергся нападению Пурешева сына и после поражения от него ушёл «за реку Чар» – современную речку Чару [17, с. 452–453], к западу от предполагаемого места битвы Пургаса и Пурешева сына.

Действительно, следует полагать, что от устья Оки войско Пургаса возвращалось в направлении современного Арзамаса. И где-то здесь Пургас был атакован Пурешевым сыном «с половцы». Самый очевидный плацдарм, откуда могло быть произведено такое нападение – это земли современного Дальне-Константиновского района Нижегородской области – земли мордвы-терюхан.

Половцы, кочевья которых как раз могли подходить к границам мордвы-терюхан с восточной, «остепненной» части Волго-Окско-Сурского междуречья, вполне могли быть их союзниками. О том, что открытые участки Запьянья наиболее подходят для отгонного скотоводства и могли использоваться степняками, говорит А. Орлов [11]. Здесь проходили контакты кипчаков-половцев и предков мордвы-терюхан, и здесь они заключили союз против Пургаса.

Кроме приведенных выше данных добавим, что к северо-западу от современной Балахны в древности находилась граница Пурецкой волости, известная по документам XVI века [3, с. 18]. В названии волости явно видится языческое имя Пуреш, так что границы волости Пуреша, очевидно, были первым рубежом, который пересекли русские князья на пути к устью Оки.

Вывод профессора Е. В. Кузнецова о том, что мордовский князь Пуреш был предводителем предков терюхан, вкуче с приведенными выше данными, указывает на то, что феодалы мордвы устья Оки в начале XIII века могли быть военными вассалами русских князей, основавших на их территории свой форпост – город Нижний Новгород. И если в последующую эпоху речь идет о политике планомерного заселения мордовских земель и русификации аборигенов, проводимой нижегородскими князьями [14, с. 181], то в начале XIII века на первом плане было военное сотрудничество владими́ро-суздальских князей и мордвы устья Оки.

Таким образом, гипотеза Е. В. Кузнецова дала толчок целому направлению исследований по средневековой истории Нижегородского Поволжья,

направлению перспективному, позволяющему по-новому взглянуть на взаимоотношения средневековых русских и мордовских этносов, и, в целом, на сложную политическую картину, сложившуюся в нижегородских землях накануне ордынского вторжения.

Литература

1. *Абрамов В. К.* Терюхане – Пургасова Русь? // Вестник Мордовского университета. Саранск, 2014. № 3. С 84–87.

2. *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. III. С. 71–95.

3. *Беляева В. Н.* Материалы писцовых описаний Балахнинского уезда XVI–XVII веков // Вестник Нижегородского университета им Н. И. Лобачевского. 2016. № 6. С. 17–23.

4. *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.

5. *Гольмстен В. В., Горюнова Е. И.* О мордовском «феодализме» // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л., 1940. Т. VIII. С. 42–48.

6. Крепость Сундовит – Достояние планеты. URL: <http://dostoyanieplaneti.ru/3766-krepost-sundovit> (дата обращения: 14.04.2020).

7. *Кузнецов Е. В.* Арзамасская сторона земли Российской: ранняя история // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Под ред. Ю. А. Курдина. Арзамас: АГПИ, 2005.

8. *Мальшев А. В.* Пургасова Русь в свете древней русской истории. М.: Эдитус, 2020.

9. *Маскаев А. Н.* Мордовская народная эпическая песня. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1964.

10. *Мокшин Н. Ф.* Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1993.

11. *Орлов А. М.* Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. URL: http://mishare.narod.ru/books/Ethnic_roots/oglavlenie.htm (дата обращения: 14.04.2020).

12. *Петряшин А. С.* Арзамасский князь Пургас. Электронное издание. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51847838 (дата обращения: 20.04.2020).

13. Полное собрание русских летописей. Т. 10. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Изд-во восточной литературы, 1965.

14. *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. М.: Богородский печатник, 1998.

15. Пуреш // Мордовия. Энциклопедия. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. Т. 2.

16. Смирнов И. Н. Мордва: историко-этнографический очерк. Саранск: Красный Октябрь, 2002.

17. Татищев В. Н. История Российская. Книга III. М.: Напечатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1774.

18. Четвертаков Е. Принятие христианства. URL: <https://archeodiary.ru/news/013-prinyatie-khristianstva> (дата обращения: 30.07.2020).

ABOUT THE PROFESSOR E. KUZNETSOV'S ONE HYPOTHESIS

A. V. Malyshev

МОО «Istoricheskoe soznanie», Department of Ethnology, Kulebaki

The article considers the Professor E. V. Kuznetsov's hypothesis, which allowed to reconceptualize the historiographical «fate» of the Puresh's chronicle, and gave a new direction in the study of the past of the Nizhny Novgorod Mordovia.

Keywords: *Professor E. V. Kuznetsov, Russian chronicles, Purgas, Puresh, mordvins-teryukhane, Nizhny Novgorod Mordvins.*

Об авторе:

МАЛЫШЕВ Алексей Владимирович

МОО «Историческое сознание», руководитель отдела этнологии, e-mail: ma2502@mail.ru.

About author:

MALYSHEV Aleksey Vladimirovich

МОО «Istoricheskoe soznanie», the Head of the Department of Ethnology, e-mail: ma2502@mail.ru.

ЕПИСКОП ДАМАСКИН (СЕМЕНОВ-РУДНЕВ) И НИЖЕГОРОДСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

А. А. Исаков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В статье обобщается опыт изучения личности и наследия Нижегородского епископа Дамаскина (Семенова-Руднева) в местной историографии. Автор останавливается на вкладе Дамаскина в изучение нижегородской истории. Герой статьи предстает как основоположник отражения собственной персоны в науке. Особое внимание уделено вкладу Е. В. Кузнецова и ученых его круга в исследование жизни и творчества Дамаскина.

Ключевые слова: историография, Нижний Новгород, Дамаскин (Семенов-Руднев), Просвещение, Е. В. Кузнецов.

Заявленная тема, как может показаться, предполагает выбор одного из возможных путей: герой статьи должен оказаться или объектом исследования, или одним из исследователей. Однако судьба уроженца Твери, десятилетие возглавлявшего Нижегородскую епархию, гораздо теснее сплелась с нижегородской историей, чем можно было бы подумать. Начать следует с того, что епископ Дамаскин (в миру Дмитрий Ефимович Семенов-Руднев, 1737–1795) стал одним из основоположников исторической науки в нашем крае. Обыкновенно эта роль приписывается другим лицам – от монаха Лаврентия до П. И. Мельникова. Однако в случае с Дамаскином есть один очень важный факт. Ему принадлежит первая публикация «Нижегородского летописца», выполненная в «Древней Российской вивлиофике» Н. И. Новикова в 1791 году.

Нижегородский епископ не был любителем в науке о летописях. В бытность его в Геттингене (еще до пострига) он перевел для немецких историков избранные места из того, что тогда называлось «Несторовой летописью», а мы теперь называем «Повестью временных лет». Поэтому и в Нижнем Новгороде одним из направлений его деятельности становится изучение местного летописания. К огромному сожалению историков, на рабочий стол Дамаскина легла наиболее распространенная и наименее достоверная из нижегородских хроник – так называемый «Нижегородский летописец» [3, с. 72–94]. В результате, нижегородская история обрела целый ряд трудноискоренимых мифологических сюжетов (например, миф о городе-предшественнике Нижнего Новгорода [3, с. 83]). «Нижегородский летописец» был опубликован в составе «Кратчайших о Нижнем Новгороде известий». Публикатор не стал исправ-

лять явные ошибки (например, основание Нижнего Новгорода в 1212 году [3, с. 72] или Пьянское побоище сразу в 1317 и 1377 годах, гибель князя Семена Дмитриевича в этой битве [3, с. 73, 77] и т. п.), хотя они бросались в глаза, и никак не прокомментировал их. Очевидно, это объяснялось характерной для Дамаскина-библиографа бережностью в воспроизведении оригинала, а очевидность ошибок источника не требовала, по его мнению, комментариев.

«Нижегородский летописец» заканчивался упоминанием о постройке купцом Афанасием Олисовым церкви на Почайне в 1687 году, а дальнейшая история города была представлена как история нижегородской иерархии. Первый ее раздел «О Преосвященных Архиепиеях Нижегородских» принадлежал перу самого Дамаскина и включал краткие сведения о двенадцати святителях, предшествовавших Дамаскину, а также подробный очерк его собственной ученой биографии. Двенадцать нижегородских епископов здесь занимают шесть страниц [3, с. 94–100], а один Дамаскин – пять [3, с. 100–105]. Эта автобиографическая статья стала явным прообразом для всей последующей историографии этой незаурядной личности, главную роль в ней играют такие сюжеты как научные занятия Дамаскина в Геттингенском университете, преподавание философии в Московской Академии и руководство ею, переводческая, издательская, библиографическая деятельность. Можно смело сказать, что нижегородский епископ смог сам определить направления развития исследований своей персоны на два с лишним столетия вперед – вплоть до книги Тихона Затёкина [25].

Далее идут краткие статьи «О семинарии нижегородской» [3, с. 105–106], «О городах Нижегородской епархии» [3, с. 106–108], «О церквях Нижегородской епархии» [3, с. 108–110], самой интересной частью является публикация настольных грамот нижегородским иерархам, начиная с Филарета (1672 г.) и до Феофана (1753 г.) [3, с. 110–147]. К ним прилегал комплекс документов, над которыми Дамаскин начал работать еще в Москве, и которые, казалось бы, не имеют отношения к нижегородской истории. Это «Челобитная Палладия Роговского» патриарху Адриану и сопутствующие тексты (вплоть до надписей на стенах) [3, с. 148–201], посвященные человеку, которого Дамаскин, видимо, считал своим духовным предшественником. Палладий также был уроженцем тверской земли, он также получил образование и ученую степень за рубежом, но, в отличие от Дамаскина, сделал это самовольно, без патриаршего благословения. Поэтому можно смело сказать, что этот блок в определенной степени вновь посвящен личности нижегородского епископа – устами Палладия Роговского о себе говорит Дамаскин, и речь эта является оправдательной. Под этим блоком и стоит общая подпись: «Сообщено от Преосв. Дамаскина, Епископа Нижегородского 1791 года».

Последующая нижегородская историография не склонна была рассматривать Дамаскина как своего основоположника, хотя и никогда не забывала о нем. В середине XIX века много для сохранения памяти о Дамаскине сделал Макарий (Миролюбов), в «Истории Нижегородской иерархии» нарисовавший

образ живого, почти светского человека, каким в воспоминаниях еще живших тогда очевидцев остался Дамаскин. При этом Макарий, в отличие от последующих исследователей (например, Якова Горожанского), настаивал на том, что пребывание Дамаскина во главе епархии завершилось трагически – опалой со стороны Екатерины II. К сожалению, деятельность своего героя в качестве исследователя нижегородской старины Макарий не оценил по достоинству: «Дамаскин не оставил в Нижнем после себя ученых плодов, кроме немногих исследований», – и далее в примечании: «...Дамаскин занимался учеными трудами по званию члена Российской академии, и кроме того посылал некоторые сведения археографические Г. Новикову для напечатания в древней Вивлиофике. А в 1790 году Дамаскином составлена “Библиотека российская или сведение о всех книгах в России с начала типографии на свет вышедших”» [5, с. 177, прим. 21]. Замечательный библиографический труд епископа, до сих пор не изданный в полном объеме, конечно, заслуженно затмил его публикации по нижегородской истории. Вот только их реальное значение было ничуть не меньшим.

Историография советского времени первоначально пошла за Макарием. Название статьи А. С. Орлова «Академик-историк, лингвист» говорит само за себя [16], в том же ключе о Дамаскине писал и Д. Н. Смирнов, для которого епископ был «ученым-языковедом, собирателем и описателем древних русских книг» [18, с. 343]. Лишь в 1985 году Н. Ф. Филатов напомнил нижегородцам о роли Дамаскина в создании местной истории, хотя и не совсем корректным образом – получалось, что нижегородской историей Дамаскин занялся едва ли не сразу после возвращения из Геттингена [17, с. 89]. Вполне вероятно, что интерес Н. Ф. Филатова к наследию Дамаскина-историка был вызван стремлением видного нижегородского краеведа к пересмотру ряда традиционных представлений о локальной истории, в частности – к возрождению некоторых мифов «Нижегородского летописца».

Настоящим прорывом в изучении жизни и творчества Дамаскина стала деятельность Евгения Васильевича Кузнецова, в те годы (1987–1992) – заведующего кафедрой отечественной истории Горьковского пединститута. Вместе с ним за наследие «попа-геттингенца» взялись и его сотрудники – Л. М. Кузнецова, Е. П. Титков и другие. Е. В. Кузнецов первым предпринял трудоемкую попытку реконструкции мировоззрения Дамаскина. В силу особенностей времени, он начал со встраивания нижегородского епископа в историю освободительного движения, в 1987 году опубликовав статью «Добролюбов и Дамаскин» [6]. В принципе, это не было очень уж большой натяжкой, так как «либеральный архиерей» действительно был противником крепостного права и сторонником его преодоления через просвещение народа, в первую очередь, религиозное (смысл этой концепции очевиден – христианин не может быть рабом христианина). Через три года вышла статья Е. В. Кузнецова, посвященная анализу проповедей Дамаскина [7]. Сам Е. В. Кузнецов указывал, что еще в 1985 году «исторический этюд» о проповедях нашего героя был депо-

нирован Л. М. Кузнецовой в ИНИОН АН СССР (№ 20142, 0,3 п. л.) [10, с. 14]. Предметом существенно большей по объему статьи Евгения Васильевича был том, изданный епископом (Севским на тот момент) у Н. И. Новикова перед отъездом в Нижний Новгород. Издание это, сейчас доступное в цифровой копии любому желающему, в то время было редкостью, так как большая часть его тиража была конфискована властями в 1787 году в ходе преследования Н. И. Новикова. Е. В. Кузнецов резюмирует статью так: «Анализ проповедей Д. Руднева показывает, что социальные рамки русского просвещения должны быть расширены. Его представителей следует поискать в среде передовых, так или иначе соприкоснувшихся с европейской образованностью “французского” (буржуазного) толка, представителей православного духовенства» [7, с. 89]. Конечно, навешивание таких ярлыков на Дамаскина в наши дни уже невозможно – но в то время без них еще было нельзя. Сам анализ проповедей проведен Е. В. Кузнецовым виртуозно – учтены такие аспекты как композиция сборника, время и место произнесения проповеди – и нуждается не столько в корректировке, сколько в расширении.

Следующая статья вышла через год в «Записках краеведов» [8]. Автором ее была Людмила Михайловна Кузнецова, тогда – преподаватель Нижегородского вечернего техникума легкой промышленности и аспирант ГГПИ. Очевидно, большой вклад в ее подготовку внес сам Е. В. Кузнецов – впоследствии этот текст в переработанном и расширенном виде вошел в его работы, посвященные Дамаскину. Статья представляла собой ставшую уже классической биографическую канву жизни епископа, переписанную на источниковедческом и историографическом уровне того времени, с привлечением новых фактов применительно к характеристике нижегородского периода жизни Дамаскина.

В 1992 году большая статья Е. В. Кузнецова о Дамаскине вышла в научно-популярном альманахе «Одиссей» [9], где она соседствовала с научно-фантастическими рассказами нижегородских авторов (краеведение и научная фантастика воспринимались тогда как две равные отдушины интеллигентного человека). Эта статья представляет собой синтез и развитие двух предыдущих статей о Дамаскине (самого Евгения Васильевича и Л. М. Кузнецовой) и пока также завершается попыткой встраивания Дамаскина в историю освободительной борьбы (его прошение об отставке связывается с преследованием Радищева) [9, с. 246]. Наконец, в этапной хрестоматии «Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах и мнениях» Дамаскин и его любимое детище – нижегородская семинария – удостоились полутора страниц [14, с. 207–208]. Редактором издания был Е. В. Кузнецов, в работе над ним активно участвовали Н. Ф. Филатов, Л. М. Кузнецова и Е. П. Титков.

В следующем десятилетии достижения нижегородского «дамаскиноведения» рубежа 80–90-х годов были увенчаны изданием ряда монографий в содружестве с Е. П. Титковым и И. Н. Никулиным. В их подготовке Евгений Васильевич выступал и как соавтор, и как научный редактор, о чем позже

вспоминал в одной из своих автобиографических публикаций [11, с. 9-10]. Во-первых, в 1998 году кандидатскую диссертацию на эту тему защитил в МПГУ И. Н. Никулин [15], во-вторых, в Арзамасе чуть ранее вышла монография за авторством Е. В. Кузнецова, И. Н. Никулина и Е. П. Титкова [10]. А уже в следующем году появилась монография Е. П. Титкова «Образовательная политика Екатерины Великой», где судьба и наследие Дамаскина стали предметом исследования сразу в двух главах [20, с. 76–112, 259–302], а также была переиздана книга о Дамаскине, в составе авторов которой остались Е. П. Титков и И. Н. Никулин, а Е. В. Кузнецов стал научным редактором [21]. Эта трансформация авторства вызвала вежливое недоумение библиографа Д. Н. Бакуна, в 2003 году отрецензировавшего обе монографии о Дамаскине [1, с. 123]. Несмотря на это, а также на недостаточный учет традиции изучения творчества Дамаскина в библиографической науке (основное замечание рецензента), библиографическое сообщество приняло монографии Е. В. Кузнецова и его соавторов в качестве основополагающих для изучения жизни и деятельности нашего героя [1, с. 84]. В ответ нижегородские историки учли замечания рецензента – в 2005 году монография была переиздана с дополнениями, историография вопроса существенно расширилась [22].

Как бы там ни было, монография Е. В. Кузнецова является лучшим из того, что было написано о Дамаскине, хотя в значительной мере она и включает в себя тексты статей 1987–1992 годов. Кроме отказа от позднесоветской риторики, книга эта интересна постановкой целого ряда вопросов относительно жизни и творчества Дамаскина. В частности, Евгений Васильевич приходит к мысли о более тесной, чем было принято думать раньше, связи судьбы Дамаскина с судьбой Н. И. Новикова, отмечает большую (и неожиданную) роль идей Дж. Локка в его мировоззрении. К сожалению, эти темы в монографии не развиваются, они остаются своеобразным завещанием для следующих поколений исследователей.

Исследователи круга Е. В. Кузнецова продолжали и продолжают выпускать в свет новые книги и статьи. Е. П. Титков в 2013 году опубликовал резюме монографии 2005 года [24], а в 2021 году должна выйти его статья о Дамаскине в очередном выпуске «Рождественских чтений», проходящих в НГПУ. Еще на рубеже тысячелетий тема Дамаскина появилась в статьях В. Б. Романовской, о тесном сотрудничестве с которой также вспоминал в 2016 году Евгений Васильевич. Близкие по теме статьи вышли с интервалом в два года [12; 19], они в некоторой степени развивали работу Е. В. Кузнецова о проповедях Дамаскина. К сожалению, впоследствии этот текст был использован нижегородскими юристами для накрутки показателей цитирования [13]. Е. В. Кузнецов не упоминается здесь даже в списке литературы, а к одному из пассажей о Дамаскине в сноске среди прочих отнесена статья с названием: «Государственное телевидение как инструмент формирования идеологии» [13, с. 15].

Несколько особняком в ряду работ Е. П. Титкова, посвященных Дамаскину, стоит статья в сборнике «История и историки» за 2007 год (вышла в 2009) [23, с. 93–101], в части которой, посвященной философским взглядам нижегородского епископа, учтены идеи автора этих строк, тогда – аспиранта кафедры философии НГПУ. В том же 2009 году мною была защищена кандидатская диссертация, второй параграф второй главы которой был посвящен Дамаскину. К этой теме я вернулся спустя десятилетие в статье, посвященной трагическому финалу карьеры Дамаскина [4]. И мне приятно было обнаружить, что моя мысль двигалась в эти годы в русле идей Евгения Васильевича. Опалу Дамаскина я связываю с его публичным выступлением в защиту Н. И. Новикова, а отмеченное Е. В. Кузнецовым влияние идей Локка объясняю по аналогии с мировоззрением русских масонов, которые применяли принципы сенсуализма для вещей чувственных, а принципы Бёме – для вещей сверхчувственных. Все-таки, Дамаскин был сыном своего времени, хотя и нет оснований считать его масоном (и уж тем более поклонником Бёме).

В итоге же следует сказать следующее. Современным уровнем знаний о выдающемся деятеле российского Просвещения Дамаскине (Семенов-Руднев) мы обязаны Евгению Васильевичу Кузнецову и его единомышленникам. Однако это не означает, что работа с наследием нижегородского просветителя должна остановиться. Ждут своих исследователей и издателей «Словарь языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих» и «Библиотека российская». А главное – совсем еще мало изучена работа Дамаскина как историка, археографа и летописевода.

Литература

1. *Бакун Д. Н.* Новое прочтение трудов епископа Дамаскина // Библиография. 2003. № 3. С. 123–125.
2. *Глухов А. Г.* «Презнатный и преученый муж» Д. Е. Семенов-Руднев (Дамаскин) // Библиография. 2006. № 1. С. 77–84.
3. Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе древностей российских, до истории, географии и генеалогии российския касающихся, изданная Никодем Новиковым. Издание 2-е. Часть XVIII. М.: В типографии Компании типографической, 1791.
4. *Исаков А. А.* О причинах отставки епископа Нижегородского Дамаскина // Вопросы истории. № 6(2). 2021. С. 176–183.
5. История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 до 1850 года. Сочинение Архимандрита Макария. СПб.: Издание Н.Г. Овсяникова, 1857.
6. *Кузнецов Е. В.* Добролюбов и Дамаскин. К истории просвещения в Нижнем Новгороде // Стезею правды и добра. Материалы Добролюбовских чтений и памятных дней на родине Н. А. Добролюбова. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987.

7. *Кузнецов Е. В.* Нравственно-политическое содержание проповедей Дмитрия Руднева (70–80-е гг. XVIII в.) // Материальная и духовная культура феодальной России. Горький: ГГУ, 1990. С. 82–89.

8. *Кузнецова Л. М.* Дамаскин Руднев – просветитель земли нижегородской // Записки краеведов / сост. Н. И. Куприянова, Л. И. Шиян. Н. Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. С. 55–61.

9. *Кузнецов Е. В.* Епископ Дамаскин – просветитель нижегородский // Одиссей: научно-попул. сб. / сост. А. Иудин, Е. Кокорина. Н. Новгород, 1992. С. 226–247.

10. *Кузнецов Е. В., Никулин И. Н., Титков Е. П.* Епископ Нижегородский и Алатырский Дамаскин: Страницы жизни, деятельности, творчества. Арзамас: АГПИ, 1998.

11. *Кузнецов Е. В.* Учителя и ученики! (материалы к биографии) // Политическая жизнь западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 11 / отв. ред. А.Р. Панов. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. С. 7–10.

12. *Кузнецов Е. В., Романовская В. Б.* Идеи римских юристов в Нижегородской провинции: теория естественного права в проповедях нижегородского епископа Дамаскина // VIII Коллоквиум романистов стран Центрально-Восточной Европы. Владивосток: ДВГУ, 1999.

13. *Минеева Т. Г., Романовская В. Б., Сальников В. П.* Политико-правовые взгляды Дамаскина // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 3. С. 11–17.

14. Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах и мнениях. Хрестоматия / Под ред. Е. В. Кузнецова. М.: ТПП «ГИУС», 1992.

15. *Никулин И. Н.* Жизнь и деятельность епископа Дамаскина (к истории российского просвещения второй половины XVIII века). Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. М., 1998.

16. *Орлов С. А.* Академик-историк, лингвист // Горьковский рабочий. 1965. 9 марта.

17. *Помыткина Л. И., Филатов Н. Ф.* // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Горьковская область / сост. и науч. ред. А. С. Давыдова. М.: [б.и.], 1985. С. 88–90.

18. *Смирнов Д. Н.* Очерки жизни и быта нижегородцев XVII–XVIII веков. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1971.

19. *Романовская В. Б., Титков Е. П.* Теория естественного права в проповедях нижегородского епископа Дамаскина 70–80 гг. XVIII в. // Англия и Европа: проблемы истории и историографии: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Е. В. Кузнецов. Арзамас: АГПИ, 2001. С. 174–181.

20. *Титков Е. П.* Образовательная политика Екатерины Великой / науч. ред. Е. В. Кузнецов. М.: МПГУ, 1999.

21. *Титков Е. П., Никулин И. Н.* «Да светит свет ваш пред людьми». Жизнь и судьба епископа Дамаскина / науч. ред. Е. В. Кузнецов. Н. Новгород: ННГУ, 1999.

22. *Титков Е. П.* Подвижник Российского Просвещения: творческий путь епископа Дамаскина. Арзамас: АГПИ, 2005.

23. *Титков Е. П.* Просветительская деятельность епископа Дамаскина: опыт мировоззренческой симфонии // История и историки: историографический вестник. 2007 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2009. С. 89–108.

24. *Титков Е. П.* Епископ Нижегородский Дамаскин (Руднев): творческий путь и деяния ученого монаха. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2013.

25. *Тихон (Затёкин), Дёгтева О. В.* Дамаскин (Семенов-Руднев) // Тихон (Затёкин), Дёгтева О. В. Святители земли Нижегородской. Н. Новгород: 2003. С. 92–98.

BISHOP OF DAMASCUS (SEMENOV-RUDNEV) AND NIZHNY NOVGOROD HISTORIOGRAPHY

A. A. Isakov

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas

The article summarizes the experience of studying the personality and heritage of Bishop Damaskin (Semenov-Rudnev) of Nizhny Novgorod in local historiography. The author dwells on the contribution of Damaskin to the study of Nizhny Novgorod history. The hero of the article appears as the founder of the reflection of his own person in science. Special attention is paid to the contribution of E. V. Kuznetsov and scientists of his circle to the study of the life and work of Damaskin.

Keywords: *historiography, Nizhny Novgorod, Damaskin (Semenov-Rudnev), Enlightenment, E. V. Kuznetsov*

Об авторе:

ИСАКОВ Алексей Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории, общественнознания и права, кандидат философских наук, e-mail: blauer-reiter@yandex.ru.

About author:

ISAKOV Aleksey Aleksandrovitch

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of History, Social Studies and Law, Candidate of Philosophical Sciences, e-mail: blauer-reiter@yandex.ru.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ АНГЛИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА, РАННЕЕ НОВОЕ, НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

УДК 9-94

ОКСФОРДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ВО ВРЕМЕНА ВИКЛИФА

Н. В. Щелокова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

Данная статья посвящена процессу развития Оксфордского университета в эпоху Виклифа. Автор попыталась проанализировать роль университета в экономической и общественно-политической жизни английского государства XIV–XV столетий. В статье рассматриваются взаимоотношения университета с королевской властью, с церковью, с городом и горожанами.

Ключевые слова: Оксфордский университет, Джон Виклиф, канцлер, привилегии, виклифизм.

В XIII–XV веках интеллектуальным центром Англии являлся Оксфордский университет. Не оспорим тот факт, что Оксфорд оказал большое влияние на развитие английской культуры. Однако университет стал не просто научным и культурным центром страны, но и местом зарождения новых передовых идей, а впоследствии – центром распространения ереси лоллардов.

К сожалению, истории английских университетов уделено меньше внимания по сравнению с континентальными учебными корпорациями. В отечественной науке утвердилось мнение, что английские университеты принимали небольшое участие в политической жизни страны, так как формировались как чисто национальные центры. Или же, как в последних отечественных исследованиях, больше внимания уделяется оксфордским гуманистам. Такой подход кажется нам неверным, поэтому в данной статье мы хотели бы акцентировать свое внимание не на процессе возникновения Оксфордского университета, а на некоторых моментах его развития, его участии и той роли, которую он сыграл в политической и экономической жизни английского общества.

Контроль над средневековыми университетами осуществляла католическая церковь, которая часто и являлась их учредителем, и открывала их преимущественно для подготовки церковных кадров. Церковь назначала профессоров, бдительно следила за тем, чтобы преподавание не выходило за пределы христианской догматики, душила всякое проявление свободной мысли. Но Оксфорд не являлся кафедральным городом. Особенность Оксфорда, в отличие от других университетов, заключалась в том, что главную поддержку

университету в его развитии оказывала королевская власть, папы же редко вмешивались в его дела. В университете церковная юрисдикция осуществлялась канцлером, который также, вместе с прокторами, был ответственным за академическую дисциплину и мог разрешать споры между членами университета.

Поскольку Оксфордский университет возник не в епископальном городе, то соответственно его подчинение епископальным властям было гораздо менее угрожающим, чем, например, во французских университетах. Оксфордский канцлер рано перестал быть епископским должностным лицом, его избирали преподаватели, а епископу принадлежало лишь право утверждения. К концу XIV в. Оксфорд полностью освободился от епископской юрисдикции [6, с. 316].

Оживление политической жизни в XIII в., падение престижа папской и королевской власти, необходимость решать насущные политические проблемы влили в атмосферу Оксфордского университета новую жизнь. Первую попытку вырваться из круга схоластических построений сделал Гроссетест. Вслед за ним материалистические взгляды высказывали Роджер Бэкон и Дунс Скот.

Оксфорд XIV в. был разделен на соперничавшие философские школы последователей Фомы Аквинского и Дунса Скота. Противоречия этих школ, несомненно, оказали влияние на формирование взглядов Джона Виклифа. Большое влияние на него оказало учение Дунса Скота о полной свободе божественной воли. Г. Б. Уоркмен утверждает, что позиция Виклифа была началом спора реалистов и номиналистов, который достиг критической стадии несколько лет спустя [10, р. 104]. Огромное влияние на мировоззрение Виклифа оказал Томас Бредвордин, который убеждал, что спасение зависит не от добрых дел, а от воздействия на человека божьей благодати [7, s. 276]. Идею предопределения Виклиф заимствовал именно у него.

Университет имел свои привилегии. Приобретение привилегий и льгот было важнейшей задачей для новообразованных университетов – только при их наличии генеральная школа могла успешно развиваться. Обычно покровительство университетам обеспечивало папство и светские власти.

Оксфордский университет не был исключением. Автор трактата «О похвале клиру» предлагает деление школ на законные (*autentica*) и не законные (*leninoma*) [2, с. 51], то есть на университеты, получавшие привилегии и не получавшие. В числе первых автор трактата наряду с Парижским, Болонским, Падуанским университетами называет и Оксфордский университет, «чьи занятия были похвальным образом утверждены апостольскими привилегиями и императорскими свободами» [2, с. 51]. В таких законных университетах «готовятся воины [научных баталий] и господа наук увенчиваются [лаврами], чтобы радоваться как одеждам, так и особым свободам; они пользуются также особым уважением как светских, так и духовных глав не менее, чем [ува-

жением] народа, и такие магистры и господа наук титулуются похвальным образом» [2, с. 51].

Английские короли предоставляли университетам и их канцлерам большие полномочия. Это было связано с тем, что английские университеты являлись в большей степени национальными университетами, ориентированными на воспитание национальных кадров.

Уже ко второй половине XIV века канцлер университета обладал всей полнотой власти в области гражданского права, и так же он мог рассматривать все уголовные дела, за исключением убийств и нанесения тяжких увечий. Получение канцлерами английских университетов полномочий в области гражданского и уголовного права являлось логическим продолжением роста их авторитета и независимости в обществе. Предоставляя такие привилегии, королевская власть заручалась поддержкой со стороны университетов в конфликтах с церковью. В свою очередь, такая поддержка обуславливала ориентацию университета именно на короля, лишая какого бы то ни было смысла обращения к иным властям и в первую очередь к римскому престолу, что и делало университет «национальным» университетом.

Университет имел ряд таких важнейших прерогатив, как право ассизы хлеба, пива и других продуктов, а также мер и весов; ректор мог накладывать штрафы за нарушение права торговли и даже имел право конфискации товаров. Мэр города должен был в присутствии ректора университета или его представителей давать клятву, что он будет своей властью поддерживать и охранять привилегии и обычаи университета [3, с. 99].

Кроме того, что студенты и преподаватели имели важные экономические привилегии (освобождение от налогов, податей, дорожных пошлин и т. д.), они пользовались специально установленными тарифами на жилье и продовольствие. В Оксфорде по причине многолетней крайней нехватки университетских помещений жилье, которое уже однажды сдавалось студентам или преподавателям по установленному тарифу, не могло быть впоследствии отдано неуниверситетскому нанимателю, так же как не могла быть изменена арендная плата. Наконец, они имели право контролировать и требовать соблюдения всем городским населением расценок, которых они добились или достижению которых способствовали [1, с. 129]. Все вопросы, решавшиеся в этот период, были жизненно важными для университета. От их решения зависело само его существование. Однако при этом особо стоит выделить получение канцлером права контроля над городским рынком. Этот контроль становился основным рычагом воздействия университетов на городское сообщество, так как он позволял регулировать основную деятельность горожан – торговлю. Главной опорой университета при этом становится королевская власть, которая передавала экономические полномочия академической корпорации и стабилизировала положение университета в городском социуме.

Взаимоотношения университета и города характеризовались высокой интенсивностью и разнообразием. Периодически между горожанами и шко-

лярами вспыхивали конфликты. Причины и поводы таких конфликтов были различны, но истоки противоречий лежали во всё увеличивающейся роли университетов и их канцлеров в жизни города, как в экономической, так и в правовой сфере. Зачастую эти столкновения принимали вооруженный характер. Университетские власти издавали статуты [9], запрещавшие студентам иметь какое-либо оружие, вводился комендантский час, нарушение которого могло лишить привилегий или даже привести к заключению в тюрьму. Кроме того, создавалась специальная комиссия во главе с канцлером для ежегодного расследования нарушений порядка. Следствие начиналось внезапно сразу в шести разных местах города, которые были наиболее часто посещаемыми, о результатах расследования доносилось канцлеру, который принимал решение, исходя из степени тяжести нарушения.

В 1355 г. произошло столкновение горожан с университетом. Ссора началась в таверне из-за качества вина. Обиженный трактирщик позвал соседей, и в конечном итоге взбурораженным оказался весь город. Однако реальная причина крылась в том, что горожане были лишены некоторых прав. Студенты и преподаватели попытались закрыть ворота, но не успели, и две тысячи вооруженных горожан ворвались в здание университета [5, с. 62]. Горожане предприняли настоящее избиение клириков и студентов. Оставшиеся в живых в панике бежали из Оксфорда. Пять колледжей были разграблены и сожжены [10, р. 62]. Из всех колледжей уцелел только Мертон, благодаря своим толстым стенам. Конфликт был улажен только благодаря вмешательству короля, который встал на защиту университета. Двести горожан были заключены в тюрьму, на город налагался штраф [10, р. 86].

Практически после каждого столкновения влияние академических корпораций возрастало, что было обусловлено, с одной стороны, поддержкой университетов со стороны королевской власти, а с другой, зависимостью городов от той же власти. Однако мирное сосуществование было более обычным состоянием. Как университет не мог по объективным причинам существовать вне города, так и город был заинтересован в продолжении существования в его стенах академической корпорации. В Оксфорде университет был источником финансовых пополнений, так как школяры являлись важнейшей группой потребителей ресурсов, вырабатываемых городом и его округой.

Одной из основных льгот для студентов-клириков было освобождение от канонической обязанности резиденции. Члены университеты могли учиться, но одновременно числиться по месту церковной службы и получать доходы от своего прихода. Разрешения такого рода являлись общим правилом для студентов, учившихся на богословском факультете. Правда, нередко за такие разрешения епископами брались деньги, но обойтись без них было невозможно. По университетским правилам претендент на степень доктора богословия не мог отсутствовать на месте учебы более чем два месяца. Поэтому обычно студенты богословского факультета, имевшие свои бенефиции, доби-

вались права свободно их покидать в течение пяти лет [10, р. 154]. Лишь во время каникул они могли появляться в своем приходе.

Немаловажной привилегией для членов университета была их особая подсудность. Прежде всего, это касалось клириков, которые в силу своего духовного сана обладали неприкосновенностью для обычных судов [4]. Кроме того, университет имел общий судебный иммунитет, утвержденный папой, и ни светские, ни духовные власти не имели возможности вмешиваться в его внутренние дела – университет имел собственный суд.

Однако главную опасность для Оксфорда представляла не конкуренция со стороны других университетов, а угроза раскола, которая время от времени потрясала университет. Наиболее значимым был раскол 1334 г., когда часть преподавателей ушла в Стэмфорд. Королевская власть приложила все усилия для мирного разрешения спора между школярами – выходцами с севера и юга страны, и через шесть месяцев беглецы вернулись. Показателем остроты этого конфликта является тот факт, что после 1334 г. все магистры были обязаны давать клятву не читать лекции в Стэмфорде [10, р. 81]. Результатом этих беспорядков было то, что ученые Оксфордского университета вынуждены были покидать Оксфорд в страхе за свою жизнь из-за возникавших споров и драк между учеными. В сопровождении рыцарей они вывозились в Стэмфорд для продолжения обучения [8].

Итак, мы видим, что в рассмотренный нами период Оксфордский университет активно растет и развивается. Возникнув на рубеже XII–XIII вв., он вскоре становится центром научной мысли, одним из самых престижных высших учебных заведений. Уже к концу XIII века университет оформляет свои права и привилегии. В целом, он развивался в русле средневековой традиции, при этом приобретая ряд характерных особенностей.

К началу XV века английские университеты выходят из-под непосредственного подчинения власти католической церкви. Полной автономии от местных духовных властей университет добивается с 1370 по 1479 год. К этому времени университет уже является мощной силой в обществе, фактически автономной корпорацией. И поэтому даже неудачная попытка в конце XIV – начале XV века получить независимость от архиепископа не уронила достоинства университета и власти его главы. К началу XV века университет Оксфорда обладал практически полной независимостью от местных церковных властей.

Университет часто находит поддержку со стороны короля, который укрепляет позиции канцлера университета путём предоставления условий для исполнения гражданской и уголовной юрисдикции.

В конце XIV в. Оксфорд становится центром распространения ереси Джона Виклифа. Виклифизм стал рубежным этапом антикатолического движения и был направлен против господствовавших взглядов феодального католицизма на власть и папскую теократию.

Следует также отметить, что Оксфордский университет являлся не только центром научной мысли, это был центр общественно-политической, культурной жизни города и страны. События XIV в. показывают, что университет способен был влиять на общественное и экономическое развитие королевства. Воздействие оксфордского университета на общество выражалось как в форме участия его выпускников в различных подразделениях государства и церкви, так и в фактах привлечения академических корпораций в качестве консультантов и экспертов по отдельным вопросам, главным образом в качестве специалистов по гражданскому праву.

Кроме того, Оксфорд являлся центром торговли и приносил немалые доходы. Взаимоотношения английских университетов и городов характеризовались высокой интенсивностью и разнообразием. Периодические конфликты, случавшиеся между горожанами и студентами, становились своеобразными маркерами в истории их отношений. Причины и поводы конфликтов были различны, но истоки противоречий лежали во всё увеличивающейся роли университетов и их канцлеров в жизни города как в экономической, так и в правовой сфере. Однако мирное сосуществование было более обычным состоянием.

Литература

1. *Ле Гофф Ж.* Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
2. О похвале клиру // Образование и университеты в Западной Европе в средние века. Арзамас: АГПИ, 1999. С. 49–57.
3. *Ретина Л. П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М.: Наука, 1979.
4. *Суворов Н. С.* Средневековые университеты. М.: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1898.
5. *Тревельян Дж.* Социальная история Англии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.
6. *Ястребицкая А. Л.* Средневековая культура и город в новой исторической науке. М.: ИНТЕРПРАКС, 1995.
7. *Lechler G. V.* Johann von Wiclif und Vorgeschichte der Reformation. I. Leipzig: F. Fleischer, 1871.
8. Petition knights of Yorkshire (1335). URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (дата обращения: 10.10.2021).
9. Statuta Antiqua Universitatis Oxoniensis. Oxonii : e. typ. Clarendoniano, 1892. URL: <http://www.sirwilliamhope.org> (дата обращения: 10.10.2021).
10. *Workman H. B.* John Wyclif: A study of the English Medieval Church. Vol. 1. Oxford: The Clarendon press, 1926.

OXFORD UNIVERSITY IN THE DAYS OF WYCLIFFE

N. V. Shchelokova

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas

This paper focuses on the development of the University of Oxford during the Wycliffe's era. The author tries to analyze the role of the university in the economic and socio-political life of the English state in the XIV–XV centuries. The paper examines the relationship of the university with the royalty, the church, the city and citizens.

Key words: Oxford University, John Wycliffe, chancellor, privileges, wyclifism.

Об авторе:

ЩЕЛОКОВА Наталия Вячеславовна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории, обществознания и права, кандидат исторических наук, e-mail: schelokovdan@yandex.ru.

About author:

SCHELOKOVA Nataliia Vyacheslavovna

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of History, Social Studies and Law, Candidate of Historical Sciences, e-mail: schelokovdan@yandex.ru.

УДК 94(420)"1457/1485"

МАЛЫЕ СРАЖЕНИЯ ВОЙН РОЗ

А. Г. Праздников

Вятский государственный агротехнологический университет, г. Киров

На основании источников рассматриваются сражения Войн Роз (1455–1487 гг.), которые считались малозначительными событиями и не относятся к числу важнейших битв. Рассматривается влияние этих малых сражений на ход основных событий. Предложена типология этих сражений. Благодаря

изучению социального состава участников расширены представления о социальной истории Войн Роз.

Ключевые слова: *Войны Роз, Ланкастеры, Йорки, малые сражения, социальный состав.*

Войнами Роз традиционно называют социально-политический конфликт в Англии второй половины XV в., к которому относят 16 битв и сражений, произошедших в период с 1455 г. (первая битва при Сент-Олбансе) до 1487 г. (битва при Стоук-Филде). Историками неоднократно отмечалось, что обозначение данного этапа истории термином «войны» в значительной степени носит условный характер, так как боевые действия не были перманентными, а перемежались длительными периодами политической борьбы и даже мира. Джон Ландер определял продолжительность военных компаний в период Войн Роз в 12–13 недель [19, р. 62], Энтони Гудмен – в 61 неделю (428 дней) с 1455 по 1485 гг. [14, р. 227–228], Энтони Поллард – около 2 лет [21, р. 75].

Однако углубленные исследования последних лет показали, что нельзя сводить даже собственно *Войны Роз* только лишь к ключевым столкновениям воюющих армий. Помимо них в Англии этого времени происходили и иные боевые действия, непосредственно связанные с основными событиями конфликта, но затененные ими из-за своей меньшей значимости для результатов противостояния. В качестве примера сошлемся на вышедшую в прошлом году книгу военного историка Дена Спенсера «Замки в Войнах Роз» [28]. В центре внимания исследователя оказались замки и крепости позднесредневековой Англии, многие из которых, как оказалось, находились на линии противостояния враждующих сторон. Автор установил, что в период с 1455 по 1487 гг. было не менее 36 осад (из-за скудости источников еще о 16 имеются лишь предположения). Их продолжительность варьировалась от 3 дней (Лондон в 1471 г.) до 6 месяцев (Кэрисбрук в 1460–1461 гг.). Безусловной заслугой Д. Спенсера является фокусировка внимания на малоизвестных военных событиях, к каковым относятся осады замков. Отметим, что вслед за этим логично было бы сместить ракурс исследования еще далее в сторону других «малых» сражений Войн Роз.

Источники по истории Войн Роз включают официальные документы, хроники и истории, сборники писем и даже художественную литературу. Помимо более или менее подробного описания основных событий, в них встречаются упоминания ряда фактов, имеющих прямое отношение к логике разворачивавшегося конфликта, но, в силу ряда причин, обычно обходимых вниманием историков. Мы остановимся лишь на тех из них, которые непосредственно были связаны с враждой Йорков и Ланкастеров или их сторонников, и которые с полным правом могут быть идентифицированы как «малые» сражения, имеющие конкретную топографическую привязку. В стороне от данного исследования останутся три группы событий: во-первых, многочисленные мятежи и восстания, приводившие, как правило, не к полевым

сражениям, а к их подавлению и рассеиванию превосходящими силами властей; во-вторых, морские операции против экономических конкурентов, таких как Испания или Ганза; в-третьих, столкновения с Францией и Шотландией. Хотя соседи Англии и пытались воспользоваться сложившейся в стране нестабильностью для достижения своих политических интересов, все-таки история противостояния с этими королевствами имела намного более глубокие корни и должна рассматриваться отдельно.

Необходимо иметь в виду, что военное противостояние между сторонниками Ланкастеров и Йорков началось не в 1455 г., с которого большинство историков начинают Войны Роз, а как минимум за несколько лет до этого. Во многих английских графствах существовали локальные конфликты между представителями местных элит, ряд из которых привел к частным войнам и сражениям. Так, противостояние на юго-западе в августе 1451 г. привело к нападению Томаса Кортни графа Девона на поместье графа Уилтшира в **Лэкхэме** (Уилтшир). Графу Девону удалось собрать 5–6 тыс. чел., его поддержали лорды Кобэм и Молейнс, поэтому графу Уилтширу пришлось бежать [17, р. 576]. Все упомянутые лорды в дальнейшем станут активными участниками Войн Роз.

Еще более значимым по своим последствиям была вражда Невиллей и Перси на севере Англии [16, р. 321–364]. Она привела к двум сражениям. Первое произошло 24 августа 1453 г. при **Хеворт-Муре** в Йоркшире, когда сыновья графа Нортамберленда Томас лорд Эгремонт и Ричард напали на свадебный «поезд» сэра Томаса Невилля. Поводом для этого послужил брак сэра Томаса и Мод Стэнхоуп, племянницы и сонаследницы Ральфа лорда Кромвеля, владевшего 2/3 маноров Врессл (Йоркшир) и Барвелл (Ланкашир), ранее принадлежавших Перси, но конфискованных у них. В обвинительных актах названы имена 710 сторонников Перси, принимавших участие в этом нападении [16, р. 330]. Второе сражение случилось 31 октября или 1 ноября 1454 г. при **Стамфорд-Бридже** в Йоркшире в результате нападения все тех же Томаса Перси и Ричарда Перси (у которых было не менее 200 чел.) на сэра Томаса Невилля и сэра Джона Невилля. В результате, братья Перси были захвачены в плен и отправлены в лондонскую тюрьму Ньюгейт [10, р. 695; 20, р. 158; 29, р. 523–524]. В дальнейшей борьбе род Перси будет неизменно поддерживать Ланкастеров, а Невилли станут главными сторонниками герцога Йорка.

После первой битвы при Сент-Олбансе, произошедшей 22 мая 1455 г., произошло формальное примирение Ланкастеров и Йорков, однако частные войны лордов продолжились и после нее. Так, 15 декабря 1455 г. произошло сражение при **Клист-Хите** около Экзетера в Девоншире между графом Девонном (1 тыс. чел.) и Уильямом лордом Бонвилем, победа в котором досталась графу [12, р. 1259; 22, р. 261]. Кроме того, в 1456 г. достаточно активная борьба между ланкастерцами (Эдмунд Тюдор граф Ричмонд) и йоркистами (сэр Уильям Герберт, сэр Уолтер Деверье) происходила в Южном Уэльсе [17,

р. 780]. Однако источники не сообщают о полевых столкновениях, возможно, все свелось к захвату замков.

Следующее обострение борьбы началось в 1459 г. Оценив свои силы, лидеры йоркистов решили отступить, причем большая часть из них (графы Солсбери, Уорик, Марч) направились в **Кале**. Но еще раньше сюда прибыли лорды-ланкастерцы Генри Бофор герцог Сомерсет, лорды Рус и Одли, сквайр Хамфри Стаффорд. Им не удалось захватить Кале, после чего они вынуждены были расположиться в крепости Гин. Этому предшествовал либо штурм Кале, либо сражение около него, так как известно, что лорд Одли попал в плен к йоркистам (и даже в дальнейшем перешел на их сторону), а лорд Рус бежал во Фландрию, откуда потом вернулся в Англию [29, р. 369; 5, р. 84].

С целью возврата Кале под свою власть Генрих VI отправил в **Сэндвич** лорда Риверса и его сына Энтони Вудвиля с 400 солдатами, чтобы оказать помощь герцогу Сомерсету [2, с. 260]. Однако в январе 1460 г. сквайр Джон Динхэм совершил дерзкий ночной налет на город, взял в плен лорда Риверса с сыном и доставил их в Кале [33, р. 170; 13, р. 635]. С Джоном Динхэмом были джентльмен Ричард Клэпхэм, йомены Томас Мартин из Сэндвича, Ричард Мерш, Роберт Джонсон, портной Уильям Ханден, странствующий торговец Уильям Симнет, купец Симон Шиптон, мерсер Уильям Элиот, мясник Джон Крик, Николас Стокс [27, р. 255]. О большинстве из этих людей в источниках не имеется иных сведений.

Еще более печальной оказалась судьба второго подкрепления численностью 400 или 500 чел., собравшегося в Сэндвиче к июню 1460 г. под командованием сквайра Осберта Маунтфорда. Как и его предшественник, он был захвачен в плен (лордом Факонбергом) и отправлен в Кале, где по приказу графа Уорика был обезглавлен [24, р. 149; 33, р. 171; 2, с. 261]. Именно эти решительные действия йоркистских лордов позволили им захватить плацдарм на юге Англии, откуда началось их вторжение, закончившееся победой и пленением короля, а в дальнейшем – официальным провозглашением герцога Йорка наследником престола.

Ланкастерцы начали сбор своих сил на севере, куда в начале декабря из Лондона выступили герцог Йорк и граф Солсбери. Около **Уорксона** в Ноттингемшире авангард их армии попал в засаду арьергарда герцога Сомерсета, спешащего присоединиться к другим ланкастерцам после своей неудачи под Кале. Единственное краткое упоминание этого инцидента содержится в «Анналах королей Англии» Уильяма Уорчестера [35, р. 775]. Вряд ли оно имело какие-то значительные последствия.

После поражения и гибели герцога Йорка и графа Солсбери стратегическая инициатива перешла в руки ланкастерцев. Их марш с севера завершился победой во второй битве при Сент-Олбансе, за день до которой, 16 февраля 1461 г., произошло столкновение в **Данстебле**, когда местные жители под командованием мясника пытались сопротивляться и потеряли 800 человек [15, р. 212].

После прихода к власти Эдуарда IV боевые действия переместились к северным границам (так называемая «Нортамберлендская война») [1, с. 32] и в Уэльс. Главным образом они свелись к осадам и захватам замков, порой неоднократно (так, например, Бамбург переходил из рук в руки 4 раза, а Алник – 7 раз), однако происходили и полевые сражения. 12 июня 1461 г. королева Маргарита при поддержке ее сына Эдуарда, Генриха Холланда герцога Экзетера, рыцарей Хамфри Дакра, Эдмунда Хэмпдена, Роберта Уитинхэма, Генри Беллинхэма, Ричарда Танстолла, а также шотландцев осадила **Карлайл**, «ключ к западным границам Англии» [26, р. 478], обороной которого руководил сквайр Ричард Сэлкелд [9, р. 25]. По данным Д. Спенсера, при приближении Джона Невилля лорда Монтегю ланкастерцы и шотландцы отступили, потеряв 6 тыс. чел. [28, ch. 4]. Чуть позднее, 26 июня 1461, Генрих VI при поддержке шотландцев, лорда Руса, сэра Хамфри Дакра, сэра Джона Фортескью, сэра Уильяма Тэйлбойса, сэра Эдмунда Маунтфорда, клерка Томаса Невилла, сквайра Хамфри Невилла и сквайра Томаса Элвика поднял восстание в районе селений **Ритона и Брансепета** в епископстве Даремском [26, р. 478]. Население прогнало их, причем сопротивление организовал епископ Даремский Лоренс Бут. 13 ноября 1462 г. сквайр Джон Мэннерс и бастард Огль с 200 чел. около **Бамбурга** разбили 400 французов во главе с Пьером де Брезе, перед этим сопровождавших Маргариту Анжуйскую, попавших в шторм и выброшенных на берег [33, р. 177–178].

Карлайл – один из крупнейших городов Англии XV века [3, р. 186], поэтому, безусловно, его захват сторонниками Генриха VI имел бы существенные последствия и мог бы изменить ход дальнейших событий. В сравнении со сражением, произошедшим у его стен, события в Дареме и около Бамбурга были не более чем штрихами в тактическом противостоянии.

Борьба на севере длилась до 1464 г., но в Уэльсе ланкастерцы сопротивлялись еще дольше. 16 октября 1461 г. Джаспер Тюдор граф Пемброк, герцог Экзетер и сквайр Томас Фицгенри из Херефорда продемонстрировали силу или даже вступили в сражение с йоркистами при **Туит-Хилле** около Карнарвона [26, р. 478]. 4 марта 1464 г. уэльские ланкастерцы были побеждены в **Дрислвине** около Кармартена Джоном Донном и Роджером Вогэном [25, р. 58]. Однако еще в 1468 г. Джаспер Тюдор сумел высадиться на побережье Уэльса и захватить замок Денби. 3 июля лорду Герберту и Уолтеру Деверье поручено собрать ополчение против него [9, р. 103]. Уильям Уорчестер называет совершенно нереальную цифру 10 тыс. чел., с которыми лорд Герберт разбил Тюдора, взял в плен и казнил 20 чел. [35, р. 791].

Наряду с борьбой основных «партий» не прекращались и частные войны. Свообразным продолжением Войн Роз, но уже на территории Ирландии, была битва около деревни **Пилтаун** в графстве Килкенни в один из понедельников августа 1462 г., произошедшая между Томасом Фицджеральдом графом

Десмондом и сэром Эдмундом МакРичардом Батлером [8]¹. Вражда Десмондов и Батлеров уходит корнями в XIV в. В развернувшемся в Англии во второй половине XV в. социально-политическом конфликте Батлеры поддерживали Ланкастеров, а Десмонды стали сторонниками Йорков. В источниках говорится о 5 тыс. чел., собранных Батлерами, и об их потерях – 410 похороненных человек, исключая тех, кого «пожрали собаки и птицы» [6, p. 1023].

В 1469 г., 20 марта, произошло сражение у **Нибли-Грин** в Глостершире между Уильямом лордом Беркли, имевшим 1000 чел., и Томасом Тэлботом виконтом Лайлом, погибшим в нем. Вражда между двумя ветвями наследников Томаса 4-го лорда Беркли началась еще в 1417 г. Уильяма лорда Беркли поддерживали его брат Морис, группа шахтеров из Динского леса (в том числе лесник Черный Уилл, застреливший виконта Лайла) и горожане из Бристоля под руководством купцов Филипа Мида (тестя Мориса Беркли) и Джона Шипварда. После битвы лорду Беркли удалось завладеть спорными манорами [12, p. 1145–1149; 11, p. 315–316].

Очередное обострение конфликта произошло в 1470–1471 гг. После неудачной попытки организации мятежа против Эдуарда IV Ричард Невилль граф Уорик и Джордж герцог Кларенс бежали во Францию в апреле 1470 г. В **Саутхэмптоне** они попытались захватить корабль «Троица», принадлежащий графу Уорику, но Энтони Вудвилль лорд Скэйлз сумел не позволить им сделать это. Когда в Саутхэмптон прибыл Эдуард IV, там было жестоко казнено 20 джентльменов и йоменов [34, p. 9]. Во время преследования Уорика и Кларенса лорды Скэйлз и Одли попали в плен в Уилтшире, их поместили в замке Уордур (правда, неизвестно кто), но в дальнейшем они были освобождены джентльменом Джоном Торнхиллом [31, p. 28]. Совершенно очевидно, что эти события должны были сопровождаться если не сражениями, то как минимум авангардно-арьергардными столкновениями.

В следующем году, узнав о поражении Ланкастеров, с которыми он должен был соединиться, в битве при Тьюксбери, Джаспер Тюдор отступил к Чепстоу. Эдуард IV послал в Уэльс сэра Роджера Вогэна, но он был схвачен людьми Тюдора и казнен. Джаспер Тюдор отступил к **Пемброку**, а Морган Томас по приказу короля осадил его. Однако через восемь дней осада была снята Дэвидом Томасом, братом Моргана. Джаспер отступил в Тинби и оттуда отплыл в Бретань со своим племянником Генри Тюдором [18, p. 302–303; 30, p. 460; 32, p. 154–155]. Можно предположить, что и тут имели место отдельные боевые действия, хотя источники сообщают нам лишь об их результатах: пленение сэра Роджера Вогэна и снятие осады Пемброка.

Последнее из рассматриваемых малых сражений имело место в 1487 г. Во время наступления армии Ламберта Симнела у **Тадкастера** в Йоркшире его сторонники разбили 400 чел. Генри лорда Клиффорда, шедшего на по-

¹ Анализ этой битвы посвящена единственная (насколько нам известно) статья [8]. Пользуясь случаем, выражаем благодарность доктору Патрику МакКарти за предоставленную фотокопию этой статьи.

мощь Генриху VII Тюдору [7, р. 54]. В последовавшей вскоре битве при Стоук-Филде 16 июня йоркисты были разбиты, и этим закончились Войны Роз.

Таким образом, было выявлено 19 малых сражений Войн Роз. Количество людей, участвовавших с обеих сторон в основных битвах Войн Роз, о которых в источниках имеются сколько-нибудь достоверные сведения, колеблется от 5 до 15 тысяч (существенное исключение составляет лишь битва при Таутоне, в которой по подсчетам историков могло участвовать до 35 тыс. человек). По сравнению с ними большинство рассматриваемых событий действительно носили периферийный характер, но были и исключения. Обычно в источниках упомянута численность только одной стороны, как правило, от 200 чел. до 1 тыс. человек. Известно лишь, что при Бамбурге с обеих сторон в сражении приняло участие 600 человек. Можно предположить, что обычно общее число комбатантов составляло 1–2 тыс. человек. Однако хронист Уорчестер говорит о 10 тыс. человек, собранных йоркистами для борьбы в Уэльсе в 1468 г. Совершенно очевидно, что цифра преувеличена и скорее всего условна. Тем не менее существенно то, что автор и его читатели готовы были верить ей. То есть армия, сопоставимая по численности с войсками, участвовавшими в основных боевых действиях, по их мнению, могла быть собрана для ведения борьбы в Уэльсе. Точно так же авторы хроник допускают возможность гибели под стенами Карлайла 6 тыс. человек в 1461 г. А это означает, что малые сражения при определенных стечениях обстоятельств вполне могли превратиться в большие битвы.

В зависимости от причин и характера малые сражения можно разделить на несколько типов. Во-первых, к их числу относятся столкновения армий лордов, вызванные частными войнами (Лэкхэм 1451 г., Хеворт-Мур 1453 г., Стамфорд-Бридж 1454 г., Клист-Хит 1455 г., Пилтаун 1462 г., Нибли-Грин 1469 г.). Они могли быть значимы с точки зрения локальной истории, но не оказывали существенного влияния на борьбу Йорков и Ланкастеров (возможно, лишь в более четком определении их сторонников, как это было в случае с Перси и Невиллями на севере). Тем не менее, они также являлись частью Войн Роз, так как были вызваны сложившейся на определенный момент расстановкой сил.

Вторую группу малых сражений представляют авангардно-арьергардные бои, предшествовавшие более крупным битвам. Это сражения при Уорксопе в 1460 г. перед битвой при Уэйкфилде, Данстебле в 1461 г. перед второй битвой при Сент-Олбансе, Тодкастере в 1487 г. перед битвой при Стоук-Филде. Самостоятельного значения они не имели.

Наконец, третий и наиболее важный тип представляли сражения на второстепенных фронтах Войн Роз. Первое из них произошло близ Кале в 1459 г. и не позволило ланкастерцам перехватить инициативу в этом стратегически важном регионе. Еще более значимыми были сражения при Сэндвиче, победа в которых открыла йоркистам путь в Англию в 1460 г. Сражения близ Карлайла и в Девоне в июне 1461 г. позволили Эдуарду IV более надежно удерживать

жать северный регион под своей рукой. Поражение в них привело бы к созданию у границ с Шотландией ланкастерского плацдарма, с которого могло бы начаться наступление, аналогичное «северному маршу» Маргариты Анжуйской, произошедшему за несколько месяцев до этого. Таким образом, некоторые из малых сражений имели значимые последствия, поэтому их анализ позволяет лучше разобраться в причинно-следственных связях Войн Роз.

Изучение малых сражений также позволяет уточнить и расширить состав активных участников Войн Роз. На основании источников удалось выявить 65 конкретных людей, сражавшихся в одном или нескольких из рассматриваемых сражений (среди них 31 ланкастерец и 34 йоркиста). Сведения о них размещены в Таблице 1. Эти данные мы можем сравнить с теми, что известны об участниках 16 основных битв [4].

Таблица 1. Социальный состав участников «малых» сражений 1451–1487 гг.

Социальный статус	Ланкастерцы		Йоркисты		Всего	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Светские лорды	14	45,16	10	29,41	24	36,92
Духовные лорды	–	0,00	1	2,94	1	1,54
Рыцари	10	32,26	4	11,76	14	21,54
Сквайры	5	16,13	3	8,82	8	12,31
Джентльмены	–	0,00	1	2,94	1	1,54
Духовенство	1	3,23	–	0,00	1	1,54
Йомены	–	0,00	3	8,82	3	4,62
Горожане	–	0,00	8	23,53	8	12,31
Другой	1	3,23	4	11,76	5	7,69
Всего	31	100,0	34	100,0	65	100,0

Доля светских лордов, упомянутых среди участников «малых» сражений, в три раза превышает этот показатель в среде участников битв (12,03%). Это, разумеется, не означает, что в небольших боевых столкновениях лорды были активнее, чем в крупных, а связано с характером источников. Если об участниках решающих битв сохранилась более подробная информация, порой с указанием имен офицеров среднего и низшего звена, то при упоминаниях в документах и хрониках небольших столкновений часто говорится только о командирах армий, которыми как раз в подавляющем большинстве случаев и были носители титулов баронов, виконтов, графов и герцогов.

Представители среднего и мелкого дворянства (рыцари, сквайры, джентльмены) составляли основную группу упомянутых в источниках участников небольших сражений (35,39%), так же как и среди активных участников битв (56%). Различие в этих долях объясняется той же причиной, которая указана относительно участия лордов: обычно в источниках встречаются лишь сведения о тех дворянах, кто командовал сражающимися отрядами или армиями. Сведения о «рядовых» джентри в малых сражениях практически отсутствуют, но известны некоторые имена тех, кто принимал участие в более значимых битвах.

Представители других сословных групп, также участвовавшие в малых сражениях и поименно названные в источниках, составляют достаточно незначительную часть. Численность духовенства очень невелика и сопоставима с их участием в крупных битвах. Что касается горожан, то более 12% в рассматриваемой совокупности против 1,08% среди активных участников больших сражений объясняется одним фактом: в документах сохранился перечень участников налета на Сэндвич в январе 1460 г. с именами шести купцов и ремесленников. Это довольно редкий случай. Ничего подобного нет в описаниях других сражений.

Просопографический анализ участников малых сражений также позволяет расширить границы активных участников войн Роз в целом. К 1 123 именам тех, кто сражался в 16 битвах и/или был объявлен государственным изменником, следует добавить имена тех, кто принимал участие лишь в небольших столкновениях. В рассматриваемой нами группе это 27 человек из 65 (остальные были участниками так же и более значимых событий). В их числе такие довольно заметные фигуры как Томас Фицджеральд, граф Десмонд, в 1468 г. казненный по обвинению в измене; Генри, лорд Клиффорд, чьи отец и дед пали в битвах Войн Роз, сражаясь на стороне Ланкастеров; сквайр Джон Динхэм, в дальнейшем ставший бароном и членом королевского Совета Эдуарда IV и Ричарда III.

Таким образом, изучение небольших сражений Войн Роз приносит свои положительные результаты. Оно не только позволяет уточнить и скорректировать канву основных событий, но и позволяет узнать их новых участников, а, значит, расширяет и конкретизирует наши представления о социальном влиянии конфликта второй половины XV века.

Литература

1. Англия в позднее Средневековье (XIV–XV вв.). Арзамас: АГПИ, 2010.
2. Войны Роз в «Краткой английской хронике» / Пер. и ком. А. Г. Праздников // Средневековый город. Вып. 21. Саратов, 2011. С. 163–176.
3. Праздников А. Г. Английский город XIV–XV веков: социальная структура и менталитет. Киров: Старая Вятка, 2007.
4. Праздников А. Г. Просопографическая база данных участников сражений Войн Роз // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. 2020. Том 1. Вып. 3. URL: <http://vistory-svgu.ru/wp-content/uploads/T1.V3.2020.-Праздников-А.Г.-Просопографическая-база.pdf>.
5. An English Chronicle of the reigns of Richard II, Henry IV, Henry V and Henry VI written before the year 1471 / Ed. J. S. Davies. London: J. B. Nichols and sons, 1856.
6. Annals of the Kingdom of Ireland, by the Four Masters / By J. O'Donovan. Vol. 4. Dublin, 1856.

7. *Baldwin D.* *Stoke Field: the last Battle of the Wars of the Roses.* Barnsley: Pen and Sword, 2006.
8. *Butler G.* *The Battle of Piltown, 1462 // The Irish Sword: Journal of the Military Historical Society of Ireland.* 1964. Vol. 6. No. 24. P. 196–212.
9. *Calendar of the Patent Rolls. Edward IV (1467–1477).* London: His Majesty's Stationery Office, 1971.
10. *Cartularium Abbathiae de Whitby.* Surtees Society, 1881.
11. *Cooke J. H.* *On the Great Berkeley Lawsuit of the 15th and 16th centuries: A Chapter of Gloucestershire history // Transactions of the Bristol and Gloucestershire Archaeological Society.* Vol. 3 (1878–9). P. 304–324.
12. *English Historical Documents. Vol. 4. 1327–1485 / Ed. by A. R. Myers.* London and New York: Routledge, 1969.
13. *Fabyan R.* *The New Chronicles of England and France / Ed. H. Ellis.* London: Longman, 1811.
14. *Goodman A.* *The Wars of the Roses: Military activity and English society (1452–1497).* London: Routledge, 1981.
15. *Gregory's Chronicle // The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century / Ed. by J. Gairdner.* London: Nicholas and sons, 1876.
16. *Griffiths R. A.* *King and Country: England and Wales in the Fifteenth Century.* – L.: A&C Black, 1991.
17. *Griffiths R. A.* *The Reign of King Henry VI.* London: Ernest Benn, 1981.
18. *Hall E.* *The Union of the Two Noble and Illustre Families of Lancaster and York / Ed. by H. Ellis.* London, 1809.
19. *Lander J. R.* *Crown and Nobility. 1450–1509.* London: Edward Arnold, 1976.
20. *MS Gough London – 10 // Six Town Chronicles of England / Ed. by R. Flenley.* Oxford: Clarendon Press, 1911. P. 153–165.
21. *Pollard A. J.* *The Wars of the Roses.* London: Macmillan Education, 1988.
22. *Radford G. H.* *The Fight at Clyst in 1455 // The Devonshire Association.* 1912. Vol. 44. P. 252–265.
23. *Registra quorundam abbatum monasterii S. Albani. Vol. 1. Registrum abbatiae Johannis Whethamstede / Ed. by H. T. Riley.* London: Longman, 1872.
24. *Robert Bale's Chronicle // Six Town Chronicles of England / Ed. by R. Flenley.* Oxford: Clarendon Press, 1911. P. 114–153.
25. *Ross C. D.* *Edward IV.* Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1974.
26. *Rotuli Parliamentorum / Ed. by J. Strachey et al.* London: Record Commission, 1832. Vol. 5 (1439–1468).
27. *Schofield C. L.* *The capture of Lord Rivers and Sir Antony Woodville 19 Jan. 1460 // English Historical Review.* Vol. 37. 1922. P. 255.
28. *Spencer D.* *The Castle in the Wars of the Roses.* Barnsley: Pen & Sword Military, 2020.

29. *The Brut, or the Chronicles of England* / Ed. by F. W. D. Brie. Part 2. London: Early English Text Society, 1908.

30. *The Chronicle of John Hardyng and Continuation by Richard Grafton* / Ed. H. Ellis. London: Longman, 1812.

31. *The Chronicles of the White Rose of York. A Series of Historical Fragments, Proclamations, Letters, and other Contemporary Documents Relating to the Reign of King Edward the Fourth (Second edition)*. London: James Bohn, 1845.

32. *Three Books of Polydore Vergil's English History, comprising the reigns Henry VI, Edward IV, and Richard III* / Ed. by H. Ellis. London: Camden Society, 1844.

33. *Vitellius A XVI // Chronicles of London* / Ed. by C. L. Kingsford. Oxford: At the Clarendon Press, 1905.

34. *Warkworth J. Chronicle of the First Thirteen Years of King Edward the Fourth*. London: Camden society, 1839.

35. *Worcester W. Annales rerum anglicanum // The Letters and Papers illustrative of the Wars of English in France during the Reign of Henry the Sixth* / Ed. J. Stevenson. Vol. 2. Part 2. London: James Parker and Co., 1864. P. 743–793.

THE SMALL BATTLES OF THE WARS OF THE ROSES

A. G. Prazdnikov

Vyatka State Agrotechnological University

Based on the sources, the battles of the Wars of the Roses (1455-1487) are considered. They are studied as insignificant events and are not among the most important battles. The influence of these small battles on the course of the main events is examined. The typology of these battles is proposed. Thanks to the study of the social composition of the participants, ideas about the social history of the Wars of the Roses have been expanded.

Keywords: *Wars of the Roses, Lancaster, York, small battles, social structure.*

Об авторе:

ПРАЗДНИКОВ Андрей Геннадьевич

Вятский государственный агротехнологический университет, кафедра истории и философии, доктор исторических наук, e-mail: andrei-selek@mail.ru.

About author:

PRAZDNIKOV Andrey Gennadievich

Vyatka State Agrotechnological University, Department of History and Philosophy, Doctor of Historical Sciences, e-mail: andrei-selek@mail.ru.

«ВЕЛИКОЕ ДЕЛО КОРОЛЯ»: РАЗВОД ГЕНРИХА VIII С ЕКАТЕРИНОЙ АРАГОНСКОЙ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

О. Ю. Иванова

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

Статья посвящена проблеме развода Генриха VIII и Екатерины Арагонской, которая была в 1520–1530-е гг. известна как «Великое дело короля». Охарактеризованы причины развода, внутривполитические и внешнеполитические аспекты этого события, показана роль архиепископа Кентерберийского Т. Кранмера в этом процессе.

Ключевые слова: «Великое дело короля», развод, Екатерина Арагонская, Генрих VIII, Анна Болейн, Томас Кранмер.

Церковная реформация в Англии началась по инициативе правящего монарха и стала важной частью политики абсолютизма. Реформация в Англии была обусловлена комплексом экономических, политических, идейно-религиозных причин, поводом же к ней стал развод Генриха VIII с Екатериной Арагонской.

При этом можно заметить сложное переплетение политических и личных мотивов Генриха VIII: как абсолютный монарх он стремился не только к национальной независимости Англии, но и к контролю со стороны государства над всеми сферами жизни общества, в том числе и над церковью; а как человек поставил перед собой цель развестись с супругой – Екатериной Арагонской. «Великое дело короля» – это проблема королевского развода, которая во второй половине 1520-х – первой половине 1530-х гг. привлекала внимание не только всей Англии, но и Европы. Собственно сама эта фраза является своего рода эвфемизмом, который ввело в оборот окружение Генриха VIII, и который обозначал его попытки развестись и заключить новый брак.

Екатерина Арагонская – испанская принцесса, дочь католических королей Фердинанда II Арагонского и Изабеллы I Кастильской. Родители обеспечили ей прекрасное образование и воспитание, соответствующее ее высокому статусу. В соответствии с требованиями эпохи королевские дочери представляли собой орудие реализации внешней политики, им была уготована судьба вступить в династический брак и тем самым способствовать достижению политических целей отцов. Когда Екатерина достигла возраста около трех лет, король Англии Генрих VII и король Арагона Фердинанд II пришли к договоренности о помолвке своих детей: принца Уэльского Артура и принцессы Екатерины Арагонской. Инициатива при этом исходила от Фердинанда Арагонского, для которого этот брак был подходящей партией; он правил Касти-

лией, Арагоном, Сицилией и Неаполем, а его династический брак с Изабеллой I Кастильской послужил началом объединения испанских земель в единое централизованное государство. Своих четырех дочерей Фердинанд стремился выдать замуж за влиятельнейших европейских государей. Для Генриха VII этот брак был еще более выгоден. В начале XVI в. внешняя политика Англии характеризуется антифранцузской направленностью [7]. Генрих VII полагал, что лучшая внешнеполитическая защита для Англии против Франции – союз с Испанией, а этот политический англо-испанский союз должен быть подкреплён династическим союзом [8, с. 45]. Кроме того, родство с испанским домом подкрепляло собственные притязания Тюдоров на английский престол: ведя свою генеалогию от боковой ветви Джона Гонта, чьи потомки задним числом получили легитимный законнорожденный статус и не имели прав на английский трон, завоевав этот трон в результате междоусобной войны Алой и Белой роз, заключив династический брак с Елизаветой Йоркской, принадлежащей к Йоркам, младшей ветви Плантагенетов, имевшей даже больше, чем он сам, прав на трон, Генрих VII весьма болезненно реагировал на то, что отнюдь не все европейские правящие династии считали его законным английским монархом. Он всячески стремился упрочить свои права на английскую корону и поднять престиж новой династии Тюдоров. В этих условиях выгодный династический брак для своего сына представлялся ему важным политическим инструментом.

Брак принца Артура Тюдора и Екатерины Арагонской был заключен 14 ноября 1501 г., но длился очень недолго: 2 апреля 1502 г. юный принц умер, вероятно, от инфекционной болезни (по другим сведениям, от туберкулеза), не дожив до 16 лет. Смерть наследника престола создавала проблемы для династического будущего династии Тюдоров, кроме того, встал вопрос о дальнейшей судьбе Екатерины Арагонской. Генрих VII и Фердинанд II после серии переговоров достигли соглашения о том, что Екатерина выйдет замуж за второго сына английского короля, принца Генриха, после достижения последним 15-летнего возраста. Однако по церковным нормам такой брачный союз был невозможен, так как жених и невеста считались близкими родственниками (деверь и невестка) [11, с. 49–50]. Проблему разрешило бы получение специального документа от папы Римского, по которому их брачный союз допускался в виде исключения по политическим соображениям. В связи с этим встал вопрос о том, был ли брак Екатерины и Артура консуммирован, так как фактическое отсутствие брачных отношений церковь считала уважительной причиной для того, чтобы признать брак недействительным с самого начала. Относительно консуммации первого брака Екатерины нельзя сделать однозначных выводов, потому что впоследствии сама принцесса во время бракоразводного процесса с Генрихом VIII утверждала, что реальных брачных отношений не было, то же сразу же после смерти Артура утверждала и ее дуэнья; в то же время слуги принца заявляли обратное. Фердинанд и Изабелла обратились к папе Юлию II за разрешением на повторный брак принцессы

Екатерины с близким родственником, и требуемый документ был получен, хотя папа и признавал брак фактически свершившимся. Изабелла Кастильская подала апелляцию к папе, доказывая отсутствие консуммации брака своей дочери, и в окончательном варианте папской диспенсации содержалась размытая двусмысленная фраза о том, что «принцесса Арагонская Екатерина заключила брак с принцем Уэльским Артуром и, возможно, их брак был осуществлён». Как бы то ни было, папское разрешение на брак Генриха и Екатерины было получено.

Однако по достижении принцем Генрихом согласованного возраста брак не состоялся. Екатерина жила в Англии как вдовствующая принцесса, она нуждалась в деньгах, и ее будущее было неясно. В ноябре 1504 г. скончалась мать принцессы, королева Изабелла Кастильская, с ее смертью утратил силу ряд важных англо-испанских торговых договоров. Совет Кастилии не стал ратифицировать последний англо-кастильский торговый договор, английских купцов выгнали из Севильи, а их товары конфисковали [12, с. 30].

Герцог Бургундский Филипп Красивый, зять Фердинанда Арагонского, женатый на его дочери Хуане, захватил регентство в Кастилии, а политические позиции Фердинанда, напротив, ослабли. Фердинанд Арагонский был вынужден решать внутрииспанские проблемы и потому задерживал окончательную выплату приданого своей дочери, а также был вынужден прекратить присылать ей денежное содержание. Генрих VII стал задумываться о том, чтобы вступить в политический союз с Филиппом Красивым, в новой ситуации Фердинанд Арагонский был ему уже не нужен. Поэтому в июне 1505 г. принц Генрих опротестовал перед королевским советом свою помолвку с Екатериной, объясняя свое ранее данное согласие на брак малолетством, влиянием отца-короля и прося признать помолвку недействительной и лишённой силы [11, с. 52–53]. Тем не менее, в конце концов Генрих VII склонился к союзу с Испанией и Священной Римской империей против Франции и перед смертью настоятельно советовал своему наследнику жениться на Екатерине Арагонской [8, с. 45]. 22 апреля 1509 г. Генрих VII умер, и брак Генриха VIII и испанской принцессы был заключен уже 11 июня. Английскому королю было тогда 18 лет, а Екатерине – почти 24.

В конечном итоге англо-испанский брак имел своим последствием складывание сложного узла противоречий между Англией, Габсбургами и Священной Римской империей, потому что династические перипетии привели к тому, что на испанский престол остался один реальный претендент – Карл Габсбург, приходившийся внуком двум могущественным правителям – Фердинанду Арагонскому и Максимилиану Габсбургу. В 1516 г. Фердинанд Арагонский умер, и Карл Габсбург унаследовал испанскую корону. Англо-испанский союз превратился в англо-габсбургский. Через три года Карл Габсбург стал императором Священной Римской империи Карлом V, объединив под своим контролем огромные территории. Его политические и материальные возможности были заведомо более значительными, чем возможности

Генриха VIII. Стало ясно, что на международной арене Англия становится младшим партнером Габсбургов, что было невыгодно английской короне и входило в противоречие с интересами ее национального развития. В итоге, в начале 1520-х гг. англо-испанский союз стал номинальным. В это время начинается сближение Англии и Франции на внешнеполитической арене. Английское правительство осознало, что единственной европейской страной, которая может противостоять Габсбургам, является Франция. Союз с Францией давал возможность английской буржуазии вести торговлю сукном во Франции на выгодных условиях, в то время как ориентация на Габсбургов превращала английских промышленников и купцов в младших торговых партнеров нидерландских предпринимателей [7].

В 1514 г. Генрих VIII впервые выразил намерение развестись с Екатериной Арагонской, а к 1525 г. четко поставил это своей непреложной целью, потому что влюбился во фрейлину королевы Анну Болейн. Д. Маккалок считает, что король стремился к разводу еще за два года до романа с Анной Болейн [19, р. 42].

Со своей стороны, Анну не устраивал статус фаворитки короля, и она желала стать его законной женой. В этом стремлении ее поддерживали Т. Говард, герцог Норфолк, лидер одной из влиятельных придворных группировок, представлявший интересы старой аристократии и состоявший в родстве с семейством Болейнов. Цель Норфолка заключалась в том, чтобы сделать Анну королевой и одновременно за счет этого укрепить собственное политическое влияние.

Когда Генрих VIII впервые сообщил своему лорд-канцлеру кардиналу Томасу Вулси о намерении развестись с Екатериной, тот пал перед ним на колени и тщетно умолял его отказаться от этой идеи. Вулси очень хорошо понимал, что добиться в Риме разрешения на развод будет крайне сложно. Генрих же считал, что он имеет право развестись по политическим причинам, самая важная из которых – отсутствие наследника мужского пола [8, с. 48–49]. Их пятеро совместных с Екатериной детей или родились мертвыми, или умерли вскоре после рождения, выжила только дочь Мария [2, с. 105]; сам же Генрих имел сына от любовницы Элизабет Блаунт, Генри Фицроя, родившегося в 1519 г. и признанного отцом-королем в 1525 г. Но Генри Фицрой был bastardом и не мог официально претендовать на трон.

В 1527 г. Генрих VIII, стремясь выйти из династического тупика и не допустить в Англии повторения династической смуты наподобие Войны Роз, принял твердое решение развестись с Екатериной как можно быстрее. Король, получивший хорошее теологическое образование и знакомый со Священным Писанием, нашел в Библии в книге Левит (18:16; 20:21) отрывок, запрещающий брату в жены жену брата. Он быстро уверил себя, что живет во грехе, а его первый брак изначально недействителен. Вопрос о том, имел ли папа Юлий II право разрешать брак при наличии ясных библейских запретов, остро стоял в течение всей королевской кампании, организованной с целью

добиться аннулирования брака нынешним папой Климентом VII. Подданным же Генриха VIII его внезапное «прозрение» после 18 лет брака казалось нелепым или смешным.

Но проблема королевского развода (так называемое «Великое дело короля») стала поводом к реализации в Англии реформационных мероприятий только с осени 1529 г. Как верно отметил Ю. Е. Ивонин, Екатерина Арагонская, испанская принцесса и родная тетка императора Священной Римской империи Карла V Габсбурга, в условиях проведения Генрихом VIII антигабсбургской внешней политики могла оказывать негативное влияние на внутреннюю ситуацию в самой Англии, поддерживая противников короны [7].

В период 1527–1529 гг. Генрих VIII надеялся добиться от папы римского Климента VII отмены документа, разрешавшего ему жениться на вдове своего брата Артура. Климент VII в течение нескольких лет защищал при папском дворе интересы Лондона как кардинал-протектор Англии, что давало английской стороне определенные надежды на его благосклонность. Но точка зрения самого папы была иной: в мае 1527 г. Рим был разгромлен германскими войсками Карла V. Сам Климент VII сумел спастись, бежав из Ватикана по тайному ходу в замок Святого Ангела. Там он пробыл в заточении месяц и вышел после уплаты громадного выкупа. Разгром Рима привел к упадку политических позиций папства в Европе, а сам Климент VII оказался в зависимости от Карла V. В таких условиях пойти против императора папа просто не мог.

Английские дипломаты мотивировали стремление своего монарха к разводу первым браком королевы, по церковному праву незаконным, и отсутствием мужского потомства у короля. Лорд-канцлер кардинал Вулси пытался либо получить от папы абсолютные полномочия на рассмотрение дела в английском суде – без права обращения проигравшей стороны, т. е. Екатерины, с апелляцией в Рим [3, с. 72–74], либо найти слабые места в папском разрешении на повторный брак Екатерины. Самым выгодным вариантом для Генриха было бы получить от папы развод и благословение на новый брак.

Поэтому король и Вулси попросили у Климента VII прислать в Англию комиссию кардиналов во главе с действующим лордом-протектором Англии при Святом престоле кардиналом Лоренцо Кампеджо. Папа убедился в негативном отношении Карла V к идее развода и, отправляя Кампеджо в Англию, дал ему тайные инструкции затягивать развод Генриха как можно дольше, а еще лучше – «восстановить мир и согласие в семье английского короля [9, с. 93–94]. Отмечается, что для папы Климента VII признать незаконность диспенсации, выданной его предшественником на брак Генриха и Екатерины, означало согласиться с тем, что папская власть в принципе не имеет права выдавать такие диспенсации, а в условиях Реформации в Европе это означало дополнительное ущемление прав папства и его унижение [13, с. 174–175].

18 июня 1529 г. в Лондоне начался церковный суд по делу о королевском разводе. Король рассчитывал, что суд быстро признает брак незаконным, и

папе останется только утвердить это решение. Но так не произошло. Через месяц кардинал Кампеджо заявил, что у него нет уверенности в правоте английского монарха, суд берет традиционный летний трехмесячный перерыв в работе и возобновится в октябре, причем уже в Риме, и с непременным участием папы. В октябре кардинал Кампеджо покинул Англию, так и не удовлетворив надежды короля. Стало ясно, что проблему развода ни дипломатическим, ни судебным путем в Риме уже не решить. Уходить в монастырь Екатерина Арагонская также отказалась [11, с. 130–131]. Вопрос о разводе зашёл в тупик.

Именно к этому времени относится знакомство Генриха VIII с Томасом Кранмером – безвестным священником, который предложил монарху новую схему решения его матримониальных проблем.

Томас Кранмер по своему происхождению принадлежал к дворянству. Он родился 2 июля 1489 г. в г. Аслоктон (графство Ноттингем) в семье Томаса Кранмера и его жены Агнес (урожденной Хэтфилд). В 1501 г. его отец скончался, и наследство получил только старший брат будущего архиепископа, а ему и его младшему брату пришлось самим строить карьеру [19, р. 109]. На основании этого исследователи делают вывод, что семья Кранмера была небогатой и принадлежала к низшим слоям дворянства.

Томас Кранмер учился в Кембриджском университете. Он окончил Колледж Иисуса и в 1511 г. стал бакалавром искусств, а в 1515 г. – магистром искусств, а также членом совета Колледжа Иисуса, хотя и не был священником. Через несколько месяцев Кранмер был вынужден покинуть совет колледжа в связи с женитьбой, хотя и продолжал преподавать в Кембридже. Факт вступления в брак дает основания делать вывод, что на этом этапе жизни Т. Кранмер не планировал для себя церковную карьеру, в католической традиции однозначно связанную с целибатом [5]. Но его семейная жизнь была недолгой: через год после свадьбы жена скончалась во время родов, ребенок также не выжил. Кранмер углубился в изучение теологии и в 1520 г. снова был включен в совет колледжа Иисуса, назначен одним из проповедников Кембриджского университета и вскоре рукоположен, получив священнический сан. В 1526 г. Кранмер стал доктором богословия. Кранмер имел великолепное образование, знал несколько древних и современных европейских языков, как теолог ориентировался в сочинениях «отцов церкви» и читал трактаты и проповеди современных ему реформаторов Лютера, Кальвина, Цвингли и других.

Возникает вопрос, какую богословскую позицию занимал Т. Кранмер в этот период своей жизни? Примерно с 1520 г. он контактировал с группой ученых, которые регулярно собирались в Кембридже в гостинице «Белая Лошадь» для обсуждения богословских проблем, поднятых выступлением Мартина Лютера. Эта группа в разные годы насчитывала до 50–60 человек. Среди них были Хью Латимер, Николас Ридли, Уильям Тиндейл, Роберт Барнс, Томас Билни. Эта группа ученых и богословов получила прозвище «Маленькая

Германия» за склонность к лютеранству [10, с. 290]. Кранмера также, по видимому, привлекали взгляды Эразма Роттердамского.

Летом 1529 г. в аббатстве Уолтем Кранмер случайно встретился с двумя советниками Генриха VIII по вопросам церковного права Стивеном Гардинером и Эдуардом Фоксом. Когда разговор зашел о разводе, Кранмер предложил новый способ решения «Великого дела короля»: обратиться не к специалистам по церковному праву, а к богословам, и опираться не на решения апелляции в Риме, а на мнения ведущих богословов из английских и европейских университетов. Если большинство богословов выскажется за возможность развода короля, то даже не папа, а просто архиепископ Кентерберийский как глава английской церкви признает его брак недействительным, и для монарха откроется легальная возможность повторного брака. Для Генриха VIII, кому, естественно, Гардинер и Фокс сразу же все это изложили, такой вариант был как нельзя более кстати. Король поручил Кранмеру написать трактат с изложением своих взглядов и аргументами из Священного Писания, отцов церкви и постановлений церковных соборов, а также назначил его капелланом при семье Болейн [11, с. 134]. Трактат Кранмера стал известен в Кембридже и привлек на сторону Генриха нескольких ученых мужей.

В 1530 г. Кранмер оказался в Германии как участник посольства к Карлу V Габсбургу. К этому времени относится его знакомство с видным немецким реформатором Мартином Буцером. Кроме Германии он посетил Италию, где побывал в восьми итальянских университетах с целью узнать мнение европейских богословов о возможности заключения брака деверем с супругой умершего брата. Всего Кранмер и другие английские агенты смогли получить в поддержку королевского развода 12 официальных документов от различных университетов, в том числе Оксфордского, Кембриджского, Парижского, Орлеанского, Тулузского, Болонского, Падуанского [13, с. 177]. В то же время можно встретить утверждения, что результат идеи Кранмера был очень скромным, так как даже антипапский Виттенбергский университет признал законность брака английского короля [14, с. 242]. Мартин Лютер также считал брак Генриха VIII с Екатериной Арагонской законным, а их развод – недопустимым [17, р. 44].

Тогда же Кранмер написал два сочинения: первое включало анализ фрагментов исторических сочинений английских хронистов, подобранных с целью доказать, что в английском королевстве именно монарх, а не папа римский обладает верховной властью; второе суммировало мнение университетских умов в поддержку развода, причем трактат был намеренно написан в форме отвлеченной богословской дискуссии, чтобы не создавать явных ассоциаций у читающих с «Великим делом короля» [19, с. 54–59].

Далеко не все европейские реформаторы одобряли идею королевского развода (в частности, Лютер относился к этому негативно), и Генрих VIII снова попытался найти поддержку у Карла V. В 1532 г. Кранмер был отправлен к императору в Германию в качестве посла, сопровождающего двор. Им-

ператор постоянно разъезжал по стране, и Кранмер застал его в Регенсбурге [20, р. 39]. Попытки Кранмера найти компромисс с Карлом V не удались. Тем не менее, он сопровождал его двор в Вену, а затем в Мантую. В Мантуе Кранмера застигло известие об отзыве его миссии в Англию в связи с новым назначением: 22 августа 1532 г. скончался архиепископ Кентерберийский Уильям Уорхем, и на освободившийся престол примаса английской церкви Генрих VIII с подачи семьи Болейн захотел поставить именно Томаса Кранмера. В ноябре 1532 г. он получил приказание срочно вернуться на родину [6, с. 73].

Это назначение оказалось для Кранмера, для английской знати и духовных лиц, да и простых англичан абсолютно неожиданным, потому что Кранмер обладал очень ограниченным опытом административной деятельности и ранее не занимал никаких высоких постов [16, р. 116–117]. Тот факт, что незадолго до назначения на архиепископство Кранмер вступил в брак с Маргаритой, приходившейся племянницей жене немецкого реформатора Андреаса Озиандера, позволяет предположить, что он не стремился к церковной карьере.

Женившись во время пребывания в Германии, Кранмер намеренно нарушил обязательный для католических духовных лиц целибат, в связи с чем исследователями делается вывод о том, что к этому времени его богословские взгляды приблизились к лютеранским [18, р. 19; 19, р. 72; 20, р. 46].

Можно также предположить, что он не планировал в ближайшем будущем возвращаться в Англию. Но под влиянием Анны Болейн Генрих VIII избрал именно его руководить английской церковью; король также, узнав о его женитьбе, лично разрешил Кранмеру перевезти супругу в Англию [4, с. 51].

В чем причины колебаний Томаса Кранмера при получении известия о высоком назначении? Он понимал, что ему придется нести бремя ответственности за церковные реформы в Англии. Парламент Реформации работал с ноября 1529 г. и уже принял ряд законов. Интересно, что он был созван для «справедливого решения дела о разводе» [7]. Кранмеру было очевидно, что в дальнейшем судьба преобразований английской церкви будет сложной по причине постоянных колебаний короля. Но все же Кранмер согласился, вероятно, надеясь двигаться в направлении реформ медленными темпами. Кроме того, на него, вероятно, повлияла перспектива в случае отказа испытать на себе гнев Генриха VIII, славившегося своим деспотическим характером [6, с. 73].

Томас Кранмер прибыл в Лондон в начале января 1533 г. 22 февраля была выдана папская булла о его назначении архиепископом Кентерберийским, 26 марта 1533 г. документ был доставлен в Лондон, а 30 марта Кранмер был посвящен в сан.

В первые же дни после посвящения в сан Кранмер написал Генриху VIII официальное письмо с просьбой разрешить ему снова поднять вопрос о пер-

вом браке короля. Естественно, такое разрешение было немедленно получено. Торопиться их заставляла беременность Анны Болейн, с которой король вступил в тайный брак 25 января 1533 г. [11, с. 145]. Архиепископа о заключении брака не уведомили, он узнал о произошедшем где-то через две недели [19, р. 83–89], и был поставлен королем перед фактом: новый брак заключен, и к моменту венчания Анна уже беременна, поэтому от Екатерины Арагонской нужно избавиться как можно быстрее. Началось обсуждение и интенсивная переписка между королем и архиепископом по поводу формально юридических моментов, связанных с разводом и повторным браком Генриха. Разработали несколько вариантов церковных процедур. 10 мая 1533 г. Кранмер созвал архиепископский церковный суд в Данстебле и уже 23 мая объявил брак с Екатериной Арагонской незаконным с самого начала; при этом архиепископ объявил, что король будет отлучен от церкви, в случае, если не расстанется с первой супругой [20, р. 60]. 28 мая тайный брак короля с Анной Болейн, заключенный ранее, был провозглашен имеющим юридическую силу [11, с. 147]. 1 июня Генрих VIII устроил пышную коронацию Анны Болейн: Кранмер помазал ее елеем, возложил на голову корону, а в руку вложил скипетр.

В ответ на это «папа Климент VII, услышав вердикт, вынесенный “милордом Кентербери”», заявил, что «подобные деяния слишком вопиющи, чтобы я сидел, сложа руки и ничего не предпринимал. Дозволять такое – значит попирать мой священный долг перед Господом и всеми мирянами». Епископ Лондона, присутствовавший при этом событии, выразил понтифику протест, после чего Климент пригрозил сжечь его заживо или сварить в котле с кипящим свинцом. Епископ рассказал королю, что папа «беспрестанно сворачивал и разворачивал свой носовой платок, что происходит с ним только в случае, когда он разгневан до самой глубины души» [1, с. 53]. 11 июля папа Климент VII провозгласил брак Генриха и Анны недействительным и не имеющим силы, и наложил на Генриха VIII, Кранмера и всех, кто их поддерживает, временное отлучение от церкви, поставив условием его снятия расторжение брака к концу сентября. Его действия были в Англии проигнорированы.

7 сентября 1533 г. Анна Болейн родила ребенка; к глубокому разочарованию короля, это был не сын, а дочь – будущая королева Елизавета I. 10 сентября принцессу крестили, и архиепископ Кранмер стал её крестным отцом [19, р. 97–98], а крестными матерями – вдовствующая герцогиня Норфолк и маркиза Дорсет [15, с. 18].

Полное отлучение Генриха VIII и «его помощников, приверженцев, советников и прочей свиты» было утверждено папой Павлом III, преемником Климента VII, в 1535 г., уже в связи с тем, что был принят акт о Супрематии, который объявлял английского монарха главой церкви [21, р. 46–48].

Таким образом, «Великое дело короля» – развод Генриха VIII с Екатериной Арагонской – был обусловлен переменами во внешней политике Англии,

объективным стремлением проводить независимую от Габсбургов внешнюю политику. С осени 1529 г. развод стал поводом к реализации в Англии церковных реформ. Так как английской дипломатии не удалось добиться в Риме санкции на королевский развод, а добровольно удалиться в монастырь Екатерина Арагонская отказалась, то все легальные способы расторжения брака не дали результата. Решение данной проблемы внутри Англии стало неизбежным. Юридическое и богословское обоснование этому обеспечил священник Томас Кранмер, который выдвинул идею опроса мнения ученого европейского сообщества. Реализация этой идеи по большому счету в итоге никак не помогла решить проблему королевского развода, так как часть университетов, вопреки ожиданиям Кранмера, высказалась не за, а против развода, а мнение тех ученых-мирян, кто голосовал в пользу него, папу римского не интересовало, но идея Кранмера стала катализатором, который побудил короля и его ближайшее окружение, во-первых, перестать строить иллюзии, что с римской курией возможно найти компромисс, во-вторых, действовать активнее, перенести решение матримониальных проблем Генриха VIII внутрь страны, что неизбежно вело к организационному и юридическому отделению английской церкви от католицизма. Собственно, предложение Кранмера оказалось озвученным в нужное время и в нужном месте и сработало на ускорение уже запущенных процессов. Лично для Кранмера эта идея привела к резкому повороту в карьере, сделала его примасом церкви Англии и первым архиепископом Кентерберийским реформированной англиканской церкви. Его роль в разводе короля можно оценить как формально-юридическую, он послушно исполнил все пожелания монарха. В дальнейшем Кранмер был послушным исполнителем воли короля, не препятствуя ему разводиться и жениться снова.

Литература

1. *Акройд П.* Тюдоры. От Генриха VIII до Елизаветы I. М.: «Азбука-Аттикус», 2011.
2. *Борман Т.* Частная жизнь Тюдоров: секреты венценосной семьи. М.: Издательство «Э», 2017.
3. *Домнина Е. Г.* Дипломатия в эпоху перемен: Тюдоры и римская курия (1485–1558). М. – СПб.: Петроглиф, Центр гуманитарных инициатив, 2020.
4. *Ерохин В. Н.* Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. Нижневартовск, 2015.
5. *Ерохин В. Н.* Томас Кранмер – деятель эпохи Реформации в Англии // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tomaskranmer-deyatel-epohi-reformatsii-v-anglii> (дата обращения: 24.12.2020).
6. *Иванова О. Ю.* Реформа церковного права как часть английской Реформации (1529–1553). Смоленск: Универсум, 2008.

7. *Ивонин Ю. Е.* Внешняя политика Англии второй половины 20-х гг. XVI в. и начало Реформации Генриха VIII. URL: <http://old.istznu.org/page/issues/1/ivonin.pdf> (дата обращения: 08.04.2021).
8. *Ивонин Ю. Е.* Генрих VIII Тюдор // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 44–63.
9. *Ивонин Ю. Е.* Императоры, короли, министры. Политические портреты XVI в. Днепропетровск: Вид-во ДДУ, 1994.
10. *Исаев С. А.* Реформационные движения в Англии // Европейская Реформация и ее возможные аналоги в России. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 287–365.
11. *Линдсей К.* Разведенные, обезглавленные, уцелевшие. Жёны короля Генриха VIII. М.: Крон-Пресс, 1996.
12. *Лоудз Д.* Генрих VIII и его королевы. Ростов-на-Дону: Феникс. 1997.
13. *Соколов В. А.* Реформация в Англии (Генрих VIII и Эдуард VI). М.: тип. Л. Ф. Снегирева, 1881. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003612540/ (дата обращения: 12.01.2021).
14. *Ститц Льюис В.* Возрождение и движение Реформации. Том II. История Реформации. М.: Фонд «Лютеранское наследие», 2002.
15. *Эрикссон К.* Елизавета I. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
16. *Ayris P.* God's Viceregent & Christ's Vicar: the Relationship between the Crown & the Archbishopric of Canterbury, 1533–1553 // Thomas Cranmer: Churchman & Scholar. Ed. by P. Ayris & D. Selwyn. Woodbridge: Boydell Press, 1993.
17. *Brecht M.* Martin Luther: shaping and defining the Reformation, 1521–1532. L.: Fortress Press, 1994.
18. *Hall B.* Cranmer's Relations with Erasmianism and Lutheranism // Thomas Cranmer: Churchman & Scholar. Ed. by P. Ayris & D. Selwyn. Woodbridge: Boydell Press, 1993.
19. *MacCulloch D.* Thomas Cranmer. A Life. L.: New Haven, CT: Yale University Press, 1996.
20. *Ridley J.* Thomas Cranmer. Oxford: Clarendon Press, 1962.
21. Tudor Constitutional Documents (1485–1603) with an Historical commentary by J. R. Tanner. Cambridge: University Press, 1951.

«THE KING'S GREAT MATTER» AS A POLITICAL PROBLEM

O. Y. Ivanova

The Smolensk State University, Smolensk

The article is devoted to the problem of the divorce of Henry VIII and Catherine of Aragon, which was in the 1520s–1530s, known as the «The King's

great matter». The reasons for the divorce, domestic and foreign policy aspects of this event are characterized, the role of Archbishop of Canterbury T. Cranmer in this process is shown.

Keywords: *The King's great matter, divorce, Catherine of Aragon, Henry VIII, Anne Boleyn, Thomas Cranmer.*

Об авторе:

ИВАНОВА Ольга Юрьевна

Смоленский государственный университет, кафедра всеобщей истории и международных отношений, кандидат исторических наук, e-mail: olga05ivanova@mail.ru.

About author:

IVANOVA Olga Yurievna

The Smolensk State University, Department of General History and International Relations, Candidate of Historical Sciences, e-mail: olga05ivanova@mail.ru.

УДК 94(410)

ВОСПРИЯТИЕ СТРАНЫ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА В ХОДЕ ПЕРВЫХ КОНТАКТОВ АНГЛИЧАН С ЯПОНЦАМИ

С. П. Мальчикова

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

Британия одной из последних европейских стран наладила торговые отношения со страной Восходящего солнца. Тем не менее, первый англичанин, ступивший на берег Японии, оставил неизгладимый след в истории этой страны. Находясь в чужом краю, среди иной культуры, британцы воспринимали ее по-своему, сравнивая с ценностями и идеалами, принятыми на Западе. В статье предпринята попытка рассмотреть образ Японии в восприятии англичан в ходе первых контактов с японцами.

Ключевые слова: *Япония, Англия, англо-японские отношения, Уильям Адамс, Английская Ост-Индская компания, Токугава Иэясу, Джон Сэрис, Ричард Кокс, Питер Манди.*

Образ Японии в Европе долгое время окружал ореол экзотичности и таинственности. Восприятие страны Восходящего солнца менялось от поступающей на Запад информации от миссионеров, купцов и путешественников.

Для Старого Света Япония до ее «открытия» в XIX веке была неизведанной и полной мистификаций. Англичане, посещавшие страну Восходящего солнца в конце XVI – начале XVII в., внесли весомый вклад в культурные взаимоотношения между странами, помогли получить достоверную информацию непосредственно из рук очевидцев.

Исследованию англо-японских отношений в Новое время посвящено не так много работ. Ряд авторов рассматривает вопрос восприятия англичанами японцев в ходе первых контактов в рамках японо-европейских отношений. Это работы А. А. Киселева [1], О. В. Новаковой, Е. К. Симоновой-Гудзенко, М. Ю. Ульянова [3], В. А. Шашкова [7] и других. Важно отметить исследования О. В. Королевой [2], В. П. Олтаржевского и Н. Н. Пузыни [4], Р. М. Пуги (Puga R. M.) [10], в которых отражены именно культурные и политические отношения Англии и Японии, а также биографии первых англичан, побывавших в стране Восходящего солнца.

Первые свидетельства о стране Восходящего солнца были столь фантастичны, что в них было трудно поверить. Марко Поло в «Книге чудес света» 1298 г. описывает страну Чипингу так: «Остров очень велик: жители белы, красивы и учтивы; они идолопоклонники, независимы, никому не подчиняются» [5, с. 320]. Благодаря «Книге» за Японией закрепился образ чрезвычайно богатой страны.

Долгое время Япония была реальностью, граничащей с мифом, и только в период «христианского столетия» (1543–1639) информация о Японии начала поступать в Европу. Португальцы, голландцы, испанцы вели активную торговую и миссионерскую деятельность на территории страны Восходящего солнца. Их перу принадлежит большое количество отчетов, писем и дневников, в которых они описывали самих жителей Японии, их быт и культуру. Например, иезуит Алессандро Валиньяно писал: «Люди здесь – благородны, учтивы и чрезвычайно воспитанны, и в этом они намного превосходят все другие известные нам народы. Они умны от природы, хотя науки здесь развиты довольно слабо, поскольку японцы – самая воинственная и драчливая нация на свете» [6, с. 28].

Несмотря на то, что английских путешественников и купцов интересовала Япония, британцы появились на ее территории лишь в конце XVI века. Первым англичанином, ступившим на землю страны Чипингу, был штурман Уильям Адамс, который в 1600 г. прибыл на борту голландского судна «Лифде». Когда корабль причалил к берегам Японии в районе городка Оита на побережье острова Кюсю, местные жители перевезли членов экипажа на берег и поселили в доме, обеспечив всем необходимым.

Португальские иезуиты представили команду голландцев как разбойников, подстрекая японское правительство к их казни. Адамс вместе со всем составом корабля был арестован. В ходе бесед с Токугава Иэясу англичанин произвел приятное впечатление хорошими манерами, умом и образованностью. Он стал личным советником и переводчиком Иэясу, обрел влияние и

богатство. Основатель клана Токугава запретил англичанину покидать Японию. Адамс получил новое имя – Миура Андзин, в переводе «Главный штурман».

Узнав об организации Английской Ост-Индской компании, Адамс отправил ее руководству письма (октябрь 1611 г. и январь 1613 г.), содержащие рекомендации по организации торговли с Японией.

В 1613 г. в Японию прибыли английские купцы. Капитан судна «Clove» Джон Сэрис привез послание от короля Якова I для сёгуна, содержащее просьбу об установлении торговых отношений и обеспечении необходимых условий и привилегий. При активном содействии Адамса англичане во главе с Сэрисом удостоились аудиенции у Токугава Иэясу. Заинтересованный в развитии торговли с иностранными державами, он передал англичанам права экстерриториальности и беспошлинной торговли во всех японских портах, а также возможность выбора места жительства. Сэрис решил обосноваться в Хирадо, несмотря на то, что Адамс его отговаривал.

Сэрис покинул Японию в конце 1613 года, увозя с собой не только подарки для Якова I, но и японские произведения искусства: лакированные изделия, ширмы. Ричард Кокс остался в Японии для управления предприятием вместе с дюжиной других англичан.

«Clove» прибыла в Плимут в сентябре 1614 г. В декабре этого же года в Лондоне японские изделия были проданы на первом художественном аукционе, когда-либо проводившемся в истории Англии. Так произошло первое официальное знакомство британцев с искусством страны Восходящего солнца.

Деятельность английской фактории в Хирадо продолжалась всего десять лет и сопровождалась многими трудностями. После смерти Иэясу в 1616 г. проблемы усугубились. Токугава Хидэтада отменил все привилегии, дарованные британцам его отцом, а впоследствии ограничил возможность торговать только портом Хирадо, где англичанам приходилось конкурировать с голландцами. В 1620 г. умер Уильям Адамс, тоже попавший в немилость к новому сёгуну.

Позднее правительство Токугава приняло решение о «закрытии» страны от внешнего мира. Политика «сакоку» («страна на цепи») в значительной мере повлияла на деятельность иностранных купцов. В 1623 г. английская торговая фактория в Японии прекратила существование. Англо-японские отношения прервались вплоть до «открытия» Японии во второй половине XIX века.

В отличие от документов миссионеров, уделявших внимание различным нюансам японской культуры, быта, языка, традициям, записи торговцев гораздо суше. Они ограничиваются описанием деловых контактов с японцами и другими европейцами, фиксацией политических событий, отражением сумм проданных и приобретенных товаров, и лишь отдельными наблюдениями за

сторонами жизни японцев. В основном такие записи не несут эмоциональной окраски или ярко выраженного мнения наблюдателя.

Уильям Адамс – человек интересной и сложной судьбы. Он долгое время прожил в Японии и окончил там свои дни, так и не увидев вновь берегов родины. В своих письмах Адамс характеризовал японцев весьма положительно: добрые, честные, законопослушные, воинственные люди. Он писал: «Люди здесь от природы приятны, искусны в удовольствиях и отчаянны в сражениях. Верша правосудие, они не склонны к нарушению закона. Японцы суеверны в своей религии и различны в своих мнениях о вере. Много здесь иезуитов и францисканских монахов, они обратили многих в христианство и имеют много церквей на острове» [11]. Даже встретившись с воровством по прибытию в Японию, он отметил, что практически все украденные вещи были возвращены.

Фигура Токугава Иэясу вызывает у Адамса уважение. В одном из писем англичанин так описывает первую встречу с ним: «12 мая 1600 года я прибыл в город, где проживал великий король, который приказал доставить меня ко двору. Его дворец – прекрасное здание, богато украшенное позолотой. Он встретил меня очень приветливо, даже, я бы сказал, благосклонно, подавая мне различные знаки, часть которых я понял» [11]. Управленческая система Японии, по мнению Адамса, также была одной из лучших. Он признавал ее цивилизованной: «ни в одной стране мира не найти лучшего управления государством» [2].

Джон Сэрис, не так долго пробывший в Японии, как Адамс, также оставил любопытные записи. В первую очередь англичанина удивили размеры городов. «Этот город Суруга (современный Сидзуока) такой же большой, как Лондон со всеми пригородами...» [12], – писал Сэрис. В другой заметке значится: «Мы прибыли в Эдо. Город намного больший, чем Суруга, с более красивыми зданиями...» [12]. Посетив Осаку, моряк также отметил размеры города, сопоставимые с «Лондоном в пределах городских стен» [12], большое количество красивых деревянных мостов и «удивительно большой и прочный замок» [12]. В Киото Сэриса поразил гарнизон из 3 000 солдат, поддерживаемый Иэясу. Англичанин описал прием у Токугава, которого он в своих записях именовал императором, отметив некоторые особенности придворного этикета (например, запрет на прямой взгляд на правителя).

Соратник Джона Сэриса Ричард Кокс во время пребывания в Японии вел подробный дневник. В основном он уделял внимание положению дел фактории, взаимоотношениям между ее сотрудниками, торговым контрактам, политическим событиям. Но и некоторым особенностям культуры и быта японцев он посвятил несколько строк.

Кокс часто упоминает японцев – жителей Хирадо, с которыми он беседует, советуется по каким-то хозяйственным делам и которых нанимает для выполнения различных работ. Кокс отмечал, что правитель Хирадо внимательно следит за чистотой и порядком в городе. В обязанности горожан входила

уборка улиц перед праздниками или после ураганов. Местные власти сурово карали тех, кто не выполнял наказа. Англичанин часто наблюдал, как японцы убирали участок перед своим домом. Отмечал он и вежливость японцев, и их любовь к церемониям. Купец внимательно вел записи о подарках, которые получал от японцев и посылал в ответ [8].

Уделил Кокс пару строк и культуре Японии. Например, он описывает праздник О-Бон – день поминовения усопших: «В этот день ночью все улицы были увешаны фонарями, и язычники посещали свои храмы и места захоронения с фонарями и лампами, приглашая своих умерших друзей прийти и поест с ними. И так продолжалось до полуночи» [8].

Не только положительные моменты отмечал Кокс. Когда сёгун приказал сжечь весь табак и вырвать все его посевы, дабы «не допускать, чтобы его правительство было опьяненным» [8]. Англичанин заметил: «Странно видеть, как эти японцы: мужчины, женщины и дети, одурманены употреблением этой травы» [8]. Пишет Кокс и о незавидной участи рабов в Японии: «Жизни всех рабов находятся в руках хозяев, чтобы убить их, когда он захочет, без какой-либо справедливости» [8].

В дневнике английского купца Питера Манди, который в 1635 г. посетил страну Восходящего солнца, тоже есть интересные наблюдения, касаемые восприятия Японии. Находясь в Маниле, Манди описывает японских купцов, прибывающих сюда для торговли, отмечает последние новости, в том числе упоминает о гонениях на христиан: «Этот император питает смертельную ненависть к иезуитам. В последние годы многих из них предал смерти различными видами пыток» [9, с. 271–272].

В книге приведены иллюстрации самого автора, на которых изображены жители Японии в традиционной одежде, дано описание причесок, обуви. Английский купец, описывая традиционные наряды китайнок и японок, замечает, что японская одежда – это признак роскоши и богатства. В Маниле женщины из состоятельных семей носят «...большой жилет с широкими рукавами, называемый японским кимоно...» «с богатой вышивкой из цветного шелка и золота» [9, с. 270], а волосы украшают драгоценными камнями. Манди отмечает чистоплотность японцев, которые используют носовые платки: «Они сморкаются мягкой и прочной бумагой, которую носят с собой маленькими кусочками. Используя, они выбрасывают ее как грязную вещь. Еще они хранят носовые платки изо льна, чтобы вытирать лицо и руки» [9, с. 294–296].

Таким образом, можно сказать, что в ходе первых контактов англичан с японцами восприятие страны Восходящего солнца было скорее положительным. Уильям Адамс уважительно относился как к фигуре Токугава Иэясу, так и к обычным японцам, и считал систему управления страной одной из лучших. Представители Английской фактории – Джон Сэрис и Ричард Кокс скорее стремились наладить торговые отношения, чем постигнуть чужую культуру, но и в их скупых на эмоции записях не проявляется снисходительного

отношения к другой нации. Они отмечают как положительные факты японского быта, так и негативные. А в записях купца Питера Манди даже можно проследить тождество слов «роскошный» и «японский».

Хотя первый опыт установления англо-японских торговых отношений был неудачным, но именно благодаря прямым контактам Британия обрела возможность получить информацию о стране Восходящего солнца непосредственно из рук соотечественников. Конечно, такой короткий период взаимодействия двух наций не разрушил сложившийся в Европе мифологизированный образ Японии, но дал возможность приоткрыть завесу тайны над такой непохожей на другие страной Чипингу.

Литература

1. *Киселев А. А.* Великобритания и английская Ост-Индская компания во второй половине XVIII века // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2008. № 1 (13). С. 73–81.

2. *Королева О. В.* Образ и место восточного города на страницах записок английских путешественников в конце XVI – первой трети XVII века // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. Т. 11. 2011. Вып. 2. Ч. 2. С. 56–63.

3. *Новакова О. В., Симонова-Гудзенко Е. К., Ульянов М. Ю.* Роль первых европейских ученых и христианских миссионеров в развитии современных знаний в странах восточной и юго-восточной Азии на примере Индонезии, Японии и Вьетнама (XVI–XVII вв.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 3 (41). С. 5–20.

4. *Олтаржевский В. П., Пузыня Н. Н.* Фактория Английской Ост-Индской компании в Хирадо (Япония) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 36. С. 83–94.

5. *Поло М.* Книга чудес света. М.: Эксмо, 2016.

6. *Роджерс Ф. Дж.* Первый англичанин в Японии. М.: Наука, 1987.

7. *Шашков В. А.* Японцы в представлениях европейцев XVI – начале XVII веков // Синергия Наук, 2019. № 32. С. 1312–1318.

8. *Cocks R.* Diary of Richard Cocks, Cape-merchant in the English Factory in Japan, 1615–1622. Vol. I. London: Printed for the Hakluyt society, 1883. URL: https://archive.org/stream/diaryrichardcoc02thomgoog/diaryrichardcoc02thomgoog_djvu.txt (дата обращения: 10.10.2021).

9. *Mundy P.* The travels of Peter Mundy. Vol. III. Part I. 1919. London: Printed for the Hakluyt Society, 1919.

10. *Puga R. M.* Images and representations of Japan and Macao in Peter Mundy's travels (1637) // Bulletin of Portuguese Japanese Studies. December. Vol. 1. 2001. P. 97–109.

11. *Rundall T.* Memorials of the empire of Japon: in the XVI and XVII centuries. London: Printed for the Hakluyt Society, 1850. URL:

https://archive.org/stream/memorialsfempir00rundrich/memorialsfempir00rundrich_djvu.txt (дата обращения: 9.10.2021).

12. *Saris J.* The voyage of Captain John Saris to Japan, 1613. London: Printed for the Hakluyt Society, 1900. URL: https://archive.org/stream/voyageofcaptainj00saririch/voyageofcaptainj00saririch_djvu.txt (дата обращения: 10.10.2021).

PERCEPTION OF THE LAND OF THE RISING SUN DURING THE FIRST CONTACTS OF THE BRITISH WITH THE JAPANESE

S. P. Malchikova

Smolensk State University, Smolensk

Britain is one of the last European countries, which established trade relations with the land of the Rising Sun. Nevertheless, the first Englishman to set foot on the coast of Japan left an indelible mark on the history of this country. Being in a foreign land, among a different culture, the British perceived it in their own way, comparing it with the values and ideals adopted in the West. The article attempts to consider the image of Japan in the perception of the British during the first contacts with the Japanese.

Keywords: Japan, England, Anglo-Japanese relations, William Adams, the English East India Company, Tokugawa Ieyasu, John Saris, Richard Cocks, Peter Mundy.

Об авторе:

МАЛЬЧИКОВА Светлана Петровна

Смоленский государственный университет, кафедра всемирной истории и международных отношений, ассистент, e-mail: malchikovasp@yandex.ru.

About author:

MALCHIKOVA Svetlana Petrovna

Smolensk State University, Department of World History and International Relations, Assistant, e-mail: malchikovasp@yandex.ru.

ИСТИНЫ ГЕРБЕРТА ЧЕРБЕРИ

Т. Б. Сорокина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В статье характеризуется гносеологическое учение Герберта Чербери, ставшее методологической и теоретической основой деизма, в котором содержание религии определяется принципами разума. Опираясь на учение об общих понятиях, Герберт вывел фундаментальные принципы, которые являлись критериями истинности любых религиозно-нравственных учений.

Ключевые слова: Герберт Чербери, деизм, теория познания, истина, рационализм.

Эдвард Герберт Чербери (1583–1648) одним из первых в XVII веке предпринял систематическое и всестороннее исследование сложных процессов познания. Его главный философский труд «De Veritate» («Об истине») вышел в свет в Париже в 1624 г. на латинском языке. Книга трижды издавалась при жизни автора и вызвала немалый интерес и у современников, и у последователей. Герберт предложил рационалистическую теорию, в центре которой стоял вопрос о природе истины. Именно теория познания английского философа стала ключом для понимания его религиозных идей.

Исследование природы истины явилось отправной точкой на пути формирования деистического учения Герберта Чербери. В первоначальной версии трактата «Об истине» не было глав, в которых автор изложил свои религиозные идеи, они были написаны значительно позднее. В следующих своих трудах Герберт продолжил развивать учение об общих истинах в религии. В 1645 г. были изданы трактаты «О причине заблуждений», «Религия мирян» и «О религии язычников». Последний был переиздан в Амстердаме в 1663 г. уже после смерти автора. В 1768 году был опубликован труд «Диалог между наставником и его учеником» [4, с. 14].

Вопрос о природе истины – фундаментальный вопрос гносеологии, от того или иного понимания истины зависят ответы на вопросы об ее достижимости или недостижимости, её критериях, границах человеческого познания. У Герберта вопрос об истине – мировоззренческий, истина для него не только гносеологическое понятие, но и основа нравственно-религиозной жизни человека. Он воспел истину, которая имеет божественную природу и отражает вечную мудрость вселенной.

Истина по Герберту – объективная, абсолютная и неизменная сущность. Он определил семь положений о сущности и свойствах истины, выделил че-

тыре вида истины, доказывая возможности истинного познания. Способность восприятия истины, по Герберту, объединяет всех нормальных людей. При этом человек наделён многообразными и многочисленными способностями, которые Герберт свёл к четырем основным, согласующимися с четырьмя видами истины. Человеческий разум постигает истину, опираясь на врождённые идеи, которыми люди наделены от природы и которые базируются на всеобщем согласии. Эти врождённые идеи – абсолютные всеобщие истины, от которых берут начало все остальные истины, Герберт назвал «общими понятиями».

Учение об общих понятиях занимает центральное место во всей теории познания Герберта. Создаются общие понятия главной из четырёх способностей человека – природным инстинктом. Природный инстинкт – сквозной импульс к самосохранению, который пронизывает и живую и неживую природу, удерживая всё от саморазрушения. В этом инстинкте заложены истинные знания: они априорные, первичные, универсальные, несомненные, необходимые и непосредственные [6, р. 139–141]. Герберт настаивал, что «общие понятия не должны рассматриваться как результат опыта, так как без них у нас нет опыта вообще». «Давайте покончим с теорией, которая утверждает, что наш ум – чистый лист», – написал Герберт, бросив вызов теории познания, которая господствовала в это время в Англии [6, р. 132].

Замечательные параллели с теорией Герберта о врождённых общих понятиях можно обнаружить в учении Декарта, Лейбница и других рационалистов, но по ряду причин оригинальные идеи Герберта долгое время оставались в тени его знаменитых последователей.

От теории истины Герберт перешёл к рассмотрению проблемы откровения и исследованию религиозных идей. Герберт чётко обозначил границу между истиной, достигаемой с помощью естественных познавательных способностей человека, и истиной откровения. Отличие состоит в том, что истина откровения зависит от авторитета того, кто её открывает [6, р. 308]. Чтобы предостеречь от многочисленных обманщиков, с которыми часто сталкиваются люди в религиозной сфере, Герберт сформулировал четыре условия для проверки достоверности истины откровения. Во-первых, для его получения требуются все инструменты религиозной практики (молитвы, обеты и т. д.). Во-вторых, откровение должно быть адресовано конкретному лицу, а не традиции. В-третьих, откровение должно направлять к благим действиям. И, наконец, человек должен ощутить «дыхание Божественного Духа» [6, р. 308].

Все эти критерии относятся к откровению в узком смысле слова. Откровение в широком смысле подразумевало действие божественного провидения по отношению к конкретным лицам в определённые периоды их жизни [5, р. 336]. Примером может служить рассказ Герберта в автобиографии, как он сам получил божественную санкцию для издания своей книги «De Veritate». Он написал, что долго сомневался, прежде чем напечатать книгу. Советы друзей – Г. Гроция и Д. Тиленуса, которые прочитав «De Veritate», настаивали на её

публикации, не уменьшили сомнений автора. Он решил напрямую обратиться к богу с мольбой дать какой-нибудь знак, если книгу стоит опубликовать. В ответ Герберт сразу услышал громкий и мелодичный звук прямо с небес, «который дошёл до сердца». Это был знак, которого он ждал [7, р. 304–306].

Таким образом, Герберт напрямую не отрицает откровение, но предупреждает о возможности обмана и призывает к осторожности.

Для проверки религиозных истин необходимо, по мнению Герберта, применять учение об общих понятиях [6, р. 289]. Необходимо найти то, что на основе всеобщего согласия признаётся в любой религии, только такие универсальные принципы являются религиозной истиной и общими понятиями. Это трудоёмкий, но единственно возможный способ установить истинность общих понятий в религии [6, р. 121]. Герберт сам вывел пять понятий, которые «принимаются каждым нормальным человеком во все времена и не требуют дальнейшего обоснования» [6, р. 291].

Первое понятие утверждает, что существует верховный бог. И хотя нет общего согласия относительно богов, но есть всеобщее признание у разных народов главного бога среди остальных богов. Герберт подробно перечисляет божественные атрибуты, которые широко признаны [6, р. 291].

Второе понятие требует поклонения верховному богу. С этой целью во все времена создавались различные святилища и появлялись священнослужители разного рода. Эти служители часто были «лукавым и обманчивым племенем», не имеющим никакого отношения к религии. Они осквернили чистое имя религии. Но поклонение богам существовало всегда и везде, так как, по мнению Герберта, религиозность присуща всем людям без исключения [6, р. 295].

Третье понятие утверждает, что добродетель и благочестие являются самыми главными религиозными проявлениями. Совесть, руководимая общими понятиями, производит добродетель и благочестие, которые рождают истинную надежду, из истинной надежды возникает вера, из истинной веры – любовь, из истинной любви – радость, из истинной радости – блаженство [6, р. 296].

Для искупления грехов перед богами люди придумали различные обряды и таинства, но только искреннее покаяние может восстановить союз человека с богом [6, р. 298]. Это – четвёртое общее понятие.

Пятое общее понятие относится к жизни после смерти. Нет таких народов, которые не признают существования посмертных наказаний и наград, а, значит, существует посмертное воздаяние за добрые и злые дела [6, р. 300].

Герберт утверждал, что если какая-либо религия не имеет этих норм, то она не может быть истинной. А все утверждения, отрицающие указанные принципы, являются ложными. Единственная истинная религия и церковь построена из этих общих понятий, только через неё возможно спасение. Что-то добавлять ещё или отнимать от этих пяти понятий – значит, портить чистоту религии.

Очевидно, что Герберт ставил под сомнение необходимость религиозного культа. Богопочитание сводилось им только к вере в бога и добродетельной жизни, а церковь и священнослужители становились лишними и ненужными [3, с. 240]. И хотя он не отрицал полностью таинства и обряды, но явно указал на их второстепенный характер.

Герберт был абсолютно убеждён, что вера в бога покоится на учении об общих понятиях. Таким образом, не следует принимать какую-либо религию легко, без предварительного исследования ее источников и престижа. И все эти необходимые соображения можно обрести в общих понятиях [1]. К примеру, для подтверждения подлинности откровений, исходящих от жрецов в прошлые эпохи, Герберт предложил следующие критерии в дополнение к перечисленным. Во-первых, должно быть доказано, что откровение было дано священнику. Во-вторых, откровение должно быть получено от верховного бога, «говорящего своим собственным голосом или через посредничество доброго ангела». В-третьих, откровение должно быть точно выражено и сообщено или записано для потомков [6, р. 309].

Критической проверке Герберт предложил подвергнуть и священное предание, и Библию, и все другие откровения, известные людям. Так как всё это зависит от авторитета рассказчика, следовательно, «находится вне пределов наших познавательных способностей» и является только вероятным знанием [6, р. 315]. Отметив своё уважение к Библии, Герберт критически разобрал заповеди декалога и пришёл к выводу, что все они представляют собой краткое изложение общих понятий [6, р. 313].

Таким образом, разум, по Герберту, способен очистить религию от всех наслоений и оставить истинные положения – общие понятия. «Моя вера в бога проистекает из учения об общих понятиях» [6, р. 315]. Так он пытался примирить неразрешимый для средневековья спор между верой и разумом и впервые представил разум в его автономном величии.

Религиозные идеи Герберта питались не только рационализмом, но и нравственными началами. Принципы нравственности у него напрямую связаны с общими понятиями. Ни один человек «не может настолько оглушить свою совесть, чтобы потерять возможность различать добро и зло» [6, р. 311]. Разум и совесть становятся главными критериями различения настоящих и мнимых истин. Высшая смысловая ценность для Герберта в единстве истины и добра. Разум обладает в себе самом способностью всех, в том числе и религиозно-моральных, истин. И хотя всё это Герберт заявил с уверенностью интуитивно обрётённого убеждения без подробного опровержения противоположных мнений [2, с. 187], его идеи оказали заметное влияние на последующие учения.

Таким образом, теория познания Герберта стала теоретическим и методологическим основанием его деизма. Именно рационализм Герберта стал гносеологической основой учения, в котором содержание религии определяется принципами разума. В своей теории истины Герберт сделал попытку

примиришь разум и веру. Именно человеческий разум способен очистить религию от ненужных наслоений и укрепить её. Не слепая вера, а принципы разума и нравственности должны определять содержание религии.

Литература

1. *Абрамов М. А.* Шотландская философия века Просвещения. М.: ИФРАН, 2000. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000942/st000.shtml> (дата обращения: 04.01.2021).
2. *Дильтей В.* Воззрение на мир и исследование человека со времён Возрождения и Реформации. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.
3. *Мееровский Б. В.* У истоков английского деизма // Вопросы научного атеизма. М.: Мысль, 1971. Вып. 12. С. 232–257.
4. *Поляков А. А.* «Отец деизма»: проблемы исследования философии Герберта из Чербери // Культура и искусство. 2021. № 5. С. 12–23.
5. *Шохин В. К.* Философия религии и ее исторические формы (античность – конец XVIII в.). М.: Альфа-М., 2010.
6. *Herbert E.* De Veritate. Translated with an Introduction by Meyrick H. Carre. Bristol: J. W. Arrowsmith, Ltd., for the University of Bristol, 1937.
7. *Herbert E.* The Life of Edward, First Lord Cherbury, Written by Himself, and continued to his death. With letters. L.: Saunders and Otley, 1826.

THE TRUTHS OF HERBERT CHERBURY

T. B. Sorokina

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas

The article characterizes the epistemological doctrine of Herbert Cherbury, which became the methodological and theoretical basis of deism, in which the content of religion is determined by the principles of reason. Based on the doctrine of general concepts, Herbert derived fundamental principles that were the criteria for the truth of any religious and moral teachings.

Keywords: *Herbert Cherbury, deism, theory of knowledge, truth, Rationalism.*

Об авторе:

СОРОКИНА Татьяна Борисовна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории, обществознания и права, кандидат исторических наук, e-mail: sorokinatat@yandex.ru.

About author:

SOROKINA Tatyana Borisovna

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of History, Social Studies and Law, Candidate of Historical Sciences, e-mail: sorok-tat@yandex.ru.

УДК 94(410).07

ДЖОН АРБЕТНОТ В ОППОЗИЦИИ ВИГАМ (1714–1735 ГГ.)

М. А. Ковалёв

Владимирский государственный университет, г. Владимир

В статье рассматриваются малоизвестные произведения Дж. Арбетнота – торийского публициста «Августинского века» в Англии. Наряду с такими интеллектуалами, как виконт Болингброк, Дж. Свифт, А. Поуп и др., Арбетнот являлся участником партийно-политической борьбы первой трети XVIII в. В статье делается вывод о том, что взгляды Арбетнота представляли собой традиционные идеи партии тори в сочетании с рядом заимствованных вигских принципов.

Ключевые слова: Англия, «Августинский век», Просвещение, скриблерианцы, тори, виги, публицистика, интеллектуалы.

Джон Арбетнот – известный сатирик эпохи Просвещения, один из основателей литературного «Клуба Мартина Скриблеруса». По происхождению шотландец, врач по профессии. С 1709 г. – лейб-медик королевы Анны, опиравшейся на партию тори. Его наиболее известное произведение – «История Джона Булля», которую он начал публиковать с 1712 г. Произведение направлено против участия Англии в Войне за испанское наследство, которая велась в интересах вигов.

После падения торийского правительства в 1714 г. он некоторое время находился в эмиграции во Франции. По возвращении на родину воссоздаёт «Клуб Мартина Скриблеруса». К данному периоду относятся его менее известные произведения (1726–1727 гг.). Однако они интересны в общем контексте борьбы, которую вели на интеллектуальном поле просветители, ассоциировавшие себя с оппозиционной торийской партией (Дж. Свифт, виконт Болингброк и др.).

Арбетнот остаётся в отечественной историографии личностью почти неизвестной. Между тем, судя по роли, которую отводили ему друзья и единомышленники, Арбетнот был обойдён вниманием незаслуженно. Свифту при-

надлежит известное высказывание: «Если бы на свете была дюжина Арбетнотов, я бы сжёг свои Путешествия» [6, с. 385]. Граф Ф. Честерфилд отзывался о Арбетноте так: «Воображение его было просто неистоимо... случалось даже, что его маленькие сыновья делали бумажных змеев из его заметок, содержащих иногда интересный материал, которого хватило бы на целые фолианты» [7, с. 241].

Действительно, работы Арбетнота не вписываются в рамки какого-либо направления, жанра, стиля, часто лишены центральной идеи и законченности. Они походят скорее на заметки либо заготовки более крупных трудов. Своеобразный стиль изложения не позволяет привычным образом систематизировать материал. Поэтому более продуктивным нам представляется следовать за мыслью автора, снабжая пересказ цитатами.

Сочинение «Государственные знахари, или Политические беспокойства» обращено против погрязших в спорах публицистов. Писатель сравнивает их с древними магами, которые, несмотря на все усилия, не могли предсказать нашим предкам их судьбу. Само происхождение таких «лжепророков» изображается комически и фантастически. Согласно «Метаморфозам» Овидия, во времена сотворения мира грязь, оплодотворённая теплом солнца, породила различные виды животных. Одна часть грязи оказалась обеспечена движением и жизнью, другая – лишь оформлена, но не оживлена. Здесь, по мнению Арбетнота, имеет место аллегория манер и поведения человека, т. е. описываются трансформации не тела, а ума [3, р. 147–148]. Дальнейшая часть сочинения представляет собой обзор различных типов таких «недоделанных» доктринёров.

К первому разряду относятся священники, которые пренебрегают своими прямыми обязанностями в угоду политическим склокам: «Что это за славные триумфаторы, – возмущается Арбетнот, – которые, как служители Бога не могут ни поразить царство сатаны в этом мире, ни прогнать грех из душ верующих, но зато гонят жалких писак из их дыр, от одного чердака к другому...» [3, р. 149]. Другой тип спорщиков приравнивается к инквизиторам. Его политическая функция сугубо негативна: возбуждать самые тёмные предрассудки у представителей власти и уличной толпы. «Он тот, кто, подобно волшебникам-астрологам... является советником королевских советников. Но талант его лежит в другой плоскости: воспламенить толпу верноподданническими чувствами, тем самым превращая идею пассивного повиновения в подстрекательство к бунту» [3, р. 157]. Отдавая власть в руки разнузданной толпы и безответственных политиков, он уже напоминает своих противников – вигов.

Следующий участник жарких дискуссий – мелкий торговец, чей действительный кругозор ограничен прилавком. Вопросы, которые он силится обсуждать, крайне далеки от его повседневных забот: «Удивительно видеть человека, который, выходя из-за прилавка, примеряет себя к ста тысячам солдат и за чашкой кофе бросает вызов Франции и Испании, громит их, убивая

пятьдесят тысяч бойцов... затем оказывается у врат Парижа, потом обнажает меч и идёт на Мадрид, вступает в него с триумфом, грабит золотые сокровища Перу и, наконец, возвращается домой, нагруженный добычей и славой» [3, р. 150]. Наконец, последний представитель полемистов, пожалуй, самый скверный – это «деловой человек». Автор не решается поместить такую «амфибию» в тот или иной «класс животных», поскольку он способен жить как на земле, так и под водой [3, р. 158–159, 161].

Осуждение Арбетнотом полемистов предстаёт в зрелищной, фарсовой форме. Вряд ли следует всерьёз говорить о критике тех или иных озвученных позиций. Всё это демонстрирует лишь суетность человеческих желаний, которая, в отличие от свифтовской сатиры, описывается скорее иронически.

Более рельефно мировоззрение Арбетнота выступает в его работе «Пчелиный конгресс, или Политические заметки о пчёлах, роящихся в Сент-Джеймсе». Писатель утверждает, что древнеримские авгуры предсказывали будущее, гадая по полёту птиц и пчёл. К примеру, если их рой садится на крышу Сент-Джеймского дворца, это сулит стране богатство и процветание. Проникновение пчёл в дыру над королевской опочивальней свидетельствует об удаче Великобритании на Суассонском конгрессе. А тот факт, что они роились кучкой, говорит о выгодном положении Великобритании как гаранта «баланса сил» в Европе. Впрочем, автор не склонен доверять античным авгуриям. Он отдаёт пальму первенства в деле предсказаний «нашим мудрецам из кофеен», которые так наловчились гадать на кофейной гуще, что оставили далеко позади саму матушку Шиптон [1, р. 131–132]¹.

Будучи разумными и трудолюбивыми, пчёлы создали свою социальную организацию и культуру. К примеру, сам царь Ликург, давший Спарте законы, был вдохновлён их дисциплиной. Пчёлы имеют королевскую власть и военное командование. Они столь храбры, что убили больше врагов, чем пигмеи Драйдена и лилипуты Свифта. Дальнейшая часть опуса Арбетнота описывает открытия, сделанные Королевским научным обществом о пчёлах. Прежде всего, он отмечает, что те умеют смешивать целебную траву с полынью и обмазывать ею вход в улей, дабы предотвратить проникновение туда прочих насекомых. Если последнее всё же случается, пчёлы уходят или погибают. Автор выразительно изображает любовь пчелок к комфорту и их умение обустроить свой быт: «После необходимых предосторожностей против тех, кто пытается вторгнуться в их собственность, они бросают силы на постройку своих личных апартаментов, в чём проявляют такой архитектурный талант, что уже через несколько дней появляется множество единообразных ячеек... каждый имеет по две комнаты: одну – для себя, другую – для отдыха с друзьями в сырую погоду...» [1, р. 133–134, 140]. Столь же организованно, заинтересованно и солидарно они ведут своё хозяйство. Таким писатель представляет их рабочий день: «Пока они работают, стража охраняет вход в

¹ Матушка Шиптон – известная ясновидящая XVI века.

улей... в начале дня она прожужжит дважды или трижды, чтобы созвать всех на работу. Если погода хорошая, они идут собирать урожай, но часть из них остаётся дома – очищать уже собранное. Цветочную пыльцу они переносят в задних лапках, которые природа сделала более сильными, а передними лапками они работают... когда пчёлы с ношей приходят в улей, четверо-шестеро носильщиков помогают им разгрузиться и переносят продукты по специально отведённым для того улицам» [1, р. 141–142].

Автор освещает также их общественно-политический строй. Возглавляет улей король. Во время войн, начинающихся, как правило, из-за дележа мёда, он возглавляет армию. Отдельными батальонами и эскадронами командуют капитаны. Роль гражданской администрации выполняют надсмотрщики, которые наказывают трутней. Иногда два роя пчёл забиваются в один улей, и тогда среди них можно наблюдать удивительную гармонию: они много жужжат о том и сём, однако никогда не ставят под сомнение королевскую власть. Аналогии, проводимые Арбетнотом, довольно прозрачны. Умело сглаживая самые острые вопросы, писатель всё же отдаёт дань привычной критике партий. Любовь пчёл к монарху, пишет он, столь сильна, что смерть последнего погружает их в глубокую печаль, граничащую с безумием. Здесь нетрудно заметить намёк на события 1714–1715 гг. (смерть королевы Анны, падение ториюского правительства и якобитский мятеж). Они перестают исполнять свои обязанности, дичают и даже умирают. Этой ситуацией обычно пользуются узурпаторы. Разделив улей на враждующие фракции, они ждут, пока улей не ослабеет. Беспорядки, подчёркивает автор, пчёлы переносят весьма болезненно [1, р. 142–143, 146].

Последняя часть сочинения Арбетнота посвящена истории пчёл. В ней повествуется, как осы и шершни некогда поработили их. В сюжете о падении пчелиного государства последнее обозначается как «Commonwealth» (буквально – «содружество»). Вывод автора также довольно примечателен: «Я никогда бы не подумал, что пчёлы могут столь далеко уйти от своих привилегий, но с тех пор, как они это сделали, не остаётся ничего, кроме революции пчёл...» [1, р. 152–153]. В данном случае автор отходит от традиционного ториюского принципа «пассивного повиновения» монарху.

Ещё одно произведение «Самое удивительное чудо, когда-либо появлявшееся к удивлению британской нации», несмотря на то, что писалось одновременно с «Пчелиным конгрессом» (1726 и 1727 гг. соответственно), носит черты политической сатиры. «Удивительное чудо» – это ребёнок, накормленный медведицей и пытавшийся стать английским джентльменом. Сюжет сочинения заключается в том, что некий виноторговец из Амстердама прослышал, будто в Англии устраивают хороший приём диким зверям(!). С целью обзавестись таковым купец отправился в леса Германии, взяв с собой маленького сына. Однажды ребёнок проголодался и стал кричать, тогда к нему подбежала медведица и покормила его. Голландец взял её с собой в качестве кормилицы сына, затем представил обоих ко двору в Лондоне. Под-

росшего ребёнка решил усыновить некий шотландский джентльмен [2, р. 476]. Завершает произведение прощальный диалог кормилицы с мальчиком, в котором раскрывается ряд важных идейных обобщений автора. Приведем диалог с небольшими сокращениями:

«Медведица: Как называется тот зверь, который ходит на двух ногах вопреки закону природы и отнял у нас естественную свободу? [«native liberty» – М. К.]

Юноша: Это человек, который столь тщеславен, что называет себя венцом творения и полагает, будто другие существа подчинены ему... и он один обладает разумом...

М.: Я думаю, человек – глупое животное... Самое несовершенное из всех, раз не имеет даже шерсти и когтей.

Ю.: Они питаются существами, которые слабее их: баранами, овцами, птицами, и используют вероломство при охоте на быков и коров... Лошадь – очень храброе животное, но люди используют огонь, чтобы убивать их...

...Их правосудие несерьёзно: одного человека приговаривают к смерти, другого возносят до небес – и всё за одно и то же деяние...

Ю.: ...У них своеобразная манера выражаться, они используют множество слов, лишённых значения. Я полагаю, что это божества: Справедливость, Честь, Вера, Истина, Дружба, Преданность, Благочестие, Милосердие, Общественное благо и многие другие, присутствующие в их речи, значение которых я не уразумел...

Человек, который обеспечивает лошадь пищей, который содержит её в чистоте, убирает помёт и лечит – не более чем раб этого благородного животного...» [2, р. 478–479].

Большая часть приведённых реплик не нуждается в комментарии. Такие характерные черты человека как тщеславие, жестокость, вероломство и такие пороки общества как несправедливый суд, низкая культура, деградация правящего слоя присутствуют и у других авторов. Но на некоторые моменты следует обратить особое внимание. Острая критика «естественного состояния» как привычки ползать на четвереньках наносит удар и по «естественным правам». Другая тенденция связана с упразднением моральных ценностей, которые представлены в тексте понятиями без содержания («божества»). Но, пожалуй, самая впечатляющая идея – «расчеловечивание» людей: сюда относится антропоморфный, но не человеческий образ героя, а также рабство человека по отношению к животным. Мрачноватый оттенок философии произведения, возможно, обусловлен влиянием Свифта, как раз тогда завершившего своего «Гулливера» (сравним недвусмысленные указания на «благородных» лошадей).

Дать общую характеристику взглядам Арбетнота непросто. Всё его творчество напоминает беззаботное самовыражение. Лёгкая ирония над человеческими страстями порой приобретает черты фарса, порой же превращается в сентиментальное созерцание. Если авторское восприятие жизни и омрачается

чувством социальной несправедливости, то, как сказано в предисловии к «Самому удивительному чуду...», он никого не склонен винить или поучать [2, р. 475–476]. В письме Свифту за октябрь 1725 г. Арбетнот по поводу «Путешествий Гулливера» заявляет: «Человечество – неисчерпаемый источник изобретений по части дурости и безумий» [4, р. 150]. Предмет творчества у обоих просветителей один, но отношение к нему существенно разнится.

Среди произведений, написанных скриблерианцами совместно, наиболее крупным является пьеса «Три часа после свадьбы», принадлежащая перу Дж. Гея, А. Поупа и Дж. Арбетнота. В основе сюжета лежат отношения между новобрачными: пожилым доктором Фоссилом и его молодой супругой, чья невинность в итоге оказывается мнимой. Содержательное значение имеет, в сущности, только развязка. Когда моряк приносит брошенного ребёнка в дом Фоссилов – к настоящей матери, как ему указали, он приводит доктора в недоумение. Разве возможно, вопрошает он, выносить и родить ребёнка за одно утро в день свадьбы? Однако юрист успокаивает Фоссила тем, что тот «попал в лапы к человеку, который изучил всё гражданское и церковное право в области усыновления» [5]. С точки зрения закона никакой проблемы нет: ребёнок может стать его сыном, если тот пожелает. Заключительная речь Фоссила выражает позицию прагматичного филистера: «Пусть будет так. Фоссил, ты хотел наследника – он принадлежит тебе. Жену же ты не хотел – она тебе и не принадлежит. И что с того, что ты держишь в руках чужого ребёнка? Тысячи и тысячи мужей проходят через это... Какая разница, породил ли муж своего ребёнка физически или нет?» [5].

Подобного рода произведение интересно и в силу распространённости описанного случая. Если в 1719 г. (когда была написана пьеса) скриблерианцы занимались отвлечённым морализаторством, то спустя два десятилетия шотландский философ Д. Юм рассмотрит вопрос об утилитарной функции морали. Ведь если законность рождения будет ставиться под сомнение, это нарушит механизмы наследования собственности. А последнее чревато подрывом стабильности общества [8, с. 608].

Общественные проблемы, отмеченные скриблерианцами (А. Поупом, Дж. Геем и Дж. Арбетнотом) в 20–30-е гг. XVIII в., уже не укладывались в их прежние представления о гармоничном мире. Денежные отношения разъедают государственный строй, мораль, правящую элиту. Традиционные социальные регуляторы – монархия и церковь – утратили должный авторитет и сами развращены. Художественное осмысление литераторами действительности причудливым образом преломилось сквозь первоначальную модель их художественного мира. Скрытая полемика Арбетнота с индивидуализмом Б. Мандевиля, сформулированным в его «Басне о пчёлах», приняла вид отстранённо-доброжелательной иронии.

В рассмотренных сочинениях Арбетнота присутствует традиционная для тори критика господствовавших порядков: политической жизни своего времени (в образе памфлетистов), вигского режима, его внешней политики, от-

дельных просветительских идей (естественное право, рационализм). При этом автором высказывается ряд идей, вполне оригинальных по содержанию. Он противопоставляет принципу личной выгоды, популярному у виггов, идею общественной солидарности, основанной на нравственности и лояльности монархии. Некоторые вигские принципы (конституционализм, двухпартийность), надо отметить, интегрированы в его систему взглядов. В целом, взгляды Арбетнота не выделяли его из среды оппозиционных тори, использовавших сочетание традиционных торийских и вигских идей.

Литература

1. *Arbuthnot J.* The congress of bees, or, Political remarks on the bees swarming at St, James's // *Arbuthnot J.* Miscellaneous works. V. 2. Glasgow: printed for James Carlile, and Sold by the Booksellers of Great Britain and Ireland, 1751. P. 130–155.

2. *Arbuthnot J.* The most wonderful wonder that ever appeared to the wonder of the British nation // *The life and works of John Arbuthnot.* Oxford: Clarendon Press, 1892. P. 475–482.

3. *Arbuthnot J.* The state quacks, or, The political botchers // *Arbuthnot J.* Miscellaneous works. V. 1. L.: W. Richardson and L. Urquhart, 1770. P. 146–165.

4. *Davis H.* Jonathan Swift. Essays on his satire and other studied. New York : Oxford University Press, 1964.

5. *Pope A., Gay J., Arbuthnot J.* Three hours after marriage. URL: <https://www.gutenberg.org/files/37667/37667-h/37667-h.htm> (дата обращения: 27.10.2021).

6. История английской литературы. Т. 1. Вып. 2. М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945.

7. *Честерфилд Ф. Д. С.* Характеры // *Честерфилд Ф. Д. С.* Письма к сыну. Максимумы. Характеры. М.: Наука, 1978. С. 234–254.

8. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // *Юм Д.* Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1996.

JOHN ARBUTHNOT IN THE OPPOSITION TO WHIGS (1714–1735)

M. A. Kovalyov

Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir

The article discusses the little-known works of J. Arbuthnot, who was a Tory publicist of the «Augustan Age» in England. Along with such intellectuals as Viscount Bolingbroke, J. Swift, A. Pope, and others, Arbuthnot was a participant in the party-political struggle of the first third of the XVIII century. The article

concludes that Arbuthnot's views represented the traditional ideas of the Tory Party in combination with a number of borrowed Whig principles.

Keywords: *England, the «Augustan Age», Enlightenment, Scriblerians, Tories, Whigs, journalism, intellectuals.*

Об авторе:

КОВАЛЁВ Максим Александрович

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, кафедра истории, археологии и краеведения, кандидат исторических наук, e-mail: mkovalyov.89@mail.ru.

About author:

KOVALYOV Maxim Alexandrovich

Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Department of History, Archeology and Local History, Candidate of Historical Sciences, e-mail: mkovalyov.89@mail.ru.

УДК 94

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ XVIII ВЕКА В ОТРАЖЕНИИ «НЬЮГЕЙТСКОГО КАЛЕНДАРЯ»

И. М. Эрлихсон

Рязанский государственный университет, г. Рязань

В статье автор обращается к проблеме преступности в Великобритании XVIII века, акцентируя внимание на экономических преступлениях. Привлекая в качестве источника «Ньюгейтский календарь», автор реконструирует биографии персоналий, обвиненных в преступлениях против собственности, и пытается определить степень влияния психологических и социально-экономических причин, выступавших в качестве мотива преступления.

Ключевые слова: *Англия, XVIII век, экономическая преступность, коррупция, Ньюгейтский календарь.*

Бурный рост преступности в XVIII столетии озаботил, если не сказать ужаснул, современников. Английский филантроп, купец и путешественник Джонас Хэнвей в 1776 году писал: «Какие леденящие душу кровь описания ежедневно появляются на страницах газет! Какое впечатление сложится у иностранцев о нашем правительстве? Грабежи, расследования грабежей, опознания преступников, судебные процессы, публичные казни – подобного рода

заметки появляются чаще, чем объявления о свадьбах и рождениях!» Резюмируя ситуацию, Хэнвей заключает: «Мы склонны преувеличивать опасность, но в данном случае не будет преувеличением утверждать, что мы живем в стране, где человек не чувствует себя в безопасности от пистолета, приставленного к груди, ни в собственном доме, ни в экипаже, ни на улицах города» [10, р. 62–63].

Преступление было одним из факторов, создававших социокультурную реальность, которая воплощалась в материальной форме реальных человеческих взаимодействий и отражалась в письменных источниках: материалах судебных заседаний, периодических изданиях, дневниках, записках путешественников, автобиографиях, произведениях художественной литературы. Корпус подобных текстов слишком обширен, чтобы представить его анализ в рамках настоящего исследования, мы сфокусируемся на «Ньюгейтском календаре», именуемом современниками «Кровавым реестром негодяев» или «Библией преступного мира», поскольку коллекция преступных биографий стала необыкновенно популярным бестселлером, который можно было встретить на книжной полке рядовой английской семьи.

Отдельной категорией преступлений, запечатлённых на страницах «Календаря», были экономические преступления. Несмотря на то, что понятие «экономическая преступность» широко используется в научном обороте, его общепринятой уголовно-правовой и криминологической трактовки в настоящее время не существует. Первоначальное понимание экономической преступности фактически сводилось к ее отождествлению с преступностью *имущественной*, то есть посягающей на собственность.

В Новое время в уголовные законодательства различных государств постепенно включались нормы, предусматривавшие ответственность за хозяйственные преступления. «Как правило, уголовная ответственность за экономические преступления наступала при совершении таких традиционных преступных деяний, как мошенничество, ростовщичество, растрата и т. д. Однако главным образом подобного рода нормы были направлены на охрану частных прав, благосостояния населения, но никак не на экономические отношения» [9, с. 40].

Состав мошенничества в английское законодательство был введен в 1757 г. и выражался приобретением материальных ценностей (вещей, денег) путем введения в заблуждение относительно фактов. В XIX веке данные положения были распространены на сходные деяния, такие как получение обманом путем кредита или побуждение к капиталовложению; побуждение к составлению и подписанию документов путем искажения фактов или сокрытия подлинных фактов; корыстное использование суеверных представлений [1, с. 50].

«Ориентированность экономики на создание и потребление материальных благ позволила сформировать у лиц, совершающих экономические преступления преимущественно материальную ценностную ориентацию. Для

данной категории преступников в системе ценностей стали превалировать корысть, забота о личном, обман, выживание любой ценой в условиях конкуренции, вера во всевластие денег, стремление к личному обогащению» [6, с. 96]. Характерно, что количество биографий экономических преступников (они проходят под общим названием «forgery») в двух томах «Календаря» Э. Нэппа разительно различается: если в первом томе их семь, то втором, охватывающем 1740–1780 гг., уже тридцать две. Безусловно, это связано с бурным развитием капиталистических отношений, крутым и резким преобразованием всех общественных отношений под влиянием машин, под влиянием промышленной революции.

«Цивилизация, сохраняя старые, чуть ли не ежедневно создает новые виды мошенничества: гадание, целительство, карточное шулерство, наперсточничество, заем денежных средств и невозвращение, завладение движимым и недвижимым имуществом при оказании посреднических услуг, получение имущественных выгод по поддельным документам и платежным средствам...» [3, с. 56].

Примером последнего служит биография некоего Роберта Пауэлла. Она открывается преамбулой, в которой утверждается, что он стал жертвой жестоких законов своей страны, из чего можно сделать вывод, что этот персонаж вызывает скорее сочувствие, нежели осуждение. Он родился в Северном Уэльсе, получил хорошее образование, благодаря усилиям «бедных, но честных» родителей, которые послали его в Лондон в надежде, что он там преуспеет. Получив место продавца, Роберт приложил максимум усилий, чтобы продвинуться по карьерной лестнице: «столь любезна и столь обходительна была его манера держать себя, что все, от хозяев до слуг были очарованы им» [11, p. 459].

Скопив значительную сумму денег, Роберт выгодно женился на сестре Тэйлора Бэрроу, таможенного офицера и акционера Ост-Индской компании. «Достигнув процветания в торговле, вопреки советам друзей, он приобрел большую ферму в нескольких милях от Лондона, управление которой заняло все его время, и неудивительно, что вскоре он оказался в крайне стеснённых обстоятельствах под угрозой» [11, p. 459]. Угроза разорения стала причиной, толкнувшей его на подлог, в конечном счете стоивший ему жизни. Он подделал подпись своего деверя на ордере на выдачу четырехсот фунтов, воспользовался услугами брокера, предъявившего его в офисе компании, и, получив вышеозначенную сумму, уехал в Уэльс. Естественно, об афере стало известно, было объявлено вознаграждение, но подозрений в отношении Пауэлла не возникло бы, если бы ему не пришлось вернуться в Лондон по делам. «Пути Провидения неисповедимы, и читающий эти строчки, будет поражен неизбежностью божественного правосудия!», – восклицает автор. Брокер, невольно задействованный в преступной схеме, случайно встретил Пауэлла, который был одет в ту же самую одежду, и узнал его. Он пригласил его в кофейню, где незадачливого афериста опознали еще несколько человек. Олдермен

препроводил его в Ньюгейтскую тюрьму, и на следующей сессии в Олд-Бейли его признали виновным и приговорили к повешению, процедура которого состоялась второго января 1772 года.

В предисловии к «Календарю» 1780 года издания высказывалась мысль о нецелесообразности применения высшей меры к лицам, совершившим экономические преступления: Более действенным наказанием за мошенничество, как преступление коммерческого характера, по мнению анонимного автора, должна быть не казнь, а принудительный труд на всю жизнь на борту плавучих тюрем¹. Он также отвечает, что фальсификаторы редко встречаются среди отбросов общества, ведь подделка очень часто является последним ужасным средством, к которому прибегают разорившиеся ремесленники и торговцы. Эти люди подвластны чувству стыда, и бесчестие для них гораздо более страшное наказание, чем просто страх смерти» [12, р. 21]. Поведение Пауэлла подтверждает эту точку зрения: короткий промежуток между вынесением приговора и приведением его в исполнение он использовал, чтобы заключить мир с Богом. «Его раскаяние было неподдельным, он искренне сожалел о своем проступке и готовился к посмертному воздаянию как добрый христианин» [11, р. 461]. Очевидно, данный персонаж относится к категории «случайных преступников», которые совершают нетяжкое экономическое преступление впервые в результате случайного стечения обстоятельств или конкретной жизненной ситуации, противореча социально одобряемому прежнему поведению.

«Стремление к наживе, лишенное своего религиозно-этического содержания, принимает там, где оно достигает своей наивысшей свободы, характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной» [2, с. 206]. Это порождает новый тип экономического преступника – «злостного», для которого характерно «наличие стойких и значительных отклонений от социально одобряемого поведения, правовой нигилизм и четкая направленность на продолжение криминального образа жизни. Для психологического портрета личности такого преступника характерны тщеславие, установка на обогащение любой ценой, нечувствительность к риску, несоразмерные материальные амбиции, авантюрный склад ума, развитый интеллект, наличие атрибутов внешней респектабельности и добропорядочности, высокий социальный статус субъекта [4, с.61]. Именно такие персоналии чаще всего совершали преступления, которые можно отнести к разряду коррупционных.

Коррупция – внеисторический феномен, сопровождающий любую социально-экономическую систему и охватывающий практически все сферы общественной жизни. На каждом историческом этапе существования человеческого общества коррупция проявляется многовариантно, «отражая степень сложности человеческого общества и преобразований, идущих в различные периоды социального бытия» [8, с. 126].

¹ По «Закону о халках» 1776 г. в качестве альтернативного смертной казни наказания преступники мужского пола приговаривались к содержанию на плавучих тюрьмах с использованием их труда.

«В Новое время в Европе происходит формирование централизованных государств со сложным бюрократическим аппаратом управления, а также становления современных правовых систем, выступающих в роли регуляторов поведения граждан. Именно в это время формулируется наиболее популярное в наши дни понимание коррупции как преступного использования государственным служащим своих полномочий ради личного обогащения» [5, с. 272].

Проявление коррупции как умышленного использования представителями власти своего служебного статуса для противоправного получения имущественных и неимущественных благ нашло отражение на страницах «Календаря». Так, таможенный офицер Уильям Адамс, казненный 18 мая 1757 года, подделывал подписи на сертификатах на элитные вина, извлекая из этого немалую выгоду, когда же фальсификация была обнаружена, упорно отрицал свою вину. Его биограф назидательно замечает, что из преступлений, связанных с подлогом, случай Адамса исключительный и непростительный, ибо «человек, злоупотребивший общественным доверием, не заслуживает ни капли жалости» [11, р. 234].

Показателен пример Джеймса Гибсона, эсквайра, злключения которого изложены с впечатляющей детальностью. Он получил место клерка в конторе мистера Фрэнсиса, стряпчего из Линкольнс-Инн, который занимался самыми разными делами, преимущественно связанными с государственным казначейством. Будучи женатым и имея пять детей, семейному уюту он предпочел объятия некоей леди, до этого находившейся на содержании у знатного шотландского лорда и потому привыкшей жить на широкую ногу. Гибсон постоянно нуждался в деньгах и потому решил подделать подпись секретаря казначейства в документах о передаче поместья по наследству, за что получил взятку в размере девятистот фунтов.

Поступок вполне соответствовал духу времени, когда коррупция процветала во многих государственных учреждениях. «В Англии, да и в других странах процветало почти открытое культивирование коррупционных традиций в высших эшелонах власти... Министры получали взятки при заключении государством контрактов с частными лицами, а нередко и прямо запускали руку в государственное казначейство» [7, с 49]. Впрочем, наш герой даже не успел воспользоваться плодами своей «предприимчивости», спустив их на «экстравагантные излишества», так как подлог был очень быстро обнаружен, и ему пришлось провести в Ньюгейтской тюрьме более пятнадцати месяцев, прежде чем был вынесен вердикт «виновен». «После объявления приговора он погрузился в состояние глубокой меланхолии, приличествующее торжественности момента, и выражал сожаление по поводу своего неподобающего обращения с женой и детьми ... Судьба этого человека – пример того, как блестящие способности ведут своего обладателя к гибели. Никто так не преуспел в своей профессии как Гибсон, и никто так не пострадал от их неправильного

применения» [11, р. 400]. Джеймс Гибсон был повешен в Тайберне 23 марта 1768 года.

Имущественные преступления обладают рядом общих признаков с такими преступлениями как мошенничество, которое традиционно является одним из самых высокопрофессиональных проявлений женской корыстной преступности. Женщины, совершающие корыстные преступления, менее импульсивны, чувство вины у них полностью отсутствует, они обладают более высоким уровнем интеллекта, отличаются большим упрямством в своем поведении.

Разумеется, психологические особенности личности даже самых «неординарных» преступниц в описываемый период едва ли могли стать предметом криминологического анализа, но все же на страницах «Ньюгейтского календаря» и материалах заседаний Олд-Бейли отразились истории незаурядных женщин, преуспевших в искусстве изъятия материальных ценностей с полного или частичного согласия жертв.

Так, в восприятии женщин как существ, в интеллектуальном отношении уступающих мужчинам, но одновременно склонных к изощрённому обману, воспользоваться бесхитростностью, укладывается преамбула, предваряющая историю Элизабет Грив. «Нет более справедливого утверждения, гласящего, что нет ничего хуже бесстыжей женщины, которая отбрасывает приличествующую ей скромность и демонстрирует вероломство, приписываемое древними сиренам и гарпиям...» [11, р. 490]. Изобретательная особа выдавала себя за родственницу знатных особ, например, кухню лорда Норта, и предлагала за солидное вознаграждение протекцию в вопросах трудоустройства. Так, некий Уильям Кент из Беркшира отдал ей все свои сбережения за то, чтобы получить место служащего таможи, но когда он прибыл в Лондон, то не обнаружил даже следов своей «благодетельницы». В 1775 году Элизабет осудили и приговорили к высылке в колонии на два года, и, заключает составитель «Календаря», так как упоминаний о ней более не встречалось, то можно сделать вывод, что общество навсегда было избавлено от опасного элемента» [11, р. 491].

Причины преступного поведения устанавливаются при условии понимания сущности данной личности, ее внутреннего мира, переживаний, психологических особенностей. Иными словами, причина должна выводиться из психологического типа личности, который формируется под воздействием внешних социальных условий и врожденных факторов. Причины преступности женщин и мужчин, действуя на поведенческом уровне, в каждом конкретном случае приводят к неодинаковым результатам из-за различий в половой принадлежности. Также на явления и процессы, которые служат причиной мужской и женской преступности, влияют исторически сложившиеся условия их существования, специфика социальной среды, направленность основных общественных институтов. В контексте экономической преступности, как показали проанализированные биографии, специфика гендерных ролей и отноше-

ния в обществе неизбежно сказывались на совершении конкретных преступлений, определяя сферы наибольшей криминальной активности мужчин и женщин. И если идентичность и социальный статус среднестатистической женщины ограничивали ее незаконную «экономическую» деятельность рамками мошенничества, то в мужском исполнении масштаб имущественных преступлений варьировался гораздо шире, чаще всего выражаясь в реализации изоощренных коррупционных схем.

Литература

1. *Бойко С. Я.* Мошенничество в уголовном законодательстве стран с англо-саксонскими языками // *Общество и право.* 2017. № 2(60). С. 50–53.
2. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. *Гончарова В. М.* Особенности современной криминальной ситуации, связанной с рецидивом корыстных преступлений // *Вестник Воронежского института МВД России.* 2013. № 4. С. 55–59.
4. *Деулин Д. В., Пестунова М. Н.* Индивидуально-психологическая детерминация лиц, совершающих экономические преступления // *Вестник Академии экономической безопасности МВД России.* 2009. № 9. С. 59–61.
5. *Изотов М. О.* Генезис понятия коррупции в социально-философской мысли // *Научные ведомости Орловского государственного университета. Серия Социология. История. Право.* 2021. № 2 (97). Выпуск 15. С. 270–278.
6. *Казакевич С. М.* Криминологический портрет лица, совершающего экономические преступления // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2017. № 2 (40). С. 93–97.
7. *Колмаков М. А.* Феномен коррупции в 1720–1740 гг. в высших эшелонах власти Великобритании // *Вестник Брянского государственного университета.* 2017. № 1. С. 45–51.
8. *Соломеин А. Ю., Соломеина Л. А.* Философское осмысление феномена коррупции // *Ученые записки С Пб филиала РТА.* 2017. № 3 (63). С. 125–129.
9. *Хилута В. В.* Экономические преступления: история уголовно-правового регулирования // *Всероссийский криминологический журнал.* 2007. № 1–2. С. 40–47.
10. *Hanway J.* Solitude in imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutory Prevention. L.: F. Bew, 1776.
11. *The Newgate Calendar. Comprising Interesting Memoirs of the Most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England Since the Commencement of the Eighteenth Century; with Occasional Anecdotes and Observations, Speeches, Confessions, and Last Exclamations of Sufferers / by A. Knapp, W. Baldwin. Vol. 2. L.: J. Robins and Company, 1824.*

12. The Newgate Calendar / Edited by Donal ó Danachair published by the Ex-classics project, 2009. URL: <https://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/book/lookupid?key=olbp25118> (дата обращения: 15.10.2021).

ECONOMIC CRIME IN THE XVIII CENTURY ON THE PAGES OF NEWGATE CALENDAR

I. M. Erlikhson

Ryazan State University, Ryazan

The author investigates the problem of crime in Great Britain in the 18th century, focusing on economic crimes. Analyzing the Newgate Calendar as a literary source, the author reconstructs the biographies of persons accused of crimes against property, and tries to determine the degree of influence of psychological and socio-economic reasons that acted as a motive for the crime.

Key words: *England, XVIII century, economic crime, corruption, Newgate calendar.*

Об авторе:

ЭРЛИХСОН Ирина Мариковна

Рязанский государственный университет, кафедра всеобщей истории и международных отношений, доктор исторических наук, e-mail: i.erlihson@365.rsu.edu.ru.

About author:

ERLIHSON Irina Marikovna

Ryazan State University, Department of World History and International Relations, Doctor of Historical Sciences, e-mail: i.erlihson@365.rsu.edu.ru.

**БРИТАНСКИЕ АГЕНТЫ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В ПЕРИОД
РЕВОЛЮЦИОННЫХ И НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН:
СПИРИДОН ФОРЕСТИ**

Л. Р. Сабитова

Саратовский государственный университет, г. Саратов

В статье предпринята попытка осветить и проанализировать деятельность одного из самых ценных британских агентов в Средиземноморье в эпоху Революционных и Наполеоновских войн – Спиридона Форести. Этот грек, еще до начала Французской революции поступивший на британскую службу в качестве консула на родных Ионических островах, стал на рубеже XVIII–XIX столетий поистине незаменимым человеком, обеспечивавшим информацией британских дипломатов и, прежде всего, боевых командиров в регионе, самым известным из которых был знаменитый адмирал Г. Нельсон.

Ключевые слова: С. Форести, Ионические острова, антифранцузские коалиции, Г. Нельсон, разведка.

Средиземноморье в период Революционных и Наполеоновских войн – один из наиболее интересных и в то же время относительно мало изученных исторических сюжетов. До начала Французской революции 1789 г. этот регион рассматривался ведущими европейскими державами в основном как территория, находящаяся в ведении купцов и торговых компаний, а не военных и дипломатов [10, р. 10]. После начала первой антифранцузской коалиции (с 1793 г.) он предполагался как вспомогательный театр военных действий, открытый с целью блокады процветавшей здесь французской торговли [9, р. 46–48]. Однако по мере развития событий, а точнее, после того как Франция открыто обозначила свои колониальные амбиции, касавшиеся провинций слабеющей Османской империи, ситуация начала стремительно меняться.

Собственно, проблема начинающего формироваться «Восточного вопроса» беспокоила ряд европейских государств уже после Кючук-Кайнарджийского мира 1775 г. – громких побед России, присоединения Крыма, средиземноморской экспедиции графа Орлова – однако тактично замалчивалась: слишком много спорных вопросов в тот момент решалось в самой Европе и колониях. Теперь же Средиземноморский театр военных действий начал приобретать растущее значение. Да, он не стал главным – здесь не решался вопрос о суверенитетах европейских государств – главных участников антифранцузских коалиций, здесь не было колоний враждующих государств или «бесхозных территорий», которые можно было открыто присвоить, не «обидев» при этом какие-либо региональные силы (будь то Османская импе-

рия или Итальянские государства, чье время могущества давно миновало). Однако в Средиземном море разыгрывались другие важные карты.

Именно здесь, на южном берегу Франции, находился ее главный порт – Тулон, где обычно концентрировались основные силы военно-морского флота. Именно отсюда отправлялись важные экспедиции – Наполеона Бонапарта в Египет в 1798 г.; это же была первоначальная локация флота адмирала П.-Ш. Вильнева, разбитого при Трафальгаре в 1805 г. Неудивительно, что порт должен был находиться под постоянным наблюдением главного противника французов – англичан. Для островной нации, находившейся под угрозой вторжения, было жизненно важно обеспечить себе победу в морской войне. Чтобы нейтрализовать силы французов и их союзников испанцев в Средиземном море, нужны были военные базы в регионе помимо Гибралтара, захваченного еще в далеком 1704 г. Для их получения требовалось влияние на средиземноморские государства, за которое разгоралась настоящая борьба.

Для Великобритании ситуация изначально складывалась не лучшим образом. Во многом это объяснялось позицией официального Лондона, который видел основную задачу в обеспечении победы над французами на континенте, защите своих и захвате французских колоний. Данный вспомогательный театр военных действий, по сути дела, был отдан на усмотрение командовавших средиземноморским флотом. Причем вскоре оказалось, что их задачи сводились не только к военным операциям. Главное было быстро реагировать на постоянно изменяющуюся политическую ситуацию [8, р. 278]. Ориентироваться по обстоятельствам оказалось довольно сложно ввиду отсутствия информации о происходящем в регионе и на европейском континенте в целом.

Наверное, сейчас, учитывая сложившийся стереотип о Коварном Альбионе, сложно представить отсутствие у Великобритании разветвленной сети агентов. Однако на тот момент «торговый» регион действительно не особенно интересовал британское правительство. Многие интересные идеи и наблюдения консулов сразу отправлялись под сукно. Теперь же, в условиях необходимости, отсутствие не то что сети разведки, а просто координации между британскими дипломатами и военными в регионе приводило к невозможности своевременного получения необходимой информации. Особенно ситуация стала ухудшаться после 1796 г., когда Испания перешла на сторону Франции, большая часть Италии была также завоевана Наполеоном, и для английских представителей дальнейшее пребывание там стало небезопасно. Окончательно отсутствие разведанных ударило в 1798 г. по эскадре адмирала Г. Нельсона, которая больше двух месяцев не могла найти вышедшую из Тулона в Египет флотилию генерала Бонапарта.

Фактически, в своих действиях британские командиры вынуждены были опираться на собственные источники информации. В Средиземноморье ее часто поставляли представители торговой среды (и англичане, и местные), занимавшиеся поставками для флота в нейтральных портах. Информация была разной – от сухих фактов в газетах и пересказа событий на местах до точных

сведений о действиях и намерениях противника, полученных путем заедствования собственных деловых связей. В англоязычной историографии даже появился термин «торговые новости» [12, р. 89]. К сожалению, в истории остались имена далеко не всех людей, рисковавших столь многим для оказания помощи соотечественникам или союзникам. Однако некоторые из них стоят особняком. Так, редкое исследование, касаясь событий в Средиземноморье на рубеже XVIII–XIX вв., обходится без упоминания британского консула на Ионических островах – Спиридона Форести.

Для отечественного специалиста Ионические острова ассоциируются, как правило, со штурмом острова Корфу эскадрой адмирала Ушакова в 1799 г. и стремлением установить на этой территории русское влияние. Поэтому неудивительно, что отечественные исследователи, особенно советской эпохи, подвергали британского представителя Форести самой резкой критике. Предатель, грек, способствовавший установлению на родных островах британского протектората вместо логичного стремления под покровительство братской православной России [1; 2; 3; 4]. Он появляется даже в художественном произведении советского автора – так, в романе М. С. Яхонтовой «Корабли идут на бастионы» (по которой в 1953 г. был снят второй фильм дилогии об адмирале Ф. Ф. Ушакове), Форести и вовсе торгаш, презренная личность, заранее прибившаяся к англичанам как к будущим возможным покровителям, но, по сути, готовый «прогнуться» под любого завоевателя Родины, при условии, что это будет приносить ему доход [6]. Сами греческие исследователи, рассматривая непростое становление греческой государственности в описываемый период и отношения с ведущими европейскими державами, упоминают его вскользь, но большинство источников, на которые они ссылаются – донесения Форести британским военным, дипломатам и правительству [5]. Британские исследователи говорят о нем, как правило, довольно нейтрально [13]. Только в последние годы наметилась тенденция отдать ему должное и признать его заслуги как одного из самых ценных, многоплановых и долгоиграющих игроков на шпионской сцене Средиземноморья рубежа XVIII–XIX вв. [7].

Итак, что же из себя представлял Спиридон Форести? Он родился в 1752 г. на острове Занте, в благородной семье мореплавателей, и до 30 лет следовал семейной традиции, служа в торговом флоте Венецианской республики (в состав которой входили на тот момент Ионические острова), после чего изъявил желание поступить на британскую службу в качестве консула на родном острове. Отметим, что данный факт не представлял собой что-то необычное. Англия давно имела торговые связи с островной Грецией, где закупала в основном оливковое масло и изюм. Еще к временам Генриха VII относится упоминание о первых английских консулах на Занте, роль которых исполняли местные жители [14, р. 2–3]. Впоследствии данное правило приняла отвечавшая за торговлю с Ближним Востоком Английская Левантийская ком-

пания. Поэтому Форести вряд ли можно считать предателем и перебежчиком, как утверждали советские специалисты.

На британской службе он находился с 1783 по 1814 г., и за это время неоднократно менял свое местонахождение (Занте, Венеция, Корфу, даже Мальта) и официальную должность (консул, агент, советник командующего британской оккупационной армией). Функции его были также самыми разнообразными. В первые годы службы главной задачей консула было обеспечение безопасности британской торговли, в частности, контроль за ремонтом кораблей в портах, обеспечение поставок. В военные годы важной стала информация о наличии в местных водах вражеских каперов. Дипломатическая функция Форести как британского представителя на переговорах с местными властями существенно осложнилась с начала 1790-х годов по мере роста французского влияния и популярности революционных идей. Соответственно, как политический агент он тратил довольно большие суммы для поддержки контрреволюционных и антифранцузских настроений. Наконец, особо важной была информационная поддержка, которую оказывал Форести британским вооруженным силам и непосредственно командующим средиземноморским флотом. Кстати, что нетипично для агентов, он принимал участие в сражениях: был на русском корабле во время осады Корфу в 1799 г., на британском корабле в составе эскадры, штурмовавшей Ионические острова в 1809–1810 гг., и даже был ранен в ходе битвы за остров Св. Мавры [7, р. 3–4].

Любопытно, что какие-либо инструкции непосредственно из Лондона для Форести приходили редко. Впрочем, это можно сказать о многих дипломатах региона – от них ожидали лишь поставку данных, ценность которых должны были оценить уже в столице. Так, консул заслужил внимание главы Форин Оффиса только в следующих случаях. Во время французской оккупации островов в 1797–1798 гг. Форести находился под подозрением и был выслан в Венецию, где письмо министра иностранных дел лорда Уильяма Гренвилля требовало от него продолжения поиска информации о французских кораблях под Тулоном. Позже, в 1799 г., Гренвилль потребовал информационной поддержки для своего родственника, небезызвестного Уильяма Сиднея Смита, отправляемого блокировать французскую армию в Египте. Наконец, в 1802–1807 гг. он был уполномочен взаимодействовать с русским представителем графом Мочениго против распространения французского влияния и даже потратить на это до 10 тысяч фунтов стерлингов [11, р. 197–198].

Резко контрастирует с Лондоном интенсивность взаимодействия Форести с британскими командирами в регионе. Для военно-морского флота консул на Ионических островах был исключительно ценным человеком, благодаря своему происхождению, дававшему доступ в высшие круги местного общества и к его политическим идеям; своим деловым связям, распространявшимся на большинство портов Греции, Италии, Ближневосточного побережья, а также на некоторые европейские столицы; благодаря опыту не только дипломата, но и в прошлом коммерсанта и моряка [7, р. 6–7]. Его инфор-

мация всегда была очень точной, проверенной, и отправлялась наиболее быстрыми (учитывая, что средняя скорость доставки депеш в Лондон с Корфу была около 2 месяцев, больше, чем переход из Англии в Карибское море) и надежными способами (несмотря на отсутствие доступа к шифру, о котором Форести неоднократно просил).

Наиболее важным периодом в его деятельности считается отрезок 1797–1805 гг., по сути дела, совпавший с начальным этапом становления британского влияния в Средиземноморье. После захвата Ионических островов французами в 1797 г. Форести был перевезен на Корфу и поставлен под наблюдение властей. Тем не менее, ему удалось через британского посла в Неаполе сэра Уильяма Гамильтона передать информацию о количестве и состоянии французских (и присоединенных к ним венецианских) кораблей, а также о нежелании французского командующего адмирала Ф.-П. Брюэса возвращаться во Францию, где он боялся преследований за свое благородное происхождение. Действительно, впоследствии именно Брюэс командовал французской эскадрой в сражении с эскадрой адмирала Нельсона при Абукире (1798), и на него Наполеон возложил вину за поражение.

Именно в тот период посол Гамильтон прикрепляет данные Форести к своим письмам Нельсону и рекомендует в качестве хорошего агента. Тогда и были заложены основы сотрудничества этих двоих совершенно разных людей. Они никогда не встречались, однако это не мешало им видеть друг в друге такого же заинтересованного в продвижении английских интересов профессионала. Несмотря на то, что Форести активно взаимодействовал и с другими британскими командирами, с Нельсоном его связывали особые отношения. С 1798 по 1805 год они обменялись более 80 депешами только официально, причем последняя была доставлена в конце ноября 1805 г. – через месяц после Трафальгарского сражения, трагически оборвавшего жизнь знаменитого адмирала. У этих депеш была самая разная тематика – от общего состояния дел в Восточном Средиземноморье до «личных дел» представителей других держав на Ионических островах [7, р. 10–14].

В 1803 г., после своего назначения главнокомандующим средиземноморским флотом, Нельсон в своих донесениях начальству отмечал необходимость создания сети разведки в регионе. В рамках реализации этого своего плана он обратился к британскому консулу на Ионических островах. Услуги Спиридона Форести адмирал активно рекомендовал британскому послу в Стамбуле и военному министру [11, р. 197]. В этот период, предшествовавший Трафальгару, Форести занимался сбором информации относительно русской и французской активности в Османской империи (на территории Греции), координированием конвоев для защиты торговых судов и поиском оптимальных баз снабжения для британской эскадры.

В итоге, во многом благодаря деятельности Спиридона Форести, заложен был фундамент для названия «Корфу – обсерватория для наблюдения за всей европейской частью Турции» [11, р. 205–207]. Созданы были предпосылки

для осознания британским правительством важности установления влияния в Восточном Средиземноморье, необходимости получения Ионических островов как военно-стратегической базы. В итоге, проведение операции по их захвату в 1809–1810 гг. привело к установлению над ними британского протектората, узаконенного на Венском конгрессе 1815 г. и продолжавшегося до 1864 г.

Литература

1. *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М.: Изд-во академии наук СССР, 1962.
2. *Станиславская А. М.* Политическая деятельность Ушакова в Греции. М.: Наука, 1983.
3. *Тарле Е. В.* Адмирал Ушаков на Средиземном море // Три экспедиции русского флота. М.: Воениздат, 1956.
4. *Трухановский В. Г.* Судьба адмирала: триумф и трагедия. М.: «Молодая Гвардия», 1984.
5. *Давтян-Иоакимиди А.* Иоаннис Каподистрия и Греция в наполеоновских войнах и посленаполеоновское время // Пространство и Время: Альманах. Электронное научное издание. 2012. Т. 1. Вып. 2. URL: <http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t1v2/1211.php> (дата обращения: 11.10.2020).
6. *Яхонтова М. С.* Корабли идут на бастионы. М.: Военно-морское Издательство, 1952.
7. *Chessell C. I.* Britain's Ionian Consul: Spiridion Foresti and Intelligence Collection (1793–1805) // *Journal of Mediterranean Studies*. 2006. Vol. 16. № 1/2. P. 45–63.
8. *Duffy M.* British Naval Intelligence and Bonaparte's Egyptian Expedition // *The Mariner's Mirror*. 1998. Vol. 84. № 3. P. 278–290.
9. *Griffith P.* The Art of War of Revolutionary France, 1789–1802. London: Greenhill books, 1996.
10. *Ingram E.* From trade to empire in the near East – I: the end of the spectre of the overland trade, 1775–1801 // *Middle Eastern Studies*. 1978. Vol. 14. № 1. P. 3–21.
11. *Knight J.* Nelson and the Eastern Mediterranean, 1803–1805 // *The Mariner's Mirror*. 2005. Vol. 92. № 2. P. 205–207.
12. *Knight J.* Nelson's 'old lady': Merchant news as a source of intelligence (June to October 1796) // *Journal for Maritime Research*, 2005. Vol 7. № 1. P. 88–109.
13. *Saul N. E.* Russia and the Mediterranean, 1797–1807. Chicago: Chicago University Press, 1970.
14. *Wood A. C.* A History of the Levant Company. London: Oxford University Press, 1935.

BRITISH AGENTS IN THE MEDITERRANEAN AT THE AGE OF THE REVOLUTIONARY AND NAPOLEONIC WARS: SPIRIDON FORESTI

L. R. Sabitova

Saratov State University, Saratov

The article attempts to highlight and analyze the work of one of the most valuable British agents in the Mediterranean during the Revolutionary and Napoleonic wars – Spiridon Foresti. This Greek, who, some years before the French Revolution, entered the British service as a Consul at his native Ionian Islands, became, at the turn of the XVIII–XIX centuries, a truly irreplaceable man, who provided British politicians with information and, more importantly, helped military commanders in the region, the most prominent of whom was the famous admiral H. Nelson.

Keywords: S. Foresti, Ionian Islands, anti-French coalitions, H. Nelson, intelligence collection.

Об авторе:

САБИТОВА Лилия Равильевна

Саратовский государственный университет, кафедра английского языка и межкультурной коммуникации, кандидат исторических наук, e-mail: sabitovaliliya90@mail.ru.

About author:

SABITOVA Liliya Ravilievna

Saratov State University, Department of the English Language and Intercultural Communication, Candidate of History, e-mail: sabitovaliliya90@mail.ru.

УДК 94(420).081

THOMAS CARLYLE'S PHILOSOPHY OF HISTORY (ACCORDING TO HIS ESSAYS OF EARLY 1830S)

С. А. Зотов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В статье рассматриваются историко-методологические взгляды известного мыслителя Викторианской Британии Томаса Карлейля на основе эссе, относящихся к раннему периоду его творчества. Идеи, обозначенные им в

указанных очерках, нашли свое отражение в последующих исторических и публицистических сочинениях, сделавших его имя знаменитым на родине и за рубежом.

Ключевые слова: *Томас Карлейль, романтизм, философия истории, начало 30-х гг. XIX в.*

*Only he, who understands what
has been, can know what should
be and will be
Th. Carlyle, 1833*

The interest in the literary inheritance of the outstanding British thinker of Victorian age Thomas Carlyle (1795–1881) in Western states is constant [см. напр.: 1, с. 658–659] and it has increased visibly in our country during the last thirty-year period. In modern native historiography the scientist is referred to representatives of romanticism [2, с. 158], to supporters of «the biographic school» [6, с. 47] or he is not identified with any particular historiographical direction at all [5, с. 46].

Carlyle became a historian and formed his methodical position in the early thirties of the XIX century. During this period inspired by German romanticism literature (Goethe, Novalis, Fichte, Schiller, Richter [13, p. 21–34; 14, p. 33–34]) the young man defined his own original views [3, с. 130]. Three papers connected with fundamental historical theoretical problems – «On History», «Biography» and «On History Again» are distinguished among the other writer's works of the period. In Russian historiography the small essays were analyzed only by T. A. Sinelnikova [4]. But for the English-speaking carlyleans they are very important being a transition period from criticism of literature to history [15, p. 15–16].

The essay «On History» was first published Fraser's Magazine in November 1830. It is a development of material Carlyle worked on in «A History of German Literature» in 1829–1830 (the book was never finished by the author) [11, p. 55].

The thirty-five year-old researcher first of all enunciates his view on the meaning of history. In his opinion, we must fitly bestow honours to Clio who was figured by the ancients as «the eldest daughter of Memory and the chief of the Muses». History is «at the root of all science». It is «the first distinct product of man's spiritual nature» and «his earliest expression of what can be called Thought». Of all mankind «there is no tribe so rude», that fighting against oblivion and living between two eternities (Future and Past), would not try to create History. Our «whole spiritual life» is built thereon. Moreover «all Knowledge» is «a product» of History. For «all inquiring minds of every order» it has a practical sense: «Sentimentalist and Utilitarian, Skeptic and Theologian with one voice advise us: Examine History, for it is Philosophy teaching by Experience». In first turn «Philosophy of History» (Carlyle uses the term often) sets some «fundamental questions» nobody glanced at except philosophical historians. Some of them are: «What is the aim and signifi-

cance of this wondrous changeful life...? Whence the course of man's destinies in this Earth originated?» [9, p. 83–85].

The fulfilment by History its practical function demands a proper vision of its object – social life. In Carlyle's opinion, it is «the aggregate of all the individual men's Lives who constitute society». Thinking about men in history, the author speaks against passion for political and military history: «Battles and war tumults... are remembered by accident, not by desert», «political constitutions are not our Life, but only the house wherein our life is led». That is why «not Dracos and Hampdens» «but Phoenician mariners, Italian masons and Saxon metallurgists, philosophers, alchemists, prophets, and all forgotten artists and artisans» – all of them who «have been jointly teaching us how to think and how to act, how to rule over spiritual and over physical Nature» are the most important personages in human history. It's possible to confirm that history of everyday life, using a modern term, is the main one for Carlyle: «the inventions and traditions, daily habits» regulate and support our existence. However «the more important part of our History is lost without recovery». The events that were recorded and were mutually agreed with are: a «Crossing of the Rubicon», an «Impeachment of Strafford», a «Convocation of the Notables». The majority interprets them as «epochs in the world's history, cardinal points on which grand world-revolutions have hinged». But correctness of these opinions is put to doubt: «the real cardinal points lay far deeper and had been passed over unnoticed, “no hammer in the Horologe of Time peals through the universe, when there is a change from Era to Era”». So «the weightiest causes may be the most silent» [9, p. 86–88].

The author's thoughts about a historical narrative seem actual. There is «a fatal discrepancy» in our «faculty of insight into passing things», in our understanding of historical facts. «The most gifted man» can record «only the series of his own impressions», and the facts look like some sequence. But actual events are «nowise so simply related to each other as parent and offspring are». Every event is the result «not of one, but of all other events prior or contemporaneous, and will in its turn combine with all others to give birth to new». It is «an ever-living, ever-working Chaos of Being», the «boundless» and «unfathomable» force in history. Therefore, it is correct to interpret each event «as extended in breadth, and in depth, as well as in length». It's obvious: «Narrative is linear, Action is solid». The way out of the contradiction is offered in a romanticism manner: «earthly» historians should lower pretensions on «all-knowledge» and admit the existence of the inscrutable for man's mind «mysterious vestiges of Him (God. – S. Z.), whose path is in the great deep of Time». Again Carlyle shows an original point of view, calling to make historical studies more active. We give a spacious quotation to prove it: «Let us search more and more into the Past; let all men explore it as the true fountain of knowledge; by whose light alone... can the Present and the Future be interpreted or guessed at. For though the whole meaning lies far beyond our ken; yet in that complex Manuscript,... – nay, which is a Palimpsest, and had once prophetic writing, still dimly legible there, – some letters, some words, may be deciphered;... well

understanding,... that it is only a little portion we have deciphered...; that history is a real prophetic Manuscript, and can be fully interpreted by no man» [9, p. 88–90].

The British thinker discerns two types of historians. Those researchers who work «mechanically», «not feeling that there is the Whole» are named «the Artisans». They examine some special (political, moral or economical) aspect of history which inference must be true and practically valuable. But they are limited by only the rationalized method and consider the matter «exhausted». «The Artists in History» are the second sort. They know «that only in the Whole is the Partial to be truly discerned». They ennoble the humblest sphere of cognition «with an Idea of the Whole». Counterbalancing the first ones, the masters see even in a successful step the limited nature of human cognition and «the infinite nature of history». The achievement of the artist's level is possible by widening and deepening of historical studies. «The Political Historian» who is «almost the sole cultivator of History» must elucidate other phases of human life and leave «fondness in Senate-houses, in Battle-fields, even in King's Antechambers». The description of «how soldiers were drilled and shot», or «how this ministerial conjurer out-conjured that other», will pass for «an instructive Gazetteer, but will no longer be called an Historian». However the political historian can accomplish but a part and leaves «room for numerous fellow-labourers». Among them – «the Ecclesiastical Historian», who endeavours «with catholic or sectarian view to trace the progress of the Church». This social establishment is more important for a man, than «the form of government he lives under and the power he can accumulate there». «The degree of moral Elevation he can acquire by means of its (church's. – S. Z.) instruction» has prime influence. «The Ecclesiastical Historian» as «his Political fellow-craftsman» must not be limited by «the outward mechanism». «Rightly conducted», the Church is not in «Ecumenic Council Halls and Cardinals' Conclaves», but in «the hearts of Believing Men, in whose walk and conversation... its progress or decline were to be ascertained». Then the history of philosophy would be «highest in dignity and difficulty». It studies opinions and theories respecting the nature of human being and relations «to the Universe, Visible and Invisible». It «would be a province of Church History» according to its contents. But relations between «the worship of divine things» and «the scientific investigation of divine things» are «hostile». Then «a proper History of Poetry» is also close to «the highest pinnacle in our inward world». It forms some idea of «that unspeakable Beauty, which in its highest clearness is Religion, is the inspiration of a Prophet, ... every true Singer». Such historian is too clear to everyone. He gives an idea of «steps men had ascended to the Temple», the ideal of excellence, or «ill hap they had turned away from it» and «blindly struggled towards other heights». At the end of the essay the author makes a conclusion that «in manifold directions» History strives «to secure for us some oversight of the Whole», and every honest historian's endeavours would not be useless [9, p. 90–95].

The article «Biography» appeared in Fraser's Magazine in April 1832. It is a review of the republished in 1831 book by James Boswell «The Life of Samuel

Johnson». With the high estimates of five-volume work of the English biographer the reviewer gives his own thoughts about an object of History. The only fact worth our attention is that the principles of the well-known Carlyle's doctrine of the Hero are stated exactly in this essay.

«Man's sociality of nature» becomes apparent in «the unspeakable delight he takes in Biography». The interest in the genre is natural: «The proper study of mankind is man», «Man is perennially interesting to man; ... there is nothing else interesting». The great attention to biography has both «the scientific and poetic» meaning. The scientific one consists in: «every mortal» meets with the main «Problem of Existence» – «the Problem of keeping soul and body together». Its individual decision is «original» and «instructive», therefore we don't «indent to live». The poetic sense is: «every man's Life», «more or less victoriously» exhibiting «the same struggle of human Free-will against material Necessity», calls «the Sympathy of mortal hearts into action», into social activity. This is «the sole Poetry possible». Thus of millions of living men each individual is «a mirror to us... both scientific and poetic». Peering therein, anyone discerns «the image of his own natural face, and the supernatural secrets that prophetically lie under the same». (Our interest of «a Biographic sort» reveals more obviously in «the highest works of Art»: while we enjoy a picture and a song, «the Painter and the Singer are present to us; we partially and for the time become the very Painter and the very Singer»). From these positions History is «the essence of innumerable Biographies» [7, p. 44–46].

The last essay we analyze – «On History Again» – was published in Fraser's Magazine in May 1833 and was, by Carlyle's acknowledgement, the second part of the sketch «On History» [12, p. 119]. During this period the author began to explore the theme of the Great French revolution. That is why the development of theoretical research in the sphere of history proved to be necessary for him. In the style and structure this (as the previous) article resembled his philosophic novel finished by 1831 and named «Sartor Resartus» [11, p. 104] (in one of the interpretations – «The Turned Tailor» [3, c. 136]), and in the form – a public speech to some audience. Carlyle used this technique of direct appeal to the reader in his journalism [8, p. 670–679].

Again Carlyle stressed the exceptional role of the historical science in the system of knowledge. «History recommends itself as the most profitable of all studies» before a man who vindicates himself as «vital portion of a Mankind». It is «the Letter of Instructions», which the old generations «write and posthumously transmit to the new», or more generally – «the Message, verbal or written, which all Mankind delivers to every man». Therefore all books «were they but Song-books or treatises on Mathematics» are «historical documents». Then the conclusion is made that History is «the only study and includes all others whatsoever». Because its perfection consists of «all that the whole Family of Adam had hitherto been and hitherto done», in learning everything «extant or possible» [10, p. 167–168].

However the studying of the past meets with the serious difficulties. «Our "Letter of Instructions" comes to us in the saddest state; falsified, blotted out, torn,

lost, and but a shred of it in existence; this too so difficult to read or spell». The problem of the interpretation of such «a defective shred» arises. Once again the British author emphasizes the moral aspect in the activity «of the historic Pen»: «Truth means simply the thing trowed, the thing believed... Without Understanding, Belief itself will profit little: and how can your publishing avail, when there was no vision in it, but mere blindness?» [10, p. 171].

«Universal History» is «a magic web» in Carlyle's opinion. It is «the ever-growing fabric wove itself forward, out of that raveled immeasurable mass of threads and thrums, (which we name Memoirs); nay, at each new lengthening, (at each epoch,) changed its whole proportions, its hue and structure to the very origin». The necessity of the historical material perennial reevaluation is explained with help of this image. But one thing is invariable: Carlyle's interpretation of History as «the universal Divine Scripture», which influence «no man shall bring in question» [10, p. 175–176].

In conclusion it is worth to note that in his further works which brought to him the world glory Thomas Carlyle developed these philosophy of history problems which he had created in his early essays. Among the main ideas of the British thinker's philosophic method we mention – his examination of history as a integral and mysterious system, his emphasis on humane and moral (religious) understanding, his speaking against the mechanical interpretation of man and society.

Литература

1. *Даймонд Дж.* Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ / Пер. с англ. М. Колопотина. М.: Изд-во АСТ, 2019.

2. *Ретина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания: Пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004.

3. *Саймонс Дж.* Карлейль / Пер. с англ. и коммент. Е. Сквайрс. М.: Мол. гвардия, 1981.

4. *Синельникова Т. А.* Формирование теоретико-методологических взглядов Томаса Карлейля как историка («Об истории», «Биография», «Снова об истории»). Томск, 1989 (статья была депонирована в ИНИОН РАН № 39039).

5. *Соколов А. Б.* Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США: учебное пособие. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007.

6. *Шарифжанов И. И.* Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004.

7. *Carlyle Th.* Biography // The Works of Thomas Carlyle in Thirty Volumes. Centenary Edition / Ed. by H. D. Traill. L.: Chapman and Hall, 1896–1899. Vol. 28. P. 44–61.

8. *Carlyle Th.* Occasional Discourse on the Negro Question // Fraser's Magazine. 1849. Dec. (Vol. 40). P. 670–679.

9. *Carlyle Th. On History // The Works of Thomas Carlyle in Thirty Volumes. Centenary Edition / Ed. by H.D. Traill. L.: Chapman and Hall, 1896–1899. Vol. 27. P. 83–95.*

10. *Carlyle Th. On History Again // The Works of Thomas Carlyle in Thirty Volumes. Centenary Edition / Ed. by H.D. Traill. L.: Chapman and Hall, 1896–1899. Vol. 28. P. 167–176.*

11. *A Carlyle Reader. Selections from the Writings of Thomas Carlyle / Ed. by G. B. Tennyson. Cambridge: Cambridge univ. press, 1993.*

12. *Dyer I. W. A Bibliography of Thomas Carlyle's Writings and Ana. N. Y.: Octagon Books, inc., 1968.*

13. *Moore C. Carlyle and Goethe as Scientist // Carlyle and His Contemporaries. Essays in Honour of Charles Richard Sanders / Ed. by J. Clubbe. Durham (North Carolina): Duke University Press, 1976. P. 21–34.*

14. *Rosenberg J. D. Carlyle and the Burden of History. Cambridge: Cambridge univ. press, 1985.*

15. *Rosenberg Ph. The Seventh Hero: Thomas Carlyle and the Theory of Radical Activism. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 1974.*

THOMAS CARLYLE'S PHILOSOPHY OF HISTORY (ACCORDING TO HIS ESSAYS OF EARLY 1830S)

S. A. Zotov

The National Research State University of Nizhniy Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas

The article examines the historical and methodological views of the famous thinker of Victorian Britain Thomas Carlyle on the basis of essays relating to the early period of his creative work. The ideas outlined by him in these essays were reflected in subsequent historical and journalistic writings that made his name famous at home and abroad.

Keywords: *Thomas Carlyle, romanticism, philosophy of history, the beginning of the 30s of the XIX century.*

Об авторе:

ЗОТОВ Сергей Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории, обществознания и права, кандидат исторических наук, e-mail: istagpi@mail.ru.

About author:

ZOTOV Sergey Aleksandrovich

The National Research State University of Nizhniy Novgorod, Arzamas branch, Department of History, Social Studies and Law, Candidate of Historical Sciences, e-mail: istagpi@mail.ru.

УДК 9:93/94

«НЕДЕТСКИЕ ПРОБЛЕМЫ» ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОРДЖА КРУКШЕНКА

О. В. Яблонская

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

Статья посвящена творчеству английского карикатуриста и иллюстратора Джорджа Крукшенка. Акцент сделан на анализе работ, посвященных проблемам детской беспризорности и безнадзорности в Великобритании в XIX веке. Рассматривается его вклад в создание романа об Оливере Твисте, характеризуются брошюры с иллюстрациями и карикатурами – «Дети пьяницы», «Кусочек хлеба с маслом», «Наши дети из трущоб».

Ключевые слова: Великобритания, XIX век, детская беспризорность, Крукшенк, карикатура.

Цивилизованность общества определяется тем, как оно защищает самых слабых, в первую очередь детей, независимо от их социального происхождения. Индустриальная эпоха привела к существенному росту материальных благ. Особые успехи демонстрировала Великобритания, она по праву считалась «мастерской мира». Однако экономические достижения сопровождались социальным расслоением, обнищанием значительной части населения. Жертвой этих противоречивых процессов становились дети. В XIX в. в Великобритании увеличивается количество сирот и несовершеннолетних из бедных или неблагополучных семей. Внимание государства и общественности к брошенным, оставшимся без семьи, ведущим бродячий образ жизни детям привлекали деятели искусства. «Недетские проблемы» маленьких британских жителей поднимал Джордж Крукшенк. Произведения одного из самых популярных карикатуристов и иллюстраторов заставляли задуматься и приступить к разработке программ помощи мальчикам и девочкам, которые оказались без дома, опеки, образования, воспитания.

Джордж Крукшенк родился в Лондоне в 1792 г. в семье карикатуриста Исаака Крукшенка. После недолгого обучения в начальной школе Джордж стал помогать отцу в печатной мастерской. Сын рисовал названия карикатур,

вставлял фон, обстановку, диалоги. Уже в детстве он выполнил несколько иллюстраций для книг, за которые ему заплатили. К шестнадцати годам он имел большой опыт, ставил свою подпись под рисунками, разработал свой стиль гравировки. В 1811 г. отец умер от алкогольного отравления, Джордж стал главным кормильцем в доме, заботился о сестре и матери. Таким образом, образование карикатуриста проходило не в классных комнатах, не в Королевской академии художеств, куда он мечтал поступить, а в студии и на улице. Это определило демократический характер работ Крукшенка, его интерес к простым людям, к их бедам. Отсюда и глубокое знание Лондона, его улиц, порядков, характера жителей и их привычек. Несмотря на ограниченные возможности в получении образования, Крукшенк считается одним из самых талантливых граверов. Он заслужил похвалы самого Рёскина, который мог одним своим словом уничтожить или вознести художника.

В ранний период творчества Крукшенк, вдохновленный работами У. Хогарта, Т. Роулэндсона и Дж. Гилрея, ориентируется на создание политической карикатуры, выступая против истеблишмента. Гравер не принадлежал ни к одной политической партии, поэтому легко мог создавать карикатуры с относительно беспристрастной точки зрения, критикуя, с одной стороны, действующую власть за невнимание к проблемам простых людей, с другой стороны, предупреждая об опасностях французского революционного варианта их решения [5]. В годы войны с Францией он выпускает карикатуры на Наполеона [7, 9]. Его гравировальная игла так остро «колола» королевскую семью, что Георг IV вынужден был заплатить граверу, лишь бы избавиться от его жестоких рисунков [10].

Талантливого художника пригласил к сотрудничеству радикальный издатель Уильям Хоун, сыгравший важную роль в кампании против актов «О затыкании рта». У карикатуриста по поводу этих событий появляется «Свободнорожденный англичанин» [4]. Вместе с Крукшенком Хоун издает брошюру в защиту Элизабет Феннинг, служанки, приговоренной к смерти за двойное убийство. Брошюра не спасла Феннинг от эшафота, но прославила ее авторов. В ответ на жестокие репрессии в Петерлоо в 1819 г. Крукшенк и Хоун выпускают «Политический дом, который построил Джек» [13]. Книгу ожидал успех, за несколько месяцев было продано более 100 000 экземпляров. Затем последовала серия других политических брошюр. В 1830-е гг. Крукшенк считался самым выдающимся художником-графиком, работавшим в Англии. Он решил воспользоваться этой славой, чтобы начать собственное издание. Однако его «Комический альманах» не выдержал конкуренцию с появившимся в 1841 г. «Панчем» и в 1853 г. закрылся [3].

С середины 1820-х гг. Дж. Крукшенк обратился к иллюстрированию книг и журналов. Вместе с П. Иганом он издает «Жизнь в Лондоне», создает рисунки к английской публикации сказок братьев Гримм, «Приключениям Мюнхгаузена». Но особой популярности он добился благодаря сотрудничеству с Чарльзом Диккенсом. В 1837 г. издатель предложил Крукшенку проил-

люстрировать роман об Оливере Твисте [12], полагаясь не только на талант гравера, знание бедного столичного мира, но и его популярность, которая должна была обеспечить успех произведению пока еще малоизвестного писателя. В 1871 г. возникли ожесточенные споры об авторстве романа из-за заявлений Крукшенка, что сюжет, многие персонажи, сцены придуманы им. Гравер утверждал, что Диккенс, увидев серию его иллюстраций для рассказа о жизни вора, был так поражен ими, что решил сделать Лондон сценой приключений Оливера Твиста [2, р. 207–208, 213, 216.], а также благодаря этому появился и образ коварного еврея Фейгина. Сюжет о бедном мальчике, который оказывается на самом дне преступного мира Лондона, но сохраняет чистоту души и становится добропорядочным гражданином, согласуется с назидательными принципами работ иллюстратора-моралиста. Подобная история разворачивается и в «Кусочке хлеба с маслом» [6]. В определенной степени это было описанием жизни самого художника, который, будучи скромного происхождения, благодаря таланту, трудолюбию, честности достигает высокого положения в обществе. Биографы указывают еще на один факт, подтверждающий влияние Крукшенка на рассказы об Оливере Твисте. В то время, когда обсуждался роман, в приходе Сент-Джеймс проводилось расследование смерти нескольких детей из работного дома. Крукшенк убеждал писателя привлечь общественность к решению проблемы содержания детей в рабочих домах, по этой причине иллюстратор полагал, что необходимо сохранить до конца романа положительный образ героя, которого тяготы жизни не сломали, не уничтожили его природный добрый нрав [2, р. 208–209]. Диккенс изобразил Оливера по-крукшенковски. Как утверждал сам иллюстратор, «если кто-нибудь возьмет на себя труд взглянуть на мои представления об Оливере, они увидят, что внешний вид мальчика изменился после двух первых иллюстраций» [2, р. 210]. Притязания художника на авторство оспариваются не без оснований, он имел привычку переоценивать результат своей работы, долю участия в любом предприятии, на что указывают и его биографы [2, р. 216, 220–221]. Так, он приписывал почти всё продвижение дела распространения идей трезвого образа жизни своим карикатурам на эту тему. Утверждал, что по его рисункам были созданы модели военных шляп русских солдат [2, р. 223]. Но и отрицать влияние гравера на произведение Диккенса не стоит. Расчет Крукшенка привлечь внимание к работным домам оправдался, возможно, таким образом удалось уберечь многих бедных детей от травм и смерти.

Вопросы, связанные с положением бедных и несчастных детей, будут волновать Крукшенка до конца жизни. Они нашли отображение в брошюрах с иллюстрациями. В 1847 г. реформатор Дж. Адсхед заказал ему серию гравюр, получивших название «Дети пьяницы» [11], в которых было показано пагубное влияние алкоголизма на викторианскую семью. Художник знал по собственному опыту об этой проблеме: его отец умер из-за пьянства; сам он некоторое время злоупотреблял алкоголем. В 1847 г. Крукшенк вступил в «Об-

щество трезвости» и в течение следующих тридцати лет читал лекции по всем Британским островам о пагубных последствиях употребления алкоголя и полезных результатах трезвости.

В «Детях пьяницы» Крукшенк показывает мрачную сторону столичных развлечений. На восьми гравюрах перед зрителями разворачивается страшная история падения и гибели двух детей. Мы видим, как веселящиеся в пивных и танцевальных залах взрослые приучают детей к алкоголю и безудержным утехам. Заброшенные пьющими родителями мальчик и девочка, не получив должного образования и воспитания, приобщаются к порокам темного мира Лондона. Подросток оказывается на скамье подсудимых, ему дают пожизненный срок, и он умирает в тюремном лазарете. Судьба девочки не менее печальная, свой последний, смертельный танец она исполняет, сбросившись с моста [11]. В этой брошюре, помимо проблемы пьянства, отражается озабоченность гравера английским правосудием. В период создания «Детей пьяницы» обсуждалась тюремная реформа, предусматривавшая смягчение наказаний за преступления по возрасту и совершенные в первый раз. По рисунку и комментариям нельзя определить возраст героя и точный характер его первого преступления, но художнику удастся вызвать жалость к юной загубленной жизни из-за чрезмерно сурового возмездия за правонарушение.

В 1857 г. была опубликована брошюра Крукшенка «Кусочек хлеба с маслом» [6], также посвященная «недетским проблемам». История происходит в небольшом провинциальном городке, неподалеку от Лондона. Достойные джентльмены, направляясь в ратушу по делам округа, замечают маленького босняка, лежащего у стены «Британии», главной гостиницы города. На худом теле ребенка висела грязная, разорванная одежда, а лицо было смертельно бледным. Это была типичная картина английского города. Мальчик, который был известен под именем «Джек в мешке», не совершал ничего противозаконного, не просил милостыню, поэтому благородные люди проходили мимо. Внимание добропорядочных граждан к несчастному маленькому человеку привлек жалостливый доктор. На вопрос джентльменов, что с ним случилось, он ответил, что хочет есть. Добрые господа тут же начали спорить, чем лучше накормить голодного мальчика, какой хлеб ему дать с маслом и кто за это будет платить. После бурных обсуждений они ничего другого не придумали, как дать обессилевшему от голода ребенку стакан бренди, а после стакана крепкого напитка посоветовали ему поесть, так и не дав ничего из еды. Довольные собой джентльмены пошли в ратушу решать насущные общественные проблемы. Ободренный же бренди Джек, помня о совете господ поесть, украл булку в одном из магазинов, за что был посажен на месяц в тюрьму. Священник этого заведения был участником дискуссии о хлебе с маслом, узнав мальчика, решил облегчить его участь. Джека накормили, вымыли, дали чистую одежду и поместили в палату для больных, где за ним ухаживала добродушная, заботливая женщина. После заключения священник определил маленького преступника в Исправительную школу, где Джек не

только получил начальное образование, но его обучили ремеслу. После этого он решил уехать в другой город, найти работу и достойно жить. Счастливый конец этой истории – это исключение, а не правило. В произведении появляется еще один персонаж – Том, кузен Джека, такой же бедный оборванец, мечтающий о хорошей сытой жизни. Крукшенк понимает, что редкие дети, такие как Джек или Оливер Твист, способны остаться чистыми, не стать преступниками, получив криминальный опыт в английских трущобах. Джек вынужден уехать в другое место, так как с тюремным прошлым в родном городе у него было мало шансов найти работу, несмотря на владение ремеслом.

Значительную часть текста иллюстратор посвятил рассуждениям о причинах увеличения беспризорных и безнадзорных детей и поискам путей выхода из ситуации. Действительно, эта проблема в промышленной Англии была одной из самых актуальных. Быстрый рост городского населения вследствие индустриализации опережал развитие городской социально-экономической инфраструктуры. После принятия поправок к закону о бедности в 1834 г. многие были лишены помощи, особенно болезненно сказались поправки на матерях-одиночках. Авторы закона не скрывали, что в их планы входило сдерживание рождения бастардов ограничением выплат на них и послаблениями в отношении потенциальных отцов [1, 15].

Государство, религиозные, благотворительные организации пытались решить проблему, но улицы городов все больше наводнялись малолетними босяками – потенциальными преступниками. Работные дома, об ужасах которых пишет Диккенс, проблему лишь усугубляли. Джеку помог священник и Исправительная школа, которая предназначалась для детей-преступников. Были в это время и другие учреждения, задачей которых была борьба с беспризорностью – Промышленные школы и «Обшарпанные» школы. В своей работе Крукшенк особенно часто упоминает «Обшарпанные» школы. Они принимали самых обездоленных – детей бедняков, пьющих родителей, преступников [16, р. 162]. Эти школы получили поддержку известного британского социального реформатора лорда Шафтсбери [16, р. 166–175], благодаря которому были приняты законы по ограничению детского труда [14]. В 1844 г. он стал президентом «Обшарпанных школ», в течение 39 лет занимал пост президента Лондонского школьного «Союза оборванцев». Крукшенк отдает должное этим учебным заведениям, при этом недоумевает, как могут существовать «Обшарпанные школы» в богатой Англии [6, р. 12]. Согласен он и с тем, что необходимо создавать единую национальную систему образования, чтобы каждый ребенок, родившийся в Соединенном Королевстве, был обучен грамоте, получил моральное и религиозное воспитание, чтобы стать полноценным членом общества [6, р. 11]. Отмечает он особые заслуги Шафтсбери, прилагавшего огромные усилия к тому, чтобы ни один невинный ребенок не был заброшен, не рос в невежестве. Однако проблемы детей, оставшихся без попечения, и в целом увеличение проявлений девиаций в обществе, по мнению Крукшенка, не решаются одним лишь образованием. Сре-

ди отъявленных преступников, указывает он, были не просто грамотные, но и настоящие интеллектуалы [6, р. 15]. Невежество, бедность, нищета, безнравственность, жестокость, преступления – все это следствие пьянства! Алкоголь довел отца Джека, когда-то порядочного человека, «умеренно пьющего», до убийства жены, а потом и тюрьмы, где он и умер. Отец Тома, будучи пьяным, совершил преступление, попал в тюрьму, его мать, не выдержав тягот, стала много пить и умерла от алкогольного отравления [6, р. 8–9]. «Эта несчастная, заброшенная, голодающая, попрошайничающая, ворующая, малолетняя часть населения, многие из которых сироты, доведены до этого ужасного состояния нищеты почти полностью из-за употребления опьяняющих напитков их родителями» – восклицает Крукшенк [6, р. 9]! Государственные программы и учреждения лишь смягчают проблему, а необходимо уничтожить ее причину – производство алкоголя. Упомянув осуждение лордом Шафтсбери торговли опиумом, осуществляемой Ост-Индской компанией, он призывает высокопоставленных лиц заняться решением проблем родной страны. Пьянство в Англии, на его взгляд, более страшное бедствие, нежели употребление опиума в Китае. Упрекает художник и уважаемых британских торговцев, зарабатывающих свои капиталы и высокое положение отравлением сограждан алкоголем, ростом преступлений, уничтожением невинных детей из-за крепких напитков [6, р. 10–11].

Во второй половине 1860-х гг. в условиях экономического кризиса скопление обездоленных детей в городах лишь увеличилось. Учителя утверждали, что школы своим контингентом больше напоминают притоны. В этих условиях самые радикальные проекты казались приемлемыми. К таким можно отнести программу по переселению английских детей в Канаду Марии Сьюзан Рэй. У нее уже был опыт организации переселений, она помогала уехать бедным дамам из благородных семей в Австралию, Канаду в поисках лучшей жизни. Организация перевозки детей была намного дешевле, чем содержание их за счет государства и приходов, поэтому попечительские комитеты и Совет по законодательству о бедных сочли проект Рэй целесообразным и одобрили его. Многие видели в нем не только избавление от «лишних» детей, но и благие цели. Они полагали, что теперь обездоленные мальчики и девочки покинут британские грязные улицы, ужасные работные дома и будут жить в семьях на чистых природных просторах Канады. Описания сельской жизни XIX в. проникнуты сельскохозяйственным идеализмом, а портреты городской жизни подчеркивают убожество и безнадежность трущоб. В 1869 г. Рэй отплыла из Ливерпуля с первой группой детей, в которой было 76 девочек, большинству из которых не исполнилось 11 лет. В течение шести лет (1869–1875 гг.) Рэй переправила 902 ребенка из бедных семей Англии в Онтарио. Энни Макферсон последовала примеру Рэй и переправила в 1870 г. еще 350 человек. Программа была поддержана лордом Шафтсбери и Ассоциацией социальных наук. Однако не все юные мигранты прижились в чужой стране, многие мечтали покинуть сельскую идиллию и вернуться назад в серый го-

род. Проконтролировать условия жизни детей за границей было крайне сложно. Далеко не все приемные родители оказались добрыми и ласковыми, в подростках они видели лишь бесплатных работников. В марте 1875 г. программу миграции беспризорников свернули, хотя Рэй и другие продолжили их переправлять через благотворительные учреждения, спонсируемые евангелическими организациями.

Крукшенк сразу отреагировал на «детскую депортацию», его ответом стала карикатура 1869 г. «Наши дети из трущоб» [8]. В изображении на первом плане зритель видит священнослужителя, «доброе дело» которого заключается в том, чтобы сгрести маленьких девочек, которых он называет «нашими сестрами», в грязную телегу. Ему помогают выместить детей с улицы пожилой джентльмен и дама. У телеги с кнутом стоит Мария Рэй, руководя всем этим процессом. На заднем плане показаны витрины и стеклянные окна роскошных питейных заведений с колонами. В тексте Крукшенк с гневом пишет о варварской кампании вывоза несчастных мальчиков и девочек за границу, видя в этом только способ избавления от неугодных детей. Он указывает на невозможность получения ими за границей нормального образования, опеки. Недопустимо, на его взгляд, отрывать детей от родителей, ведь не все переселенцы были сиротами. В карикатуре маленькая девочка кричит: «Хочу к маме!». Крукшенк утверждает, что для устройства судеб этих несчастных необходимо помогать неблагополучным семьям дома, в Англии. И главное, государство должно принимать меры по уничтожению основной причины увеличения «ненужных» детей – алкоголизма [8].

Бурный промышленный рост Великобритании в XIX в. привел к скоплению большой массы населения в городах, их обнищанию. Единая государственная программа по оказанию социальной помощи населению, принятая в 1834 г., не решила проблемы бедности. Следствием социально-экономических неурядиц был рост беспризорных и безнадзорных детей. Дж. Крукшенк, хорошо знакомый с миром столичного дна, своим творчеством привлекал внимание общественности к решению проблем, связанных с детьми. В 1837–1839 гг. появляется первое издание романа Чарльза Диккенса об Оливере Твисте, мальчике из работного дома, иллюстрации к которому создавал Крукшенк. В 1848 г. он публикует иллюстрации «Дети пьяницы». В 1857 г. получила широкое признание его брошюра с иллюстрациями – «Кусочек хлеба с маслом», а в 1869 г. в ответ на вывоз «ненужных» детей за пределы метрополии появилась работа «Наши дети из трущоб».

Литература

1. An Act for the Amendment and Better Administration to the Laws Relating to the Poor in England and Wales. 14 August 1834. URL: 1834 Poor Law Amendment Act (full text) (workhouses.org.uk) (дата обращения: 09.11.2021).
2. *Blanchard J.* The Life of George Cruikshank, in Two Epochs, in Two Volumes. Vol. I L.: Chatto & Windus, 1882.
3. *Cruikshank G.* The Comic Almanack. V. 1–2. L.: Chatto & Windus, 1878.
4. *Cruikshank G.* A Free Born Englishman, 1819. URL: <https://spartacus-educational.com/PRcruikshank.htm> (дата обращения: 11.11.2021).
5. *Cruikshank G.* A Radical Reformer, (ie) a Neck or Nothing Man! Dedicated to the Heads of the Nation. L.: Th. Tegg, 1819. URL: <https://www.meisterdrucke.ru/reproduktsii/George-Cruikshank/116448> (дата обращения: 11.11.2021).
6. *Cruikshank G.* A Slice of Bread and Butter / Cut by G. Cruikshank; Being the Substance of a Speech Delivered at a Public Meeting, Held for the Benefit of the Jews' and General Literary and Mechanics' Institution. L.: W. Tweedie, 1857. URL: <https://play.google.com/books/reader?id=hLxYAAAAcAAJ&pg=GBS.PA14&hl=iw> (дата обращения: 11.10.2021).
7. *Cruikshank G.* Napoleon in Bad, 1813. URL: <https://artsandculture.google.com/asset/napoleon-in-bad-1813-cruikshank-george/2wGiWaBkuelfng> (дата обращения: 01.11.2021).
8. *Cruikshank G.* Our «Gutter Children». L.: W. Tweedie, 1869.
9. *Cruikshank G.* Snuffing out Boney, 1814. URL: <https://www.meisterdrucke.ru/reproduktsii> (дата обращения: 01.11.2021).
10. *Cruikshank G.* The Book Illustrations. Newton Abbot: David & Charles, 1980. URL: <https://archive.org/details/bookillustration0000buch/page/81/mode/thumb> (дата обращения: 11.11.2021).
11. *Cruikshank G.* The Drunkard's Children. A Sequel to The Bottle. In Eight Plates. L.: D. Bogue; New York: J. Wiley and G.P. Putnam, 1848.
12. *Dickens Ch.* Oliver Twist / Cruikshank G. Ill. L.: R. Bentley, 1839.
13. *Hone W.* The Political House that Jack Built / Cruikshank G. Ill. L.: Printed by and for William Hone, 1819. URL: <https://archive.org/details/politicalhouseth1819hone> (дата обращения: 11.11.2021).
14. *Pollock J.* Shaftesbury: the Poor Man's Earl. L.: Hodder and Stoughton, 1986. URL: <https://archive.org/details/shaftesburypoorm0000poll> (дата обращения: 01.11.2021).
15. Report from His Majesty's Commissioners for Inquiring into the Administration and Practical Operation of the Poor Laws. L.: B. Fellowes. URL: <https://archive.org/details/pp1312024-2001/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 11.11.2021).

16. *Schupf H. W.* Education for the Neglected: Ragged Schools in Nineteenth-Century England // *History of Education Quarterly*. V. 12. №. 2. 1972. P. 162–183. P. 162.

«NON-CHILD PROBLEMS» OF GREAT BRITAIN IN THE WORKS OF GEORGE CRUIKSHANK

O. V. Yablonskaya

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas

The article is devoted to the work of the English cartoonist and illustrator George Cruikshank. The emphasis is placed on the analysis of works devoted to the problems of child homelessness and neglect in the Great Britain in the XIX century. His contribution to the creation of a novel about Oliver Twist is considered, brochures with illustrations and cartoons are characterized – «The Drunkard's Children», «A Slice of Bread and Butter», «Our "Gutter Children"».

Keywords: Great Britain, XIX century, child homelessness, Cruikshank, cartoon.

Об авторе:

ЯБЛОНСКАЯ Ольга Васильевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории, обществознания и права, кандидат исторических наук, e-mail: Oyablonskii@yandex.ru.

About author:

YABLONSKAYA Olga Vasilyevna

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of History, Social Studies and Law, Candidate of Historical Sciences, e-mail: Oyablonskii@yandex.ru.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НИКОЛАЯ II
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА THE REVIEW OF REVIEWS)**

О. И. Галкина

Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна

В статье показано, как пророссийские взгляды известного британского публициста, главного редактора журнала *The Review of Reviews* У. Стэда повлияли на создание редкого для британской прессы начала XX века идеализированного образа последнего российского императора.

Ключевые слова: Николай II, У. Стэд, *The Review of Reviews*, британская пресса.

Личность последнего российского императора Николая II неизменно остается в фокусе внимания исследователей, продолжает вызывать острые споры, в которых участвуют не только профессиональные историки, но и публицисты, широкая общественность, высказывающая о монархе разные и подчас диаметрально противоположные суждения.

В последнее время в отечественной историографии появились работы, в которых предпринята попытка представить непредвзятый политический портрет Николая II. Между тем, зарубежные источники, в частности периодическая печать, не привлекались исследователями. При этом иностранные журналисты активно интересовались не только событиями в России в целом, но и фигурой российского императора. Публикуя результаты своих наблюдений на родине, они были свободны как от рамок российской цензуры, так и уже сложившихся в русском обществе стереотипов в отношении главы государства.

Значительный интерес к личности Николая II проявляли британские журналисты, причем имидж российского императора, создаваемый ими в Великобритании, нередко определял общественное мнение страны, которое в последующем использовалось правительством как для выстраивания определенной внешнеполитической линии, так и для оценки происходящего в России. В итоге, образ Николая II, созданный на страницах британской прессы, оказался достаточно противоречивым и напрямую зависел как от отношений двух империй на международной арене, так и от рассматриваемой ими дихотомии «реформы – репрессии» в самой России.

Данная тема не являлась предметом специального изучения историками, а лишь затрагивалась в рамках отдельных диссертационных и монографических исследований. Характеристика британскими газетами и журналами российского императора в годы Первой русской революции была фрагментарно

представлена на страницах кандидатской диссертации Т. И. Гавриловой «Англия и первая русская революция» [1]. Взаимоотношения лидеров земского движения и Николая II в 1904–1911 гг. в оценке британской прессы отражены на страницах диссертационного исследования Н. В. Ловягина [4]. Е. В. Низалова в своей кандидатской диссертации «Конец династической дипломатии России: заграничные поездки императора Николая II в 1896–1909 гг. (по материалам российской и европейской прессы)» проследила широкий спектр оценок и эволюцию мнений немецкой, австрийской, французской и английской прессы в отношении результатов визитов российского императора в ведущие европейские страны [5].

Мнения публицистов как консервативного, так и либерального толка о Николае II обстоятельно рассмотрел А. Н. Зашихин в своей докторской диссертации «Россия в общественной мысли Британии второй половины XIX – начала XX века (Британская *Rossica*)». Рассматривая оценки последнего российского императора, представленные на страницах британской прессы, историк прослеживает две ведущие тенденции, которые условно обозначает «линия Стэда» и «линия Диллана» [2, с. 291]. Сторонники первого направления демонстрировали «восторженно-эйфорическое» отношение к Николаю II. Напротив, Эмил Джозеф Диллан, много лет проживший в России, являясь корреспондентом газеты *Daily Telegraph*, публикуя обширные статьи для журналов *The Fortnightly Review*, *The Quarterly Review* и *The National Review* [2, с. 93–96, с. 292–294], фактически пропагандировал негативное отношение к царизму и к российскому самодержцу.

В перечне многочисленных периодических изданий Великобритании конца XIX – начала XX в. особое место занимает журнал *The Review of Reviews*, который был создан упомянутым выше Уильямом Томасом Стэдом, известным журналистом викторианской эпохи. Его путь в публицистику был очень ярким и стремительным. В 1871 году, возглавив *The Northern Echo*, он стал самым молодым главным редактором в истории журналистики. За короткий срок дарлингтонское региональное издание превратилось в газету национального масштаба, на страницах которого освещались как неудобные/запретные темы, касающиеся исключительно британского общества (вопросы проституции), так и проблемы международного характера (жестокое подавление турками болгарского восстания в 1876 году). В годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Уильям Стэд заявил себя активным русофилом, что привело его в политический салон публицистки О. А. Новиковой, жившей в Лондоне в качестве неофициальной представительницы русского правительства и печатавшейся в английских журналах под псевдонимом «О. К.». Она была урожденной Киреевой и приходилась родной сестрой идеологу позднего славянофильства генералу А. А. Кирееву [3, с. 20].

В 1883 году У. Стэд возглавил *The Pall Mall Gazette*, а в 1888 году Новикова при помощи брата организовала для Стэда поездку в Россию, в рамках которой он был удостоен личной аудиенции у Александра III в Гатчине. По-

мимо этого, У. Стэд встречался и с министрами, и с представителями литературных кругов. Итогом его визита стала некая влюбленность в Россию и стремление разрушить ложное представление о ней, сложившееся в коллективном сознании британцев. Наблюдения и выводы журналиста нашли отражение в серии статей в *The Pall Mall Gazette* и книге «Правда о России».

В 1890 г. У. Стэд возглавил упомянутое выше издание *The Review of Reviews*, на страницах которого «русская тема» неизменно находила отражение. В последующем журналист несколько раз встречался с Николаем II и был очарован русским императором. Как следствие, личная симпатия У. Стэда к царю и при этом стремление быть беспристрастным обуславливали отсутствие русофобских оценок на страницах журнала *The Review of Reviews*. Таким образом, вовлечение в научный оборот этого источника позволит не только показать редкие для британской журналистики позитивные оценки Николая II, но и расширить и дополнить имеющиеся представления о последнем российском императоре.

Восшествие Николая II на престол очень осторожно оценивалось в британской прессе. Общественность мало знала нового российского императора: мощная фигура Александра III словно заслоняла наследника цесаревича от глаз внешнего мира. У. Стэд был также достаточно сдержан в своих оценках: «Величайший из всех гарантов мира ушел, Европа и Азия встретились лицом к лицу с неизвестностью. О характере Николая II, который наследовал отцу, практически ничего не известно, за исключением того, что он демонстрирует скорее слабость, нежели силу <...> Маловероятно, что какие-либо быстрые изменения произойдут в российской политике в ближайшее время. Мы все пребываем в неведении» [14, р. 426–427].

По прошествии полутора лет от воцарения Николая II редактор *The Review of Reviews* по-прежнему писал о новом императоре с осторожностью и скептицизмом, сохраняя симпатию к императору скончавшемуся: «Николай II заявил о продолжении политики своего отца, но на дереве нет двух абсолютно похожих листочков. Напрасно ожидать от нового Царя копирования тех качеств, которые сделали его отца настолько любимым и уважаемым во всем мире. <...> Он не настолько крепкий, чтобы вынести на своих плечах имперские заботы; никогда не отличался силой и мощью, свойственной его отцу» [16, р. 704].

Тем не менее, британские наблюдатели ожидали от нового правителя России позитивных перемен и либеральных начинаний, ссылаясь на любопытную тенденцию чередования самодержцев, начиная с Павла I, «царь-деспот» – «царь-либерал» [2, с. 290]. Теперь на царском троне была очередь либерала. Имперский манифест, адресованный финнам, обещавший «изменения с учетом их пожеланий»; встреча с польской делегацией и заявление о том, что «мне неважно, какой религии вы придерживаетесь. Мои подданные одинаково дороги мне»; «перемещение Царя по улицам столицы, словно он какой-нибудь купец» [16, р. 555], – эти и другие действия Николая II позво-

лили главному редактору *The Review of Reviews* утверждать, что началась «новая глава в русской истории» [7, р. 3; 9, р. 13; 11, 1 June, р. 1].

Церемония коронации Николая II и приуроченные к ней торжества в мае – июне 1896 года стали причиной того, что «взоры всего мира были обращены к России» [16, р. 708]. Процедура и детали коронации были достаточно подробно описаны на страницах журнала *The Review of Reviews*. Статья, посвященная данным мероприятиям, завершалась публикацией фотографий Николая II и Александры Федоровны в коронационных одеяниях.

В большинстве британских изданий, с большей или меньшей степенью подробности, была отмечена трагедия на Ходынском поле. Вину за произошедшее журналисты возлагали на чиновников, ответственных за раздачу подарков («они потеряли рассудок и стали бросать подарки толпе» [17, р. 14]), и полицию, «отвечавшую за регулирование движения людей» [7, р. 3]. При этом прагматичные британские обозреватели обращали внимание читателей на рекордную сумму, в которую обошлись государственной казне эти мероприятия – 20 млн. долларов или 40 млн. рублей, или 5 млн. фунтов стерлингов [10, р. 4]. Словно выступая адвокатом императорского двора, У. Стэд доказывал, что с учётом просторов Российской империи, «косности мышления миллионов подданных, важности понимания ими природы власти», такая коронация является экономической инвестицией. Также журналист указал, что средняя продолжительность правления одного Царя в России составляет около 20 лет. Если потраченную на коронацию сумму сравнить с тратами на предвыборные кампании в Великобритании и президентские выборы в США за аналогичный период, то окажется, что расходы российского бюджета на коронации вполне соразмерны с американскими и британскими затратами на обозначенные цели [16, р. 596].

Однако в наибольшей степени британскую прессу и стоявшие за ней правительственные круги беспокоили внешнеполитические планы российского императора. Ясности в этом вопросе не было. По мнению У. Стэда, ситуация к моменту вступления Николая II на престол «была близка к воспламенению. То, что в Европе в течение десяти лет сохранялся мир, несмотря на все угрозы, то только по причине того, что он был в твердых сильных руках Александра III. <...> Николай II не проявляет желаний сохранить мир или развязать войну» [15, р. 6]. По этой причине газеты самым подробным образом освещали первую официальную зарубежную поездку Николая II в Европу в качестве российского императора, «Царя всех русских, величайшего союзника Франции и арбитра мира в Европе» [11, 10 August, р. 1]. Пресса Британии педантично публиковала информацию о перемещениях императорской четы в Европе (Австро-Венгрия, Германия, Франция), деталях переговоров с руководителями государств. Визит Николая II в Великобританию в сентябре 1896 года состоялся после его пышной встречи в Германии и до визита во Францию. Для королевы Виктории и британского кабинета министров важно было понять векторы российской внешней политики на ближайшее время и

изыскать обоюдодоприемлемую форму сосуществования двух империй в условиях наращивания морской мощи Германии и прочного русско-французского союза. Династические матримониальные связи, как казалось, открывали для этого большие возможности. Императрица Александра Федоровна являлась внучкой и воспитанницей королевы Виктории, а вдовствующая императрица Мария Федоровна была родной сестрой супруги будущего английского короля Эдуарда VII, племянником которого являлся российский император Николай II.

В день прибытия российской императорской четы в Англию вся английская печать вышла с приветственными передовицами. На страницах *The Review of Reviews* были опубликованы два скетча из популярного юмористического журнала *Punch* с соответствующим комментарием. На одной зарисовке под названием «Блаженны миротворцы» Николай II, склонившись в пояском поклоне, целует руку королеве Виктории. Подпись под изображением якобы от имени королевы гласила: «Дорогой родственник! Если мы будем действовать сообща, все будет хорошо!». Другой скетч «Главкомандующий (The War lord)» изображал российского императора верхом на коне. Позади него расположилась аллегорическая фигура мира в виде ангела, придерживающая Николая II за пояс. Справа от скакуна виден указатель со стрелочками «Германия» и «Англия» [17, р. 527]. Рисунок явно показывал, что лошадь, управляемая главой Российской империи, направилась в сторону, противоположную Германии. Публикация данных зарисовок откровенно демонстрировала надежды британской общественности в отношении российского внешнеполитического курса: политика мира в согласии/союзе с Британией.

Еще до официального визита Николая II в Великобританию У. Стэд старался привлечь внимание своих читателей на некие «английские компоненты», присутствовавшие в русском императоре: его воспитывали как английского школьника, «ему нравился английский педагог и английский язык, на котором постоянно говорили дома. После его возвращения из поездки в Британию в качестве наследника престола, он заявил, что это самая приятная страна в мире» [17, 704–705]. Эта информация вместе с приметами, на которые обратили внимание обозреватели *The Review of Reviews*, косвенно намекали на обнадеживающие перспективы в отношениях двух стран: «Это было добрым предзнаменованием, что в тот месяц, когда королева побила рекорд по продолжительности правления ... царь оказался ее почетным гостем в Балморале. На Шотландском нагорье одна крыша приютила двух властителей, которым судьба даровала власть над Азиатским континентом. Англия и Россия – это название фирмы, которой поручено ликвидировать дела этого обанкротившегося континента, который когда-то доминировал в мире; и когда руководители фирмы встретились ... все друзья мира и прогресса возрадовались. Что из этого вышло ... никто в данный момент не может сказать. Но ничего, кроме добра, не может произойти от углубления и укрепления тесных личных уз» [17, р. 527], которые связывают старейших и младших

обитателей императорских тронов.

Вероятно, что для У. Стэда именно этот визит стал очень важным для определения его личного мнения в отношении российского императора. Защищая Николая II от предположений ряда британских изданий, указывающих на стремление России овладеть Константинополем, он писал: «Все что угодно для спокойной жизни», – вот девиз России. “Мир, несовершенный мир, а не отсутствие мира вообще”, – вот призыв царя и его министров. Николай II хочет заслужить титул “Правитель (Prince) мира”, как и его отец» [17, р. 579].

Следующим событием, обусловившим внимание британской прессы к личности Николая II, стала его инициатива о проведении конференции по разоружению (мы опускаем дискуссию в научной литературе о том, кто был истинным автором идеи проведения Гаагской конференции 1899 г., и о причинах мирных инициатив, что является отдельным предметом исследования) [6].

24 августа 1898 года по указанию Николая II министр иностранных дел Российской империи граф Муравьев через дипломатические представительства стран, аккредитованных при дворе в Санкт-Петербурге, направил письмо, в котором писал: «Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений является... целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств» [18, р. 295]. Пацифистская общественность, воодушевленная предложением российского царя, начала организацию акций в Европе в поддержку идеи проведения конференции.

У. Стэд, будучи не только известным журналистом, но и активным пацифистом, не без гордости и с радостью отмечал, что «содержание этого Рескрипта совпадает с содержанием материалов, опубликованных в The Review of Reviews в 1894 году. <...> мы не сторонники идеи всеобщего разоружения, а выступаем за прекращение или приостановление гонки вооружений» [18, р. 295].

Примечательно, что за неделю до открытия этого международного форума У. Стэд был удостоен аудиенции у российского императора в Царском Селе. Это была третья встреча журналиста и главы российского государства (первые две состоялись годом ранее в Ливадийском дворце). Беседа началась с того, что Николай II выразил приветствие от имени Александры Федоровны. В опубликованных дневниковых записях журналист писал по этому поводу: «Выступая первым от имени императрицы, он сказал, что ему поручено выразить глубокое удовольствие, с которым она наблюдала за национальным движением в поддержку мира, “удовольствие, которое, – сказал император, – я полностью разделяю”».

В этих же дневниковых записях содержится намек на причастность самого У. Стэда к делу организации этой конференции: «Император был чрезвычайно добр, и ничто не могло быть более сердечным и щедрым, чем те слова, в которых он выразил свою признательность за услуги, оказанные делу

Крестового похода за мир». О содержании разговора журналист написал очень сдержанно, указав на то, что его волновало в наибольшей степени: «... я ничего не могу сказать, кроме как подтвердить в общих чертах, ... что ничто не могло быть более обнадеживающим, чем услышать, как император говорил о надеждах, которые он возлагал на Конференцию» [19, p. 540–541].

Именно в этой связи использовавшиеся ранее слова «арбитр/гарант/охранитель мира» трансформируются в выражение «царь-миротворец» (peace-maker) [8, p. 5; 12, p. 5]. В целом, тональность публикаций британской прессы этого периода позволяет говорить об их «царско-фильской направленности».

Даже визит российского императора во Францию в сентябре 1901 г., носивший военный характер (морской смотр в Дюнкерке, участие российского самодержца в маневрах и военный смотр в Бетиньи), большинством британских периодических изданий рассматривался как «знак/символ мира» [26, 11 September, p. 3]. Редактор *The Review of Reviews* в статье с пафосным заголовком «Царь как апостол мира» подвел своеобразный итог визиту российского императора: «Политика России – политика мира, и никто не станет ее союзником, если будет не готов принять политику мира» [20, p. 324].

Начавшаяся русско-японская война свела на нет усилия сторонников Николая II. В июле 1904 г. известный журналист *The Quarterly Review* Э. Дж. Диллан опубликовал анонимную статью «Царь» [13, p. 180–209]. При этом журналист выдал свой памфлет за публикацию некоего «высокопоставленного русского официального лица».

Перед читателем предстал образ маленького, не очень умного, но очень упрямого человека, который уверовал в свою мифическую «миссию миротворца между желтой и другими варварскими расами», «постоянно вмешивался в каждое государственное дело... разрушая законность, разоряя подданных, хвастаясь своей страстной любовью к миру и в то же время вовлекая свой народ... во все ужасы кровопролитной войны» [13, p. 182].

Оппонент Диллана У. Стэд пытался доказывать, что автор памфлета представил не реалистичный портрет, а «грубую карикатуру на царя» [21, p. 158]. Главный редактор *The Review of Reviews* стремился привлечь внимание своих соотечественников на очевидные внешнеполитические параллели двух империй и, как следствие, несправедливость обвинений, звучавших в адрес российского императора. Он указывал, что русский царь вовлек народ в русско-японскую войну так же, как и английские тори вовлекли свой народ в англо-бурскую войну, хотя «Николай II так же, как и лорд Солсбери противился войне. Однако правительства и нации обеих стран были уверены в том, что их выбор ограничивается дилеммой: победоносная война или гибель империи» [21, p. 129].

Подписание Портсмутского мира дало еще один повод У. Стэду подчеркнуть достоинства Николая II, указав, что этот шаг стал еще одним доказательством того, что «Царь является “человеком большого ума, умеющим

глубоко проникнуть в ситуацию, обладающим исключительной совестью» [23, р. 379].

Общее умонастроение британской общественности после «Кровавого воскресенья», по-видимому, можно обозначить словами журналиста The Times С. Грэхема, написанными им уже в годы Первой мировой войны: «Царь стал человеком крови... Никто не был так проклят» [26, 25 November, р. 7].

На этом фоне многочисленные публикации У. Стэда в защиту русского императора казались удивительными. Рискуя собственным авторитетом, репутацией и тиражом журнала, британский журналист писал: «У английских тори поседели бы волосы, если бы им предъявили требование принять сотни тысяч голодных и отчаявшихся забастовщиков. Английский царь – это Палата Общин, и всякое приближение каких-либо процессий с петицией к священным местам Вестминстера запрещено законом и сурово пресекается полицией. И если бы 100 000 жителей Лондона ... сделали попытку пойти с петицией в Палату Общин, требуя 8-часового рабочего дня, сохранения зарплаты во время забастовки и упразднения Палаты Лордов, они были бы остановлены полицией прежде, чем дошли бы до места казни Карла I». По мнению журналиста, английские тори опередили русского царя во всех его кровавых злодеяниях, Николай II поступил так же, как «недавно мистер Асквит, министр внутренних дел, без колебаний расстреливал горняков в местечке Фитерстоун (Featherstone); как нынешний премьер-министр (речь идет об А. Бальфуре, занимавшим пост премьер-министра страны в 1902–1905 гг. – *О. Г.*) телеграфировал полиции в Митчелстаун (Mitchelstown) “стрелять без колебаний” в толпу, которая была безоружна, как и те бастующие, которые направлялись к Зимнему дворцу» [22, р. 133].

Главный редактор The Review of Reviews напоминал своим читателям, что английское правительство для того, чтобы разогнать митинг на Трафальгарской площади 15 ноября 1887 г. (на митинге планировалось заявить протест в отношении действий правительства в Ирландии – *О. Г.*), «вызвало гвардию, которая, обнажив сабли, окружила сквер, в то время как конная полиция атаковала во всех направлениях. После этого правительство призвало гренадеров, которые прибыли со штыками и полным комплектом пуль в карманах. И только терпимость наших рабочих спасла Лондон от кровавой бойни, подобной той, которая произошла в Санкт-Петербурге» [22, р. 134].

При этом Стэд заставлял задуматься читателей, осуждающих действия императора и «русских тори», обращая внимание на очевидный факт: «Мы свободная страна. Россия – деспотическая. Здесь никогда не было традиции принятия русскими царями процессии просителей» [22, р. 133]. Как следствие, разгон и убийство мирных демонстрантов в Лондоне в таком сравнении выглядели более возмутительным событием, нежели «кровавое воскресенье» в Санкт-Петербурге. Журналист признавал, что «все случившееся в Петербурге ужасно», но Царя нельзя обвинять в произошедшем. «Нет ни одного

правительства в мире, ни в Англии, ни в Америке, которое колебалось бы открыть огонь в подобных обстоятельствах» [22, р. 135].

Рассуждая о сложившейся в России ситуации, главный редактор журнала, практически в каждом действии или бездействии, оправдывал императора. Его доводы касались сложившихся в России традиций и данной Николаем II присяги: «император демонстрирует... что у него нет возражений в отношении ограничения его власти. Но он рассматривает этот шаг как плохо согласующийся с его коронационной присягой... Самодержавную власть, которую он получил от Александра III, он обязан передать своему сыну. С детства император усвоил идею, что величие России покоится исключительно на трех принципах – самодержавие, православие, народность» [23, р. 495]. В этой связи, ответственность за политический кризис У. Стэд возлагал на бюрократию, у которой «нет веры, храбрости, народной поддержки» [23, р. 500], и которая «узурпировала правление». Ликвидация власти чиновников, «пленником которой стал Царь», «союз Царя и народа» [23, р. 500] должны были позволить России, по мнению журналиста, «встать на путь прогресса и использовать огромные ресурсы» [23, р. 495]. Он полагал, что единственный способ ограничения всевластия бюрократии заключался в «учреждении органа народных представителей – Думы» [23, р. 496]. У. Стэд понимал, что «Царь – единственный, кто может своим декретом дать русской нации свободу выборов, без которой Дума будет иллюзией» [23, р. 500].

15 сентября 1905 года в Петергофе состоялась четвертая встреча главного редактора журнала *The Review of Reviews* и российского императора. Разговор длился полтора часа, и о его содержании известно лишь по косвенным свидетельствам, которые намекают на советы, данные английским журналистом Николаю II в отношении Манифеста, последовавшего в октябре 1905 года [3, с. 41–43]. Сам У. Стэд на страницах журнала отмечал, что с момента последней встречи, прошедшей накануне Гаагской конференции, император мало изменился: «на его голове нет ни седого волоса, ни морщинки на лице. Он был таким же ярким, жизнерадостным, полным надежд, внимательным хозяином, каким был в Царском Селе. ...Я никогда в жизни не видел, чтобы он выглядел лучше. Он ни в малейшей степени не был подавлен. Напротив, он был полон надежды и доверия, так же живо интересовался и был так же хорошо осведомлен обо всем, как и все, кого я встречал во время своих путешествий. И я был более чем когда-либо впечатлен его ...искренностью. ...грядут лучшие времена, и Дума все изменит» [23, р. 381].

Дарование Николаем II Октябрьского манифеста было восторженно оценено британской прессой. Корреспонденты *The Times* отмечали: «Николай II... поставив совесть выше гордости, заслужил благодарность отечества ...Вернуться к старому режиму уже невозможно» [26, 1905, 3 November].

Вершиной хвалебных метафор стали слова У. Стэда, сравнившего Николая II и национального героя Британии генерала Ч. Д. Гордона, имевшего возможность отступить, но избравшего самоотверженную оборону и гибель в

Судане: «Он добровольно ограничил свою власть, он готов идти так далеко, как кто бы то ни был. Он Гордон в своей самоотверженной преданности тому, что он считает правильным. <...> В России наступила эра конституционной свободы» [23, p. 597–598].

В последующем У. Стэд был минималистичен и очень сдержан в оценках российского императора. Так, характеризуя итоги выборов в Третью Думу, он отмечал: «Можно надеяться, что царь и его министры приложат все усилия для установления доверительных отношений с новым органом». Некое разочарование итогами революции и одновременно опасение за будущее страны при сложившемся режиме Третьеиюньской монархии он обозначил в следующей фразе: «Теперь у консервативного большинства будет свой шанс. Если окажется, что у него так же мало опыта, как и у либералов, да помогут Небеса России!» [24, p. 445]. Некое опасение за судьбу монарха и предчувствие будущих политических катаклизмов Стэд обозначил в комментарии к публикации французского журнала: «Царя систематически обманывают <...> спасение страны и династии должно быть найдено в Конституции» [25, p. 475].

Некий промежуточный итог правления Николая II главный редактор журнала обозначил в публикации, посвященной предстоящему визиту Эдуарда VII в Россию в июне 1908 года. Анонс этой «встречи в верхах» вызвал бурную реакцию в определенных кругах британской общественности. Словно отвечая им, У. Стэд писал: «Наши радикалы, или некоторые из них, очень неразумно относятся к России. Нынешний царь сделал больше для реализации идей реформаторов, чем любой другой царь со времен Петра Великого. Создав Думу, он положил начало превращению России в современное конституционное государство. Создав Гаагскую конференцию, он положил начало эпохе современного интернационализма. Ни один монарх нашего времени не подвергался столь суровому испытанию, и, хотя он медлил там, где только быстрота могла спасти ситуацию, он, тем не менее, заслужил высокое место среди благодетелей человечества. Однако из-за того, что Россия за десятилетие не превратилась в образцовое государство, из-за того, что репрессии последовали за революцией, и из-за того, что свобода, как в Баттерси (южный район Лондона – *О. Г.*), отсутствует в Москве и Одессе, поднимаются протесты против визита короля к царю» [25, p. 541].

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что идеализированный образ последнего российского императора, созданный главным редактором журнала *The Review of Reviews*, диссонировал с устоявшимся в британском общественном мнении имидже Николая II. Симпатия к русскому самодержцу обуславливалась как гражданской позицией самого журналиста, так и личным общением с императором. Во многом благодаря У. Стэду, после высказанной Николаем II инициативы о проведении Гаагской конференции по разоружению, за российским императором на некоторое время закрепились эпитеты «арбитр/хранитель/гарант/апостол мира».

Даже «Кровавое воскресенье» не повлияло на отношение журналиста к

самодержцу. Вину за это и последующие репрессивные события, а также за промедление в реформах он возлагал на окружение русского самодержца. Обнародование Октябрьского манифеста, к которому, вероятно, был причастен и сам У. Стэд, стало, по мнению журналиста, «великим делом. Царь и его народ освободились. Бюрократия пала. Россия стала свободна» [23, p. 451].

Последующие события в России и действия императора, выразившиеся в отсутствии поступательных шагов в сторону либерализма, и Третьеиюньский переворот, вероятно, разочаровали У. Стэда. «Присутствие» российского императора на страницах *The Review of Reviews* значительно сокращается, но по-прежнему его действия лишены критических оценок.

Жизнь знаменитого журналиста трагически оборвалась в апреле 1912 года в результате крушения парохода «Титаник», пассажиром которого он являлся. Гибель главного редактора вкупе с малой читательской аудиторией стали причиной продажи *The Review of Reviews* в 1917 году, что совпало с Революцией в России и отречением Николая II, о котором в патетических тонах когда-то писал У. Т. Стэд.

Литература

1. *Гаврилова Т. И.* Англия и первая русская революция (1905–1906). Дисс. ... канд. ист. Наук. Ташкент, 1956.
2. *Зашихин А. Н.* Россия в общественной мысли Британии второй половины XIX – начала XX века (Британская *Rossica*). Дисс. ... докт. ист. наук. Архангельск, 1994.
3. *Куликов С. В.* К истории создания законодательной Государственной Думы. Николай II, У. Т. Стэд и Манифест 17 октября 1905 г. // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сборник статей международной научной конференции, С.-Петербург, 19 октября 2012 / Под ред. А. Б. Николаева. Ч. 1. СПб.: Издательство «Элексис», 2013. С. 19–62.
4. *Ловягин Н. В.* Земство и политическая модернизация России в освещении британской прессы : 1904–1911 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Коломна, 2016.
5. *Низалова Е. В.* Конец династической дипломатии России: заграничные поездки императора Николая II в 1896–1909 гг. (по материалам российской и европейской прессы). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 2007.
6. *Николаев Н. Ю.* Россия и Гагская мирная конференция 1899 г. Дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001.
7. *Banffshire Journal and General Advertiser.* 1896. 02 June.
8. *Irish Independent.* 1899.
9. *Jewish Chronicle.* 1896. 29 May.
10. *Newcastle Daily Chronicle.* 1896. 01 June.
11. *Pall Mall Gazette.* 1896. 08 May.

12. St. James Gazette . 1899. 29 September.
13. The Quarterly Review. 1904. Vol. 200.
14. The Review of Reviews. 1894. Vol. 10 (July – December).
15. The Review of Reviews. 1895. Vol. 12 (July – December).
16. The Review of Reviews. 1896. Vol. 13 (January – June).
17. The Review of Reviews. 1896. Vol. 14 (July – December).
18. The Review of Reviews. 1896. Vol. 18 (July – December).
19. The Review of Reviews. 1896. Vol. 19 (January – June).
20. The Review of Reviews. 1901. Vol. 24 (July – December).
21. The Review of Reviews. 1904. Vol. 30 (July – December).
22. The Review of Reviews. 1905. Vol. 31 (January – June).
23. The Review of Reviews. 1905. Vol. 32 (July – December).
24. The Review of Reviews. 1905. Vol. 36 (July – December).
25. The Review of Reviews. 1908. Vol. 37 (January – June).
26. The Times. 1901, 1905, 1914.

**POLITICAL PORTRAIT OF NICHOLAS II
(BASED ON THE MATERIALS OF THE MAGAZINE THE REVIEW OF
REVIEWS)**

O. I. Galkina

State Social-Humanitarian University, Kolomna

The article shows how the pro-Russian views of W. Stead, the famous British publicist and the editor-in-chief of The Review of Reviews influenced the creation of an idealized image of the last Russian Emperor, rare for the British press of the early twentieth century.

Keywords: *Nicholas II, W. Stead, The Review of Reviews, British press.*

Об авторе:

ГАЛКИНА Ольга Игоревна

Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, кафедра отечественной и всеобщей истории и муниципального управления, кандидат исторических наук, e-mail: galkina.olg@yandex.ru.

About author:

GALKINA Olga Igorevna

State Social-Humanitarian University, Kolomna, Department of National and Universal History and Municipal Administration, Candidate of Historical Sciences, e-mail: galkina.olg@yandex.ru.

А. ДЖ. ДИККЕНС И ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОЙ РЕФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В. Н. Ерохин

Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

Статья посвящена рассмотрению роли в изучении английской Реформации одного из крупнейших британских либеральных историков второй половины XX века Артура Джеффри Диккенса (1910–2001). Автором статьи характеризуются содержание, роль и значение разработанной Диккенсом концепции понимания английской Реформации. Рассмотрено содержание полемики Диккенса с представителями ревизионистского направления в изучении английской Реформации и показано, что историки ревизионистского направления не опровергли основные положения либеральной концепции истории английской Реформации, разработанной Диккенсом.

Ключевые слова: Реформация, Англия, современная британская историография, либеральное направление, А. Дж. Диккенс, ревизионистское направление, социальная история, интеллектуальная история.

Артур Джеффри Диккенс (1910–2001), один из виднейших британских историков, написавший ряд трудов по истории английской Реформации, занимает особое место в современной британской исторической науке. Ему удалось сочетать активную творческую деятельность, большую организаторскую работу и внутри британского исторического сообщества, и в развитии научных связей британских историков с коллегами из других европейских стран, особенно из Германии. Наряду с преимущественным вниманием к изучению английской Реформации, Диккенс уделял внимание истории Реформации в Германии, публиковал посвященные этой теме специальные исследования [9], способствовал открытию в 1968 году Германского исторического института в Лондоне. В Германии ценили отношение Диккенса к стране, начиная с симпатий немцев к нему во время службы в Любеке, и в 1980 году к 70-летию Диккенс был награжден орденом «За заслуги перед Федеративной Республикой Германии».

Либеральное направление в британской историографии, к которому своим творчеством принадлежит Диккенс, оказало глубочайшее влияние на историческую, политическую мысль в Великобритании и английскую интеллектуальную культуру в целом. Либеральные историки в британской историографии всегда обращали большое внимание на изучение истории тех перио-

дов в истории Англии, которые могли предоставить фактическую основу для того, чтобы показать значение борьбы за политические и религиозные свободы. В связи с этим изучение истории Реформации в Англии изначально было глубоко созвучно идейным устремлениям либералов. Изучение религиозной Реформации в Англии привлекало английских либеральных историков со времени оформления либерального направления в первой половине XIX века, поскольку эпоха Реформации, истолкованная с либеральной точки зрения, способна предоставить фактический материал для иллюстрации базовых идей либерального мировоззрения. Можно было утверждать, что борьба за религиозные, политические и экономические свободы, за освобождение личности от чрезмерного давления и опеки государства даёт стимул экономическому и политическому развитию страны. Сочетание исследовательского интереса к изучению истории Реформации с более или менее заметными симпатиями к протестантизму стало характерной чертой либерального направления в изучении истории Реформации в Англии, сохранявшейся у либеральных историков Реформации также и во второй половине XX века, заметной и в настоящее время.

При всех сложностях идейной эволюции британского общества в XX – начале XXI века либеральная политическая идеология всегда сохраняла и сохраняет в Великобритании значительное число приверженцев. Соответственно, по сей день либеральное направление является важной частью британской историографии.

31 июля 2021 года исполнилось уже двадцать лет со времени кончины этого крупного либерального историка, одного из корифеев в изучении истории английской Реформации. В данной статье автор делает попытку обобщённой характеристики важнейших концептуальных идей Диккенса как представителя либерального направления в современной британской исторической науке в изучении истории английской Реформации и подчёркивает, что либеральная концепция в понимании истории английской Реформации, разработанная Диккенсом, сохраняет своё научное значение и стимулирующее влияние на дальнейшее развитие исследований в этой предметной области.

Одним из обсуждаемых в среде историков английской Реформации вопросов является определение её хронологических рамок и установление времени утверждения протестантизма в Англии. Либеральные историки в британской исторической науке в определении хронологических рамок Реформации в Англии с середины XIX века считали и в 1960-е годы утвердились во мнении, что все важнейшие события в истории английской Реформации уже произошли ко времени на рубеже 1550–1560-х годов. Завершение религиозной Реформации в стране они связали со вступлением на престол королевы Елизаветы I Тюдор в 1558 году. При этом либеральные историки придерживались мнения о том, что действия королевской власти в Англии по законода-

тельному утверждению протестантизма получили быстрый отклик и сочувствие в народной среде.

В современной британской историографии определяющее влияние на развитие либерального направления в изучении истории Реформации в Англии оказали именно работы Диккенса.

Артур Джеффри Диккенс родился в городе Кингстон-апон-Халл (в обиходном словоупотреблении именуемый в сокращённом виде как Халл). Начав обучение в родном городе, в Хаймерс-Колледже (Hymers College) Университета Халла, он быстро обратил на себя внимание трудолюбием и одаренностью, получив в девятнадцатилетнем возрасте в 1929 году стипендию на обучение в Оксфордском университете, и в 1932 году окончил Модлин Колледж Оксфордского университета (Magdalene College) первым в списке выпускников по учебным достижениям со специализацией по новой истории.

Возможность для самостоятельной научной и преподавательской деятельности появилась у Диккенса с устройством в 1933 году в Кибл Колледж (Keble College) в Оксфордском университете, где до начала второй мировой войны он был преподавателем, тьютором, и в штате которого пребывал до 1949 года.

С началом второй мировой войны Диккенс находился на военной службе в структуре ведомства Королевской Артиллерии – он был офицером её разведывательного подразделения, чему способствовало то, что ещё в ранние студенческие годы в Хаймерс-Колледже Университета Халла он начал изучать немецкий язык. Знание Диккенсом немецкого языка далее было использовано британским военным командованием так же для его определения с мая до октября 1945 года на службу в Германии в британскую оккупационную администрацию в городе Любеке, где он осуществлял надзор за деятельностью местной печати, фактически контролируя издание городской газеты.

После возвращения с военной службы Диккенс некоторое время работал в Кибл Колледж в Оксфорде, но в 1949 году вернулся в свой родной город в Университет Халла, поскольку ему была предложена там должность профессора. Он некоторое время работал деканом факультета искусств (1950–1953), а также – про-вице-канцлером (1959–1962) университета, и в это время в течение года преподавал ещё в Университете Рочестера (США, штат Нью-Йорк). В 1962 г. Диккенс переехал в Лондон, став профессором Кингс-Колледжа (King's College) Лондонского университета.

На рубеже 1950–60-х годов у Диккенса сформировалась концепция понимания английской Реформации, которая стала основой для развития либерального направления в изучении Реформации в Англии на современной стадии его существования. Эта концепция была обоснована и воплотилась в нескольких важнейших работах Диккенса, опубликованных в конце 1950-х – 1960-е годы, и в концентрированном виде содержавших все основные результаты и обобщения в его научной деятельности по изучению английской Реформации [5; 6; 7; 8; 10; 12; 13].

Эти научные результаты были замечены в британском историческом обществе. Два следующих десятилетия, 1960–1970-е годы, стали для Диккенса поразительно насыщенными, были временем кульминации его научной деятельности, а также принесли ему важные административные должности: историк буквально пожинал лавры. В 1966 году он был избран членом Британской Академии. Далее Диккенс стал директором Института исторических исследований в Лондоне (1967–1977), сохраняя и профессорство в Лондонском университете. В 1966–1968 годах Диккенс выполнял ещё и обязанности президента Общества церковной истории (Ecclesiastical History Society), был советником в Государственном архиве Великобритании (1968–1976), консультировал в эти же годы Совет Великобритании по экспорту произведений искусства (его увлечением было коллекционирование произведений фламандского и голландского искусства XVII века, а затем также британской живописи XX века: большую часть этой коллекции он впоследствии передал Университету Халла), занимал должности секретаря, председателя, затем генерального секретаря в Британском Национальном Комитете исторических наук (1967–1979), был секретарем по иностранным делам Британской Академии наук (1969–1979) и посетил за это время для заключения и развития договоров о научном сотрудничестве практически все страны Западной Европы и некоторые страны Восточной Европы (в Румынии встречался даже с генеральным секретарём Румынской коммунистической партии Николае Чаушеску). Диккенс пытался также наладить академические контакты с историками из стран советского блока (но по отношению к СССР был непримирим из-за ввода советских войск в Чехословакию в 1968 году). Накануне выхода в отставку Диккенс работал ещё и в должности вице-президента Британского архивного общества (1978–1980) [16].

Жизнь и деятельность Диккенса является удивительным примером активной и результативной научной работы, сочетавшейся со служением на важных административных должностях, что свидетельствовало о его признании и авторитете в британском учёном мире. В семидесятилетнем возрасте Диккенс вышел в отставку. В 1985 году к 75-летию он был награжден медалью Британской исторической ассоциации.

Свои методологические подходы к историческому исследованию Диккенс определял как разновидность социальной истории, при этом отмечая, что хорошо было бы подыскать и более точное название для этого методологического подхода, поскольку социальная история довольно широка, но более точно не самоопределился в её рамках, по сути дела, сам Диккенс [3, р. 98].

В методологических подходах к изучению истории Реформации у Диккенса также прослеживается глубоко укоренившееся в британской историографии внимание к конкретным фактам, проявляется эмпирическая ориентация историка. Свою концепцию в понимании английской Реформации он тщательно выстраивает не через рассуждения общего характера, а посредством детального изложения и анализа подобранных им фактов, чтобы подве-

сти читателя к своим выводам, сделать так, как будто за себя говорят в подкрепление излагаемой историком версии сами факты. Главная задача историка, в толковании Диккенса, состоит в том, чтобы объяснить, как и почему события развернулись именно таким образом [7, p. 5].

Самым важным из трудов Диккенса в концептуальном отношении для понимания его подходов к истории реформационного периода в Англии является его книга «Английская Реформация» [6; 7; 8]. Изданная впервые в 1964 году, в течение примерно 20 лет она была вне конкуренции и оставалась лучшей целостной историей этого вопроса, написанной в объеме одного тома, и по широте охвата проблемы, и по систематичности изложения и истолкования Реформации. Эта книга фактически не только исследование, но благодаря удачно найденному автором стилю и тональности изложения и учебник, влиявший на изучение истории Реформации на всех уровнях в британской системе образования. Второе издание этого труда Диккенс опубликовал в 1989 году [8], ранее же публиковались его допечатки и перепечатки, и впоследствии выходили в свет также допечатки и перепечатки второго издания. Во второе издание автором была добавлена глава с дополнительными свидетельствами о раннем утверждении протестантизма в Англии, и о том, что антиклерикализм в стране был одним из факторов в происхождении английской Реформации. Такой целостной концепции Реформации, которая была бы воплощена в одном труде, нет ни у кого из современных британских либеральных историков английской Реформации.

При этом главный труд Диккенса отличает не только изложение его понимания хода и содержания английской Реформации, но также формулировка им плодотворных программных идей для организации дальнейших исследований реформационного периода. Ещё до появления в 1970-е годы ревизионистского подхода в изучении Реформации в Англии Диккенс активно призывал обратиться к более глубокому изучению епархиальных архивов на местах с тем, чтобы углубить понимание хода Реформации в отдельных регионах страны и на этой основе корректировать изучение Реформации в общенациональном масштабе. Диккенс осознавал, показывал и подчёркивал в своей основной работе и то, что англичане, особенно в отдаленных районах страны, медленно и с недоверием воспринимали реформационные идеи, при этом специально обращая внимание на то, что королевская власть (и политическая элита в стране в целом) имеет преимущественные возможности для навязывания населению страны и продавливания своих интересов. Это важное в самом широком смысле соображение Диккенса в понимании политической истории о том, что наиболее значимую роль в развитии страны и ходе политических событий играет то, что происходит в столице, в среде политической элиты, значимо и для изучения английской Реформации, и для понимания многих других явлений и периодов в истории разных стран. Таким актом, проведенным волевым решением королевской власти, была, как вполне осознавал Диккенс, и английская Реформация. Оценивая религиозное положение

в Англии к окончанию правления Эдуарда VI (1547–1553), Диккенс писал, что в 1553 году «большая часть нации не была ни страстными протестантами, ни сознательными католиками». Все яркие свидетельства распространения протестантизма в стране этих лет, отмечал он, происходят из Лондона и местности вокруг него [7, р. 351–352].

Как пишет известный современный исследователь английской Реформации Э. Петтигри, роль позиций и интересов политической элиты были особенно значимы, по его словам, «в глубоко недемократичном XVI веке» (остается только добавить, что такой ситуация может быть в разных странах даже и в новейшее время). В XVI веке бывали случаи, когда, как в Швеции, страна становилась в итоге протестантской не более чем с 300 первоначальными протестантами в окружении шведского короля Густава I Вазы (1523–1560), или же, наоборот, политические элиты могли не дать утвердиться протестантизму в той или иной европейской стране, в которой были десятки тысяч протестантов (как во Франции, и в целом такие примеры в европейской истории не единичны), но сторонники реформированной религии не могли утвердить своё влияние и победить, если политическая элита выступала против них [21, р. 43].

Э. Петтигри в связи с критикой историками-ревизионистами выводов либеральных историков о раннем и быстром утверждении Реформации в Англии обращает внимание на ещё некоторые важные моменты в понимании хода английской Реформации и темпов распространения протестантизма. Постоянные сетования протестантских проповедников в Англии во второй половине XVI века на то, что в стране медленно утверждается истинная вера, были ещё и характерной для жанра проповеди риторической фигурой, которую не следует воспринимать буквально как фактическое положение дел в том или ином приходе. С первых веков существования христианства священники в проповедях постоянно осуждали то, что в христианском сообществе никак не исчезают упрямые неблагодарные прихожане, не желающие воспринимать сокровища истинной веры: это едва ли не вечная тема в истории христианства. Соответственно, такие рассуждения о медленности утверждения протестантизма в стране, регулярно встречающиеся в проповедях английских священников, особенно с пуританскими наклонностями, вплоть до Английской революции середины XVII века, несли в себе в значительной мере литературную по характеру образность: их не надо пытаться истолковывать как статистические по содержанию свидетельства. Это ведь риторическая модель выступления проповедника, а не стремление к здравому анализу явления, как у социального историка: любые письменные свидетельства следует стремиться тщательно контекстуализировать [21, р. 49].

Диккенс вполне осознавал, что в темпах утверждения Реформации в Англии в разных регионах были заметные различия: он хорошо знал материалы местных архивов ряда районов страны. При этом он считал, что для утверждения королевской Реформации в Англии были также и внутренние идей-

ные предпосылки: в частности, не прошла без последствий деятельность лоллардов, чьи взгляды в ряде отношений предвосхитили реформационные идеи, и в среде англичан среди некоторых социальных групп (торговцы, юристы общего права) накануне Реформации проявлялись антиклерикальные настроения.

Далее же, в результате полемики между либеральными историками и развернувшими свою деятельность в 1970–1990-е годы представителями ревизионистского направления (Кристофер Хейг (р. 1944), Джек Скарисбрик (р. 1928), Имон Даффи (р. 1947) и др.) понимание вопроса о сроках утверждения протестантизма в Англии проблематизировалось. Ревизионисты намеренно и заостренно выстраивали своё понимание Реформации в Англии на критике и отталкивании от либеральной концепции, не воспринимая содержание главного труда Диккенса «Английская Реформация» во всей его широте, разноплановости и глубине. В этой работе Диккенса немало рассуждений о медленности и сложности утверждения реформированной религии в Англии, и встречаются формулировки и оценки, которые неотличимы от последующих рассуждений по этому поводу историков-ревизионистов. Диккенс также при всех своих симпатиях к протестантизму не идеализировал его, высказывал немало леволиберальных по характеру суждений, в частности, критиковал британский протестантизм за то, что протестантские священники «долго не осуждали рабство, детский фабричный труд и тяжёлые условия работы времен раннего индустриализма» [7, р. 458]. Диккенс мыслил как христианский историк в широкой исторической перспективе и заявлял, что работающий ныне исследователь эпохи Реформации должен способствовать взаимопониманию современных христианских церквей. Историография, по его мнению, должна «освободить людей от мёртвой хватки прошлого и его конфликтов. В современном мире крепнут антихристианские силы, а часть этого мира еще ожидает христианского обращения. Необходимо и укрепление взаимопонимания с католиками, и тенденция к этому прослеживается с обеих сторон, но ещё очень далеко до доктринального согласия или институциональной интеграции» [7, р. 460].

К. Хейг с начала 1980-х годов превратился в основного научного оппонента Диккенса в вопросах о происхождении, ходе, темпах развития и результатах Реформации в Англии, заявляя, что Реформация в Англии была политическим актом, развернутым в интересах королевской власти, поэтому с трудом и медленно воспринимаемым англичанами. К такому пониманию английской Реформации К. Хейг и ревизионисты пришли на основе углубленных региональных исследований хода Реформации, в сущности, реализуя исследовательскую программу, предложенную самим же Диккенсом. При этом ревизионисты активно, порой и резко, критиковали подходы, выводы и оценки либеральных историков английской Реформации. Диккенса как исследователя в его понимании английской Реформации К. Хейг упрощенно определил как сторонника «быстрой Реформации снизу» [18, р. 19–33]. Как высказался

по поводу отношения Хейга к Диккенсу Э. Петтигри, «я никогда более не видел, чтобы кого-либо из историков с его взглядами так упрощенчески насаживали на вертел одной фразой» [21, р. 40]. Ревизионисты были настроены на то, чтобы не дополнить либеральный подход к изучению английской Реформации, а превратить его в устаревший. В 1983 году К. Хейг даже заявлял, что либеральная концепция понимания английской Реформации, обосновывавшаяся Диккенсом, уже «превратилась в лохмотья» [20, р. 370].

Провоцировавшие на полемику утверждения К. Хейга так же ещё и о том, что Англия в результате Реформации стала не протестантской страной, а страной, расколотой в религиозном отношении, поскольку в Англии сохранилось жизнеспособной католическое сообщество [19], всё же воспринимаются исследователями как крайность. Влияние протестантизма на развитие английского общества, английской культуры успело стать слишком заметным и даже преобладающим по сравнению с другими религиозными традициями в Англии.

В изучении вопроса о сроках и темпах распространения Реформации в Англии к настоящему времени намечается складывание постревизионистского консенсуса, согласно которому сознательное принятие протестантизма основной массой англичан есть основания датировать последними годами правления королевы Елизаветы I Тюдор (1558–1603) [21, р. 39–58]. Рассуждения же ревизионистов о том, что Англия является не протестантской страной, а расколота в религиозном отношении, как думается, являются в значительной степени проекцией в прошлое ситуации в современной Великобритании, поскольку католицизм в стране действительно сейчас активно расширяет количество своих приверженцев, настолько, что количество постоянно посещающих службы прихожан в Церкви Англии уже не больше, чем количество постоянных прихожан в католических приходах страны.

Кончина Диккенса вызвала организацию научных мероприятий и появление ряда аналитических публикаций, ему посвящённых.

Вслед за уходом Диккенса из жизни в следующем году на родине историка, в городе Халле, департаментом истории Университета Халла была организована 1–2 ноября 2002 года конференция «Реформулирование Реформации – А. Дж. Диккенс: его научная деятельность и влияние», в работе которой приняли участие более 60 человек из двадцати университетов. На неё были приглашены члены семьи историка. Девять статей участников конференции (конечно же, непропорционально мало, по сравнению с общим количеством участников), а также библиографические сведения о работах Диккенса опубликовал журнал «Historical Research» в номере за февраль 2004 года [2, р. 1–4]. Статью, посвященную Диккенсу и опирающуюся, наряду с характеристикой его трудов, на воспоминания коллег, учеников и членов семьи историка, подготовила для публикации в сборнике трудов Британской академии Маргарет Кларк [3, р. 83–101]. Она отметила, что одной из исследовательских установок Диккенса, важной для последующей полемики с ревизионистами, была

идея о том, что задачей историка английской Реформации является необходимость понять религиозные взгляды обычного человека, живущего в той или иной местности. Но при этом историк должен смотреть на происходившее шире, не сужая свой кругозор до горизонта, доступного лишь пониманию такого обычного прихожанина, чтобы происходившее в религиозном развитии местности, региона не начало представляться общей картиной происходившего в религиозной сфере в стране в целом. Региональные исследования важны, но при этом нужно научиться их интерпретировать и вписывать в контекст общенациональной истории [3, p. 91].

На уход Диккенса из жизни откликнулся в ноябрьском номере 2001 года журнала *History Today* и его оппонент – историк-ревизионист Кристофер Хейг, взгляды которого в отношении к Диккенсу никак нельзя считать беспристрастными и объективными. Более того, его заявления прямо провокативны. Так, вслед ушедшему из жизни историку Хейг заявил, что Диккенс не отличался мягкостью по отношению к тем, кто с ним не соглашался и его критиковал, заявляя еще и том, что, хотя Диккенс продолжал писать после 1964 года, после публикации своего фундаментального исследования «Английская Реформация» (1964), с его переходом к административной работе «оригинальная исследовательская деятельность Диккенса закончилась» [17]. При этом, безусловно, самому Хейгу было хорошо известно, что в конце 1960-х – 1990-е годы, после того, как Диккенс внёс выдающийся вклад в изучение английской Реформации, его интересы стали перемещаться на исследование и осмысление хода Реформации в Европе. В таком развитии научных интересов Диккенса была своя логика: рассмотрев развитие Реформации в Англии, либеральный историк стал стремиться глубже понять Реформацию как общеевропейское явление, с учётом ее английского варианта. Диккенс опубликовал ещё ряд первоклассных исследований, некоторые из которых были выполнены в соавторстве [4; 9; 11; 14; 15], в том числе ответив и ревизионистам, подвергавшим сомнению раннее распространение протестантизма в Англии и его превращение в неискоренимую силу в стране ко времени восшествия на престол Марии Тюдор (1553–1558). Если бы протестантизм только лишь насаждался королевской властью в народе в правление Генриха VIII (1509–1547) и Эдуарда VI (1547–1553) без отклика из народной среды, то во время католической реставрации в правление Марии Тюдор (1553–1558), перестав насаждать протестантизм и объявив его ересью, королевская власть смогла бы справиться с ним, чего, тем не менее, не произошло, как раз из-за укоренения протестантизма в народе, в результате чего власти сожгли на кострах около 300 протестантов, объявив их еретиками, и большинство из сожжённых были по социальному происхождению выходцами из широкой народной среды.

Статью «А. Дж. Диккенс и его критики: новые нарративы английской Реформации», важную именно для целей нашей статьи и подчеркнутую научную актуальность либеральной концепции истории английской Рефор-

мации, разработанной Диккенсом, в журнале «Исторические исследования» опубликовал Э. Петтигри [21]. В ней он справедливо отметил, что в ревизионистский нарратив английской Реформации не вписывается правление короля Эдуарда VI (1547–1553), поскольку в эти годы развитие протестантизма в Англии заметно ускорилось, и реформационные идеи стали получать более широкий отклик в народной среде [21, р. 53–54]. По мнению Э. Петтигри, к настоящему времени в изучении английской Реформации, учитывая результаты полемики историков либерального и ревизионистского направлений, необходимо учитывать несколько следующих моментов, свидетельствующих, в значительной степени, о правоте Диккенса в ряде его выводов.

Во-первых, следует признать явственную эффективность ранней королевской Реформации в Англии при Генрихе VIII (1509–1547) в разрушении основывавшейся на католических постулатах церковно-административной системы в стране и законодательном утверждении строя управления церковью во главе с монархом. Но при этом в правление Генриха VIII Церковь Англии пока ещё представляла собой сочетание реформированной структуры управления с богословскими элементами католицизма в доктрине, и фактически находилась в переходном, нестабильном состоянии, которое даже вызывало у реформаторов опасения возможности возврата в католицизм.

Во-вторых, следует признать заметные успехи протестантизма в Англии в правление Эдуарда VI (1547–1553), в такой степени, что в условиях того времени, когда после поражения в германских землях войск протестантского Шмалькальденского союза в битве при Мюльберге 24 апреля 1547 года в ходе войны против католических сил, возглавляемых императором Карлом V (1516–1556), Англия превратилась в надежду и опору для европейского, континентального протестантизма, и английская королевская власть предоставила в своей стране приют для многих континентальных протестантов, в том числе богословов с европейской известностью (Мартин Буцер (1491–1551), Пётр Мартир Вермигли (1499–1562), и др.). В Англии в правление Эдуарда VI к власти пришла, при всех спорах о мотивах действий этих людей, однозначно протестантская политическая группировка, которая развернула процесс дальнейшего утверждения реформированной религии. Хотя эти силы в окружении малолетнего короля и опирались на численно относительно небольшую группу знати, юристов, духовных лиц, но эта группировка имела тотальный контроль над печатным станком и средствами пропаганды в стране, стала получать поддержку значительной части провинциальных элит в графствах.

В-третьих, католическая реставрация при Марии Тюдор выявила ограниченные организационные, политические и интеллектуальные возможности католиков. Диккенс подчёркивал, что развитие Реформации в Англии, по сути дела, не приостановилось даже в годы католической реставрации. В ревизионистской же концепции понимания Реформации в Англии как политики, насаждавшейся королевской властью сверху, обнаруживаются даже и заметные логические противоречия. Хотя, в толковании ревизионистов, английские

протестанты были малочисленны, якобы не имели в своей деятельности отклика в народе, опираясь только лишь на поддержку королевской власти, в итоге они оказались поразительно эффективными по результатам своей деятельности в стране, так что протестантизм не смогла искоренить даже реставрация католицизма той же королевской властью при Марии [5, p. 187–222].

Далее в развитии событий, когда после неудачного восстания против католического режима в январе 1554 года под предводительством Томаса Уайатта католическая власть в лице королевы Марии, тем не менее, приняла решение не казнить вызывавшую опасения своей протестантской религиозностью сводную сестру королевы, дочь Анны Болейн Елизавету Тюдор, и стало известно о ложной беременности королевы Марии, об ухудшении состояния её здоровья, то даже сама католическая королева Мария, пришедшая к власти на основе принципа легитимизма как старшая по возрасту дочь – наследница Генриха VIII, стала осознавать неизбежность восшествия на престол, в соответствии с этим же принципом, следующей за ней по возрасту сводной сестры Елизаветы Тюдор. Это практически влекло за собой законодательное восстановление протестантизма в Англии, что и произошло после восшествия на престол королевы Елизаветы I Тюдор, состоявшегося 17 ноября 1558 года, в конце апреля 1559 года путем законодательного утверждения протестантизма в английском парламенте. Получается, что, прямо-таки в соответствии с либеральной концепцией английской Реформации, наиболее глубоко из всех либеральных историков разработанной Диккенсом, все ключевые события в истории английской Реформации как раз и произошли к 1558–1559 годам. Затем же, в правление Елизаветы I, в английском обществе пошёл процесс еще более глубокого утверждения протестантизма в английской культуре, в рутинных практиках повседневной жизни, который, и в самом деле, занял несколько десятилетий [21, p. 58].

Можно утверждать, что полемика между либеральным и ревизионистским направлениями в изучении истории английской Реформации, разворачивавшаяся в 1970–1990-е годы, привела к вводу в оборот большого объёма нового фактического материала, к переосмыслению того, что уже было известно об английской Реформации, но не опровергла основные положения и выводы либеральной концепции, дополнив её материалами и выводами историков-ревизионистов о медленности и сложности процесса утверждения реформированной религии в стране. В современной британской исторической науке сосуществуют и взаимодействуют либеральное и ревизионистское направления в изучении английской Реформации, но ни одно из этих направлений не может доказать ненужность другого направления и полностью исключить интерпретацию, предлагаемую оппонентами [1, p. 142–153].

Остаётся признать, что либеральная концепция понимания английской Реформации, разработанная А. Дж. Диккенсом, по своим основным позициям выдержала критику со стороны представителей ревизионистского направления, и эти две концепции в понимании реформационного периода в истории

Англии дополняют друг друга, сосуществуют, взаимодействуют и обогащают современную британскую историческую науку.

Литература

1. *Ерохин В. Н.* Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
2. *Ambler R., Burgess G.* Introduction // *Historical Research*. Vol. 77. Issue 195. February 2004. P. 1–4.
3. *Clark M.* Arthur Geoffrey Dickens 1910–2001 // *Proceedings of the British Academy*. Vol. 120. Oxford: Oxford University Press / British Academy, 2003. P. 83–101.
4. *Dickens A. G.* The Counter Reformation. London: Thames & Hudson, 1968.
5. *Dickens A. G.* The Early Expansion of Protestantism in England, 1520–58 // *Archiv für Reformationsgeschichte*. 1987. LXXVIII. P. 187–222.
6. *Dickens A. G.* The English Reformation. New York: Schocken Books, 1964.
7. *Dickens A. G.* The English Reformation. London and Glasgow: Collins, 1973.
8. *Dickens A. G.* The English Reformation. 2nd ed. Penn State University Press, 1989.
9. *Dickens A. G.* The German Nation and Martin Luther. London: Edward Arnold, 1974.
10. *Dickens A. G.* Lollards and Protestants in the Diocese of York, 1509–1558. Oxford: Oxford University Press, 1959.
11. *Dickens A. G.* Reformation and Society in Sixteenth-Century Europe. New York: Harcourt, Brace & World, 1966.
12. *Dickens A. G.* Thomas Cromwell and the English Reformation. New York: Harper and Row Publishers, 1969.
13. *Dickens A. G.* The Shape of Anti-Clericalism and the English Reformation // *Politics and Society in the Reformation Europe*. Basingstoke: Macmillan Press, 1987. P. 379–410.
14. *Dickens A. G., Jones W. R. D.* Erasmus the Reformer. London: Methuen, 1994.
15. *Dickens A. G., Tonkin J.* The Reformation in Historical Thought. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1985.
16. Geoffrey Dickens. URL: <https://www.theguardian.com/news/2001/aug/10/guardianobituaries.books> (дата обращения: 10.09.2021).
17. *Haigh C. A. G.* Dickens and his Reformation // *History Today*. Volume 51. Issue 11. November 2001. URL: <https://www.historytoday.com/archive/ag-dickens-and-his-reformation> (дата обращения: 10.09.2021).

18. *Haigh C.* (Ed.). *The English Reformation Revised*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

19. *Haigh C.* *English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors*. Oxford: Clarendon Press, 1993.

20. *Haigh C.* Review of M. Bowker, «The Henrician Reformation: the Diocese of Lincoln under John Longland, 1521–47. Cambridge–New York: Cambridge University Press, 1981 // *English Historical Review*. 1983. Vol. XCVIII. P. 370–373.

21. *Pettegree A.* A. G. Dickens and his critics: a new narrative of the English Reformation // *Historical Research*. Vol. 77. Issue 195. February 2004. P. 39–58.

A. J. DICKENS AND THE LIBERAL CONCEPT OF ENGLISH REFORMATION HISTORY IN CONTEMPORARY BRITISH HISTORIOGRAPHY

V. N. Yerokhin

North-Eastern State University (Magadan)

The article deals with analysis of scientific and research activity of Arthur Geoffrey Dickens (1910–2001) as a significant British liberal historian of the second half of 20th century. The author of the article analyses contents, role and significance of the concept of English Reformation formulated by A. G. Dickens. The author examines polemics waged with Dickens by historians of revisionist trend in the study of English Reformation. The article concludes that historians of revisionist trend didn't manage to refute the main ideas and conclusions of the liberal concept of English Reformation worked out by Dickens.

Keywords: *Reformation, England, contemporary British historiography, liberal trend, A. G. Dickens, revisionist trend, social history, intellectual history.*

Об авторе:

ЕРОХИН Владимир Николаевич

Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан), кафедра социальных и гуманитарных наук, доктор исторических наук, e-mail: erohin_vladimir@inbox.ru.

About author:

YEROKHIN Vladimir Nikolaevich

North-Eastern State University (Magadan), Department of Social Sciences and Humanities, Doctor of Historical Sciences, e-mail: erohin_vladimir@inbox.ru.

РОЛЬ ВЫСШИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ 1920-х гг.

Е. Ю. Сергеев

Институт всеобщей истории РАН,
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Реввоенсовет Советского Союза и Комитет имперской обороны Соединенного Королевства явились важнейшими военно-политическими структурами обеих великих держав, которые оказывали значительное влияние на формулирование и проведение в жизнь решений государственной важности. Автор рассматривает ключевые факторы этого воздействия на советско-британские отношения 1920-х – начала 1930-х гг., характеризовавшиеся «иллюзиями пацифизма» в неустанных попытках творцов Версальско-Вашингтонского миропорядка предотвратить формирование предпосылок для нового глобального вооруженного конфликта.

Ключевые слова: Реввоенсовет, Комитет имперской обороны, советско-британские отношения, Первая мировая война, эра пацифизма.

Хорошо известно, что политические институты всегда играли важную роль в истории международных отношений. Данное обстоятельство в полной мере определяет контакты двух крупнейших акторов мировой политики первой половины XX века – Советской России и Соединенного Королевства, территория и население которых превышали половину Человечества планеты. Отсутствие прогресса в развитии взаимосвязей между Москвой и Лондоном на современном этапе определяет необходимость глубокого изучения опыта прошлого с целью извлечения уроков, без усвоения которых трудно рассчитывать на решение узловых проблем сегодняшнего дня.

В этой связи автор посвятил данную статью рассмотрению ключевых направлений воздействия политических институтов обеих стран на их отношения в период формирования новой системы, отличной от прежней повестки дня двусторонних контактов, на протяжении второй половины 1920-х – начала 1930-х гг., когда Версальско-Вашингтонский (или Версальско-Рижско-Вашингтонский) миропорядок достиг временной стабилизации после турбулентности периода мировой войны и подъема революционных движений, вызванных ее окончанием [1, с. 5–7].

В современной науке под политическими институтами следует понимать структуры государственной власти, которые оказывают решающее влияние на разработку, принятие и осуществление стержневых решений в различных

сферах, но прежде всего и главным образом – в области управленческих функций как внутри страны, так и за ее пределами. При этом освещение роли даже ключевых из названных структур выходит далеко за рамки отдельной статьи, что заставляет автора сосредоточить внимание только на двух наиболее значимых государственных органах с точки зрения избранного ракурса – Комитете имперской обороны Соединённого Королевства (The UK Committee of Imperial Defence) и Революционном военном совете (Реввоенсовете) СССР.

Первое заседание Комитета имперской обороны (КИО) состоялось 18 декабря 1902 г. под председательством тогдашнего консервативного премьер-министра А. Дж. Бальфура, хотя свое название этот орган получил лишь спустя три месяца [9]. Если до Первой мировой войны КИО заседал время от времени, то после ее окончания его сессии приобрели регулярный характер. Дело в том, что глобальный вооруженный конфликт повысил значение экспертных оценок и решений, которые правительству необходимо было принимать в экстренном порядке с учетом мнений представителей различных министерств и ведомств на фоне стремительно менявшейся оперативной ситуации. И хотя главную роль в обеспечении текущего государственного управления в 1917–1918 гг. играл Имперский Военный Кабинет во главе с Д. Ллойд Джорджем, КИО продолжал выполнять координационно-консультативную работу через специализированные подкомитеты и комиссии, количество которых постоянно возрастало [6, p. 273].

Начиная с 1914 г. вплоть до Второй мировой войны КИО фактически руководил процессом стратегического планирования всей Британской империи, включая доминионы, колонии, протектораты и другие зависимые территории. Важное значение имела реорганизация этого органа по результатам работы очередной имперской конференции 1923 г., заслуга проведения которой принадлежала тогдашнему главе Форин офис Дж. Н. Кёрзону. Именно он стал председателем КИО, занимая этот пост вплоть до своей кончины двумя годами позже. По мнению Кёрзона, деятельность комитета позволяла не только принимать продуманные и взвешенные решения в области обороны, но и согласовывать интересы различных ведомств, прежде всего Форин офис, Военного министерства и Адмиралтейства, основываясь на данных специальных служб, ведущее место среди которых занимала военная контрразведка МИ-6.

Таким образом, к концу 1920-х гг. КИО, главой которого после Кёрзона вновь являлся лорд-президент Тайного совета А. Дж. Бальфур, включал 38 военных и 13 гражданских подкомитетов, объединенных в пять основных тематических групп: стратегического планирования, подготовки к войне, живой силы, снабжения и научных исследований [4, с. 138]. Вся практическая работа КИО строилась через секретариат под руководством полковника М. Хэнки, выполнявшего одновременно функции главного организатора заседаний Кабинета, большинство членов которого вместе с премьер-министром работали в комитете на регулярной основе. Помимо гражданских лиц с 1924 г. в совещаниях участвовали три начальника штабов основных родов войск, объеди-

ненных в отдельный подкомитет (Chiefs of Staff Sub-Committee) [8, p. 153]. Другие высокопоставленные чиновники и руководители разведывательных органов приглашались на заседания по мере необходимости, когда обсуждались вопросы, входившие в компетенцию ведомств, которые они представляли. Регламент деятельности комитета предполагал ознакомление его членов с заключениями экспертов, которые могли выступать перед собравшимися с тематическими докладами. Любопытно, что КИО занимался также подготовкой офицерских кадров через Имперский колледж обороны (Imperial Defence College), открытый в 1927 г. [5, p. 98–104].

Изучение автором фондов Национальных архивов Соединенного Королевства показало, что на протяжении второй половины 1920-х гг. КИО постоянно обсуждал вопросы развития отношений с СССР по таким значимым для британских правящих кругов внутренним и внешним проблемам, как деятельность Коминтерна на территории метрополии и доминионов, особенно в связи с проведением всеобщей забастовки 1926 года; ускоренное перевооружение Красной Армии и флота, сопровождавшееся попытками Москвы получить доступ к новейшим западным системам вооружения; подрывная деятельность советских агентов в Китае, Индии и других странах Востока. Как правило, включение в повестку дня совещаний КИО на советском направлении текущих вопросов было обусловлено неординарными событиями, например, арестом лидеров Компартии Великобритании в октябре 1925 г., или рейдом, организованным Специальным отделом Скотланд-Ярда в мае 1927 г. против советской торговой миссии и акционерного общества АРКОС.

Заслуживает внимание то обстоятельство, что возрастание активности национальных движений в ключевых странах Азии – Китае, Афганистане, Иране или Турции, обычно вызывало необходимость обсуждения членами КИО сложившейся ситуации, учитывая вмешательство Коминтерна, а значит – кремлевского руководства, без участия которого, по мнению Лондона, не обходилось ни одного антибританского выступления. Особенную тревогу имперских правящих кругов как в метрополии, так и в доминионах, вызывали кампании гражданского неповиновения на территории Индостана, инспирированные, с точки зрения большинства членов КИО, не только национальными лидерами типа М. Ганди, но и коммунистическими активистами вроде М. Роя, получавшего крупные субсидии Москвы.

В свою очередь Реввоенсовет Советской Республики (РВСР) был образован специальным постановлением ВЦИК РСФСР 2 сентября 1918 г., когда большевистский режим столкнулся с самыми серьезными вызовами внутреннего и внешнего характера. Его непосредственные предшественники – Центральное бюро военных организаций и Военно-революционный комитет явились детищем руководства РСДРП(б) при непосредственном участии В. И. Ленина [3, с. 3–5]. Заметную роль в учреждении РВСР сыграл Л. Д. Троцкий – второй по влиянию человек среди тогдашнего большевистского руководства. Именно он как народный комиссар по военным и морским

делам занял пост председателя РВСР с самыми широкими полномочиями, предел которым устанавливался специальными решениями Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б).

Необходимо подчеркнуть, что председатель РВСР утверждался ВЦИК СССР, а его члены Советом народных комиссаров. В отличие от британского аналога, деятельность которого фактически не зависела от партийной ориентации Кабинета – консервативной, либеральной, лейбористской или коалиционной – РВСР выступал как структура, находившаяся под постоянным контролем правящей большевистской партии. Кроме того, Совет являлся органом преимущественно военного управления, включая такие подчиненные организации, как Штаб РККА, Военно-законодательный совет, Центральное управление снабжения, Высшую военную инспекцию, Морской отдел, Революционный трибунал и некоторые другие органы. Именно поэтому в период Гражданской войны ему подчинялись реввоенсоветы фронтов, армий и флотов. Таким образом, РВСР в противоположность КИО оперативно руководил объединениями РККА и РККФ вплоть до своей реорганизации в середине 1920-х гг.

Вместе с тем РВСР, как и КИО, активно привлекал к сотрудничеству экспертов, в советском случае – военспецов, то есть прежних царских офицеров, особую роль среди которых играли сотрудники бывшего Главного Управления Генерального Штаба – стратегического центра аналитических разработок и планирования русской императорской армии [2, с. 5].

Можно с полным основанием констатировать, что главной задачей РВСР стало воссоздание регулярной армии на основе сочетания милиционной и территориальной систем с преобладанием первой. При этом общим для КИО и РВСР являлось стремление к сокращению вооруженных сил на протяжении «эры пацифизма» в международной жизни второй половины 1920-х гг. Показательно, что к 1928 г. численность вооруженных сил СССР была сокращена более чем в семь раз до 562 тыс. чел. [3, с. 82]. Аналогичный процесс наблюдался и в Соединенном Королевстве, правительство которого приняло так называемое «правило 10 лет» (Ten Years Rule), которое действовало до 1932 г., исключая возможность финансирования участия Британской империи в любом крупномасштабном вооруженном конфликте [7, р. 273]. Стоит также отметить, что по примеру аналогичных структур западных стран РВСР активно занимался подготовкой высших командных кадров через систему курируемых им военных академий, преподавателями которых до середины 1930-х гг. в основном являлись бывшие офицеры Генерального штаба царской России.

Что же касается вопросов поддержания обороноспособности перед лицом возможной «империалистической агрессии», то РВСР уделял британскому фактору первостепенное значение, подчеркивая необходимость укрепления рубежей «первой в мире страны социализма». Протоколы заседаний РВСР показывают, что фактически любой дипломатический ход Лондона,

например, подписание Рейнского гарантийного пакта в 1925 г. или Лондонского морского договора в 1930 г., вызывали негативную реакцию большевистского руководства, а значит и членов РВСР, который после вынужденной отставки Троцкого в январе 1925 г. сначала на короткое время возглавил М. В. Фрунзе, а затем вслед за его неожиданной кончиной – К. Е. Ворошилов, остававшийся на этом посту вплоть до ликвидации Совета в 1934 г. Хотя КИО просуществовал несколько дольше РВСР, но и он утратил ведущую роль в координации военных усилий Британской империи к началу Второй мировой войны, превратившись к 1947 г. в Комитет обороны (Defence Committee) со значительно сокращенным объемом полномочий.

Руководствуясь материалами совещаний КИО и РВСР как ведущих военно-политических институтов второй половины 1920-х гг., можно сделать вывод о том, что они выступали архитекторами национальной безопасности, разрабатывая важнейшие решения в указанной области. Следовательно, их влияние на проведение Москвой и Лондоном внешнеполитического курса трудно переоценить, поскольку они фактически являлись «мозговыми центрами» управления вооруженными силами Советского Союза и Британской империи. В течение указанного периода возрастали профессионализм оценок и точность прогнозов экспертов обеих организаций, хотя продолжали сохраняться кардинальные отличия в их деятельности, обусловленные спецификой тоталитарного политического строя в большевистской России и демократической монархии в Великобритании.

Вместе с тем обращает на себя внимание относительно короткий срок функционирования РВСР и КИО, которые поэтому, очевидно, следует рассматривать как переходные политические институты эпохи мировых войн и революционных потрясений. В результате, они оказались ненужными советской и британской властным элитам, когда переходный период становления новых форм государственного управления подошел к концу.

Другой важный вывод касается воздействия обоих политических институтов на двусторонние отношения, которые отличались амбивалентностью: тесной взаимозависимостью СССР и Соединенного Королевства в решении геополитических и экономических проблем послевоенного мироустройства, с одной стороны, и абсолютной идеологической несовместимостью советской и британской империй – с другой. Наконец, стоит иметь в виду еще одно немаловажное обстоятельство, а именно, тот факт, что богатый опыт деятельности РВСР и КИО был впоследствии с успехом использован такими международными организациями, как Объединенный комитет начальников штабов стран Антигитлеровской коалиции, а в годы «холодной войны» – НАТО и ОВД.

Литература

1. Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. / отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011.

2. РВС Республики / ред. А. Ненароков. М.: Политиздат, 1991.
3. *Рымиан М., Алексинский К., Карнеев Б.* Революционный военный совет СССР за десять лет. М. – Л.: Государственное издательство, 1928.
4. *Сергеев Е. Ю.* Комитет имперской обороны – главный орган координации внешней политики Великобритании // Европейские сравнительно-исторические исследования / ред. А. А. Улунян, Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2014. Вып. 5. С. 129–143.
5. *Hankey M.* Diplomacy by Conference. Studies in Public Affairs 1920–1946. London: E. Benn, 1946.
6. *D’Oraian N.* War Machinery and High Policy. Defense Administration in Peacetime Britain. 1902–1914. Oxford: Oxford University Press, 1973.
7. *Kennedy P.* The Rise and Fall of British Naval Mastery. London: Penguin Books, 2004.
8. *Watt D.C.* Personalities and Policies. Studies in the Formulation of British Foreign Policy in the Twentieth Century. London: Longmans, Green and Co., 1965.
9. The National Archives of the United Kingdom (TNA). Cabinet Papers (CAB). 2/1. Committee of Imperial Defence. Minute of the First Meeting, 18 December 1902.

THE ROLE OF THE SUPREME POLITICAL INSTITUTIONS OF SOVIET RUSSIA AND GREAT BRITAIN IN BILATERAL RELATIONS OF THE 1920s

E. Yu. Sergeev

Russian Academy of Sciences Institute of World History
Russian State University for the Humanities, Moscow

The Soviet Union’s Revolutionary Military Council and Imperial Defence Committee of the United Kingdom were the most important military and political structures of both great powers, which had a significant influence on the formulation and implementation of decisions on national importance. The author examines some key factors of this impact on the Soviet-British relations in the latter half of the 1920s and early 1930s, characterised by ‘illusions of pacifism’ in relentless attempts by the Versailles world order creators to prevent the origins of a new global armed conflict.

Keywords: *Revolutionary Military Council, Committee of Imperial Defence, Soviet-British relations, First World War, era of pacifism.*

Об авторе:

СЕРГЕЕВ Евгений Юрьевич

Институт всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник; Российский государственный гуманитарный университет, e-mail: eugene.sergeev59@gmail.com.

About author:

SERGEEV Evgeny Yurievich

Russian Academy of Sciences Institute of World History, Doctor of History, Chief Research Fellow; Russian State University for the Humanities, Professor of International Relations, e-mail: eugene.sergeev59@gmail.com.

УДК 94

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНГЛО-РУССКОГО ПРОФСОЮЗНОГО
КОМИТЕТА ЕДИНСТВА И ДВИЖЕНИЯ МЕНЬШИНСТВА В
АНГЛИЙСКИХ ТРЕД-ЮНИОНАХ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА
ФОРМИРОВАНИЕ АНГЛО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В 1920-Е ГОДЫ**

Ю. В. Савосина

Независимый исследователь, г. Рязань

Н. П. Писчикова

Рязанский государственный университет, г. Рязань

В статье предпринята попытка рассмотреть деятельность англо-русского профсоюзного комитета единства и Движения меньшинства в английских тред-юнионах во второй половине 1920-х годов, определены их основные цели и задачи. Выявлена роль влияния деятельности данных организаций на поддержание англо-советских двухсторонних отношений.

***Ключевые слова:** Англо-советские отношения, дипломатия, профсоюзный комитет единства и Движение меньшинства, тред-юнионы, пролетариат, рабочая партия.*

Политическая ситуация рабочего движения конца XIX – начала XX века во многих странах Европы характеризуется ростом самосознания рабочих, активного включения в политическую жизнь. Европейские политики видели необходимость в проведении реформ, нацеленных, в первую очередь, на то, чтобы перенаправить рабочее движение в нужное русло, улучшая положение рабочих, не допустить социальных катаклизмов.

В этом отношении свершившаяся Октябрьская революция 1917 года в России только укрепила рост рабочего движения стран Европы. Повсеместный экономический кризис послевоенного времени, рост безработицы по всей Европе, продвижение Советской Россией идеи всемирной революции, активная поддержка советских трудящихся в борьбе за отстаивание интересов рабочего класса создавали ситуацию противоборства капиталистического и социалистических строев. Страна Советов осуществляла попытки подрыва существующих политических режимов посредством вмешательства в деятельность рабочих движений в европейских странах. Значительное место уделялось Великобритании как государству, занимающему лидирующие позиции в европейской и мировой политике.

На протяжении 1920-х годов отношения между Великобританией и Советской Россией во всех сферах носили сложный и противоречивый характер. В начале июля 1925 года англо-советские отношения настолько обострились, что разрыв дипломатических отношений между двумя странами казался неизбежным. К этому времени стало понятно, что нового государственного переворота в России не произойдет. Коммунистическая партия отстояла свои позиции, происходило постепенное укрепление советской экономики и государственной власти. При этом одним из аспектов внешней политики Советской России являлся рост революционизирующего влияния на народы метрополий, колониальных и зависимых стран, а также на трудящихся самой Великобритании.

Однако ни в июле, ни в последующие месяцы 1925 года правительство Англии не решилось активизировать действия, направленные на разрыв дипломатических и торгово-экономических отношений с СССР. Этому мешал ряд факторов внутри- и внешнеполитического характера.

Английский рабочий класс настаивал на сохранении нормальных дипломатических отношений с СССР. Такой позиции способствовали как экономический прирост, так и активная поддержка руководства компартии Англии. В эту борьбу вступал и идеологический фактор. Пролетарский интернационализм требовал от трудящихся Великобритании и от всего международного рабочего движения защиты первого в мире социалистического государства – СССР [4, с. 287].

Компартия Великобритании осуществляла распространение своего влияния на организации лейбористской партии, особенно на Независимую рабочую партию, на организации тред-юнионов, играла руководящую роль в Движении меньшинства в английских профсоюзах и других организациях. Одной из целей они ставили задачу прекращения интервенции против СССР.

Рабочий класс Великобритании видел возможность улучшения своего экономического положения через политическое сближение с СССР. При этом, непосредственно английские рабочие не ставили своей целью изменение политического строя в Англии, лишь расширение своих прав и свобод. Советская сторона воспринимала данную позицию британского пролетариата

с точки зрения возможности осуществления всемирной революции. Это двоякое восприятие ситуации активно использовали как советские, так и английские политики в продвижении своих интересов.

6–9 апреля 1925 года на англо-советской профсоюзной конференции по инициативе ВЦСПС был создан Англо-русский профсоюзный комитет единства, задача которого определялась как борьба против экономической и политической реакции и угрозы новой войны, в особенности войны против СССР.

Комитет представлял собой блок советских и английских профсоюзов, имел политический характер и ставил перед собой следующие основные задачи:

1) Установление и укрепление интернациональных связей советских профсоюзов с британскими тред-юнионами, борьба за единство мирового профессионального движения.

2) Борьба против империалистических войн вообще, против интервенции в СССР со стороны английских империалистов в частности.

3) Борьба против экономического и политического наступления капитала на рабочий класс, против экономических и политических репрессий [3, с. 140].

Создание комитета подтвердило наличие взаимовыгодных и дружественных отношений между английским и советским пролетариатом.

С первых же дней образования комитета реакционные лидеры Британского конгресса тред-юнионов пытались ограничить его деятельность. Английские правящие круги и лидеры партии консерваторов как внутри страны, так и на внешнеполитической арене, продвигали линию, при которой угроза войны и разрыва дипломатических отношений исходит именно от Советской России. Осуществлялись попытки искажения реального экономического положения дел в СССР. Как британские правительственные СМИ, так и мировые акцентировали, в первую очередь, внимание на процессе вмешательства советского правительства во внутренние дела других государств и нарушение их внутреннего «социального мира».

Большую работу среди широких масс английского пролетариата против разрыва англо-советских отношений, за улучшение экономических и политических связей между Англией и СССР проводил Англо-русский парламентский комитет (АРПК). Он выпускал листовки в защиту Советской страны, снабжал докладчиков и местные отделения лейбористской партии и тред-юнионов информацией о Советской России, призывал трудящихся посылать резолюции протеста правительству, а консервативное правительство – вести обычные дипломатические переговоры с Советским правительством.

Против антисоветской политики английских консерваторов выступало также Движение меньшинства, или Движение революционных меньшинств в английских профсоюзах. Оно зародилось под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Генеральный секретарь Английской компартии Гарри Поллит, принимавший активное участие в организации Движения

меньшинства и ставший затем, в 1924–1929 годах, его секретарем, говорил: «Движение меньшинства – это организация членов профсоюзов и кооперативов, которые добровольно объединяются, подчиняются общей дисциплине и обязуются стойко проводить политику Движения меньшинства, принятую самими участниками этого движения» [5, с. 57].

Первые организации Движения меньшинства появились в Англии в 1921 году в угольных районах Южного Уэльса и Файфа, в организациях горняков, в 1922 году – в союзах металлистов, затем – строителей и печатников.

24–25 августа 1924 году состоялась первая учредительная конференция национального Движения меньшинства, на которой и было выбрано такое название движения. В работе конференции участвовало 270 делегатов, представлявших 270 тыс. рабочих. В движении принимали участие члены профсоюзов, одновременно являвшиеся коммунистами, членами Независимой рабочей партии, синдикалистами, лейбористами и т. д. Председателем Движения меньшинства был избран ветеран рабочего движения Том Манн, а секретарем – Гарри Полит [6, с. 114].

На учредительной конференции была принята программа, содержащая в себе следующие требования:

- 1) введение 44-часовой рабочей недели;
- 2) образование фабзавкомов;
- 3) установление рабочего контроля над производством;
- 4) контроль над лейбористским правительством и изменение его политики;
- 5) отказ от реализации «плана Дауэса» [1, с. 18].

Основными целями Движения меньшинства были: укрепление рабочих организаций; создание фабрично-заводских комитетов; борьба за создание централизованного профсоюзного движения в Англии, которое объединяло бы всех рабочих, независимо от расы, цвета кожи и вероисповедания и т. д.

Движение меньшинства активно и последовательно выступало против агрессивной антисоветской политики консервативного правительства Англии, в защиту трудящихся СССР от интервенционистских наскоков капиталистических держав.

Под давлением низовых профсоюзных организаций Генеральный совет британских тред-юнионов опубликовал 25 марта 1925 году заявление: «Ввиду ненормальной и продолжительной безработицы, существующей в настоящее время в Соединенном Королевстве, и невозможности восстановить довоенную внешнюю торговлю до тех пор, пока Россия не будет допущена в содружество наций, Генсовет призывает британское правительство вновь начать переговоры со следующими целями: 1) полное дипломатическое признание Советского правительства, то есть обмен послами, а не поверенными в делах; 2) поощрение и поддержание торговых отношений с Россией путем распространения “законов о заморской торговле” и “актов помощи торговле” на торговлю с Россией» [3, с. 144].

Под давлением рядовых членов Генсовет британских тред-юнионов был вынужден вручить Стэнли Болдуину резолюции трудящихся, требовавших нормализации англо-советских отношений. Правда, нужно отметить, что правые реакционные деятели лейбористской партии и тред-юнионов по-прежнему отказывались признавать и сотрудничать с СССР.

В течение всего 1925 года продолжались начавшиеся в конце 1924 года поездки рабочих делегаций в Советский Союз. СССР посетило несколько делегаций английских тред-юнионов, участники которых сделали многое для предотвращения разрыва англо-советских отношений.

В ноябре – декабре 1924 года СССР посетила делегация деятелей британских тред-юнионов в составе Дж. Тернера, Дж. Бромли, А. Персея и других профсоюзных деятелей, которая по возвращении в Лондон опубликовала подробный отчет о поездке в Советскую Россию. Отчет был написан в дружественном тоне и содержал немало лестных отзывов о достижениях экономики СССР. «Русская революция, – указывалось в отчете, – развивается непрерывно могучим темпом».

В апреле – июле 1925 года Советскую Россию посетила делегация английских женщин – деятельниц профсоюзного движения. В состав делегации входили: член Генерального совета тред-юнионов Мэри Квейл, организатор профсоюза швейников Анни Лоуглин, от союза ткачей Эспиналль и многие другие. Цель этой поездки – изучить положение женщин и детей в СССР и представить по возвращении в Великобританию подробный достоверный отчет. Опубликованная в английской прессе отчетная статья вызвала одобрение английских трудящихся и ряд нападок оппозиции.

В поддержку СССР 21 июня 1925 года по всей Великобритании проводились митинги и демонстрации трудящихся. Их результатом было принятие резолюции, требовавшей от консервативного правительства нормализации отношений с СССР, прекращения дискриминации в англо-советской торговле. Через 2 дня премьер-министра Стэнли Болдуина посетила делегация федерации шахтеров и передала требования рабочих о немедленном возобновлении переговоров с Советской страной с целью «полного политического признания СССР» и поощрения торговых отношений с ним посредством применения закона о «торговых льготах» [7, р. 4].

Ещё одна волна массовых митингов прокатилась по всей территории Великобритании в начале февраля 1927 года, участники которых энергично протестовали против английской интервенции и разрыва отношений с Советской Россией.

В частности, трудящиеся города Болтона, собравшись на массовый митинг, выступили против разрыва англо-советских отношений. Отделение лейбористской партии Уэйкфилда приняло резолюцию протеста «против разрыва с Россией». Члены лейбористской партии обязались в случае войны Англии против СССР не оказывать поддержку своему правительству [3, с. 294].

Таким образом, необходимо отметить, что британские профсоюзы сыграли большую роль в налаживании контактов с Советским Союзом, когда у власти находилось лейбористское правительство Макдональда, а в дальнейшем, в условиях политического господства консерваторов, оказывали на правительство существенное давление, пытаясь нормализовать отношения между двумя странами.

Литература

1. Аллисон Д., Зубок Л. Движение меньшинства в Англии. М.: Профинтерн, 1929.
2. Берлович Е. Англия и СССР. Л.: Прибой, 1927.
3. Волков Ф. Д. Англо-советские отношения 1924–1929 гг. М.: Госполитиздат, 1958.
4. Выгодский С. Ю. Внешняя политика СССР. 1924–1929 гг. М.: Госполитиздат, 1963.
5. Полит Г. Избранные статьи и речи (1919–1939 гг.). Перевод с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1955.
6. Хатт А. Английское профсоюзное движение. М.: Изд-во иностр. лит., 1954.
7. Daily Herald. 24.VI. 1925.

ACTIVITIES OF THE ENGLISH-RUSSIAN THE TRADE UNION UNITY COMMITTEE AND MINORITY MOVEMENTS IN ENGLISH TRADE UNIONS AND THEIR INFLUENCE ON THE FORMATION OF ANGLO-SOVIET RELATIONS IN THE 1920s

Yu. V. Savosina

Independent researcher, Ryazan

N. P. Pischikova

Ryazan State University, Ryazan

The article attempts to examine the activities of the Anglo-Russian trade union unity committee and the minority movement in the English trade unions in the 2nd half of the 1920s, their main goals and objectives are defined. The role of the influence of the activities of these organizations on the maintenance of Anglo-Soviet bilateral relations is revealed.

Keywords: *Anglo-Soviet relations, diplomacy, trade union committee of unity and minority movements, trade unions, proletariat, workers' Party.*

Об авторах:

САВОСИНА Юлия Вячеславовна

Независимый исследователь, г. Рязань, кандидат исторических наук, e-mail: yulya-savosina@yandex.ru.

ПИСЧИКОВА Наталья Петровна

Рязанский государственный университет, кафедра истории России и методики обучения истории и обществознанию, кандидат исторических наук, e-mail: n.pischikova@365.rsu.edu.ru.

About authors:

SAVOSINA Yulia Vyacheslavovna

Independent researcher, Ryazan, Candidate of Historical Sciences, e-mail: yulya-savosina@yandex.ru.

PISCHIKOVA Natalia Petrovna

Ryazan State University, Department of Russian History and Methods of Teaching History and Social Studies, Candidate of Historical Sciences, e-mail: n.pischikova@365.rsu.edu.ru.

УДК 94(47).084

**ОБРАЗ БРИТАНИИ В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТ
«ИЗВЕСТИЯ» И «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»)**

А. М. Бирюков

Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна

В статье рассмотрены условия и методы формирования советской прессы образа Британии на разных этапах Великой Отечественной войны, в первую очередь по вопросу открытия «Второго фронта». Затягивание этого вопроса определяло заметную сдержанность прессы СССР в отношении британского вклада в войну с общим врагом. Отдельно затрагивается вопрос о формировании в советской прессе образа британского премьер-министра У. Черчилля и особенностей его политики в отношении СССР.

Ключевые слова: Британия, СССР, советская пресса, Великая Отечественная война, У. Черчилль, И. Сталин.

Одним из важных показателей межгосударственных отношений, их масштабов и качества, наряду с политическими, экономическими, военными контактами, туризмом и культурным обменом является отражение образа друг

друга в средствах массовой информации, в том числе – в прессе. Анализируя комплекс отношений СССР и Британии периода Великой Отечественной войны, можно выявить основные направления, по которым советская «центральная пресса» характеризовала островное государство – в том числе те политические, исторические, идеологические клише и стереотипы, которыми оперировала советская идеология и СМИ.

Важно отметить и специфику функционирования советской прессы той эпохи. Полный контроль за СМИ был в руках у государства и единственной правящей партии. Вся информация о внешнеполитических событиях поступала в прессу через соответствующие государственные учреждения в отобранном и препарированном виде. Монополия власти на информацию позволяла быстро и эффективно создавать в СМИ и обществе тот или иной информационный настрой.

В число основных печатных изданий «центральной прессы» входила небольшая группа ведущих газет, печатавшихся в масштабе всей страны, и которые формально различались организационной принадлежностью – так, «Правда» была изданием компартии, «Известия» должны были отражать официальную позицию органов представительной власти СССР, «Комсомольская правда» – комсомола, «Труд» – профсоюзов. Региональные издания должны были перепечатывать основную информацию по вопросам внутренней и внешней политики из центральных газет, добавляя к ним местные события.

Основным политическим статусом обладала главный партийный орган – «Правда», однако официально-государственное значение имела и другая газета – «Известия» («Известия Советов депутатов трудящихся СССР»). Если «Правда» значительное место на своих страницах уделяла внутрипартийной жизни, то «Известия» – деятельности органов государственной власти, а вот внешнеполитические публикации были во многом сходны. С началом войны существенно выросло значение центрального органа Наркомата обороны (НКО) – газеты «Красная звезда». Именно она была главным источником печатной информации с фронта, занималась организацией военной учебы, распространением актуального боевого опыта, обеспечивала «смычку» фронта и тыла и занималась ещё многими аспектами военного, политического, идеологического характера. Таким образом, у каждой газеты было своё «лицо». Интересно отметить, что за пределами СССР именно «Известия» рассматривали как официальное печатное советское издание, в то время как «Правду» считали скорее органом большевистской агитации. Так, видный политик мирового масштаба, бывший премьер-министр Британии Дэвид Ллойд-Джордж изучал СССР именно по публикациям в «Известиях» [5, с. 158].

Отношения между Россией (СССР) и Британией никогда не были стабильными и ровными – ни в период «Большой игры» XIX века, ни в период установления советско-британских отношений 1920-х гг., ни в период правления «железной леди», ни на современном этапе. Это отражалось в характе-

ре газетной активности – от привычного зубоскальства в адрес Петербурга/Москвы до вынужденно-примирительного тона по особым поводам. Доходило до того, что британской прессе приходилось объяснять своим читателям эпохи Первой мировой войны, что прежние оценки России и русских были не очень точны, и они вовсе не «ужасная азиатская деспотия» и не «никакие не варвары, а наши братья-славяне» [3, с. 124–126]. О британской прессе непростых 1920–1940-х годов критически отзывался Иван Майский в своих «Воспоминаниях советского дипломата». Советско-германское сближение 1939 года вызвало у Даунинг-стрит, Сити и Флит-стрит массу резких суждений, подкреплённых вскоре планами акций Лондона и Парижа против Москвы – как в виде серьёзной помощи Финляндии, так и виде авиаударов по советским нефтепромыслам в Баку. Москва в ответ предполагала бомбить гидротехнические сооружения Суэцкого канала [8]. Британские газеты публиковали едкие карикатуры на «медовый месяц» Сталина и Гитлера – а советская пресса твердила о новом витке капиталистических противоречий, именуя начавшуюся Вторую мировую войну то «второй империалистической», то (после выхода Франции из войны) «англо-германской».

Советская пресса, отдавая должное официальной политической критике, одновременно внимательно отслеживала ситуацию с ходом войны – так, 3 октября 1940 г. британский корреспондент ТАСС Эндрю Ротштейн передал для публикации статью «Посещение корреспондентом ТАСС одной из лондонских полевых батарей зенитных орудий», где речь шла не только о привычных советскому читателю межимпериалистических отношениях в рамках «англо-германской войны», но и о рядовых солдатах, причём подробно и с явной симпатией. 5 октября материал был опубликован «Правдой» и широко пошёл по стране – так, 11 октября статья была перепечатана в томском «Красном знамени» (№ 178 (6059). Публиковалось и много военной хроники – в том же номере «Красного знамени» (интересно отметить, что газета была и органом местного горкома, и местного совета депутатов, т. е. являлась и «Правдой», и «Известиями» одновременно) в подбор шли следующие заметки о военной ситуации: «Английские сообщения», «Действия английской авиации», «Черчилль – лидер консерваторов», «Передача американских эсминцев Англии», «Эвакуация английских и американских граждан из Японии, Кореи и Манчжоу-Го». В советской прессе зазвучали нотки сочувствия и симпатии к Лондону, в одиночку противостоящему Берлину. Можно предположить, что такой поворот был связан как с приходом к власти в Британии известного своей последовательной борьбой с нацизмом Уинстона Черчилля, так и с тем, что под его руководством Британия к октябрю 1940 г. выиграла «битву за Англию», дав решительный отпор действиям немецкой авиации.

С началом Великой Отечественной войны позиция советской прессы по отношению к Британии, как главному союзнику, кардинально изменилась. Так, если в период «нейтральности» СССР в газетах сообщения британских и германских СМИ публиковались равновесно, с позиции политического «ар-

битража» («Германские сообщения» – «Английские сообщения», «Действия английской авиации» – «Действия германской авиации»), то теперь представление информации приобрело иной характер. Уже 24 июня в «Известиях» не только была помещена известная радиоречь У. Черчилля, но и сменился тон общих характеристик войны – от нейтральности не осталось и следа. Стиль газеты зазвучал строго и жёстко – «Оккупированные страны под пятой германского фашизма» (№ 147 (7523)). Интересно отметить, что многие резкие пассажи речи Черчилля были сняты, а содержание дано в значительной степени в изложении, что позволило обойтись без таких слов британского премьера, как «нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма» или «никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я». Тем не менее, основная суть речи о совместной борьбе с общей угрозой была передана верно. 30 июня 1941 г. «Известия» (№ 178 (7554)) с удовлетворением констатировали, что состоялся (название заметки) «Разрыв дипломатических отношений между Финляндией и Англией». 9 сентября 1941 г. «Известия» (№ 213 (7589)) сообщали в рубрике «В последний час» подробности налёта английской авиации на Берлин (тема бомбардировок городов Германии станет постоянной), а также информировали, что советский Красный крест получил в дар крупную сумму денег от известного британского писателя Джона Бойнтона Пристли, и передавали «Приветствие женщин Англии женщинам Советского Союза».

Таким образом, за первые недели войны советская пресса определила комплекс тем, которые затрагивались в сообщениях о главном союзнике – это боевые действия против общего врага, советско-британская политическая и общественная жизнь, иногда – события культурной сферы. Подобный подход сохранялся на протяжении всей войны. Культурные аспекты жизни Британии, экономические новости или ситуация в колониях – всё это давалось в советской прессе через призму: а) военных будней и б) союзнических отношений.

Имелась своя политико-информационная специфика в ситуации с положением на Тихом океане – характеристики боевых действий там вновь приобрели суховатый нейтральный оттенок – так, 31 декабря 1941 г. «Известия» (№ 310 (7686)) разместили на 4 странице как «Английские сообщения», так и «Японские сообщения» под общей рубрикой «Война на Тихом океане» (были, конечно, и «Американские сообщения»). Москве был принципиально важен нейтралитет Токио в условиях продолжающейся Московской битвы, что и отражалось в бесстрастном стиле изложения военных новостей с Дальнего Востока.

Более информативно излагались материалы по боевым действиям в Африке (за неимением полноценного «второго фронта»); «Известия» за 7 июля 1942 г. (№ 157 (7843)) разместили целую подборку сообщений под общим заголовком «Военные действия в Египте» – так советская пресса отметила начало битвы за Эль-Аламейн. Сообщения ТАСС из Лондона основывались на максимально корректных коммюнике британских высших штабов, что

приводило (в переводе) к замысловатым фразам – «положение английских войск нельзя считать неудовлетворительным». Сообщения о положении в Египте стали постоянно размещаться на четвертой странице «Известий», а 10 ноября 1942 года африканская тема была расширена сообщением «Высадка американских войск в Северной Африке» («Известия», № 264 (7950)).

Ещё более масштабно военная информация публиковалась в главном печатном издании Наркомата обороны. Материалы «Красной звезды» на четвертой странице (международные новости) были более чётко ориентированы на военную проблематику – боевые действия, зверства врага, партизанская борьба в оккупированных странах, военное производство. 11 июля 1943 г. «Красная звезда» разместила подборку сообщений «Десантные операции войск союзников на острове Сицилия» (№ 162 (5533)), публикация продолжилась в следующих номерах газеты, но было очевидно, что редакция (и не только) и эти операции за «второй фронт» принять не готова. В целом, складывается впечатление, что для «Красной звезды» английская военная тематика явно уступает размаху боевых действий, проводимых США. Зато 7 июня 1944 года орган НКО (№ 134 (5814)) поместил материал «Уинстон Черчилль о ходе военных операций» как центральную часть большой (почти на всю полосу) подборки о высадке союзников во Франции (в форме пересказа – с цитатами – заявления Черчилля в Палате общин).

Интересно отношение советской прессы к самому британскому лидеру. Неудивительно, что в позициях двух глав правительств союзных государств были существенные различия, определяемые основными интересами самих стран. Эти различия проявлялись на разном уровне, вплоть до высшего – так, если Сталин утверждал, что СССР воюет, решая общую задачу – разгром неприятеля, то Черчилль с этим был не согласен – он утверждал, что напрасно «советское правительство полагало, что русские оказывают нам огромную услугу, сражаясь в собственной стране за свою собственную жизнь» [7, с. 244] (сформулировано это утверждение было после войны, но, как представляется, вполне соотносится и с его настроениями военного периода). Союзники – по Черчиллю – не друзья, их общность имеет только временный характер, и потому отношения следует поддерживать в формате «ни постоянных друзей, ни постоянных врагов – постоянны только национальные интересы». Понимал это и Сталин. Если с Рузвельтом у Сталина сложились отношения скорее дружеского характера, то с Черчиллем они имели плохо скрываемый напряжённый характер. Сталинское раздражение подчас прорывалось: «Черчилль – это такого рода человек, что, если за ним не смотреть, он вытащит у тебя из кармана копейку. Да, копейку, из твоего кармана! А Рузвельт? Рузвельт не такой. Он засунет руку только за более крупными монетами» [2]. Проявлялось это и в характере публикаций советской прессы о британском лидере, и в их отсутствии.

30 января 1942 года ведущие газеты СССР с размахом (по советским меркам) отметили шестидесятилетие президента США, и данный факт инте-

ресно сравнить с реакцией прессы СССР на юбилей другого лидера «Большой тройки». В отличие от круглой даты Рузвельта, юбилей Черчилля (70 лет) советская пресса не упомянула. Это был уже конец 1944 года, и между Москвой и Лондоном росли противоречия по ряду проблем – и по будущему Германии, и по польскому вопросу. Москва меньше зависела от помощи союзников, СССР в борьбе с Германией явно лидировал, и, возможно, потому семидесятилетие Черчилля в советской прессе никак не обозначалось. «Известия» (30 ноября 1944 г., № 283 (8585)) публиковали приказ Сталина маршалу Толбухи-ну, сообщали о наградах маршалам Рокоссовскому, Новикову и Пересыпки-ну, привычно сообщали о «кировских днях», приводили информацию о выступлении 29 ноября Черчилля в Палате общин (но после сообщения о тронной роли короля). «Красная звезда», сообщив на следующий день (1 декабря 1944 г., № 284 (5964)) о годовщине Тегеранской конференции (статья профессора А. Ерусалимского «Знаменательная годовщина», с. 4), упомянула (в привязке к 30 ноября) о сообщении Черчилля депутатам английского парламента информации о сокращении американского ленд-лиза после разгрома Германии вдвое. Лично советский вождь, конечно, ничего не забыл, и ещё 29 ноября в Лондон ушло послание – «Сердечно поздравляю Вас с днем рождения. Шлю Вам мои дружеские пожелания здоровья и бодрости... на долгие годы на благо нашего общего дела» [6, с. 323]. Характерно, что «долгие годы» упомянуты, а вот про юбилей не сказано. Вообще складывается впечатление, что Сталин, и без того настороженно относившийся к британскому премьер-министру, после Тегерана стал явно симпатизировать Рузвельту, который куда меньше заботился делами послевоенной Европы (в отличие от Черчилля) и не раз поддерживал вождя СССР в переговорных стычках с британским премьером.

Конечно, речь шла не только о каких-либо противоречиях по вопросам послевоенного будущего. Возникали трения и по тогдашним наиболее актуальным проблемам. Примером этого долгое время справедливо считался вопрос об открытии «второго фронта». Так, летом 1942 года многочисленные напоминания и требования советской стороны породили в британских военно-политических кругах план проведения морского десанта во французском Дьеппе. Ни количество высаживающихся войск, ни масштабы военно-морской поддержки не позволяли оценивать это мероприятие всерьёз, а неминуемые потери (таковых оказалось около 60%) должны были на время стать козырем против сталинского давления. Время было выбрано «со смыслом» – только что завершились важные переговоры в Москве (12–17 августа), в ходе которых Черчилль отверг идею полноценной высадки в Нормандии в ближайшее время (причины – нехватка авиационного прикрытия и десантных судов). «Сталин становился всё мрачнее и мрачнее; казалось, он не был убеждён моими доводами и спросил, разве невозможно атаковать какую-либо часть французского побережья» [7, с. 292]. Несмотря на явное «недопонимание», орган НКО привёл оценку «Таймс» о том, что «Сталин и Черчилль –

люди, которые не боятся смотреть в лицо трудностям. Установление личных отношений взаимопонимания и доверия имеет неоценимое значение потому, что они придают стратегии союзников согласованность и прочность» («Отклики в Англии на переговоры У. Черчилля с И. В. Сталиным» – «Красная звезда», 19 августа 1942 г., № 194 (5258), с. 4).

Демонстративность десанта и его столь же демонстративная неудачность советскую сторону не смутили. В нескольких номерах «Красной звезды» публиковались заметки и выдержки из союзной прессы об этом событии (20 августа – «Рейд союзников на Дьепп», 21 августа – «К рейду на Дьепп», 22 августа – «Подробности рейда на Дьепп»), но с позиций, важных для СССР – «американские военные круги рассматривают рейд союзников на район Дьеппа как новое свидетельство осуществимости второго фронта в Европе. Корреспондент далее отмечает, что американская печать в целом приветствует рейд союзников, как показатель растущего наступательного духа Соединённых Штатов и Англии» («Красная звезда», 22 августа 1942 г., № 197 (5261), с. 4). Сталин и Черчилль вели в данном случае политическую дуэль – один провалом операции объяснял неготовность союзников к открытию «второго фронта», другой (ссылаясь на мнение третьей стороны) – доказывал возможность и успешность этого же. Впрочем, Лондон, как инициатор рейда, рассчитывал и на достижение вполне практических результатов – десантники уничтожили немецкую батарею 14-дюймовых орудий, обстреливавшую районы юго-восточной Англии [4, с. 340].

Интересно отметить, что с этим визитом связана поучительная история, описанная в мемуарах Главного маршала авиации А. Е. Голованова. Во время ужина в узком кругу Черчилль начал тягаться со Сталиным в количестве употреблённого спиртного и попутно наговорил много лишнего о внутренних проблемах британского правительства. По завершении застолья советский лидер резюмировал – «Черчилль будет завтра метаться, когда ему скажут, что он тут наболтал...» [1, с. 216–217]. Как представляется, И. В. Сталин позволил себе маленькую «месть» британскому премьеру за фактическую неудачу главного вопроса конференции.

Тем не менее, официальная часть была отражена в прессе на должном уровне – «Красная звезда» 18 августа 1942 г. (№ 193 (5257) поместила официальную информацию (достаточно краткую) и фотографию участников переговоров (США представлял специальный представитель президента У. А. Гарриман).

Следующий визит Черчилля в Москву (9–19 октября 1944 г.) проходил в более успешной обстановке – участникам удалось не только подтвердить «японские» перспективы войны, но и найти компромисс в болезненном и для Лондона, и для Москвы «польском вопросе». «Красная звезда» 21 октября 1944 г. (№ 251 (5931) вновь дала информацию только по окончании визита (постоянное требование по обеспечению безопасности), дополнив официальные материалы уже не камерным снимком, а фотографией-панорамой (с про-

хождением почетного караула) «Отъезд из Москвы Премьер-Министра Великобритании г-на У. Черчилля и Министра Иностранных дел А. Идена». Публикация материалов продолжилась на второй странице, где была опубликована речь британского премьера. Что характерно – в 1942 году британскую делегацию провожал на аэродром В. М. Молотов, а в 1944 г. фотография зафиксировала присутствие там Сталина, что явно свидетельствует о положительной оценке итогов этой встречи со стороны советского руководства.

Несмотря на сложности и противоречия периода Великой Отечественной войны, Черчилль был для Сталина давним и хорошо знакомым ведущим политиком Запада. Вместе они (и с Ф. Рузвельтом) оказались на официальных фотографиях на первых страницах ведущих советских газет 13 февраля 1945 года в подборке материалов «Конференция руководителей трёх союзных держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму». Текст официального коммюнике и основных решений был общим, но фотографии были разными – в «Красной звезде» (№36 (6024) лидеры «Большой тройки» были в окружении маршалов, генералов и адмиралов, а вот в «Известиях» (№36 (8646) они были в сопровождении своих соратников-дипломатов (А. Иден, Э. Стеттиниус, В. М. Молотов, У. Гарриман). Снимки были сделаны с разных углов и по-своему показательны. Можно предположить, что фотографии различного окружения лидеров отражали специфику этих советских газет – военную и гражданскую.

С заметной симпатией советская пресса реагировала на вклад в победу супруги Черчилля, которая активно занималась организацией благотворительных и политических мероприятий в интересах советского народа. Так, 8 мая 1945 года «Красная звезда» на первой странице (!) с явным удовольствием писала о награждении днём ранее орденом Трудового Красного знамени Клементины Черчилль «за выдающиеся заслуги в проведении общественных мероприятий по сбору средств в Англии для оказания медицинской помощи Красной Армии» и за организацию Комитета «Фонд помощи России». Госпожа Черчилль при этом отметила, что «что та работа, которую я проводила, по оказанию помощи Советскому Союзу, явилась для меня источником большой радости» (№ 106 (6094).

Таким образом, в период Великой Отечественной войны пресса регулярно информировала советский народ о военно-политических действиях одного из ведущих союзников СССР, формируя положительный общественный настрой и освещая ход коллективных усилий стран антигитлеровской коалиции. Советские газеты вплоть до июня 1944 г. давали завышенные оценки британского вклада в «общее дело» (бомбардировками, даже стратегически, войны было не выиграть), но это обосновывалось соображениями большой военной политики.

Как представляется, на основании изучения указанных печатных материалов можно сделать несколько выводов.

1. При формировании и поддержании образа Британии в советской прессе периода войны доминировали союзнические, но сдержанные оценки (речь скорее шла о помощи СССР в борьбе с общим врагом).

2. Со стороны советской прессы весь комплекс характеристик британской политики, экономики, социальных и колониальных проблем был сведён, в основном, к военному аспекту.

3. Особое внимание советская пресса обращала на личность У. Черчилля, особенно в период его прямых контактов со Сталиным.

4. Острым для советской прессы оставался вопрос открытия «второго фронта», что определяло её существенный интерес к боевым действиям в Африке и на итальянском фронте.

5. Из иных форм боевых действий сохранялся советский интерес к размаху и эффективности британских бомбардировок Германии.

6. Советская пресса в годы войны формировала образ сражающейся Британии в первую очередь для внутреннего применения, в рамках официальной пропаганды, но подбор и публикация материалов преследовали и внешнеполитические цели, соответствовавшие государственным интересам Кремля.

Литература

1. Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... М.: ООО «Дельта НБ», 2004.

2. Джилас М. Беседы со Сталиным. Гл. 1, пар. 6. Цитата в ином переводе: Млечин Л. Зимним вечером в Ялте // Огонёк. № 5 (9 февраля) 2015 г. С. 9.

3. Зашихин А. Лев+медведь. За кого сражались англичане, когда сражались за русского царя? // Родина. 1993. № 8–9 (сдв.).

4. Каторин Ю. Ф., Волковский Н. Л. Уникальная и парадоксальная военная техника. М: АСТ; СПб.: Полигон, 2006.

5. Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. Ташкент: «Узбекистан», 1980.

6. Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. 2. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015.

7. Черчилль У. Вторая мировая война. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997.

8. Широкопад А. Б. Александрия и Суэцкий канал – цели для сталинских соколов // Независимое военное обозрение. URL: http://nvo.ng.ru/history/2006-06-30/5_alexandria.html (дата обращения: 20.09.2021).

IMAGE OF BRITAIN IN THE SOVIET PRESS PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE NEWSPAPERS «IZVESTIA» AND «KRASNAYA ZVEZDA»)

A. M. Biryukov

The State University of Humanities and Social Studies, Kolomna

The article examines the conditions and methods for the formation of the Britain's image of by the Soviet press at different stages of the Great Patriotic War, primarily on the issue of opening the Second Front (the delay in this issue determined the noticeable restraint of the USSR press regarding the British contribution to the war against a common enemy). Separately, the question of the formation in the Soviet press of the image of British Prime Minister W. Churchill and the specifics of his policy towards the USSR is touched upon.

Key words: Britain, USSR, Soviet press, Great Patriotic War, W. Churchill, J. Stalin.

Об авторе:

БИРЮКОВ Алексей Михайлович

Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна Московской области, кафедра Отечественной и Всеобщей истории и Государственного управления, кандидат исторических наук, e-mail: alexbrk@mail.ru.

About author:

BIRYUKOV Alexey Mikhailovich

The State University of Humanities and Social Studies, Kolomna, Moscow Region, Department of Russian and General History and Public Administration, Candidate of Historical Sciences, e-mail: alexbrk@mail.ru.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ: АНТИЧНОСТЬ, СРЕДНИЕ ВЕКА, РАННЕЕ НОВОЕ, НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

УДК 94(37)

ЕГИПЕТ И ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

А. Р. Панов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В статье определяется отношение Египта к Первой Пунической войне. Птолемей II не принял участие в военных действиях между Римом и Карфагеном и придерживался нейтральной позиции. При этом его отказ Карфагену в займе оказал косвенное влияние на ход войны, поскольку египетские деньги могли усилить военную мощь Карфагена. Именно это стало основанием для римской благодарности в ходе посольства к Птолемею III после окончания Первой Пунической войны.

Ключевые слова: Римская Республика, птолемеевский Египет, Первая Пуническая война, Птолемей II, международные отношения в древнем мире.

Для римско-египетских отношений, официальное установление которых датируется 273 г. до н. э., Первая Пуническая война должна была стать своеобразным испытанием на прочность. Даже если римско-египетское соглашение 273 г. до н.э. было заключено без оглядки на Карфаген¹, в ходе римско-карфагенского противостояния Египту пришлось определяться со своей позицией, поскольку к началу войны царство Птолемеев находилось в дружественных отношениях как с римлянами, так и карфагенянами. Установление дружбы предполагало для Рима и их «друзей» невраждебные отношения без каких-либо дополнительных обязательств по оказанию помощи друг другу. Соглашение Египта с Карфагеном также было заключено около 273 г. до н. э. [11, S. 128–129; 12, p. 39], и вполне вероятно, что на аналогичных условиях.

Как известно, прямого участия в военных действиях в Первой Пунической войне Египетское царство не приняло, и потому возможная роль Египта в этом конфликте ограничивалась исключительно сферами политики и экономики.

Сведения античных авторов по этому вопросу, хотя и содержат ценную информацию, весьма скупы. С одной стороны, есть следующее сообщение Аппиана: «Когда и римляне и карфагеняне стали нуждаться в деньгах, то первые, истощенные военными расходами, не стали больше снаряжать флотов,

¹ Нужно учитывать вероятность того, что это соглашение изначально имело подоплеку в виде отношений с Карфагеном как Египта, так и Рима [подробнее см. 2].

но, набирая пешее войско, они каждый год посылали его в Ливию и Сицилию, карфагеняне же отправили посольство к Птолемею, сыну Птолемея, сына Лага, царю Египта, желая занять (κίχρωμενοι) у него две тысячи талантов. У Птолемея же была дружба (φιλία) и с римлянами и с карфагенянами, поэтому он попытался примирить (συναλλάξαι) их друг с другом. Потерпев неудачу, он сказал, что следует помогать (συμμαχεῖν) друзьям против врагов, но не против друзей» (App., Sic., 1). Излагаемый Аппианом эпизод может быть отнесен к 252 г. до н. э. или позднее, подтверждением чего являются свидетельства Полибия и других античных авторов. Во «Всеобщей истории» рассказывается об экспедиции консулов 253 г. до н. э. Гая Семпрония (Блеза) и Гая Сервилия (Цепиона) в Ливию, которая завершилась гибелью большей части кораблей на обратном пути, и далее греческий историк резюмирует: «После этого испытания римляне, как ни велико было честолюбие их, вынуждены были самой громадностью понесенных потерь отказаться от мысли снаряжать новый флот и, возлагая последние надежды на сухопутные силы, отрядили в Сицилию легионы с консулами [251 г. до н. э.] Луцием Цецилием и Гаем Фурием (Polyb., I, 39, 1–8). Ужасная участь, постигшая римский флот во время морской бури, причем уже вторично, отмечена и в других нарративных источниках (Diod. Sic., XXIII, 19, 1; Oros., IV, 9, 11; Eutrop., II, 23), что позволяет оценить это как один из ключевых моментов в ходе Первой Пунической войны. Действительно, у римлян не оказалось ресурсов, чтобы восполнить потери в ближайшем будущем, и им пришлось временно отказаться от серьезных боевых операций на море [4, с. 112].

В остальном информация Аппиана также не находит каких-либо противоречий и несоответствий. Современником этих событий являлся Птолемей II Филадельф, сын Птолемея I, связанный дружескими отношениями, как уже было сказано, и с Римом, и с Карфагеном, и доживший почти до конца Первой Пунической войны¹. Правда ни Полибий, ни прочие древние авторы, повествующие о ходе войны, не упоминают о попытках египетского правителя выступить примирителем сторон, но с учетом неудачи данной попытки в этом умолчании нет ничего необычного.

С другой стороны, в нашем распоряжении имеется следующее указание Евтропия: «с окончанием Пунической войны, ... когда римляне уже приобрели великую славу, направили они послов к Птолемею, царю Египта, обещая ему помощь, ибо царь сирийский Антиох объявил ему войну. Птолемей с благодарностью принял римлян, но от помощи отказался, так как война была уже окончена» (III, 1). Четкие хронологические индикаторы дают твердую датировку этого посольства 241 или 240 г. до н. э.: кроме Первой Пунической войны, завершившейся весной 241 г., здесь еще упоминается 3-Сирийская война, окончание которой определяется как 241 г. до н.э. или первая половина 240 г. до н. э. [1, с. 126].

¹ Его смерть датируется 246 г. до н. э.

Эти два пассажа, а также способные выступать в качестве контекста другие известные нам военные и политические события 260–240-х гг. до н. э., связанные с Египтом и Первой Пунической войной, могут быть использованы для определения позиции Египетского царства в ходе этого военного противостояния.

Начать следует с того, что держава Птолемеев не могла остаться равнодушной к римско-карфагенскому столкновению. Несмотря на то, что главные интересы Птолемеев были сконцентрированы в Восточном Средиземноморье, ситуация в западной части Средиземноморского бассейна также была им небезразлична. Связано это было прежде всего с обширной сетью торговых контактов Египта, который на западе теснее всего был связан с греческими колониями Южной Италии и Сицилии, в первую очередь с Сиракузами [15, р. 395]. Кроме того, Птолемей II оказался единственным из крупных эллинистических монархов, связанных дружескими узами и с Карфагеном, и с Римской Республикой. Очевидно, что правитель Египта не имел серьезных оснований для самостоятельного участия в войне на той или другой стороне, и сохранение нейтралитета объективно являлось наиболее оправданным выбором, тем более что у Птолемея II хватало и собственных внешнеполитических проблем. Параллельно с Первой Пунической войной в Восточном Средиземноморье протекали другие военно-политические конфликты, в которых были задействованы египетские силы.

В 260-е гг. Птолемей принял участие в Хремонидовой войне, основные события которой развернулись на Балканах: Египет поддерживал антимакедонскую коалицию, но особых успехов не добился, и война завершилась падением Афин и победой Антигона Гоната. Следом разразилась Вторая Сирийская война, результаты которой оцениваются современными исследователями как поражение царства Птолемеев [9, р. 419]. В ходе этих войн египетский флот как минимум один раз был полностью разбит¹. К этому еще нужно добавить затруднения в Кирене, которая после смерти ее правителя Магаса присоединилась к антиегипетской группировке. Наметившееся тогда сближение Селевкидов и Антигонидов, поддерживаемое вдобавок малыми государствами (в частности, Родосом), выглядело откровенно пугающим для Птолемея II, и ситуация требовала проведения осмотрительной дипломатической линии.

Правда, в 240-х гг. внешнеполитические обстоятельства стали меняться в благоприятную для Птолемеев сторону: антиптолемеевский блок так и не сумел оформиться в прочный союз, а их основной соперник, царство Селевкидов, погрузилось в междоусобную распрю. Для Птолемея III Эвергета это оказалось удобным поводом вмешаться, и организованный им восточный поход стал стержневым событием Третьей Сирийской войны.

¹ Это битва при Косе, в которой флот Антигона Гоната наголову разбил египетскую эскадру, однако датировка данного сражения и даже отнесение его к Хремонидовой или Второй Сирийской войне остаются предметом обсуждений.

Так или иначе, на протяжении правления Птолемея II решение напрямую связаться в римско-карфагенский конфликт имело бы для него самоубийственный характер, поскольку тем самым он мало что приобретал, но зато увеличивал число своих врагов. Более того, даже отклик на просьбу карфагенян об оказании финансовой помощи грозил нежелательными последствиями, так как этот шаг мог сильно повлиять на расстановку сил и тем самым получить однозначно негативную оценку с точки зрения римлян, которые не могли это воспринять иначе как проявление вражды.

Как уже было сказано, обращение карфагенян к Птолемею имело место, вероятнее всего, не ранее 252 г. до н. э., причем Египет в конце 250-х – начале 240-х гг. не принимал участия в каких-либо масштабных боевых действиях в промежутки между Второй и Третьей Сирийскими войнами, поэтому карфагеняне могли рассчитывать на положительный результат их посольства. К тому времени материальные ресурсы римлян и карфагенян были истощены, что вполне объяснимо с учетом хода войны, принявшей затяжной характер. Одной из наиболее затратных статей стало снаряжение новых судов, которое в разгар войны встало на поток. Ежегодные потери в военных кораблях доходили до трехзначных цифр. Например, относительно битвы у Гермейского мыса (255 г. до н. э.) античные авторы приводят различные цифры, однако сходятся в том, что римляне потопили и захватили более 100 карфагенских судов (Polyb., I, 36, 11–12; Oros., IV, 9, 5; Eutrop., II, 12). Сами римляне, кстати, несли сопоставимые потери, хотя в большей степени страдали от морской стихии. Помимо этого карфагеняне, в отличие от римлян, широко применяли наемный способ комплектования войск, поэтому их тактика ведения войны в гораздо большей степени зависела от финансовых ресурсов.

Для Карфагена соответствующие денежные вливания были эффективным способом резкого увеличения военных сил, если в этом возникала жизненная необходимость. Яркий пример этого – события середины 250-х гг., когда, казалось, решимость карфагенян продолжать войну была подорвана поражениями от Регула, однако в итоге у них открылось «второе дыхание». Поскольку Регул отказался заключить мир на приемлемых для Карфагена условиях, то пунийцы организовали усиленную вербовку нумидийских и греческих наемников, и предводитель последних Ксантипп нанес римской армии сокрушительное поражение, что знаменовало собой «полное крушение планов римской экспедиции в Ливию» [4, с. 108]. Разумеется, подобные выбросы военной энергии обходились Карфагену дорого в буквальном смысле этого слова, однако они, если и не приближали победу карфагенян, то отдаляли их поражение.

Запрашиваемая у Птолемея II сумма была весьма значительна, и поскольку цели использования этих средств вне всякого сомнения были военные, для карфагенян это стало бы серьезным подспорьем в продолжении борьбы с Римом. Для примера можно вспомнить, что сопоставимая сумма оказалась закреплена в условиях мира, завершившего Первую Пуническую

войну: в окончательном варианте соглашения было зафиксировано, что карфагеняне были обязаны уплатить римлянам три тысячи двести эвбейских талантов серебра, причем выплаты растягивались на десять лет (Polyb., I, 63, 3). С другой стороны, весь годовой доход Птолемея II оценивался в 14 800 талантов серебра (Hieronym., In Danielelem, XI, 5). Античные источники позволяют оценить примерную ценность этой суммы применительно к военным расходам, что дает более четкое представление о ней. Говоря о более поздних событиях, Полибий упоминает 50-весельные корабли, стоимость которых доходила почти до 10 талантов (XXIV, 6). По сведениям Аристотеля, относящимся к истории Афин начала V в. до н. э., стоимость снаряжения триеры составляла 1 талант (Ath. Pol., VIII, 7), к чему добавлялось 6 талантов на годовое содержание экипажа с расчетом 0,5 таланта в месяц [3, с. 401]. Демосфен для своего времени оценивает минимальное содержание (только на продовольствие) следующим образом: 20 мин (1/3 таланта) в месяц на корабль, 10 драхм в месяц на пехотинца, 30 – на всадника (Philipp., I, 28). С течением времени плата наемникам росла, уже во второй половине IV в. до н. э. достигнув 8 обол в день и выше [16, р. 465], что дает примерное соотношение месячных затрат – 1 талант на 150 пеших воинов. При этом важно понимать, что наемники, поступавшие в карфагенскую армию, получали основное жалование не регулярно, а спустя определенный срок – несколько месяцев и даже лет, и с учетом того, что победоносный ход войны означал захват добычи, а поражения приводили к потерям и тем самым к сокращению числа потенциальных получателей жалования, Карфаген мог позволить себе намного большую армию, чем было денег в наличии на ее содержание. Значение имел сам факт того, что у государства имелись денежные средства, и известия о получении Карфагеном столь значительной суммы как 2000 талантов привлекли бы внимание всех искателей легкой наживы – военных наемников.

Используемое Аппианом для обозначения сути просьбы карфагенян понятие κτήρομενοι указывает именно на сделку ссуды: однокоренные слова встречаются в «Римской истории» еще дважды и всякий раз их значение очевидно. В одном месте Аппиан пишет, что ссуда (κίχρασθαί) считалась у персов чем-то ведущим к обману и лжи (В.С., I, 54), а далее упоминает тех, кто давал Цезарю ссуды (κίχραμένοους) из храмовых сумм (В.С., V, 27). Тем самым Птолемею был обещан возврат этих средств, и какое-либо его участие в военных действиях не требовалось. Не исключено, что карфагеняне специально делали упор на эти обстоятельства, чтобы согласие Птолемея II воспринималось не как оказание помощи Карфагену, а исключительно как сделка чисто финансового характера – тем самым у египетского владыки оставалось формальное оправдание в нарушении дружбы с Римской Республикой.

Однако эти деньги за короткий срок могли быть превращены карфагенянами в полноценный флот или мощное наемное войско, что оказало бы серьезное влияние если не на исход, то на ход Первой Пунической войны, и роль Птолемея в появлении у Карфагена новых сил едва ли могла остаться незаме-

ченной. Для Египта передача денег Карфагену фактически означала бы отказ от нейтральной позиции со всеми вытекающими отсюда последствиями. Разумеется, Птолемей II должен был здраво оценивать не только финансовые, но и политические риски, и поэтому его ответ был отрицательный. Стоит отдать должное его дипломатичности – очевидно, что он постарался сгладить впечатление от своего отказа путем предложения посреднических услуг в урегулировании конфликта¹. Хотя торговые интересы Египта нельзя сбрасывать со счетов, поскольку нормальные торговые связи, особенно с городами Сицилии, в период войны сложно было поддерживать, думается все же, что основой инициативы Птолемея II был политический расчет. Подробности нам неизвестны, но отсутствие какой-либо информации о миссии послов Птолемея в Рим указывает, что каких-либо серьезных последствий эта попытка примирить враждующие стороны не принесла: значение она имела лишь для египетского царя, который тем самым доказывал карфагенянам свою невраждебность и беспристрастность, а также демонстрировал свой внешнеполитический престиж [5, р. 109–110].

Характеризуя этот эпизод, следует признать, что поведение Птолемея II объективно способствовало римской победе в войне. Обстоятельства складывались таким образом, что его согласие или отказ дать ссуду карфагенянам оказывали влияние на баланс военных сил, и его решение не давать денег противникам римлян оказалось для последних достаточным выражением его дружеского настроения. Со своей стороны римляне могли обойтись и без египетской помощи, поэтому их волновало только то, чтобы поддержки не получали их враги.

То, что римляне по достоинству оценили позицию Египта в ходе войны, иллюстрирует отправление ими посольства, о котором сообщает Евтропий. Хотя ранее высказывалось предположение, что сведения историка, жившего в IV в. н. э., недостоверны [10, р. 75–76]², многие исследователи все же допускают истинность информации Евтропия [7, р. 676; 8, р. 638; 12, р. 53–54]. Римское посольство могло преследовать несколько взаимосвязанных целей. Во-первых, это можно рассматривать как обновление дружбы, что обычно происходило в случае прихода к власти нового представителя правящей династии: хотя Птолемей III к тому времени уже несколько лет занимал престол, вовлеченность как его самого, так и римлян в активные военные действия служила препятствием для восстановления официальных контактов. Во-вторых, слова Евтропия недвусмысленно указывают на то, что римляне желали продемонстрировать свои успехи и предстать не только перед Египтом, но и перед другими восточно-средиземноморскими государствами в обличье победителей. При этом нельзя исключить того, что уже в это время в

¹ Л. Маттхаеи полагает даже, что предложение Птолемея было согласовано с карфагенскими представителями, и отказалась от мирного урегулирования римская сторона [13, р. 256].

² Одна из проблем, связанных с интерпретацией текста, – почему Евтропий указывает Антиоха, а не Селевка II, на самом деле противостоявшего Птолемею III в ходе Третьей Сирийской войны.

умах римлян зрела идея использовать в своей внешнеполитической деятельности лозунг освобождения греков – в данном случае греков Сицилии от карфагенского господства [12, р. 55]. Разумеется, в полноценном виде эта концепция обрела зримые очертания к концу III в. до н. э., когда Рим начал действовать на территории Балканского полуострова, но с учетом того, что слоганы защиты свободы греков уже использовались эллинистическими монархами, в том числе и Птолемеями, ничто не мешало римлянам взять это внешнеполитическое средство на вооружение, тем более что реальное основание для этого в виде результатов Первой Пунической войны имелось. Наконец, римлянам было за что благодарить Египет, поскольку проявленное Птолемеем II в ходе эпизода с карфагенской просьбой дружественное отношение к Риму заслуживало благодарности. Очевидно, что ответным шагом римлян была предложенная ими помощь в решении внешнеполитических проблем египетского правителя.

Относительно римского предложения практически все исследователи единодушны в том, что крайне сомнительным было реальное желание Рима вступить в новую военную кампанию [14, р. 98; 6, р. 202; 17, р. 226; 12, р. 55]. Скорее это был дипломатический жест дружелюбия. Из слов Евтропия следует, что война на Востоке к тому моменту была закончена, и, стало быть, римляне мало чем рисковали: конечно, сложно было ожидать, что их благодарность простиралась до намерения воевать за чуждые им интересы. Достигнутая ими победа и предложение военной помощи позволяли Риму держаться на равных в отношениях с одной из сильнейших эллинистических держав, и, безусловно, для римлян эта встреча была важна с точки зрения дальнейшего роста их военно-политического авторитета в международной системе средиземноморского мира.

В целом, Первая Пуническая война способствовала дальнейшему развитию римско-египетской дружбы, установленной соглашением 273 г. до н. э. В то время более могущественным партнером с точки зрения международного статуса являлся, бесспорно, Египет, и римляне имели основания благодарить Птолемея только за то, что те отказали в помощи римским противникам, что само по себе могло восприниматься как выражение дружбы Египта с Римом. У римлян, в отличие от карфагенян, не было причин выражать недовольство занятой Птолемеями позицией. Достигнув успеха самостоятельно, римляне возвысились не только в собственных глазах, но и для сторонних наблюдателей их противостояния с Карфагеном, поэтому их желание продемонстрировать Птолемею III рост своей военно-политической мощи вполне объяснимо. Что же касается египетских царей, то выбранная ими линия представляла собой выжидательную позицию – поскольку основные интересы Птолемея были связаны с территориями Восточного Средиземноморья, они не видели оснований для активного вмешательства в ход событий в западной части средиземноморского мира, ожидая дальнейших шагов Римской Республики. Отсутствие каких-либо заметных противоречий в римско-египетских отношениях

оказалось достаточной основой для политического сближения и последующего сотрудничества Рима и Египта, но сам процесс этого сближения в рассматриваемый период протекал весьма медленно.

Литература

1. *Жигунин В. Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань: Изд-во Казанского университета, 1980.

2. *Митрофанова Л. А., Панов А. Р.* К вопросу о характере римско-египетского соглашения 273 г. до н. э. // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Вып. 13. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018. С. 85–97.

3. *Писаревский Н. П.* Античный флот, корабли и мореплавание на Понте Эвксинском в VI в. до н. э. – III в. н. э. Исследования 1969–2019 гг. СПб.: Алетейя, 2019.

4. *Родионов Е.* Пунические войны. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.

5. *Ager S. L.* Interstate Arbitrations in the Greek World, 337–90 B.C. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1997.

6. *Eckstein A. M.* Rome enters the Greek East: From anarchy to hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 BC. Oxford: Blackwell Publishing, 2008.

7. *Gruen E. S.* The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. I. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1986.

8. *Heinen H.* Die politischen Beziehungen zwischen Rom und dem Ptolemäereich von ihren Anfängen bis zum Tag von Eleusis (273–168 v. Chr.) // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Teil 1. Bd. 1. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1972. S. 633–659.

9. *Heinen H.* The Syrian-Egyptian Wars and the new kingdoms of Asia Minor // The Cambridge Ancient History. Ed. 2. Vol. VII. Part 1. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 412–445.

10. *Holleaux M.* Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle avant J.-C. (273–205). Paris: De Boccard, 1921.

11. *Huß W.* Die Beziehungen zwischen Karthago und Ägypten in hellenistischer Zeit // Ancient Society. 1979. Vol. 10. S. 119–137.

12. *Lampela A.* Rome and the Ptolemies of Egypt: The Development of Their Political Relations, 273–80 B.C. Helsinki, 1998.

13. *Matthaei L. E.* The Place of Arbitration and Mediation in Ancient Systems of International Ethics // The Classical Quarterly. 1908. Vol. 2. № 4. P. 241–264.

14. *Neatby L. H.* Romano-Egyptian Relations during the Third Century B.C. // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1950. Vol. 81. P. 89–98.

15. *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I. Oxford: Oxford University Press, 1998.

16. *Serrati J.* Warfare and the state // The Cambridge History of Greek and Roman Warfare. Vol. I. Greece, the Hellenistic world and the rise of Rome. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 461–497.

17. *Vasilyev A. V.* First steps of the Roman diplomacy in the Eastern Mediterranean: development of the common political strategy // *Studia Antiqua et Archaeologica*. 2018. № 24(2). P. 221–239.

EGYPT AND THE FIRST PUNIC WAR

A. R. Panov

The National Research State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch,
Arzamas

The article considers the attitude of Egypt towards the First Punic War. Ptolemy II did not take part in Roman-Carthaginian conflict and had maintained neutrality. But his refusal to loan Carthage had an indirect impact on the course of the war, because Egyptian money could increase the military power of Carthage. This was the basis for Roman gratitude during the embassy to Ptolemy III after the end of the First Punic War.

Keywords: *Roman Republic, Ptolemaic Egypt, First Punic War, Ptolemy II, international relations in the ancient world.*

Об авторе:

ПАНОВ Александр Ростиславович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории, обществознания и права, доктор исторических наук, e-mail: panov_alexandr@mail.ru.

About author:

PANOV Aleksandr Rostislavovich

The State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of History, Social Studies and Law, Doctor of Historical Sciences, e-mail: panov_alexandr@mail.ru.

ВОССТАНИЕ ФЕЛИЦИССИМА И ФИНАНСОВАЯ РЕФОРМА АВРЕЛИАНА

Ю. В. Куликова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва

Ко времени правления императора Аврелиана римская монетная система оказалась в глубоком кризисе, поэтому необходимо было укрепить финансовую стабильность и изменить систему административного управления. Однако с началом осуществления реформы было выявлено откровенное воровство драгоценных металлов на монетных дворах и целенаправленная чеканка порченной монеты. В статье рассматриваются основные аспекты финансовой реформы императора Аврелиана, а также сделана попытка установить ее взаимосвязь с восстанием монетариев в Риме.

Ключевые слова: Римская империя, Аврелиан, император, Фелициссим, сенат, монеты, инфляция, монетный двор, кризис, драгоценные металлы.

За период III в. монетная система Рима перестала выполнять свою основную функцию. По выражению Гарольда Мэттингли, «Рим подошел к краю пропасти» [3, с. 144]. Многие из провинциальных дворов начинают закрываться. Нерегулярным становится не только выпуск монет из драгоценных металлов, но и даже из бронзы. Денарий превратился в малоценную счетно-денежную единицу, равную 1/50 000 золотого фунта [3, с. 188]. Сестерции и ассы по мере обесценения антониниана исчезали из обращения. Последние сестерции были отчеканены при первом галльском императоре Постуме, при нем же чеканились полновесные ауреусы весом до 6 г и антонинианы с 25% серебра и весом до 6,75 г. [10, р. 58].

Римская монетная система, как и вся система управления, нуждалась в серьезной реформе. Потеря контроля над рядом важных с экономической точки зрения регионов отрезала доступ к добыче драгоценных металлов, а также к путям их торгового оборота. Также эти регионы перестали платить налоги и другие отчисления в казну Рима, богатые землевладельцы предпочитали придерживать свой капитал в условиях политической нестабильности. Население, стремясь сохранить нажитое в условиях регулярных вторжений варваров, зарывало монеты в виде кладов, больше полагалось просто на драгоценные металлы, чем на денежную систему [16; 17].

Необходимо было признать, что государство стало банкротом, налоги зачастую стали собираться слитками драгоценного металла, а в условиях отсутствия единой центральной власти невозможным было и проведение каких-

либо стабилизирующих номинал мероприятий¹ [3, с. 160, 175; 1, с. 57]. Императоры все больше стремились отстранить сенат от финансовой системы, определяли государственный стандарт монет и могли самовольно уменьшать их диаметр, вес и содержание драгоценных металлов, что привело к фактическому отходу от стандарта.

В наименьшей степени на положение влияли попытки сената или других соперников по власти создавать новые оффицины. Эта тенденция стала распространяться еще с так называемого года пяти императоров, что привело к неконтролируемому расходу драгоценных металлов и почти полному отсутствию контроля за количеством и работой оффицин, а как следствие – к почти полной децентрализации монетного дела. В правление императора Галлиена на монетах появилось обозначение номера мастерской [1, с. 78].

С образованием «Галльской империи» и Пальмирского царства, а также проявлением сепаратизма в других регионах, значительной потерей была изоляция монетных дворов, оказавшихся в руках императоров отделенных провинций, которые и сами открывали временные оффицины [2, с. 137]. В какой-то степени можно говорить о разрушении всей системы монетного дела в Империи [1, с. 56], так как монетные дворы и мастерские под влиянием различных обстоятельств теряли связь с центральным монетным двором в Риме, который в свою очередь лишался ведущего положения. В таких условиях монетные дворы являлись не филиалами центрального монетного двора в Риме, а независимыми учреждениями со своими традициями.

Кроме того, судя по археологическим находкам, монеты императоров отпавших провинций имели хождение далеко за пределами этих провинций, в частности монеты Регалиана, а также галльского императора Постума, вернувшего стандарт золотым, серебряным и бронзовым монетам [15, р. 92–94; 16; 17]. Такие монеты высоко ценились на внутреннем рынке, однако введение в обращение монет других императоров, ценность которых превышала монеты легитимного римского императора, наряду с активизацией военных действий в этот период, потребовавших дополнительных вложений, нанесло сокрушающий удар и без того уже подорванной финансовой системе.

Восстание Фелициссима впоследствии в Риме продемонстрировало еще два негативных фактора: несмотря на нехватку драгоценных металлов, существующее наличие их находилось под контролем сената, но главное, к эмиссиям монет были допущены лица, вероятно, связанные с сенатом (по крайней мере в Риме) и тем самым имевшие возможность наживаться благодаря краже драгоценных металлов, а чеканка порченных монет с низким содержанием таких металлов наносила удар по финансовой системе и экономике Империи, поскольку они официально не могли считаться фальсифицированными, хотя в действительности ими являлись. И тогда возникает вопрос, а действительно ли всегда императоры этого периода специально прибегали к порче монеты?

¹ Например, первый галльский император Постум целенаправленно проводил мероприятия по оздоровлению экономики.

Императоры середины III в., действительно, порой бесконтрольно чеканили монеты для собственной политики, в том числе и для денежных раздач легионам, не отменяя при этом циркуляцию монет других императоров, что лишь усугубляло инфляцию, но этому способствовала и сама чеканка на оффицинах в условиях противостояния сената и императора, которые при каждой необходимости выбрасывали новые эмиссии. Подрывала стабильность и доверие населения и распространившаяся монетная фальсификация, которая ко времени правления Аврелиана приобрела катастрофические масштабы [15, р. 93].

Ко времени правления Аврелиана под влиянием вышеизложенных обстоятельств стандарт настолько изменился, что отдаленно напоминал систему, введенную Октавианом Августом. Ситуация для всей империи была чрезвычайно опасной: система государственного стандарта монет и государственного обеспечения фактически перестала существовать. К эпохе Аврелиана в ауреусе находилось только 1,33% золота, остальное приходилось на серебро (15,94%) и медь (82,73%). Чиновники позволяли себе злоупотребления, еще более понижая количество драгоценного металла за счет лигатуры и присваивая себе разницу в стоимости монеты.

Римский монетный двор, находившийся под полным контролем сената, не способен был перекрыть потребности внутреннего рынка, тем более что многие императоры этого периода не очень долго находились в самом Риме, очевидно, вынужденные соглашаться с условиями сената ради признания собственной легитимности.

Перед провозглашенным в 270 г. императором Аврелианом на первом плане стояли задачи защиты Италии от варварских вторжений из-за дунайского лимеса, в самом же «вечном городе» он оказался гораздо позднее своего провозглашения и изначально не задумывался над полным изменением существующей монетной системы. После победы над ютунгами в Италии Аврелиан планировал завершить дела на лимесе, однако в Риме произошли какие-то выступления против императора, и важно, что они были инициированы сенаторами [18, XXVI, XXI, 5–6]. Мятеж оказался столь значительным, что Аврелиан, согласно указанию Флавия Вописка, устремился в Рим, преисполненный гнева и жажды мести. Это первое открытое столкновение императора и сената в этот период, видимо, ставшее пиком противостояния, имело свои очевидные причины. Во-первых, важным фактором могло стать провозглашение брата Клавдия Готского Квинтилла императором и его поддержка сенатом [9, IX, 12; 21, XII, 25], опасавшимся авторитетного военачальника Аврелиана. Вторжение ютунгов в Италию и появление дунайской армии, результатами чего были не только победа над варварами, но и гибель Квинтилла, могли быть восприняты сенаторами как последняя капля их терпения, особенно с учетом их страха перед весьма суровым Аврелианом, с которым невозможно договориться так, как это было с другими императорами до сих пор [19, XXXV, 11; 9, IX, 13. 1]. Как указывают античные авторы, Аврелиан

не только подавил мятеж, но и расправился с некоторыми из сенаторов [18, XXVI, XXI, 6; 9, IX, 14]. И вполне вероятно, что в процессе подавления недовольства сенаторов, проведя определенные расследования, Аврелиан, возможно, планировавший провести денежные раздачи, столкнулся с проблемами монетного двора в Риме.

В античных источниках существует разногласие по вопросу даты начала восстания Фелициссима. Аврелий Виктор сообщает, что мятеж произошел после победы над Тетриками и возвращения территорий, входивших в состав «Галльской империи» под контроль Рима, т. е. в 274 г. Евтропий не уточняет последовательность событий, Флавий Вописк ограничивается указанием произошедшего в правление Аврелиана восстания, однако Зосим указывает [22, I, 49, 2], что это произошло в начале правления Аврелиана, т. е. в 271 г. Можно предположить, что выступление сенаторов и мятеж Фелициссима являются последовательными и взаимосвязанными событиями, даже если восстание монетариев произошло немного позднее.

Мятеж сенаторов явно выявил наиболее острые проблемы, которые требовали решения уже давно. С одной стороны, необходимо было подчинить сенаторов императорской власти, отстранив их в том числе от контроля за чеканкой монеты. Император Галлиен, продолжая политику Септимия Севера и Деция Траяна, запретил сенаторам занимать военные должности [19, XXXIII, XXIII, 34], но именно в его правление отмечается обесценивание выпускаемой массы монет и пик инфляции [1, с. 56]. Вполне возможно, что конфронтация сенаторов с Аврелианом в начале его правления была не единственной, ведь античные авторы упоминают о многих пострадавших за время правления Аврелиана [9, IX, 14; 19, XXXV, 11]. В таком случае можно предположить, что первые проявления недовольства сенаторов были вызваны вторжением ютунгов, оказавшихся в опасной близости от Рима, и гибелью Квинтиллы, с которым у сената уже была договоренность. Аврелиан вполне мог, исходя из его сурового нрава, отстранить и даже расправиться с сенаторами, хотя первое появление императора в Риме вряд ли могло быть омрачено реальными казнями, но, с другой стороны, Аврелиан действительно мог продемонстрировать свою непреклонность и тем самым продемонстрировать несущественность признания сенатом легитимности его власти. Но далее мог возникнуть вопрос о денежных выплатах дунайской армии, провозгласившей Аврелиана и разбившей ютунгов в Италии. Первая серия ауреусов была выпущена в Риме Аврелианом через несколько недель после его вступления на престол как *donativum* [10, р. 62–63], но она была проведена заочно, поскольку самого императора не было в столице. Этот факт может служить доказательством попытки, по крайней мере, некоторой части сенаторов признать власть Аврелиана, возможно, также повлиял страх перед закаленной дунайской армией, находившейся в Италии. Поэтому появление Аврелиана в Риме было обусловлено именно недовольством определенной части сената властью самого Аврелиана, поводом для чего и послужило проникновение германцев в Ита-

лию как оправдание неспособности нового императора обеспечить безопасность региона. И далее расправа над недовольными сенаторами и какие-то обнаруженные проблемы на монетном дворе или связанные с чеканкой следующих эмиссий могли повлечь за собой начало проверки и, безусловно, как следствие реформу, основная цель которой – это установление полного императорского контроля над чеканкой монеты. И для этого нужны были следующие условия: наличие в достаточной мере драгоценных металлов, четкая система монетных дворов и оффицин, находящихся под контролем императора, восстановление регулярной чеканки.

К моменту прихода к власти Аврелиана официальные монетные дворы были в разном состоянии: Колония Агриппина, в которой Валериан планировал создать крупный монетный двор на лимесе [8, р. 252], расширившийся и начавший активно действовать двор в Августе Треверов, Лугдун и ряд других оффицин на территории Галлии, Британии и части Испании принадлежали «Галльской империи» [2, с. 137]. Медиолан, ранее перешедший под контроль первого галльского императора, был возвращен при Клавдии Готском.

Возвращение регионов, а соответственно, монетных дворов и рудников под юрисдикцию Рима стало первостепенной задачей императора Аврелиана, который взял под контроль использование золота в империи [18, XXVI, XLVI]. Восстановление регулярной чеканки было возможно только при условии установления строгого контроля и подотчетности работников мастерских. Именно этот фактор мог стать причиной восстания монетариев в Риме. Европейский представляет иную версию событий, указывая, что мятежники убили Фелициссима [9, IX, 14], остальные античные авторы указывают на Фелициссима как на инициатора и главу мятежа [18, XXVI, XXXVIII; 19, XXXV, 6; 22, I, 49]. Занимая высокую должность *rationalis nummariam*, Фелициссим призвал уничтожать знаки на монетах, вероятно, опасаясь разоблачения в краже драгоценных металлов и чеканки низкопробных монет. Выступление могло быть инициировано богатейшими гражданами после отказа Аврелиана признать старые деньги равные его новым [3, с. 160–161], кроме того, реформой действительно предусматривалось введение системы маркировки на серебряной монете [10, р. 58], которая позволяла бы идентифицировать мастерскую конкретной эмиссии, на антонинианах были помещены знаки достоинства XX.I и KA, но их значение не установлено. Как предполагают некоторые исследователи, Фелициссим и его подчиненные могли вбрасывать низкопробные и не соответствующие достоинству антонинианы [20, р. 185].

Восстание оказалось достаточно масштабным, охватив весь Рим. Очевидно, что император прибегнул к своим проверенным войскам, фактически выдавив мятежников из города и заставив их укрепиться на Целии. Как указывает Флавий Вописк, в результате подавления восстания было убито семь тысяч взявших в руки оружие, при этом Аврелий Виктор упоминает это число только для определения количества восставших [19, XXXV, 6; 18, XXVI, XXXVIII, 4].

Столь масштабный мятеж, если бы он был действительно в начале правления Аврелиана, не был бы перепутан античными авторами с выступлением сенаторов, кроме того, знаки на монетах Аврелиан действительно ввел, но чуть позднее [20, р. 184–185], поэтому стоит предположить, что мятеж монетариев в Риме был не единичным случаем.

Подавление восстания сопровождалось потерями с обеих сторон, а сам мятеж выявил жестокую эксплуатацию и тяжелое положение монетариев, с одной стороны, и тяжелейший кризис в Империи, с другой. Военные кампании Аврелиана требовали новых эмиссий, и император вынужден был вновь вернуться к чеканке биллонов, что лишь усугубило экономическое положение, взвинтив цены на рынках. Даже медные монеты, отчеканенные Аврелианом, принесли значительный вред, оставив практически весь Восток без мелких медных монет [3, с. 161].

После разгрома восстания монетный двор, по крайней мере, до весны 273 г., был закрыт, высококвалифицированные граверы и мастера были перебросены в Сердику¹ (Фракия), позволив открыть новый монетный двор в новой провинции Дакия. В это же время Аврелиан собирал военную кампанию против Тетриков на западе, и в условиях разразившегося восстания Пальмиры была настоятельная необходимость в консолидации производства имперских денег. Монетный двор в Риме возобновил работу, но, видимо, ситуация повторилась, вес антониниана опустился до минимума, а цены взвинтились до максимума, и восстание вспыхнуло вновь. Этим и объясняется разногласия в античных источниках по вопросу точной даты мятежа, который, как указывали Евтропий и Флавий Вописк, действительно был практически в течение правления Аврелиана. Кроме того, при подготовке похода на Пальмирское царство, вспыхнуло восстание монетариев в Медиолане [10, р. 70], в связи с чем этот монетный двор приостановил свою работу, перевод монетного двора в более надежное место – Тицин в Цизальпинской Галлии – был только делом времени. Именно здесь выпускается пять эмиссий антонинианов с обозначением монетного двора «Т» или «ТI», первые три из них с именем Аврелиана, четвертая в честь Аврелиана и Северины, а пятая посвящена исключительно Северине [10, р. 96].

Основной оффициной, в которой чеканились золотые монеты в течение всего правления Аврелиана, стала Сисция в Верхней Паннонии. Первые ауреусы были отчеканены здесь в качестве *donativum* за несколько недель до римского выпуска, однако монеты первого выпуска весят от 4,20 г, римские ауреусы составляют уже более 4,55 г, что, вероятно, может указывать на желание Аврелиана ввести стандарт золотых монет [10, р. 65; 20, р. 190]. Монетный двор в Сиссии стал предметом особой заботы императора, и, как отмечает французский исследователь, можно проследить перевод по крайней мере одного мастера с монетного двора в Риме в Сисцию [10, р. 62]. Такие переме-

¹ Именно на этом монетном дворе были отчеканены монеты Аврелиана с легендой DEO ET DOMINO NATO.

щения должны были привести к разобращению недовольных на монетных дворах Рима и Медиолана, но эффект от такой политики долго не продлился.

Когда «Галльская империя» перешла под власть Аврелиана, монетный двор Лугдуна вновь стал чеканить монеты римского императора, но при императоре Таците его место занял соседний Арелат¹ [11]. В Лугдуне было выпущено пять эмиссий, первая – в честь Аврелиана, последующие три с рельефным изображением Аврелиана и Северины и последняя – после убийства Аврелиана для Северины (такая же эмиссия была отчеканена и в Риме примерно в сентябре 275 г.) [10, р. 67].

Монетный двор в Антиохии работал с перерывами между военными кампаниями против Сасанидов, также функционировал двор в Самосате на берегу Евфрата. Еще один монетный двор, открытый в Смирне, был переведен Клавдием Готским, возможно, в Кизик вместе с работниками, именно он обеспечивал нужды пальмирской кампании Аврелиана [20, р. 193–194].

Несмотря на конфликт с сенатом и систематические выступления, на монетных дворах Аврелиан выпускает серию ауреусом с весом в 6,07 г, что фактически приближает к будущей реформе и введению стандарта, которому точно соответствуют ауреусы с изображением самого Аврелиана и Северины (6,45 г) [10, р. 67]. Возвращенные монетные дворы западных и восточных провинций получили новую администрацию, назначенную лично Аврелианом. Об этом свидетельствует тот факт, что прекращаются выпуски монет из низкопробного серебра, по крайней мере с точностью можно утверждать в отношении монетного двора в Александрии и Антиохии [20, р. 196]. Одновременно было сокращено количество оффицин, в частности, в Риме их оставлено только семь. Думается, постоянное вмешательство сената привело к тому, что Аврелиану пришлось выводить филиалы двора в провинции, где они продолжали функционировать и в правление Диоклетиана до их полного закрытия в связи с попыткой проведения новой реформы [1, с. 80; 3, с. 177].

Еще одной целью реформы Аврелиана стало введение стандарта, а также приведение в соответствие реальной и номинальной стоимости имперской монеты. С 274 г. выпускаются все виды монет: антонинианы, ауреусы, сестерции и дупондии, даже двойной антониниан. Вес ауреуса достигал установленного стандарта 6,5 г, но чаще он значительно колебался, проба вновь поднялась до 980–990, весьма незначительно повысился процент серебра в монетах [13, р. 16–17; 20, р. 205]. Однако самих ауреусов не так много, так как их чеканка была, по мнению некоторых исследователей, исключительно для денежных раздач [20, р. 205–206], а большая часть драгоценных металлов была использована в основной массе отчеканенных биллонов, что лишь усугубило сложную экономическую ситуацию [3, с. 161; 20, р. 190–191].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что восстание монетариев в Риме было не единичным за период правления императора Аврелиа-

¹ В Лионе была найдена одна из временных оффицин, которая продолжала свою работу до 284 г.

на, и напрямую связано с этапами проведения его финансовой реформы. Именно 271 г. можно датировать мятеж Фелициссима на монетном дворе в Риме, явно связанный с проявлением недовольства среди некоторых сенаторов, и причиной которого стало обнаружение несанкционированной чеканки порченной монеты. Однако по мере проведения реформы подобные восстания вспыхивают вновь и вновь, и наиболее значительное приходится на 274 г. Крайняя разрозненность информации, оказавшаяся в распоряжении более поздних античных авторов, и создала прецедент с разной датировкой.

О самой реформе Аврелиана можно спорить, но тем не менее это была попытка установления государственного курса, предвосхитившая реформы Диоклетиана, но в остальном можно согласиться с мнением, что принципиально нового в финансовых мероприятиях Аврелиана ничего не было [13, р. 21, 31], но ведь и менять коренным образом на совершенно новую систему, как это произошло в дальнейшем, Аврелиан не планировал. Его задачей было взять под полный контроль и восстановить регулярную чеканку монет в Римской империи, отстранив сенат от финансовой системы и реорганизовав ее управление.

Проведение реформы в условиях постоянных военных действий, узурпаций и внутренних мятежей усугублялось конфронтацией с сенатом, и, по мнению ряда исследователей, Аврелиан вынужден был постоянно идти на компромиссы [6, с. 286, 292], и такая политика продолжилась даже после его убийства в период до избрания нового императора [7, с. 488].

Результатом финансовой реформы Аврелиана была стабилизация сплава (1 часть серебра на 20 частей меди), монеты из которого по-прежнему покрывались серебром и часто (не всегда!) имели надпись «XXI», указывавшую на содержание серебра [20, р. 189–190], что, по мнению М. Г. Абрамзона, свидетельствует о введении принудительного курса [1, с. 57]. Таким образом, был возвращен первоначальный вес антониниану, но содержание серебра в нем значительно не увеличилось. Безусловно, было улучшено качество золотых монет, и даже сделана попытка ввести стандарт [20, р. 206–207; 13, р. 24], а строго ограниченный выпуск ауреусов был необходим в целях недопущения девальвации. Видимо, Аврелиан ставил целью ввести номиналы на все императорские монеты с тем, чтобы они имели твердо установленную стоимость в золотом эквиваленте, и тем самым поставить под контроль всю монетную систему.

Но самое главное, Аврелиан лишил сенат прав на чеканку монеты, даже права выпускать медную монету. Теперь выпуск монеты из всех металлов стал монополией императора [5, с. 82–83]. Ряд исследователей справедливо полагает [4, с. 286; 14, с. 220–221], что Аврелиан уничтожил последний остаток былой диархии, заключавшийся в буквах SC. Этим же у сената было отнято право на непосредственное распоряжение эрарием: расходы из него могли теперь производиться только по разрешению императорских префектов.

Финансовую реформу Аврелиана не следует считать полностью неудачной, она дала временные деньги и проложила дорогу для более глубокой реформы [3, с. 160–161], мало того, заложила фундамент в экономическую систему домината. Несмотря на кажущуюся планомерность проведения реформы, в ней можно заметить определенную непоследовательность, вызванную, прежде всего, необходимостью укрепления у населения уверенности в постоянном контроле за чеканкой монет и неизбежности сурового наказания за фальсификации со стороны императора и его администрации. И именно этот фактор являлся важным направлением финансовой политики в последующие десятилетия и реформы Диоклетиана и Константина [13, р. 29].

Постоянные военные действия требовали затрат, на которые едва окрепшее государство было не способно, а чеканка все новых эмиссий биллонов способствовала подъему цен. У Аврелиана не было запаса драгоценных металлов, который бы гарантировал стабильность, а существующие в наличии драгоценные металлы тратились на биллоны. Вероятно, имея в запасе больше времени, ему удалось бы провести более обстоятельные изменения, однако Гарольд Мэттингли отмечает [3, с. 160–161], что к тому времени, когда реформа вступила в свою активную фазу, было уже слишком поздно, и денежную стабильность восстановить было уже невозможно: государство стало банкротом.

Причину экономической катастрофы следует видеть в политике всех предыдущих императоров, не соразмерявших расходы с доходами. В немалой степени ухудшила положение внешняя ситуация, политическая чехарда и противостояние сената и императора. Объем денежных раздач в тех условиях невозможно было сократить, а реальную финансовую несостоятельность государства скрывали, перекладывая все тяготы на население.

Император Аврелиан все же попытался справиться с некоторыми из основных проблем, связанных с опустошением земель и бедностью, но в условиях продолжающейся военной угрозы он мало что мог сделать, чтобы добиться необходимых радикальных изменений.

Литература

1. *Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.: Магнитогорск : Магнитогор. Дом печати, 1995.
2. *Куликова Ю. В.* «Галльская империя» от Постума до Тетриков. СПб.: Алетейя, 2012.
3. *Мэттингли Г.* Монеты Рима с древнейших времен до падения Западной империи / пер. с англ. М.: Collector's Book, 2005.
4. *Нетушил И. В.* Обзор Римской истории. Харьков: кн. маг. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1916.
5. *Сергеев И. С.* Римская Империя в III веке нашей эры. Харьков: Майдан, 1999.
6. *Циркин Ю. Б.* «Военная анархия» в Римской империи. СПб.: Нестор-

История, 2015.

7. *Штаерман Е. М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957.

8. *Christol M.* Les déplacements du collège impérial de 256 à 258 : Cologne, capitale impériale // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 1997. № 8. P. 243–253.

9. *Eutropius*. *Breviarium ab Urbe condita* / F. Rühl. Lipsia: B.G. Teubner, 1901.

10. *Estiot S.* L'or romain entre crise et restitution, 270–276 ap. J.-C., I. Aurélien. // *Journal des savants*. 1999. №1. P. 51–148, pl. 1–17

11. *Estiot S.* Le trésor de Saint-Maurice-de-Gourdans (Ain): une tirelire du III siècle de notre ère // *BSFN*. 1996. Vol. 6. P. 124–127.

12. *Estiot S., Zanchi P-A.* De Lyon à Trèves : l'ouverture de l'atelier de Trèves à l'époque tétrarquique et ses premières émissions : monnaie radiée et monnaie d'or (293–295 apr. J.-C.) // *RN*. 2014. Vol. 171. P. 247–296, pl. 1–9.

13. *Haklai-Rotenberg M.* Aurelian's Monetary Reform: between Debasement and Public Trust // *Hiron*. 2011. Bd. 41. S. 1–39.

14. *Johne K.-P.* Kaiser, Senat und Ritterstand // *Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert*. Berlin, Akademie Verlag, 1993.

15. *King C. E.* The circulation of coin in the western provinces A. D. 260–295 // *The Roman West in the third century: I–II Parts* / A. King, M. Henig. London, 1981. (BAR, 4). Part I. P. 89–126.

16. *Reece R.* Roman coinage in Britain and the Western Empire // *Britannia*. 1973. Vol. IV. P. 227–251.

17. *Reece R.* Roman coinage in Northern Italy // *NC*. 1971. 7 ser. Vol. XI. P. 167–179;

18. *Scriptores Historiae Augustae* / P. Magie. (Loeb). London: Cambridge : Harvard University Press, 1954.

19. *Victor Sextus Aurelius. Liber de Caesaribus* / F. Pichlmayr (Teubner). Leipzig, repr. 1970.

20. *Watson A.* Aurelian and the Third Century. London: Routledge, 1999.

21. *Zonaras. Epitome Historiarum* / Ed. Dindorf. Leipzig: Lipsiae in aedibus B.G. Teubneri, 1870.

22. *Zosimus. Historia Nova* / F. Paschoud. Paris: Les Belles lettres, 1971.

Список сокращений

BSFN – Bulletin de la société Française de Numismatique. Cabinet des Médailles de la Bibliothèque nationale. Paris.

Hiron. – Mitteilungen Der Kommission für alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts.

NC – The Numismatic Chronicle. The Royal Numismatic society. Cambridge Univ. Press. London.

RN – Revue numismatique. Paris.

THE REVOLT OF FELICISSIMUS AND THE FINANCIAL REFORM OF AURELIANUS

J. V. Kulikova

Moscow Pedagogical State University, Moscow

By the time of the reign of Emperor Aurelianus, the Roman monetary system was in deep crisis, so it was necessary to strengthen financial stability and change the system of administrative management. However, with the beginning of the reform, outright theft of precious metals at mints and purposeful minting of spoiled coins were revealed. The article deals with the main aspects of the financial reform of emperor Aurelianus, as well as an attempt to establish its relationship with the revolt of the monetarists in Rome.

Key words: *Roman Empire, Aurelianus, Emperor, Felicissimus, Senatus, Coins, Inflation, Mint, Crisis, precious metals.*

Об авторе:

КУЛИКОВА Юлия Викторовна

Московский педагогический государственный университет, Институт истории и политики, кафедра истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семенова, кандидат исторических наук, e-mail: glanam_yul@mail.ru.

About author:

KULIKOVA Julia Victorovna

Moscow Pedagogical State University, Institute of History and Polity, Department of Historical Ancient World and Middle Ages, Candidate of Historical Sciences, e-mail: glanam_yul@mail.ru.

УДК 94 (41/99)

ДРУЖБА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИСЛАНДСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. С. Носова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва

На основе анализа исландских родовых саг рассматривается понятие дружбы как одного из инструментов политического взаимодействия в исландском раннесредневековом обществе. Особое внимание уделяется изуче-

нию терминов *vinfengi* и *vinatta*, которые отражают категорию дружбы, основанной на договорных отношениях, подразумевающих взаимные обязательства.

Ключевые слова: *родовые саги, vinfengi, vinatta, годи, политический союз.*

Дружеские отношения составляют одну из важнейших сторон частной жизни человека и в европейской культуре рассматриваются как воплощение мудрости и подлинной добродетели, которая основывается на взаимной открытости, полном доверии, общности интересов, преданности людей друг другу, их постоянной готовности оказать помощь в момент опасности. Вне зависимости от времени в каждой культуре дружба почиталась как величайшая нравственная ценность, но «подлинная дружба» возникала достаточно редко между людьми. «Истинная, подлинная дружба предполагает горячее, чисто объективное, совершенно незаинтересованное участие в радостях и горе друга, а это участие – полное отождествление себя с ним. Этому настолько противится эгоизм человеческой природы, что истинная дружба принадлежит к числу вещей, о которых, как о морских змеях, мы не знаем, вымышлены ли они или существуют на самом деле» [12].

Что же такое настоящая дружба? Возможно ли ее существование, ведь в разные эпохи смысл понятия дружбы наполнялся разным содержанием?

В эпоху раннего средневековья, по мнению Э. Гидденса, человек проживал в поле пересечения «*environment of risk*» (сферы риска) и «*environment of trust*» (сферы доверия). Сфера доверия создает единение и солидарность: нечто похожее на понятие дружбы. Возникающие дружеские отношения между людьми были конкретно ориентированы, потому что человек феодального (варварского) общества мог доверять только тем людям, которые были зримы и досягаемы. В основном, это были либо родственники, либо окружающие локальные сообщества, находящиеся неподалеку друг от друга.

Сфера доверия все время подвергается испытанию со стороны сферы риска, в виде различных «роковых моментов», выраженных в военных действиях, климатических изменениях, межличностных отношениях. В такие моменты формируются различные вариации дружеских отношений, исключая бескорыстное отношение [2].

С данной концепцией формирования дружеских отношений не согласны Ж. К. Шмитт [6] и отечественный медиевист А. Я. Гуревич [9]. По мнению исследователей, средневековое общество представляло собой сложную систему групп разного объема. Индивид, как правило, принадлежал к целой иерархии социальных структур, и, вполне естественно, самосознание представителя той или иной группы опиралось на самооценку, связанную с оценкой самого себя и своей группы по отношению к другим социальным группам. Таким образом, каждый индивид обладал свободой нравственного выбора, который иногда был обусловлен личной симпатией. Именно на основании

личностного выбора человек средневековья формировал различные дружеские союзы. Ведь дружба не есть что-то приобретенное с рождения, как семья или родственники. Друзей выбирают в силу индивидуальной склонности человека. Дружба не принадлежит к какой-либо форме общественного устройства, но она тесно связана с включенностью индивида в коллектив общества.

Дружеские союзы в эпоху средневековья пронизывали всю структуру общественного устройства и формировались посредством включения индивида в «малую группу», основанную на родственных связях, личной симпатии или на договорных отношениях. Конечно, необходимо сразу оговориться, что человек в дофеодальном обществе воспитывался в категориях строго нормативного поведения, постоянно подчинявшегося стандарту: правовому, процессуальному, социальному, но, тем не менее, не происходило растворения индивида в обществе. И ярким тому примером могут служить исландские родовые саги, отражающие свободу выбора индивида в различных жизненных ситуациях.

Исландские родовые саги были записаны в XIII веке, но описывают события, происходившие с IX по XI в. Большой временной разрыв между устным бытованием источника и его записью, несомненно, наложил свой отпечаток, и, как верно отметил М. И. Стеблин-Каменский, «люди оказываются изображенными в “сагах об исландцах” в той мере, в какой они участвуют в той или иной распре. Но именно поэтому они изображаются так объективно» [10, с. 15]. Объективность изображений действий и поступков предоставляют исследователю возможность вычленить мировоззрение людей средневековья относительно концепта «дружба».

В исландских родовых сагах можно вычленить несколько категорий существовавших дружеских связей:

во-первых, дружба, основанная на родственных связях;

во-вторых, дружеские союзы, формирующиеся в силу личных симпатий и обусловленные нравственным выбором индивида;

в-третьих, дружба как политический союз для поднятия авторитета в обществе.

В данной статье будет уделено внимание исследованию понятию «дружба» в качестве политического союза.

В исландских родовых сагах для обозначения политической дружбы использовали термины *vinfengi* и *vinatta*. Данные термины подразумевают заключение союза «для пользы», а не ради выгоды. *Vinfengi* подразумевала дружбу на постоянной основе, то есть не была ограничена во времени. *Vinatta*, напротив, оговаривала срок дружеского политического союза.

С кем заключалась политическая дружба? В первую очередь с человеком, который обладал авторитетом, базирующемся на знании законов и умении их трактовать. Например, в «Саге о Ньяле» говорится, что «Ньяль был знатоком законов, что ему не было равных. Он был мудр... и всегда давал хорошие советы. Он был доброжелателен, обходителен и великодушен, прозор-

лив и памятливы и никогда никому не отказывал в помощи, кто бы к нему ни обращался» [10, с. 83]. В «Саге о людях из Оружейного фьорда» при описании возникшего конфликта между Хельги Кошкой и Гейтиром, сыном Лютинга, можно вычленить дополнительные данные относительно смыслового наполнения *vinfengi*. Дружба должна поддерживаться «друзьями» – союзниками. Хельги Кошки не может выиграть судебное заседание на тинге, так как многие бонды отказываются от его «дружбы» из-за его высокомерного поведения. По словам Гудмунда Могучего, от дружбы с тобой «нет особенного прока» (*En vinfengi þitt þykir mér lítils vert*) [8]. Как мы видим, помимо знания законов и демонстрации политической мудрости необходимо было также суметь сохранить *vinfengi*. В «Старшей Эдде» в «Речах Высокого» даются советы как дружбу необходимо поддерживать:

Надобно в дружбе
Верным быть другу
И другом друзей его [11, с. 46].

...есть друг у тебя,
Кому доверяешь, –
Навещай его часто [11, с. 60].

Оружье друзьям
И одежду дари
То тешит их взоры [11, с. 46].

И эта житейская мудрость выполнялась на практике. Ньяль и Хёскульд не являлись родственниками, но, как люди, заключившие дружеский союз, «заботились о чести друг друга... каждую осень они приглашали друг друга к себе в гости и подносили друг другу богатые подарки» [10, с. 219]. Такое выгодное сотрудничество помогает обеспечить безопасность и сохранить честь, а иногда даже спасти жизнь. Ньяль берет на себя обязательство помочь Гуннару, который оказался в тяжелой ситуации из-за убийства человека из рода Ньяля.

Ньяль оказался перед достаточно тяжёлым выбором: с одной стороны, он должен сохранить с Гуннаром политический союз, основанный на дружбе; с другой стороны, он обязан отстаивать интересы рода на тинге и наказать убийцу, тем самым предать *vinfengi*.

Ньяль делает выбор в пользу дружбы. По мнению Й. В. Сигурдссона, данный пример прекрасно иллюстрирует превалирование дружбы над родственными отношениями. Родственные обязательства в исландском обществе отступают на второй план, и это было обусловлено наличием билатеральной системой родства (родство ведётся как по отцовской, так и по материнской линии). Термин род (*ætt*) редко упоминается в исландских сагах, напротив, наиболее часто говорится о родичах и родстве (*frændi*, *frændsemi*).

И. В. Сигурдссон проследил, кого из членов рода действительно считали родственниками в социальном и эмоциональном отношениях. Оказалось, что, если считать по «горизонтальной» линии, это чувство родственных отношений редко распространялось дальше, чем на двоюродных братьев и сестёр. «По вертикали» в число родственников включали представителей максимум трёх поколений [7, s. 311]. На этом основании мы можем говорить о том, что дружеские отношения, основанные на политическом союзе, являются превалирующими и становятся одним из инструментов повышения социального авторитета в исландском обществе в «век саг», то есть теперь не знатность рода определяет положение в обществе, а дружба – *vinfengi/vinatta*. Именно с этого момента в источниках отмечено упоминание годи.

Годи был главой определённой группы людей, который пользовался их доверием и выполнял по их поручению религиозные и административные функции. Он не имел какой-либо экономической власти над бондами и не принуждал их насильственным путем подчиняться ему или быть на его стороне. Согласно закону, каждый свободный человек мог выбрать, к какому годи он желал присоединиться на взаимно выгодных условиях, то есть заключить политический дружеский союз (*vinfengi/vinatta*). Какие же обязательства годи имел перед «друзьями» бондами? Годи был обязан заседать в судейской коллегии на тинге и защищать интересы людей, которые заключили с ним дружбу. Учитывая влияние годи, которым они обладали на тингах, годи были наиболее привлекательными покровителями для враждующих бондов. Суды принимали решение, основываясь на доказательствах в меньшей степени, чем пытаясь угодить могущественным личностям, да и сами годи, назначая судей, сильно влияли на приговоры [5, p. 76].

Многие исследователи подчеркивали, что, несмотря на кажущееся различие между годи и бондами, по закону годи и его семейство не пользовались какими-либо привилегиями [1, p. 45–47]. Это утверждение верно по отношению к самим годи. Й. Йоханссон, например, пишет: «Перед законом все вожди были равны во власти так, чтобы ни один из них не мог требовать власти над любым другим годи» [4, p. 63].

Равенство перед законом подразумевало и равенство перед получением титулов, следовательно, можно говорить о том, что возможность получить должность годи была у любого обеспеченного бонда, но пребывание в звании годи ограничивалось важным условием: годи мог сохранить свое звание пожизненно, если он не совершит какого-либо несовместимого с его званием проступка [3, p. 141–142].

Продолжительность дружбы определялась теми возможностями, которые могли предоставить годи, и не имело значения, где живет клиент и его представитель. Эта связь была внеюридической, неформальной и возникала для решения конкретных задач.

С помощью оказания услуг на тингах (народных собраниях) годи создавали себе репутацию политического лидера, и вполне естественно они забо-

тились о личном авторитете. Поэтому, прежде чем заключить дружбу, необходимо было определить условия дружбы и ее продолжительность.

Как говорилось ранее, термин *vinfengi* подразумевал продолжительность дружеских отношений на неопределённый временной срок. Зачастую такие дружеские союзы складывались на основе личных симпатий между людьми, равными по имущественному и политическому статусу. Например, заключённый союз между Гуннараром и Ньялем из «Саги о Ньяле». Гуннар подобен Ньялю: «Он прекрасно знал правила обхождения, был вынослив, щедр и сдержан, верен в дружбе и строг в выборе друзей» [10, с. 82]. Ньяль всегда приходит на помощь другу в трудные моменты, и ничто не может помешать их дружбе, даже существующие конфликты между их ближайшими родственниками. Друзья с особой тщательностью поддерживают и бережно охраняют «дружбу», потому что она для них является главной нравственной ценностью. Данная дружба, как правило, не требовала каких-либо условий для заключения сделки, она в большей степени была ориентирована на личный выбор индивида и поддержания его репутации в обществе.

Термин *vinatta* подразумевал ограниченность по времени политического союза. В «Саге о Ньяле» могущественный Снорри Годи заключает *vinatta* на время тинга. Он обещает дать «добрый совет» и даже готов попросить своих людей помочь новым друзьям: Гицуру и Асгриму, если конфликт дойдет до военного столкновения [10, с. 137]. В «Саге о людях с Оружейного фьорда» Хельги Кошка также заключат кратковременные политические союзы, обязуясь выступить на тинге в качестве поверенного [8]. Выгодность данного союза заключалась в том, что годи мог получить денежную компенсацию при оказании поддержки на тингах. Иногда годи мог не взыскивать плату за помощь в суде. Побуждением для таких действий могло быть желание прекращения кровной мести, которая могла увеличить либо престиж годи, либо оказание помощи родственнику, который был задействован в этом конфликте.

Зачастую «дружба» могла оставаться в тайне, особенно когда у «друзей» не было ничего общего, кроме потребности во взаимопомощи. Если дружба не приносила нужного результата, например, одна из сторон отказывалась помогать другой в судебной тяжбе – отношения можно было разорвать, что было так же предусмотрено законом. Если годи не справлялся со своими обязательствами по отношению к бонду, то тогда «если мужчина захотел выйти из-под власти годи и перейти под покровительство другого годи, он должен объявить об этом до весеннего тинга...» [3, р. 140]. В свою очередь годи также мог отказаться от услуг бонда, объявив об этом за две недели до начала весеннего тинга [3, р. 141].

Подводя итоги, мы можем говорить о том, что в исландском обществе для обозначения дружбы как политического союза использовали термины: *vinfengi* и *vinatta*. Дружба строилась на основе личных связей между бондами и годи. Бонды искали покровительства и помощи влиятельных людей, признавая их верховенство, независимо от места жительства. При этом бонд со-

хранял право расторгнуть отношения верности со своим годи и искать себе другого предводителя.

Заключение «дружбы» подразумевало возникновение и соблюдение взаимных обязательств. Она гарантировала индивиду защиту в различных областях общественной жизни. Не исполнение взятых на себя обязательств влекло за собой бесчестие и потерю репутации в обществе. Таким образом, «дружба» являлась важным инструментом политического регулирования между годи и бондами в исландском обществе.

Литература

1. *Einarsson B.* On the status of Free men in Society and saga // *Medieval Scandinavia*. Vol. 7. Odense. 1987.
2. *Giddens A.* The consequences of modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
3. Grágás / Ed. by Gunnar Karlsson. Reykjavik: Mál og menning, 2001.
4. *Johannesson J.* Islands historie i mellomalderen. Oslo: Universitetsforlaget, 1969.
5. *Larsson O.* Lög og saga. Reykjavik: Hlaðbuð, 1958.
6. *Schmitt J.-C.* La découverte de l'individu, une fiction historiographique? // *La fabrique, la figure et la feinte: Fictions et statut des fictions en psychologie / Sous la dir. De P. Mengal et F. Parot.* Paris, 1989. P. 213–236.
7. *Sigurdsson J. V.* Forholdet mellom frender, hushold og venner på Island i fristatstiden // *Norsk historisk tidskrift*. 1195. N. 3.
8. *Vopnfirdinga saga.* URL: https://www.sagadb.org/vopnfirdinga_saga (дата обращения: 15.10.2021).
9. *Гуревич А. Я.* Индивид и общество в варварских государствах // *Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество.* М.: Традиция, 2009. С. 431–467.
10. *Исландские саги / под общей ред. Смирницкой О. А. Т. 2.* СПб.: Нева, 1999.
11. *Старшая Эдда / Пер. с древнеисланд. Корсуна А.* СПб.: Азбука, 2000.
12. *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской жизни. М.: Просвещение, 1992. URL: <https://www.rulit.me/books/izbrannye-proizvedeniya-read-444961-164.html> (дата обращения: 15.10.2021).

FRIENDSHIP AS THE TOOL OF POLITICAL ENGAGEMENT IN ICELANDIC SOCIETY

E. S. Nosova

The Moscow Pedagogical State University, Moscow

Based on the analysis of Icelandic patrimonial sagas, the article investigates the term friendship as one of the political engagement tools in the early Middle ag-

es Icelandic society. Special attention is paid to the study of the terms *vinfengi* and *vinatta*, reflecting the idea of friendship category, which is based on treaty relations and appeals to mutual obligations.

Keywords: *patrimonial sagas, vinfengi, vinatta, godi, political union.*

Об авторе:

НОСОВА Екатерина Сергеевна

Московский педагогический государственный университет, Институт истории и политики, кафедра истории древнего мира и средних веков В. Ф. Семёнова, кандидат исторических наук, e-mail: knosova@yandex.ru.

About author:

NOSOVA Ekaterina Sergeevna

Moscow Pedagogical State University, Institute of History and Politics, Department of Ancient History and Middle Ages V. F. Semenov, Candidate of Historical Sciences, e-mail: knosova@yandex.ru.

УДК 94(41/99)

ОБРАЗ МАРИИ МЕДИЧИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ МЕДАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ НАЧАЛА XVII ВЕКА

Т. Н. Лоцилова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва

Статья посвящена анализу изобразительных образов королевы Марии Медичи, представленных на медалях времен правления Генриха IV и Людовика XIII. В ходе работы выявляется, что в медальерных изображениях продолжает развиваться традиция представления королей французского дома в облике античных богов и героев. Представленные образы и сюжеты не случайны, а отражают и развивают идеи легитимизации и абсолютизации власти, заложенные еще в правление Генриха IV, и в целом направлены на поддержание рода Бурбонов в условиях регентства.

Ключевые слова: *Мария Медичи, медальерное искусство, репрезентация власти, Франция, XVII век.*

Мария Медичи (1573–1642 гг.) – персоналия широко известная и имеющая в историографической традиции строго определенные ассоциации, как властная королева, не желавшая передавать власть сыну, тратившая деньги на фаворитов, круто изменившая политику Франции в сторону союза с Габсбур-

гами и в целом нарушившая традицию политической направленности, заложенную ее предшественником и мужем Генрихом IV. Из положительных моментов вспоминают лишь строительство Люксембургского дворца и создание портретной Галереи Марии Медичи П. П. Рубенсом [8].

В настоящее время оценка политики Марии Медичи активно пересматривается в среде французских историков и меняется на прямо противоположную. Они переходят от негативных к положительным оценкам ее правления, несмотря на все негативные стороны правления, на которые традиционно указывают французские исследователи, опираясь на анализ новых источников и фразу, приписываемую Марии Медичи: «Я проливала золото, а не кровь», аргументируя, что она смогла удержать в руках бразды правления в тяжелое время регентства и передать власть сыну, продолжив традицию абсолютизации власти, полностью реализованную впоследствии Людовиком XIV [1, 2, 4, 5, 19].

Тема образов, в которых королевская власть презентует себя обществу, напрямую связана с поднятыми в первой половине XVII века вопросами абсолютизации и легитимизации власти Бурбонов. Проведя анализ медальерных изображений, которые несла власть аристократической элите, можно прийти к выводу о целенаправленности и непрерывности действий по отношению к последней, которые были начаты еще во времена Франциска I, продолжены последними Валуа и подхвачены первыми Бурбонами, и были направлены на лишение аристократии последних рычагов власти и сосредоточение ее в руках короля и верного ему административного аппарата. Правящая верхушка активно создает и демонстрирует новый образ королевской власти, укоренению которого во многом способствовала эпоха Возрождения, давшая возможность через использование античных образцов преподнести идею божественности власти в новом свете.

Медальерное искусство во Франции начало развиваться со времен Возрождения и испытывало на себе сильное влияние итальянских мастеров. Выдающимся медальером Франции стал Гийом Дюпре, руке которого принадлежит большое количество медалей первых Бурбонов [7].

При дворе Генриха IV стало модным заказывать медали. Сам король ежегодно, по словам герцога Сюлли, на Новогодние праздники приказывал изготовить медали, посвященные важным событиям прошедшего года, и дарил их в качестве подарков своим приближенным, и Сюлли перечисляет несколько таких медалей из своей сокровищницы, подаренных ему королем.

Медалей времени правления первых Бурбонов достаточно много, все они разбросаны по многочисленным музейным и частным коллекциям, собрать их все достаточно проблематично, поэтому в работе также используются эстампы, созданные Себастьяном Леклерком, королевским гравером Людовика XIV в середине XVII столетия. Он создает эстампы с королевских медалей, которые на тот момент хранились в королевской сокровищнице. Они представлены в едином поле и позволяют провести их тщательный анализ. Кол-

лекция эстампов хранится в настоящий момент в муниципальной библиотеке г. Лиона [3].

В каких же образах предстает Мария Медичи?

Прежде всего, необходимо обозначить, что в медальерном искусстве образ Марии Медичи всецело поддерживает и продолжает развивать идею, проработанную еще во времена Генриха IV. Это идея легитимности власти династии Бурбонов и ее преемственности. Новой династии необходимо было укрепиться на престоле, и именно этот вопрос во многом был успешно решен во время регентства Марии Медичи.

Идея преемственности прослеживается в тех античных образах, которые выбраны для Марии – это образ Минервы [22] и Юноны [28]. Они всецело пересекаются с образами Геракла, Марса и Юпитера, в которых часто представляется Генрих IV [17].

Впервые Мария Медичи появляется на медалях, посвященных бракосочетанию. Есть имя, рука, герб Марии, небесное благословение и французская лилия в руках [26]. Следующая медаль на бракосочетание имеет на аверсе портрет молодой королевы, на реверсе же аллегория счастливой и плодородной Франции: долина, залитая лучами восходящего солнца, и клюющий зерна граната галльский петух предвещают благодатное правление молодых супругов [25].

После рождения дофина образ Марии Медичи становится иным, более того он становится уникальным. Его уникальность заключена в дальнейшем изображении равенства королевы и короля, супруга или сына.

Королева все время изображается равной своему мужу Генриху IV (это можно увидеть и на полотнах Рубенса в его Галерее Марии Медичи), она позади, но она всегда рядом, они идут в равноправной паре правителей и родителей Людовика. Уже сам Генрих IV ставит ее вровень с собой и впоследствии, спустя 10 лет, приведет к коронации; примечательно, что Мария Медичи станет последней коронованной королевой Франции. Но уже в качестве соправителя мы ее видим на данных медалях [10, 16, 27].

Образ матери передается на нескольких медалях [14, 15, 28]. И если сначала королева выступает непосредственно матерью наследников трона, рождению первенцев посвящено больше всего медалей (1601 и 1603 г) – на реверсе одной из медалей представлена Юнона, которая своим молоком поливает французскую лилию, стоящую на коленях королевы [28]. Медаль же 1610 года, посвященная Марии Медичи и ее шестерым детям, символизирует здесь образ супруги Генриха IV – Марии Августы как христианнейшей родительницы нации [11, 24]. В 1610 году воздвигается памятник Генриху Великому – Отцу нации. Мария же на данной медали представлена Матерью нации. Ей явно необходима поддержка во время провозглашения ее регентства, как преемника убитого короля при малолетнем сыне.

Меняется со временем и образ королевы правительницы. И если вначале мы видим образ счастливого правления Генриха IV и его супруги (медаль

времен бракосочетания, вдохновляющая картина счастливого правления Генриха и Марии, галльский петух клюет семена граната) [25], то последующие медали, относящиеся к началу регентства Марии, демонстрируют иной образ. Здесь надо отдать должное мастерству Гийома Дюпре, который даже на медалях смог передать меняющийся облик и статус королевы, она выглядит старше, черты ее лица более строгие. На реверсе медали Франция представлена как корабль, идущий по бурлящему морю, мачты ломаются, но спокойная королева раздает приказания, управляя кораблем-государством в бурную эпоху регентства, сохраняя власть [9, 12, 23].

Следующая медаль отражает начало правления Людовика XIII, здесь мы видим переданную власть сыну, вместо сломанной мачты, прорастающее, цветущее оливковое дерево мира, мира, прежде всего, между сыном и матерью. Изображена некоторая идиллия, мать уже отдыхает на корме корабля, на носу стоит всевластный, выросший, окрепший молодой государь, который ведет свой корабль по практически спокойному морю. Все бури остались позади [21].

Образ правящей королевы-матери неоднократно повторяется на медалях, и несмотря на все то, что говорится о политике королевы-матери, в представленном образе она явлена соправителем сына, заботящемся о сохранении власти и поддержке молодого короля-сына. Разновременные медали с изображением Людовика XIII дают еще один интересный ракурс. На них интересно проследить расположение фигур молодого короля в образе героя и Минервы (в образе которой можно угадать Марию Медичи). И если на ранних медалях, где Людовик маленький, Минерва благословляет его, она выше его ростом и покровительствует ему, впоследствии же, когда он вырастает, в благословении опускается перед ним на колени [13, 20].

Юнона, сидящая на радуге, является символом царствующей Марии Медичи; медаль связана с 1613 годом и временем заключения двойного брака с Габсбургами, символизирует новую политику королевы, нацеленную на восстановление мира между двумя династиями и в целом в Европе [29], и объясняет политику заключенных браков через благословение богов, подобную картину можно увидеть и у Рубенса [18].

Несколько слов стоит сказать и о титулах, сопровождающих Марию Медичи на медалях. Они различны в зависимости от изображенной ситуации. На медалях вместе с супругом она именуется Мария Августа, чем в связи с модной возрожденческой традицией подчеркивается ее роль супруги, на медалях как регент – Королевой Франции или Галлии и Наварры, христианнейшей королевой. На медалях с сыном возвращается наименование – Мария Медичи Августа, она опять уступает роль королю.

Что же нам дает анализ медалей Марии Медичи?

Французское медальерное искусство, опиравшееся на античное наследие и традиции Возрождения, в образе Марии Медичи продолжает развивать тенденцию изображения французских королей в облике античных богов и геро-

ев. За ней закрепляется образ Минервы и Юноны, которые мы видим также и на художественных полотнах Рубенса.

Образы и сюжеты выбирались не случайно, это была единая политика представления королевской власти и правящего монарха, всецело продолжающая и развивающая идеи, заложенные в правление Генриха IV.

Представленный образ Марии Медичи был направлен на подтверждение легитимности ее власти как регента и последующей передачи ее повзрослевшему королю.

И, несмотря на то, что жизненный путь Марии Медичи был сложным, наполненным взлетами и падениями, закончившийся в изгнании и почти забвении, она смогла сделать главное – сохранить власть в руках династии Бурбонов и успешно передать ее сыну. И возможно, ее образ, став негативным, в значительной мере отделил и придал блеска правлениям ее мужа и сына.

Литература

1. *Galletti S.* Architecture and Ceremonial in Early Modern France: The Court of Maria de' Medici // *HEC Working Papers*. Florence, 2010. P. 77–111.

2. *Galletti S.* Rubens's Life of Maria de' Medici: Dissimulation and the politics of art in early seventeenth-century France // *Renaissance Quarterly*. NY. 2018. P. 878–916.

3. *Lecler S.* Estampe. URL: [https://numelyo.bm-lyon.fr/list/?order_by=Relevance&cat=quick_filter&search_keys\[0\]=%22Monnaies%2Bet%2Bm%C3%A9dailles%2Brelatives%2B%C3%A0%2B1%27histoire%2Bde%2BFrance%2Bde%2BCharles%2BVII%2B%C3%A0%2BLouis%2BXIII%22&search_keys\[BML_42\]=%22Monnaies+et+m%C3%A9dailles+relatives+%C3%A0+1%27histoire+de+France+de+Charles+VII+%C3%A0+Louis+XIII%22](https://numelyo.bm-lyon.fr/list/?order_by=Relevance&cat=quick_filter&search_keys[0]=%22Monnaies%2Bet%2Bm%C3%A9dailles%2Brelatives%2B%C3%A0%2B1%27histoire%2Bde%2BFrance%2Bde%2BCharles%2BVII%2B%C3%A0%2BLouis%2BXIII%22&search_keys[BML_42]=%22Monnaies+et+m%C3%A9dailles+relatives+%C3%A0+1%27histoire+de+France+de+Charles+VII+%C3%A0+Louis+XIII%22) (дата обращения 25.10.2021).

4. *Winner M.* The orb as the Symbol of the State in the pictorial cycle by Rubens Depicting the Life of Maria de' Medici // *Iconography, propaganda and legitimation*. NY. 1998. P. 69–107.

5. *Басовская Н. И.* Королева Франции Мария Медичи: затерявшаяся среди звёзд эпохи // *Новая и Новейшая история*. 2016. № 1. С. 173–176.

6. *Лощилова Т. Н.* Мария Медичи: история несостоявшегося мифа // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2018. Т. 9. Выпуск 6 (70). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840002250-4-1> (дата обращения: 25.10.2021). DOI:10.18254/S0002250-4-1

7. *Лощилова Т. Н.* Эстампы Себастьяна Леклерка с медалями Генриха IV как исторический источник // *Genesis: исторические исследования*. 2019. № 3. С. 1–12. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29372 (дата обращения 25.10.2021).

8. *Люблинская А. Д.* Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. Ленинград: Наука, 1982.

9. Медаль времен регентства // Национальная галерея искусств Вашингтон, США. URL: <https://www.nga.gov/collection/art-object-page.67043.html> (дата обращения 25.10.2021).

10. Медаль Генрих IV и Мария Медичи // Национальная галерея искусств Вашингтон, США. URL: <https://www.nga.gov/collection/art-object-page.45301.html> (дата обращения 25.10.2021).

11. Медаль Мария Медичи – Мать богов // Национальная галерея искусств Вашингтон, США. URL: <https://www.nga.gov/collection/art-object-page.1297.html> (дата обращения 25.10.2021).

12. Медаль Мария Медичи времен регентства // Национальная галерея искусств Вашингтон, США. URL: <https://www.nga.gov/collection/art-object-page.1296.html> (дата обращения 25.10.2021)

13. Медаль Минерва благословляет молодого Людовика XIII // Национальная галерея искусств Вашингтон, США. URL: <https://www.nga.gov/collection/art-object-page.45302.html> (дата обращения 25.10.2021)

14. Медаль на рождение Людовика XIII // Музей Метрополитен, Нью-Йорк, США. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/195408> (дата обращения 25.10.2021)

15. Медаль на рождение наследников 1603 г. // Национальная галерея искусств Вашингтон, США. URL: <https://www.nga.gov/collection/art-object-page.45302.html> (дата обращения 25.10.2021).

16. Медаль с портретным изображением Генриха IV и Марии Медичи // Национальная библиотека Франции, Кабинет медалей, монет и древностей, Париж, Франция. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b7700256n> (дата обращения 25.10.2021).

17. Медаль Генрих IV в образе бога Марса // Национальная галерея искусств Вашингтон, США. URL: <https://www.nga.gov/collection/art-object-page.98142.html> (дата обращения 25.10.2021).

18. *Рубенс П. П.* Галерея Марии Медичи (картины). URL: <https://gallerix.ru/album/Rubens> (дата обращения 25.10.2021).

19. *Фисэль Э.* Жизнь Марии Медичи. М.: Эксмо, 2012.

20. Эстамп с медали Благословляющая Минерва, преклонив колено // Коллекция эстампов С. Леклерка. Муниципальная библиотека г. Лион. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005783 (дата обращения 25.10.2021).

21. Эстамп с медали Людовик XIII и Мария Медичи на корабле // Коллекция эстампов С. Леклерка. Муниципальная библиотека г. Лион. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005787 (дата обращения 25.10.2021).

22. Эстамп с медали Мария Медичи в образе богини Минервы // Коллекция эстампов С. Леклерка. Муниципальная библиотека г. Лион. URL:

https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005769 (дата обращения 25.10.2021).

23. Эстамп с медали Мария Медичи и корабль в бушующем море // Коллекция эстампов С. Леклерка. Муниципальная библиотека г. Лион. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005777 (дата обращения 25.10.2021).

24. Эстамп с медали Мария Медичи с детьми 1601 г. // Коллекция эстампов С. Леклерка. Муниципальная библиотека г. Лион. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005780 (дата обращения 25.10.2021).

25. Эстамп с медали на бракосочетание (галльский петух) // Коллекция эстампов С. Леклерка. Муниципальная библиотека г. Лион. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005755 (дата обращения 25.10.2021).

26. Эстамп с медали на бракосочетание // Коллекция эстампов С. Леклерка. Муниципальная библиотека г. Лион. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005756 (дата обращения 25.10.2021).

27. Эстамп с медали На рождение наследников 1603 // Коллекция эстампов С. Леклерка. Муниципальная библиотека г. Лион. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005768 (дата обращения 25.10.2021).

28. Эстамп с медали Юнона благословляет Францию // Коллекция эстампов С. Леклерка. Муниципальная библиотека г. Лион. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005759 (дата обращения 25.10.2021).

29. Эстамп с медали Юнона на радуге // Коллекция эстампов С. Леклерка. Муниципальная библиотека г. Лион. URL: https://numelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML:BML_02EST01000F17LEC005788 (дата обращения 25.10.2021).

THE IMAGE OF MARIE DE' MEDICI IN THE FRENCH MEDAL ART OF THE EARLY XVII CENTURY

T. N. Loshchilova

Moscow State Pedagogical University, Moscow

The article is devoted to the analysis of the pictorial images of Queen Marie de Medici, presented on the medals of the reigns of Henry IV and Louis XIII. In the course of the work, it is revealed that the tradition of representing the kings of the French house in the guise of ancient gods and heroes continues to develop in the medallion images. The presented images and plots are not accidental but reflect and

develop the ideas of legitimization and absolutization of power, laid down in the reign of Henry IV and are generally aimed at maintaining the Bourbon family under the regency.

Key words: *Marie de Medici, medal art, representation of power, France, XVII century.*

Об авторе:

ЛОЩИЛОВА Татьяна Николаевна

Московский педагогический государственный университет, кафедра истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семенова, кандидат исторических наук, e-mail: tn.loschilova@mpgu.su.

About author:

LOSHCHILOVA Tatiana Nikolaevna

Moscow State Pedagogical University, Department of Ancient History and Middle Ages, Candidate of Historical Sciences, e-mail: tn.loschilova@mpgu.su.

УДК 340.154

ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИР 1648 Г. КАК ОСНОВА ИМПЕРСКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВОПОРЯДКА

М. П. Беляев

Российский университет кооперации, г. Мытищи

В настоящей работе Вестфальский мир рассматривается как основной закон Священной Римской империи и как основа европейского правопорядка. В качестве основного закона он урегулировал отношения имперских чинов между собой и с императором. В международно-правовой сфере этот акт стал фундаментом европейского правопорядка. Все соглашения между европейскими странами вплоть до конца XVIII века основывались на положениях Вестфальских мирных договоров и упоминали их в своих текстах.

Ключевые слова: *Вестфальский мир, Оснабрюкский договор, Мюнстерский договор, правопорядок, Империя.*

Священная Римская империя германской нации или Старая империя до 1648 г. являлась моделью монополярного правопорядка в Европе. При этом она не была государством, а скорее федерацией или конфедерацией полусуверенных территорий. Отношения Империи и территориальных государств Германии следует рассматривать как часть формировавшейся европейской

системы государств. Становление европейской системы государств нужно начинать с конца XV в., т. е. именно с того времени, когда укрепляются государства в Западной Европе, несмотря на то, что в раннее новое время сохранялось много элементов средневековой государственности [1; 2, с. 159].

Вестфальский мир фактически подвел итоги Тридцатилетней войны (1618–1648), изменившей политическую карту европейских государств, которые перешли к новому международному порядку, где право и политика могли быть реальным инструментом улаживания межгосударственных конфликтов. Вестфальский мир оказал огромное влияние на формирование принципов международного права, один из которых – принцип невмешательства во внутренние дела других государств. Сам по себе Вестфальский мир состоит из трех отдельных договоров: Мюнстерский мир, заключенный между Республикой Соединённых провинций и Испанией 30 января 1648 г. и ратифицированный 15 мая 1648 г.; Мюнстерский мирный договор между императором и Францией и ее союзниками; Оснабрюкский мирный договор между императором и Швецией и ее союзниками [3, с. 110–111].

В духе правовой доктрины XVII в. современники рассматривали Вестфальский мир именно как основной (конституционный) закон Священной Римской империи. Имперская конституция представляла собой сумму основных законов и вольностей, регулирующих внутриимперский правопорядок. Такая правовая модель была основана на реалиях того исторического периода. Вестфальский мир стал основой не только нового имперского, но и нового европейского правопорядка. Поэтому действие этого документа закономерно распространялось на сферу международного права сразу же после его подписания. Причем характерно, что международно-правовые предпосылки договора были заложены еще в ходе Вестфальского конгресса. Историк международного права К. Циглер обоснованно отмечает, что Вестфальский мир следует рассматривать «в определенной степени как основной закон... европейского публичного права». В «Словаре международного права» юрист-международник В. Прайзер указывает, что Вестфальский мир был «своего рода европейским основным законом..., который действовал как до Французской революции, так и после нее». Приблизительно в таком же контексте рассматривает эту проблему и профессор Е.-В. Бекенферде, который определяет Оснабрюкский и Мюнстерский договоры как «основной закон европейского международно-правового единства».

Понятие «основной закон» в немецкой правовой теории имеет двойное значение, однако всегда содержит нормы, определяющие основополагающий правопорядок. Это понятие употребляется, как правило, в конституционном праве и очень близко по содержанию понятию «конституция». Поэтому определение Вестфальского мира как основного (конституционного) закона европейского правопорядка исходит как из его имперско-правового, так и из международно-правового содержания. Именно поэтому в § 2 статьи XVII Оснабрюкского договора было закреплено, что «настоящий договор как постоян-

ный конституционный закон Империи, как и все другие законы и основные законы Империи, должен быть непосредственно одобрен следующим решением рейхстага» [2, с. 159, 161–162].

Первый после подписания Вестфальского мира рейхстаг состоялся только в 1654 г., который и подтвердил его значение как «конституционного закона Священной Римской империи». Однако правомерность употребления этого понятия применительно к новому европейскому правопорядку все же вызывает сомнение у некоторых специалистов права в части «возможного выхода этого понятия за рамки его нормативно-правового значения». Вестфальскому миру в связи со становлением международного права и европейского правопорядка придается эпохальное значение. Во взаимосвязи с его конституционно-правовым аспектом можно выделить несколько важных, узловых вопросов. Во-первых, мир был подписан между враждующими с Империей странами, которые имели союзников, как вне её, так и внутри. Мирные договоры осуществляли правовое регулирование как внутренних, так и внешних проблем Империи, и устанавливали правовой порядок во взаимоотношениях европейских государств. Во-вторых, это регулятивная функция Вестфальского мира и эффективность его действия в отношении последующих войн, союзов и мирных договоров [2, с. 163; 5, S. 35]. В-третьих, действенность общих принципов и институтов международного права, которые формировались в течение длительного времени и впервые получили развитие в Оснабрюкском и Мюнстерском договорах.

Проблему установления правового порядка во взаимоотношениях европейских государств целесообразно рассматривать, анализируя позиции сторон договоров. Общеευропейское значение договоров, в частности, заключается в том, что большинство государств, в той или иной форме, стали их участниками. Несмотря на то, что Оснабрюкский и Мюнстерский договоры формально являлись двусторонними, практически почти все государства Европы оказались вовлечены в них. Это вывело Вестфальский мир на уровень общеευропейского правового акта.

Двусторонний характер договоров между императором и Швецией и между императором и Францией получил своё отражение в преамбуле и статье 1 Оснабрюкского, а также в преамбуле и § 1 Мюнстерского договоров. Однако на этом круг участников и их статус в указанных правовых актах далеко не исчерпывается. Как зафиксировано в преамбулах, оба договора подписаны «... в присутствии и с одобрения и согласия курфюрстов, князей и представителей чинов Священной Римской империи во славу Господнюю и на благо христианского мира сошлись мысленно относительно мира и дружбы по нижеследующим пунктам и договорились». В §§ 10 и 11 статьи XVII Оснабрюкского договора фигурируют почти все западноевропейские государства и немецкие субъекты Империи, за исключением Папы Римского и турецкого султана. Это дало возможность юристу-конституционалисту Иоганну Стефану Пюттеру из Геттингена в своей объёмной книге «Дух Вестфальского

мира» (1795) утверждать: «Собрав все эти государства, можно сказать, что почти вся Европа была заинтересована в настоящем правовом акте мира». С юридической точки зрения выбор формулировки «вся Европа была *заинтересована*» не случаен. Он характеризует в определенной мере степень участия перечисленных в договоре сторон. Участников договоров можно разделить на четыре группы: стороны соглашений, имперские чины (как специфическая сторона соглашений), союзники и другие привлеченные государства. Правовой основой для этой классификации являются преамбулы, а также статья 1 Оснабрюкского и § 1 Мюнстерского договоров, определяющие две первые категории участников.

Сторонами в Оснабрюкском договоре являются император и королева Швеции, а в Мюнстерском договоре – император и Христианнейший король Франции. В соответствии с преамбулой этих соглашений полномочные представители указанных коронованных персон «сошлись мысленно относительно мира и дружбы... и договорились». В заключительных статьях подчеркивается, что они подписали настоящие договоры и обещали обеспечить их ратификацию соответствующим образом. С учетом проверенных в установленном порядке полномочий, которые были у всех представителей, они действовали правомерно с точки зрения международного права от имени сторон, их направивших.

К *имперским чинам как специфической стороне договоров* относились курфюрсты, князья и иные имперские чины, включая города Ганзейского союза и свободное имперское рыцарство. Правовой статус имперских чинов на переговорах был достаточно сложным. В текстах Вестфальских договоров они упоминаются как «сторонники», однако их формальные позиции в договорах и во время переговоров разительно отличаются. Уже в самом объединении имперских чинов под названием «союзники и сторонники» в текстах статьи 1 Оснабрюкского и § 1 Мюнстерского договоров можно увидеть некоторые отличия. На стороне шведской королевы и французского короля указываются, соответственно, только союзные с ними имперские чины. На стороне же императора, наравне с Австрийским Домом, выступают все курфюрсты, князья и представители имперских чинов, хотя некоторые из них в ходе Тридцатилетней войны и воевали против него. В этом находит отражение суть Священной Римской империи, в которой имперские чины в силу закона были «союзниками» императора – независимо от реальной ситуации на фронтах войны. Таким образом, имперские чины, участвовавшие в войне, выступали на Вестфальском конгрессе с двояких позиций: как члены Империи и как союзники одной из враждующих сторон.

Единство имперских чинов как членов Империи, несмотря на участие в качестве союзников одной из воюющих сторон, нашло своё отражение в текстах обоих договоров. Так, в преамбулах указывается, что представители императора и королевы Швеции, а также, соответственно, Христианнейшего короля Франции подписали договоры «в присутствии и с одобрения и согла-

сия курфюрстов, князей и представителей чинов Священной Римской империи». Несмотря на это, ни имперские чины, ни их полномочные представители, ни сама Империя в текстах статьи 1 Оснабрюкского и, соответственно, § 1 Мюнстерского договоров не упомянуты в качестве стороны договоров, которыми являются исключительно император и две другие коронованные особы. При более предметном рассмотрении оказывается, что Империя до 1648 г. не заключала собственных договоров с другими государствами. Имперские чины использовали свой опыт взаимодействия при принятии решений на заседаниях рейхстага. Они не только помогали советами полномочным представителям императора, но и участвовали в обсуждении договоров, как через своих представителей, так и лично. Одобрение имперскими чинами проектов соглашений было не только политической, но в первую очередь правовой предпосылкой заключения мира. В той ситуации император уже не решал сам за всю Империю вопросы войны и мира. Это сделало имперские чины непосредственными участниками договорного процесса. Такой взгляд полностью отвечает доктрине современного немецкого права. Согласно абзацу 2 статьи 59 Основного закона (конституции) ФРГ, «договоры, регулирующие политические отношения Федерации и касающиеся предметов федерального законодательства, требуют согласия или содействия соответствующих органов, компетентных в отношении федерального законодательства, в форме федерального закона» [2, с. 164–165, 171–174, 190].

Насколько же сильной была позиция имперских чинов по отношению к императору и Империи в целом? Это становится очевидным на примере последней фазы переговорного процесса, когда имперские чины перехватили инициативу [5, S. 41]. Они вели переговоры по поводу Эльзаса и о защите со стороны Империи некоторых земель Бургундии в условиях продолжения испано-французской войны. При этом представители корон тяготели к обсуждению проблем именно с имперскими чинами, избегая представителей императора. Именно имперские чины отважились в сентябре 1648 г. поддержать французские предложения на переговорах в Мюнстере, согласившись с окончательным вариантом договора о мире с Францией. При этом представитель курфюрста Майнца (а не императора!) парафировал договор 15 сентября 1648 г.

Таким образом, имперские чины, по крайней мере, на заключительном этапе переговоров, заняли достаточно самостоятельную позицию. Именно они привнесли в переговорный процесс те последние политические решения, которых вынужден был придерживаться и император. А это уже нечто более емкое и весомое, чем закрепленная в договорах категория «сторонники». Имперские чины стали ассоциироваться со всем понятием «Империя». Это получило своё отражение и в содержании договоров: Империя как единство императора и других её субъектов.

Всего в переговорах через своих полномочных представителей участвовали 66 имперских чинов. Решением конгресса от 13 октября 1648 г. среди

них была выделена группа в количестве 15 имперских чинов, представители которых непосредственно подписали и обеспечили ратификацию договоров. Их перечень дан в §§ 1 и 12 статьи XVII Оснабрюкского и в § 120 Мюнстерского договоров. При этом, как указывается в этих параграфах, за другими полномочными представителями сохранялось право самостоятельно подписывать и обеспечить дальнейшую ратификацию договоров. Однако сила подписи этих 15 имперских чинов считалась обязательной для других субъектов Империи. В тексте обоих договоров (§§ 69, 72 и 73 Мюнстерского договора, а также в §§ 1, 6 и 7 статьи X Оснабрюкского договора) для урегулирования отдельных проблем и в разном контексте была использована также другая формула партнерских взаимоотношений императора и имперских чинов: «император и Империя». Таким образом, имперские чины могут быть отнесены к категории специфической стороны в Вестфальском мире [2, с. 174–175].

В статье 1 Оснабрюкского и в § 1 Мюнстерского договоров имперские чины упоминаются как *союзники*. О других союзниках в указанных актах говорится по-разному. Союзником императора в Оснабрюкском договоре назван король Испании (по тексту – «католический король»), а союзником Швеции – король Франции (по тексту – «Христианнейший король»). В § 1 Мюнстерского договора среди союзников императора не указан король Испании, в то время как французским союзником названа королева Швеции в контексте, аналогичном статье 1 Оснабрюкского договора. Французская сторона аргументировала свою позицию тем, что не заключает мир с королем Испании, который ещё находился в состоянии войны. Поэтому «католический король» не был упомянут в договоре. Другие союзники в этих статьях не указаны. Названные в §§ 10–11 статьи XVII Оснабрюкского и § 119 Мюнстерского договора короли Англии и Дании на момент подписания Вестфальского мира вряд ли могли быть зачислены в число союзников той или другой стороны. Что же касается французской и шведской корон, то они выступали как союзницы друг друга, соответственно «своему» договору. Император же в обоих договорах в качестве постоянных союзников имел имперские чины, которые в этом качестве не подписывали и не ратифицировали договоры, как не делали этого и стороны относительно «параллельного» договора, хотя и формально все союзники значились партнерами по переговорам, по крайней мере, в Мюнстере. Французская делегация в споре с представителями императора добилась, чтобы право на участие в переговорах было распространено на их «союзников и сторонников» [2, с. 176; 5, S. 38–39]. Прежде всего, под ними понимались союзные имперские чины, которые таким образом оказались втянуты в переговорный процесс.

Представители французской и шведской корон вели переговоры в разных городах. Хотя они и согласовывали свои позиции друг с другом, однако прибегали к этому в наиболее сложных и ответственных ситуациях. Для этого не подходили ни пленарные заседания, ни трех- или четырехсторонние встречи. Французские и шведские представители влияли на переговорный процесс

через своих партнеров опосредствованно, в том числе через тех из них, кто участвовал в переговорах по «параллельным» договорам, чтобы по их наиболее существенным пунктам добиться если не одинакового, то хотя бы идентичного содержания. Но даже там, где части договора касались только одного из союзников, как, например, удовлетворение требований шведской или французской короны, согласование позиций было необходимо.

В §§ 10–11 статьи XVII Оснабрюкского договора перечислены отдельно от союзников *другие привлеченные к договору государства*. Они образуют три определенные группы:

- 1) государства, названные одновременно от императора и Швеции;
- 2) государства, указанные на стороне только императора;
- 3) государства, указанные на стороне Швеции.

На стороне императора договор называет монархов Англии, Польши и Дании, князя Трансильвании, Венецию и швейцарские кантоны. Кроме того, на стороне императора среди имперских чинов указаны герцоги Савойи и Лотарингии, а также все князья и города-республики Италии. Шведская сторона называет короля Португалии и Великого князя Московского. В свою очередь в Мюнстерском договоре (§ 119), кроме Венеции, которая выступала как посредница, другие державы не упоминаются. Представители этих «привлеченных» держав, как правило, не принимали участия в работе Вестфальского конгресса. Как исключение, можно назвать только посланника португальского короля, который находился в Мюнстере практически до подписания договора, однако не был возведен в ранг полномочного представителя короны и потому не мог прямо влиять на переговорный процесс. Представитель Базеля И. Р. Ветштайн, участвовавший в работе конгресса, решал главным образом проблемы только своего швейцарского кантона и к моменту подписания договоров его уже покинул, хотя права Швейцарии юридически были непосредственно затронуты статьёй VI Оснабрюкского договора. Что же касается Нидерландов, то в Оснабрюкском и Мюнстерском договорах нет норм, взаимосвязанных с нидерландско-испанским миром, подписанным 30 января 1648 г.

Многие привлеченные к Вестфальскому миру государства сохраняли, по состоянию на период подписания договоров, нейтралитет по отношению к воюющим сторонам. В частности, Г. Гроций подчеркивал, что «обязанность тех, кто держится в стороне от войны, заключается в сдерживании от содействия тому, кто ведет несправедливую войну, или тому, кто препятствует движению того, кто ведет справедливую войну...».

Таким образом, эти государства Европы не подписывали и, естественно, не ратифицировали Вестфальские мирные договоры. Однако то, что в договорах зафиксировано участие наиболее заметных и влиятельных государств Европы, добавило им действительно «европейского» звучания, не говоря уже об их международно-правовом значении как основы созданного европейского правопорядка [2, с. 177–180].

Как известно, начиная с XVI в. при подписании Габсбургами международных актов появился обычай привлекать монархов третьих стран как своеобразных «свидетелей» договоров о мире. При этом такие «свидетели» в договорах были очень разные: Папа Римский, короли, князья и республики, а также имперские чины или даже отдельные светские или духовные персоны. Указанный обычай нашел отражение и при подготовке Вестфальского мира. Здесь, вероятно, проявилось стремление сторон придать миру универсальный общеевропейский характер. В качестве таких «свидетелей» в Оснабрюкском и Мюнстерском договорах указаны те иностранные державы, которые к моменту подписания актов не принимали участия в войне. Причины привлечения их к переговорам, чтобы «засвидетельствовать» заключение мира, неясны [2, с. 178; 5, с. 45–46].

Оснабрюкский и Мюнстерский договоры стали эффективным регулятором международных отношений не только в период после окончания Тридцатилетней войны, но и составляли основу нового правопорядка в Европе вплоть до начала XIX в. По формуле, заложенной в статье 1 Оснабрюкского и § 1 Мюнстерского договоров, мир этот должен был стать *христианским, всеобъемлющим, вечным и длительным, связанным с истинной и искренней дружбой*. Такой мир стороны хотели установить как во взаимоотношениях между сторонами договора, так и между их союзниками и сторонниками. Мир подвел итог состоянию войны и прекратил военные действия. Он наступил сразу же после подписания договоров полномочными представителями и скрепления их печатями. Этим завершилось господство права войны и вступило в действие право мира. При этом ратификация договоров считалась не обязательной. Положение, сложившееся сразу после подписания договоров, расценивалось как естественное перемирие. Все другие условия, которые содержались в договорах, должны были немедленно выполняться, что было обычной практикой, свойственной международным отношениям той поры.

Если говорить обо всех участниках Тридцатилетней войны, которые вели военные действия в период с 1618 по 1648 гг., то перемирие или мир Вестфальские договоры установили далеко не со всеми странами. Ещё в период войны императором были заключены отдельные мирные договоры с Данией (22.05.1629), с князем Трансильвании (16.12.1645). 13 августа 1645 г. был заключён мирный договор между Швецией и Данией. Поэтому в первую очередь Вестфальские соглашения стали миром для самой Империи, хотя и не для всей. В частности, в соответствии с § 3 Мюнстерского договора мир для Бургундского имперского округа наступит только после окончания испано-французского военного противостояния. Аналогичная оговорка, но уже в § 4 этого договора, содержится в отношении урегулирования спора по Лотарингии. К моменту подписания Вестфальского мира отдельные части Италии, например, Савойя, ещё находились в состоянии войны.

Таким образом, Оснабрюкский и Мюнстерский договоры установили, с одной стороны, состояние мира непосредственно между участниками догово-

ров, а с другой, способствовали окончанию военных действий между другими субъектами международного права. На это указывалось в статье 1 Оснабрюкского и § 1 Мюнстерского договоров: «... этот мир должен быть честно и неуклонно соблюден и сохранен...». То есть Вестфальские договоры, касаясь разных групп участников договора, не только устанавливали состояние мира как такового, но и через регулирование отношений между этими группами создали предпосылки, позволившие закончить войну.

Содержание актов Вестфальского мира убедительно показывает, что его нормы были направлены в первую очередь на урегулирование отношений внутри Империи. Договоры были нацелены, с одной стороны, на создание внутреннего правового и религиозного порядка, а с другой стороны, на определение места и положения императора и Империи в целом в сформированной европейской системе государств, то есть имели признаки и международно-правовых актов. Под урегулированием внутриимперских проблем имеются в виду вопросы реституции, прав императора и имперских чинов, установления религиозного мира между различными конфессиями и т. д., которые служат идее обеспечения мира, определенного в текстах § 4 статьи XVII Оснабрюкского или в §§ 114 и 118 Мюнстерского договоров как «всеобщий мир». В этой части нормы договоров задевают непосредственно только права императора и имперских чинов, не касаясь каких-либо других третьих лиц, для которых из этих норм не возникают ни права, ни обязанности [2, с. 179–182].

Именно преодолению религиозных противоречий, являвшихся камнем преткновения общественного, экономического и политического развития Европы, был призван служить Вестфальский мир. Он официально признал свободу вероисповедания для католиков, живущих в протестантских землях, и наоборот. Теперь людям разрешалось молиться в своих домах, посещать религиозные службы и воспитывать детей в соответствии с личными убеждениями. Инакомыслящие не должны были «исключаться из гильдии купцов, ремесленников или компаний, лишаться права преемственности, наследования, доступа к общественным больницам, инфекционным лечебницам, домам престарелых (богадельням), а также других прав и привилегий». Более того, Вестфальский мир поощрял равноправие между католиками и протестантами в различных учреждениях Империи. Только после заключения мира католическая церковь прекратила свою агрессивную контрреформаторскую деятельность. Верность императору протестантских чинов не могла теперь подвергаться сомнению только из-за их вероисповедания. У «имперского патриотизма» как в евангелической, так и в католической Германии после Вестфальского мира появилась правовая основа [3, с. 111–112].

Вестфальский мир заложил основу для взаимодействия имперских чинов и императора, которое оставалось практически неизменным до конца Старой Империи. Но в этих рамках вскоре произошли сдвиги, о которых отцы Вестфальского мира не предполагали. Это повышение престижа и авторитета Им-

перии с 1670-х гг., что не только успешно возродило старые отношения, но и выдвинуло ряд вопросов, оставшихся без ответа в 1648 г. (порядок деятельности имперского придворного совета, выборы римского короля при живущем императоре). Дипломаты 1648 г. придерживались других взглядов на отношения между императором и имперскими чинами, чем это оказалось в XVIII в. [4, s. 542–543]

Оснабрюкский и Мюнстерский договоры как международно-правовые акты наделяют стороны правами требовать сохранения их условий, в первую очередь мира, нарушение которого считается недопустимым. Такая формула, содержащаяся в текстах договоров, заимствована из общего международного права. Еще Гуго Гроций указывал на исключительные обстоятельства нарушения мира: «Мир разрывается деянием, которое противоречит тому, что предусматривается в мирном договоре. Под таким деянием понимают также и неосуществление надлежащего действия в должное время». Поэтому в §§ 4–6 статьи XVII Оснабрюкского и соответствующих им §§ 114–116 Мюнстерского договоров содержатся нормы, направленные исключительно на гарантии соблюдения договоренностей. Опираясь на § 5 Мюнстерского договора, все союзники и привлеченные государства могли дополнительно заключать между собой договоры о мире, например, договор между Нидерландами и Швецией 1681 г., который, в частности, подтверждал действие Вестфальского мира 1648 г. [5, s. 52].

Оба мирных договора готовились параллельно и во многом согласовались авторами, работавшими в Оснабрюке и Мюнстере. Это касается определения амнистии (статья 11 Оснабрюкского и § 2 Мюнстерского договоров), договоренности об окончании военных действий (§ 1 статьи XVI и, соответственно, § 98), гарантий (§§ 4–6 статьи XVII и §§ 114–116), примата силы мирного договора (§ 3 статьи XVII и § 113), условий ратификации договоров (§ 1 статьи XVII и § 111) и порядка их подписания (§ 12 статьи XVII и § 120). Во всем другом содержание обоих договоров имеет несущественные текстовые расхождения. Следует учитывать, что Оснабрюкский договор регулирует отношения со Швецией, поэтому его содержание касается в первую очередь Померании, Бремена и Вердена. Мюнстерский же договор определяет территориальные права для Франции, но при условии соблюдения нейтралитета Империи и её субъектов (имеется в виду Бургундский округ, Лотарингия, Савойя, Мантуя и некоторые другие земли) до завершения испано-французской войны, которая длилась в период подписания договора. Однако эти проблемы задевали интересы непосредственных участников договора и их союзников, для которых он имел правовые последствия.

Без сомнения, в Вестфальском мире были заинтересованы, так или иначе, и другие европейские государства, например, король Англии – в благоприятном решении проблем своего родственника в пфальцском деле, короля Дании задевали последствия территориального урегулирования на побережье Северного и Балтийского морей в пользу северной соперницы – королевы

Швеции и т. п. Договор получил неоднозначную оценку субъектов международного права и вызвал возражения против такого мирного урегулирования. Самые известные из них – это протест Папы Римского против Вестфальского мира, или протест имперского округа Бургундия против его исключения из числа участников договора. С точки зрения международно-правового обычая той поры протест не следует рассматривать как что-то экстраординарное, что может существенно повлиять на процесс реализации международного договора. Это именно та обычная практика, на которую обращал внимание великий современник Тридцатилетней войны Г. Гроций, подчеркивая, что «когда кто-нибудь преднамеренно в присутствии других не отрицает чего-либо, то есть основание допускать его согласие». Вестфальский мир создал формулу, предотвращавшую возможные препятствия реализации международных договоров (§ 3 статьи XVII Оснабрюкского договора), например, из-за возможных протестов со стороны Папского престола против преимуществ в пользу евангелических имперских чинов [2, с. 183–185, 190].

Привлечение к участию в Оснабрюкском и Мюнстерском договорах субъектов международного права, статус которых был еще недостаточно стабильным, означало их признание равноправными членами системы европейских государств. Включение их в текст договора одной из сторон вызывало необходимость согласия с этим предложением другой стороны. Например, для Великого князя Московского такое включение в текст Вестфальского мира было важно еще и тем, что косвенно европейские государства признавали его договор со Швецией (заключен в Столбово 27 февраля 1617 г.) и договор с Польшей (заключен в Деулино 3 января 1619 г.). Это позволило после подведения основных итогов Тридцатилетней войны новому русскому царю Алексею Михайловичу возобновить в 1654 г. дипломатические отношения с императором Фердинандом III (с 1617 г. Москва не поддерживала отношения со Священной Римской империей). Тем самым, Россия опять активно включилась в международные связи. До этого 37 лет она влияла на европейские события лишь опосредствованно (через Данию, Швецию и т. п.). Это стало важным международно-правовым последствием для Московского государства. При этом следует обратить внимание на то, что титул «царь» у Великого князя Московского на тот период в Европе еще не был признан. Некоторые историки права уверенно поддерживают устоявшееся в немецкой литературе мнение, что «Великий князь Московский стоял далеко в стороне от того, что происходило» [2, с. 185–186; 5, с. 46].

Следовательно, Вестфальский мир 1648 г. не надо трактовать как «основной закон» для Европы. Такой *lex fundamentalis* Оснабрюкский и Мюнстерский договоры имеют лишь для самой Империи. На это обращают внимание и некоторые немецкие исследователи права. Особенный же характер этих договоров усматривается в нормативно-правовом действии Вестфальского мира после его заключения. Имеются в виду его предписания, созданная им основа и условия для заключения последующих международно-

правовых актов в Европе вплоть до конца XVIII в. Влияние на европейский правопорядок принципов, заложенных в Оснабрюкском и Мюнстерском договорах, проявляется на трех уровнях:

1) обеспечение действия и соблюдения конкретного механизма правового регулирования;

2) возобновление и подтверждение принципов и идей Вестфальского мира в дальнейших мирных договорах;

3) ссылка, которая вошла впоследствии в практику международных отношений, на обобщающее понятие «Вестфальский мир», а не на конкретные договоры его составляющие [2, с. 186].

Вторая половина XVII в. отмечена формированием новой доктрины международного права, выразившейся в проведении конгрессов с целью решения спорных вопросов, возникших в результате войн. Международное право делало отношения между государствами более легитимными и регулярными, а также создавало прецеденты и накапливало опыт решения спорных проблем [1].

Если рассматривать систему международных договоров второй половины XVII – XVIII вв., то их участники в последних разделах постоянно ссылаются на Вестфальский мир. В этих довольно стереотипных ссылках говорится о том, что договоры 1648 г. в полном объеме должны оставаться в силе и основой сосуществования государств, быть фундаментом взаимной дружбы и спокойствия. Такие упоминания встречаются, начиная с Пиренейского мира и заканчивая Тешенским миром 1779 г. Только в революционную и наполеоновскую эпоху европейские державы полностью и окончательно воздержались от практики обращения к Мюнстерскому и Оснабрюкскому мирным договорам. Эти международно-правовые документы были почти канонизированы на протяжении более столетия. Их широко хвалили крупные философские умы XVIII в. и юристы-международники. Например, Руссо признавал Вестфальские договоры «основой политической системы» европейского мира. И. Ш. Пюттер писал в своей книге «Дух Вестфальского мира»: «Содержание мира по-прежнему настолько всеобъемлющее, и для всех обстоятельств, в которых его можно использовать, оно настолько мало исчерпано, что каждое усердие, которое целесообразно затрачено на него, не должно быть объявлено бесполезным» [4, с. 530–532].

Что касается обеспечения проведения и соблюдения конкретного регулятивного механизма, то следует отметить, что непосредственно после 24 октября 1648 г. были заключены ряд договоров между различными участниками Вестфальского конгресса. Например, договор от 24 марта 1651 г. между курфюрстом Кёльна (как епископа Хильдесхайма) и евангелическими чинами, а также договор между Швецией и курфюрстом Бранденбурга, заключенный 4 мая 1653 г., и ряд других. Но важнейшими в этом перечне признаны Нюрнбергское соглашение от 26 июня 1650 г. между Священной Римской империей и Швецией, а также договор от 2 июля 1650 г. между императором и фран-

цузским королем. Именно они существенно дополнили механизм реализации мирных договоренностей по завершении Тридцатилетней войны.

В дальнейшем существенное значение в данном направлении имели союзные договоры: между курфюрстами Кёльна, Трира и Баварии и епископом Мюнстера от 15 декабря 1654 г., между курфюрстами Майнца, Трира и Кёльна, епископом Мюнстера и пфальцграфом Нейбурга от 11 августа 1655 г., о создании Первого рейнского союза от 14 августа 1658 г. между курфюрстами Майнца, Трира и Кёльна, епископом Мюнстера, пфальцграфом Нейбурга, шведским королем, который выступал как герцог Бремена, герцогом Брауншвейг-Люнебурга и ландграфом Гессен-Касселя. Характерно, что в них есть ссылка на обязательства участников Оснабрюкского и Мюнстерского договоров и определялись задачи защиты и претворения в жизнь идей Вестфальского мира. Однако имели место и договоры несколько иного типа. Так, Швеция, используя земли Померании, отошедшие к ней по условиям Вестфальского мира, заключила ряд договоров с имперскими чинами. Этими соглашениями создавался союз против Польши, т. е. они были ориентированы вовне Империи. Таким был, например, союзный договор шведского короля с курфюрстом Бранденбурга, подписанный 15 июля 1656 г. В его тексте условия Вестфальского мира трактовались сторонами как ограничительные правовые рамки антипольского альянса [2, с. 187; 5, s. 56–57].

Подтверждение идей и принципов Вестфальского мира можно найти в более поздних договорах участников конгресса, например, в Пиренейском мире 1659 г., заключённом испанским и французским монархами. В нем упоминается Мюнстерский договор в связи с отказом испанского короля от прав на Эльзас. Что же касается короля Франции, то по сложившейся с Вестфальского мира традиции к договору с его стороны были привлечены участники Первого Рейнского союза. Более существенно было то, что это испано-французское соглашение на основании § 3 Мюнстерского договора принесло мир Бургундскому имперскому округу. Другим примером может служить Оливский мир, заключенный между шведским и польским королями в 1660 г. В нем упоминается Оснабрюкский договор при формулировке условий самого Оливского мира [2, с. 188–189; 5, s. 59].

Постоянные ссылки на Вестфальский мир в международно-правовых документах конца XVII–XVIII вв. не могут скрыть тот факт, что не позднее 1670-х гг. произошли радикальные изменения. Франция продолжала действовать с одной стороны как гарант мирного порядка, а, с другой стороны, она угрожала этому порядку, проводя аннексии вопреки всем законам, расширяя свою территорию и навязывая свою волю остальной Европе. В своих двусторонних договорах с имперскими чинами Франция объявляла любую поддержку своих противников со стороны Империи или отдельных князей нарушением порядка, установленного Вестфальским миром. Борьба против «универсальной монархии» Бурбонов всё чаще становилась новым политическим ориентиром.

Примерно с 1700 г. создаётся новая «идеологическая» основа сосуществования государств в Европе в виде концепции «баланса сил». Эту формулу можно было использовать как для поддержания мира, так и для прекращения войны. Из-за своей относительной неопределенности она быстро превратилась в реальный фактор соблюдения установленного порядка, чтобы положить конец постоянным войнам и предотвратить образование сверхдержав в Европе. Идея баланса сил была основана не на праве, а на силе. После её практической проверки она получила правовое закрепление и была перенесена в международное право. Переход к идее равновесия как легитимной основы всей международной политики, конечно, имел и побочный эффект. Империя в целом все больше и больше оттеснялась на периферию политики. Если в 1648 г. на Империю была возложена функция ядра европейского мирного порядка, то с тех пор она была больше объектом концерта великих держав, которые чувствовали себя ответственными за баланс сил. Европейские страны продолжали ссылаться на Вестфальский мир как на первый документ международного права на континенте в период раннего Нового времени. Франция также извлекла из него для себя пользу, обосновывая притязания на контроль над Центральной Европой и другими странами и вмешиваясь в случае фактических или предполагаемых нарушений договора [4, s. 535–537, 539–541].

Одним из последних соглашений, где есть прямые ссылки на Вестфальский мир, был Раштатский мирный договор, заключенный 6 марта 1714 г. между французским королем и Фридрихом I Прусским, с одной стороны, и императором и Империей, с другой. Раштатский мир входит в число восьми договоров, урегулировавших непрекращавшиеся наследственные претензии к испанской короне, которые привели к военным столкновениям разной продолжительности в период с 1678 по 1713 гг. В более поздних международных договорах прямых ссылок на Вестфальский мир уже не встречается, они существенно изменены как по форме, так и по содержанию. К ним относятся договоры Франции, урегулировавшие проблемы границ с соседними имперскими княжествами, например, с Нассау-Саарбрюкеном от 15 февраля 1766 г. или с Нассау-Вайльбургом от 24 января 1776 г. и др. В договорах о дружбе и союзных договорах конца XVIII в. Вестфальский мир упоминается приблизительно в таком контексте, как в Союзном договоре имперских князей, заключенном 23 июля 1785 г. В преамбуле договора указывается, что он заключен для «сохранения действия и укрепления немецкой имперской системы после Вестфальского и других объединительных имперских мирных соглашений» [5, s. 61–63].

Для международных договоров, заключенных до 1714 г. (Раштатский мир), характерно толкование Вестфальского мира как «фундамента», «основы» или «нормы» для всех дальнейших мирных договоров между государствами, имперскими чинами и другими субъектами международного права. До конца XVIII в. восприятие Вестфальского мира несколько меняется. Он

становится уже частью общего правопорядка и миропорядка в Европе, однако оценивается как начальный пункт правового регулирования международных отношений. Новое право как бы накладывалось на старое. Постепенно новые правовые принципы брали верх над отжившими, даже вопреки сопротивлению последних [2, с. 189–190].

Вестфальский мир 1648 г. во многом изменил международную ситуацию в Европе, создав новое соотношение сил и внося международно-правовую основу в систему международных отношений, и определил государственно-политический профиль Европы нового времени. Старая империя с утверждением Вестфальской системы теряла свое значение члена европейской системы государств, поскольку государством не являлась, а членами системы великих держав становились Австрия и Пруссия, являвшиеся в то же время членами имперской государственно-политической системы [1].

Литература

1. *Ивонин Ю. Е.* Священная Римская империя и формирование европейской системы государств // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Выпуск 3 (11). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru//s207987840000381-8-1> (дата обращения: 01.07.2014).

2. История международного права / под ред. А. И. Дмитриева, У. Э. Батлера. Изд. 2-е, доп. и перераб. Одесса: Фенікс, 2013.

3. *Сафонов В. Е.* Вестфальский трактат 1648 года и его влияние на формирование принципов международного права // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2. С. 110–117.

4. *Duchhardt H.* Westfälischer Friede und internationales system im Ancien Régime // Historische Zeitschrift. 1989. №. 3. S. 529–543.

5. *Steiger H.* Der Westfälische Frieden – Grundgesetz für Europa? // Der Westfälische Friede. Diplomatie, politische Zäsur, kulturelles Umfeld, Rezeptionsgeschichte / Hrsg. H. Duchhardt. München: R. Oldenbourg, 1998. S. 33–80.

PEACE OF WESTPHALIA 1648 AS THE BASIS OF THE IMPERIAL AND EUROPEAN LAW ORDER

M. P. Belyaev

Russian University of Cooperation, Mytishchi

In this work, the Peace of Westphalia is considered as the basic law of the Holy Roman Empire and as the basis of the European legal order. As a basic law, he regulated the relations of the imperial ranks between themselves and with the emperor. In the international legal sphere, this act became the foundation of the European law. All agreements between European countries up to the end of the 18th

century were based on the provisions of the Westphalian Peace Treaties and referred to them in their texts.

Keywords: *Peace of Westphalia, Treaty of Osnabrück, Treaty of Münster, rule of law, Empire.*

Об авторе:

БЕЛЯЕВ Михаил Петрович

Российский университет кооперации, кафедра юриспруденции, кандидат исторических наук, e-mail: babek-han@mail.ru.

About author:

BELYAEV Mikhail Petrovich

Russian University of Cooperation, Department of Law, Candidate of Historical Sciences, e-mail: babek-han@mail.ru.

УДК 94(450).07 + 94(47)

ГРАН-ТУР КАК ВОЗМОЖНОСТЬ СДЕЛАТЬ ПОЛИТИЧЕСКУЮ КАРЬЕРУ: СЛУЧАЙ ФРАНЧЕСКО АЛЬГАРОТТИ

М. В. Третьякова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В статье рассматривается феномен Гран-тура как особого периода в жизни представителей благородных и состоятельных сословий Западной Европы. В центре внимания автора статьи находится биография Франческо Альгаротти, который попытался сделать политическую карьеру, осуществляя свое «большое турне» во Францию, Англию, России и Пруссию.

Ключевые слова: *Гран-тур, Венеция, Россия, Пруссия, XVIII век, Франческо Альгаротти.*

Частью образа жизни отпрысков аристократии и состоятельных буржуа в XVIII–XIX вв. был Гран-тур (Grand Tour – «большое путешествие») – обязательные поездки в образовательных (и не только) целях во Францию, Германию/Центральную Европу, Италию, Испанию, изредка Португалию и Святые места. Хотя маршрут Гран-тура мог быть и таким – Париж, Рим, Венеция, Флоренция и Неаполь [16, р. 24].

По словам А. В. Павловской, «так называемое Большое Турне (*The Grand Tour*) начало завоевывать популярность в Англии [9] еще в середине XVI ве-

ка, хотя сам термин впервые появился в литературе только сто лет спустя в книге Ричарда Ласселса «Путешествие в Италию» [6]. Ричард Ласселс (1603–1668), католический священник, написал книгу «The Voyage of Italy, or a Compleat Journey through Italy», которая издана была в Париже в 1670 году. В ней он утверждал, что любой по-настоящему серьезный студент, изучающий архитектуру, античность и искусство, должен путешествовать по Франции и Италии, и предложил всем «молодым лордам» совершить то, что он назвал Grand Tour, чтобы понять политические, социальные и экономические действительности мира.

Чаще всего в такие поездки отправлялись молодые люди. Господа более зрелого возраста и дамы выезжали в Гран-тур значительно реже. Русские путешественники предпочитали через Германию и Швейцарию посещать Париж и Лондон. Италия же всегда была в обязательной программе этих поездок. Ибо, по словам английского ученого и общественного деятеля Сэмюэля Джонсона (1709–1784), «...человек, никогда не бывавший в Италии, всегда испытывает чувство неполноценности, оттого, что он не видел то, что должен увидеть каждый» [6].

Путешественники, отправлявшиеся в Гран-тур, могли преследовать различные цели в своих поездках. В первую очередь это знакомство и изучение памятников архитектуры, шедевров живописи и скульптуры. Это было связано с посещением известных в этом отношении европейских городов. Кроме того, можно было посещать и живописные местности. Во время этих поездок, особенно если речь шла о представителях аристократии, можно было испросить аудиенцию для представления при иноземных правящих дворах, чтобы приобрести полезные связи в высшем свете. Еще одной целью Гран-тура являлась возможность совершенствования знаний иностранных языков, светских манер. Эти же поездки можно было расценивать как показатель упрочения социального статуса и престижа. Была еще одна причина таких поездок, о которой открыто не говорилось, но подразумевалось – возможность приобрести молодыми людьми определенный сексуальный опыт.

Одной из целей путешественников почтенного возраста могло стать и посещение курортов для укрепления здоровья. В это время стало модным ездить «на воды», посещая грязевые и бальнеологические курорты: Карловы Вары, Баден-Баден и etc.

Кроме того, «большое турне» привлекало коллекционеров произведений искусства, стремившихся приобрести произведение какого-нибудь итальянского художника. Так пополнялись многие частные коллекции Великобритании и других стран.

Хрестоматийным является пример Джонатана Ричардсона (1667–1745), который вместе со своим сыном, тоже Джонатаном Ричардсоном (1694–1771), ездил в Италию в 1721 г., а на следующий год, в 1722 г. издал «Сообщение о некоторых статуях, барельефах, рисунках и картинах в Италии» (An Account of Some of the Statues, Bas-Reliefs, Drawings, and Pictures in Italy, 1722), факти-

чески написав своего рода путеводитель для тех, кто собирался отправиться в «большое турне» и коллекционировал произведения искусства.

Одним из первых, кто предпринял подобный Гран-тур, был Мишель Монтень (1533–1592), совершивший в 1580–1581 годах путешествие по Италии. Со второй половине XVII можно говорить о том, что путешествия в духе гран-тура стали массовым явлением. Такие поездки в моду ввела английская аристократия, отправляя младших представителей семейств на несколько лет в путешествие на материк. Затем эта мода на путешествия охватила и континентальную Европу. Впоследствии отправляться в путешествия стали и представители буржуазии.

Конец Гран-тура как массового явления относится к концу XVIII – началу XIX в. По мнению А. В. Павловской, «Окончание эпохи Большого Турне в середине XIX века чаще всего связывают с тремя событиями в мировой истории. Во-первых, это развитие средств транспорта, ... сделавшее Европу доступной для многих и лишившее Турне его грандиозности и сложности и, как следствие, – престижности и элитарности. Во-вторых, появление путеводителей: в 1836 году английский издатель Джон Мюррей выпустил свой первый путеводитель – по Голландии, ... с 1839 г. издатель из Кобленца Карл Бедекер начал публиковать свою серию путеводителей по Европе, а потом и по миру. ... В-третьих, основание – туристического агентства – Thomas Cook/Thomas Cook Group – компании Томасом Куком (1808–1892)» [6]. На смену Гран-турам пришли чисто образовательные поездки [7, с. 57], имевшие некоторые схожие, но более ограниченные цели и проводимые скромнее.

В таких «больших турне» побывали Джон Мильтон, Жан-Жак Руссо, Екатерина Дашкова, Вольфганг Амадей Моцарт, Иоганн Вольфганг Гете, Хорас Уолпол, Томас Грей, Лоренс Стерн и даже в 1781–1782 гг. великий князь Павел Петрович, будущий Павел I, с супругой Марией Федоровной. Многие из них оставили свои путевые заметки – например, Мишель Монтень [5]. Интересно его объяснение причины, по которой он предпринимал путешествия: «Обычно я отвечаю тем, кто спрашивает меня о причине моих путешествий, что я отлично знаю, от чего бегу, но не знаю, чего ищу» («Опыты», III, 9) [8, с. 207].

С европейцами, которые жили за Альпами, и отправлялись в путешествия в Италию, понятно. Они совершали Гран-тур в традиционном его понимании. Как быть тем, кто родился в одном из итальянских государств и мечтал сделать карьеру на политическом или на интеллектуальном поприще? Ответ, видимо, был один. Нужно посетить итальянские города, которые имеют славу очагов образованности, и страны Западной Европы, обладавшие такими же характеристиками. Так и поступил Франческо Альгаротти (1712–1764) [16, р. 2] – представитель итальянского Просвещения, венецианский полимат, философ, поэт, эссеист, англофил, художественный критик и лекционер.

О графе Франческо Альгаротти известно, что он родился в семье богатого торговца, жившего в Венеции. Его предки были родом из Падуи [16, р. 54]. Его отец и дядя занимались коллекционированием художественных произведений. Этим позже стал заниматься и старший брат Бономо. Франческо Альгаротти же решил стать писателем. Первоначальное образование он получил в Венеции, затем продолжил образование в 1732–1734 гг. в Падуе, Флоренции, Риме, Болонье, изучая астрономию, физику, оптику, математику, древние языки [4, с. 202]. После того, как счел, что образование его в Италии завершено, он решил отправиться в те страны [16, р. 24], которые на тот момент времени считались эталоном образования. Это были Франция и Англия. Во Франции Франческо Альгаротти пробыл с 1734 по 1736 год, и в основном жил в Париже. Здесь он себя зарекомендовал как прекрасный собеседник, обладающий эрудицией и прекрасными манерами. Не последнюю роль сыграла и его приятная внешность. Во всяком случае, в этой поездке ему удалось снискать расположение Вольтера.

В марте 1736 г. Франческо Альгаротти перебрался в Англию [16, р. 125]. Первый раз он здесь провел полгода. Занимался тем, что совершенствовал свой английский язык и завязывал полезные знакомства среди представителей высшего света и не только. Среди знакомых – очень близких и не очень близких – были Джон Харви, 2-й барон Харви, леди Мэри Уортли-Монтегю, Филип Дормер Стэнхоуп, 4-й граф Честерфилд, Томас Грей. Франческо Альгаротти с Джоном Харви и леди Мэри Уортли-Монтегю связывали близкие отношения. В Англии Альгаротти по рекомендации Вольтера был принят в Лондонское Королевское общество, а затем был принят и в общество антиквариетов [16, р. 130].

После Англии Альгаротти вернулся в Италию, побывав в Венеции, Болонье, Милане, в этих городах он работал над завершением своей работы, которая принесла ему известность как ученому/популяризатору науки и писателю – *Neutonianismo per le dame* (Ньютонизм для дам, или Диалоги о цвете и свете). Завершена она была 1737 г. После этого он снова оказался во Франции, а затем перебрался в Англию. С 1736 г. Франческо Альгаротти был знаком с Антиохом Дмитриевичем Кантемиром (1708–1744), который в 1732–1738 гг. пребывал в Лондоне на дипломатической службе. А. Д. Кантемир перевел на русский язык «Ньютонизм для дам» [4, с. 208–211], но перевод до нас не дошел.

Во многом, видимо, знакомство с А. Д. Кантемиром, пробудив интерес у Франческо Альгаротти к России, и, вероятно, некую надежду на что, ему удастся найти покровителей в лице русских монархов/при русском дворе, привело к тому, что в мае 1739 г. Альгаротти оказался на корабле своего друга и друга А. Д. Кантемира лорда Чарльза Калверта Балтимора (1699–1751). Лорд Балтимор, 5-й барон Балтимор возглавлял официальную делегацию Великобритании, которая направлялась в Санкт-Петербург на церемонию бракосочетания Анны Леопольдовны Мекленбургской с Антоном Ульрихом

Брауншвейг-Вольфенбюттельским. Лорд Балтимор должен был представлять английского короля Георга II на свадьбе, которая состоялась 3 июля 1739 года [4, с. 227].

Несколько месяцев лета 1739 г. Альгаротти пробыл в России, в основном, конечно же, в Санкт-Петербурге. Свои впечатления о России он изложил в «Путешествии в Россию», 1760 г. [13, р. 27–182; 3, с. 5–178]. Кроме того, на российскую тематику им были написаны «Ода Ее Величеству Анне Иоанновне Императрице Всея Руси», 1739 г. [10, р. 228–230; 1, с. 179–182] и «Очерк российской истории в медалях», 1764 г. [12, р. 21–25; 2, с. 192–197]. Хотя Франческо Альгаротти был оказан пышный прием в российской столице, но найти свое место при дворе Анны Иоанновны не случилось – даже «Ода» не помогла.

После Санкт-Петербурга английская делегация внесла изменения в свой обратный маршрут в Англию. Они отправились в Данциг, затем Гамбург, а потом в Дрезден, Лейпциг, Берлин, Потсдам и Райнсберг [16, р. 49, 213]. В Райнсберге они встретились с кронпринцем Фридрихом Прусским и уже после, вернувшись в Гамбург, отбыли в Англию.

Посещение Фридриха Прусского в Райнсберге сыграло свою роль в дальнейшей судьбе и карьере Альгаротти. После возвращения в Англию в 1739 году он на следующий год вернулся ко двору Фридриха Прусского (1712–1786), который в 1740 году стал королем Пруссии. На коронации, проходившей в Кенигсберге, присутствовал и Франческо Альгаротти. Полагают, что Фридриха II и Франческо Альгаротти связывали близкие отношения.

В период с 1741 по февраль 1753 год Альгаротти жил то в Дрездене, то в Потсдаме, то в Берлине, совершая периодически поездки в Италию.

За время службы Фридриху II Франческо Альгаротти и его брат Бономо получили титул графа Пруссии, в 1747 году Франческо Альгаротти получил должность камергера при дворе короля Пруссии. В этом же, 1747 г., Франческо Альгаротти стал кавалером ордена *Pour le Mérite* («За заслуги»). Этот орден был учрежден Фридрихом II 31 мая 1740 г. и оставался высшей военной наградой Пруссии до конца Первой мировой войны. Орден имел неофициальное название «Голубой Макс» (*Blauer Max*). Награда носила французское название, поскольку на французском чаще всего разговаривали при прусском дворе того времени. Вначале этот орден вручался и за военные, и за гражданские заслуги, но чаще всего его вручали людям военным. Лишь трое сугубо гражданских лиц в XVIII веке были удостоены этой награды: Пьер Луи Мопертюи (1698–1759) (награжден 10 апреля 1747 г.) [15, s. 35], Франческо Альгаротти (награжден 2 мая 1747 г.) [15, s. 36] и Вольтер (награжден 25 сентября 1750 г.) [15, s. 42–43].

В течение 1741 г. Франческо Альгаротти регулярно сопровождал Фридриха II в его поездках. Кроме того, Франческо Альгаротти выполнял и дипломатические поручения Фридриха II, правда, всего однажды, в 1740–1742 гг., т. е. в период войны за Австрийское наследство (1740–1748), пред-

ставляя его интересы в Турине при дворе Сардинского короля. Однако, не преуспев в этом, ему не удалось склонить короля Пьемонта и Сардинии Карла Эммануила III (1730–1773) к активным действиям против Австрии. Более в этом качестве к услугам Альгаротти Фридрих II не прибегал.

Более успешен был Франческо Альгаротти в другом, а именно в пополнении художественных коллекций. Здесь, видимо, сказались и связи семьи, и знания как художественного критика. Франческо Альгаротти приобретал полотна для Фридриха II. Такие же услуги он оказывал и Августу III Саксонскому (Фридриху Августу II Саксонскому) (1696–1763), двор которого находился в Дрездене. Здесь Франческо Альгаротти жил с 1742 по 1746 год в звании военного советника [14, р. 109–122]. Но в большей степени он был занят тем, что принимал участие в пополнении его собрания художественных произведений. Коллекция саксонских курфюрстов династии Веттинов считалась одной из лучших в Европе в то время. Коллекционерами, тратившими огромные средства на приобретение художественной живописи и артефактов, были Фридрих Август II (1670–1733) и его сын Фридрих Август III. Фридрих Август II фактически был основателем Дрезденской картинной галереи. Дело его продолжил сын. С 1747 г. до 1855 г. произведения художественного искусства находились в Stallgebäude, перестроенном здании придворной конюшни. В 1741 году Август III приобрёл 268 полотен из собрания Валленштейна, затем из королевской галереи в Праге, а в 1745 году картины из собрания герцога Моденского, среди которых были работы Корреджо, Веласкеса, Тициана. Для него Франческо Альгаротти купил 21 полотно, среди которых были работы Жана-Этьена Лиотара, Джованни Батиста Тьеполо, Джованни Паннини и других. Среди этих полотен была и «Прекрасная шоколадница» Жана-Этьена Лиотара, ныне находится в Дрезденской галерее старых мастеров. В 1745 году Ж.-Э. Лиотар написал и портрет Франческо Альгаротти, который хранится в Рейксмузее в Амстердаме.

Кстати, иногда художественные предпочтения патронов не находили понимания у Франческо Альгаротти, хотя чаще всего к его мнению прислушались. Он был сторонником неоклассицизма. Он считал, что не следует создавать коллекции в едином стиле, в его понимании современный музей – это собрание произведений разных эпох. Он составил список работ, которые предпочтительно приобретать для собраний. В этот список входили картины Джованни Баттиста Тьеполо, Джованни Баттиста Питтони, Джованни Баттиста Пьяцетты, Джованни Бенедетто Кастильоне, Джованни Паоло Паннини, а также Антонио Балестры, Франсуа Буше, Донато Крети, Джузеппе Ногари, Бернардо Беллотто и Франческо Павона. Об этом и шла речь в записке/проекте Франческо Альгаротти «Progetto per ridurre a compimento il Regio Museo di Dresda, presentato in Hubertsbourg alla Regia Maestà il dì 28 ottobre 1742» [11, р. 353–388], адресованной/ому Фридриху Августу III. Видимо, все-таки авторитет в области искусства Франческо Альгаротти был высок, поскольку многие работы из этого списка живописцев находятся и в Дрезден-

ской галерее старых мастеров, и в Берлинской картинной галерее (Berliner Gemäldegalerie).

Фридрих II высоко ценил эрудицию, образованность Франческо Альгаротти, об этом свидетельствовали не только награды, полученные венецианцем при жизни от прусского короля, но и памятник, поставленный им в Кампосанто после смерти Альгаротти. В середине XIX в., в 1850 г. Адольф фон Менцель (1815–1905), известный своими картинами на тему истории Пруссии периода правления Фридриха II, создал полотно «За круглым столом/Круглый стол Фридриха Великого в Сан-Суси/Прием в мраморном зале дворца Сан-Суси». Среди собравшихся за столом – Фридрих II, Вольтер, Джакомо Казанова, Франческо Альгаротти, Кристоф Людвиг фон Стилле, Жан-Батист де Буайе, маркиз д'Аржан, Жюльен Офре де Ламетри, Джеймс Фрэнсис Эдвард и Джордж Кейты, Фридрих Рудольф фон Ротенбург.

В феврале 1753 года Франческо Альгаротти вернулся в Италию, сначала жил в Венеции, потом поселился в Болонье [4, с. 203]. В 1762 году Альгаротти перебрался в Пизу, где и умер от туберкулеза в 1764 году. Собрание сочинений Франческо Альгаротти составило семнадцать томов, и было издано в Венеции, в 1791–1794 годах.

Подведем итоги. Можно говорить, что в Гран-тур Франческо Альгаротти были включены Венеция, Флоренция, Рим, Париж, Лондон и даже Санкт-Петербург. Итогом стало то, что завершая свое образование в этом «большом турне», в первую очередь Альгаротти приобрел имя как ученый, писатель, художественный критик и арт-дилер, чисто политическая карьера же не была столь успешна, хотя заслуги его были отмечены и титулом, и орденом. Но занятие искусством – это тоже политика. В любом случае, поездка во Францию, Англию, Россию и Пруссию привела к славе и успеху. Сам же Франческо Альгаротти более ценил то, что он признан как писатель и был известен своими интеллектуальными штудиями, но в то же время ценил и награды, полученные им от Фридриха II как признание его заслуг, что им и подчеркивалось в названии его работ: *Opere del Conte Algarotti, Cavaliere dell' Ordine del Merito e Ciambelano di S. M. il Re di Prussia*.

Литература

1. *Альгаротти Ф.* Ода Ее Величеству Анне Иоанновне, Императрице Всея Руси // *Альгаротти Ф.* Путешествие в Россию. СПб.: Наука, 2014. С. 179–182.

2. *Альгаротти Ф.* Очерк российской истории в медалях // *Альгаротти Ф.* Путешествие в Россию. СПб.: Наука, 2014. С. 192–197.

3. *Альгаротти Ф.* Путешествие в Россию // *Альгаротти Ф.* Путешествие в Россию. СПб.: Наука, 2014. С. 5–178.

4. *Володина И. П.* Русские впечатления Франческо Альгаротти // *Альгаротти Ф.* Путешествие в Россию. СПб.: Наука, 2014. С. 201–252.

5. *Монтень М.* Путевой дневник. Путешествие Мишеля де Монтеня в Германию и Италию / Пер. с франц. Л. Ефимова. СПб.: ООО «Редакционно-издательский центр “Культ-информ-пресс”», 2020.

6. *Павловская А. В.* Италия и итальянцы. М. : Центручебфильм, 2008. URL: <http://regionalstudies.ru/publication/monograph/italyandtheitalians/206-2012-11-07-20-47-40.html> (дата обращения: 29.09.2021).

7. *Погодина В. Л.* Традиции и инновации в образовательном туризме // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 112. С. 54–62.

8. Послесловие переводчика // *Монтень М.* Путевой дневник. Путешествие Мишеля де Монтеня в Германию и Италию / Пер. с франц. Л. Ефимова. СПб. : ООО «Редакционно-издательский центр “Культ-информ-пресс”», 2020.

9. *Сергеева Ю. И.* Международный образовательный туризм как историческая традиция // Развитие гуманитарных наук (Rozwoj nauk humanistycznych. 27–29.02 2012. Познань (Poznan). URL: <http://конференция.com.ua/pages/view/298> (дата обращения: 29.09.2021).

10. *Algarotti F.* Alla Maestà di Anna Giovannona Imperatrice delle Russie // *Algarotti F.* Opere del Conte Algarotti, Cavaliere dell’ Ordine del Merito e Ciambelano di S. M. il Re di Prussia. Cremona, T. 9. 1783. P. 228–230.

11. *Algarotti F.* Progetto per ridurre a compimento il Regio Museo di Dresda, presentato in Hubertsbourg alla Regia Maestà il dì 28 ottobre 1742 // *Algarotti F.* Opere del conte Algarotti. Edizione novissima, in Venezia, presso Carlo Palese, tomo VIII, 1792. P. 353–388 // Horti Hesperidum, una biblioteca elettronica sulla storiografia artistica e il collezionismo. URL: 5/4/2014. <https://www.horti-hesperidum.com/writable/Algarotti1742.pdf> (дата обращения: 29.09.2021).

12. *Algarotti F.* Saggio di storia metallica della Russia // *Algarotti F.* Opere del Conte Algarotti, Cavaliere dell’ Ordine del Merito e Ciambelano di S. M. il Re di Prussia. Livorno: M. Coltellini. T. 1–8. 1764–1765. Tomo V. Opere varie. P. 21–25.

13. *Algarotti F.* Viaggi di Russia // *Algarotti F.* Opere del Conte Algarotti, Cavaliere dell’ Ordine del Merito e Ciambelano di S. M. il Re di Prussia. Livorno: M. Coltellini. T. 1–8. 1764–1765. Tomo V. Opere varie. P. 27–182.

14. *Ciancio V.* Algarotti alla corte di Dresda // Arte in Friuli, arte a Trieste. 26 (2007(2008)). P. 109–122.

15. *Lehmann G.* Die Ritter des Ordens pour le Mérite. Bd. 1 / auf Allerhöchsten Befehl Seiner Majestät des Kaisers und Königs bearb. im Königlichen Kriegsministerium durch Gustaf Lehmann. Berlin : Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1913.

16. *Smeall Ch. L.* How to become a renowned writer: Francesco Algarotti (1712–1764) and the uses of networking in eighteenth-century Europe. Department of History McGill University, Montreal. August 2010. A thesis submitted to McGill University in partial fulfilment of the requirements of the degree of Doctor of Philosophy. URL: <https://web.archive.org/web/20210429043403/https://central.bac->

lac.gc.ca/.item?id=NR77555&op=pdf&app=Library&oclc_number=1019473467
(дата обращения: 29.08.2021).

THE GRAND TOUR AS AN OPPORTUNITY TO MAKE A POLITICAL CAREER: THE CASE OF FRANCESCO ALGAROTTI

M. V. Tretyakova

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas

The article considers the phenomenon of the Grand Tour as a special period in the life of representatives of the noble and wealthy estates of Western Europe. The author focuses on the biography of Francesco Algarotti, who tried to make a political career by carrying out his «grand tour» to France, England, Russia and Prussia.

Key words: Grand Tour, Venice, Russia, Prussia, XVIII century, Francesco Algarotti.

Об авторе:

ТРЕТЬЯКОВА Марина Владимировна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории, обществознания и права, кандидат исторических наук, e-mail: marinatretyakova@mail.ru.

About author:

TRETYAKOVA Marina Vladimirovna

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of History, Social Studies and Law, Candidate of Historical Sciences, e-mail: marinatretyakova@mail.ru.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ И. КАНТА

В. А. Колосова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В статье рассматриваются политико-правовые воззрения И. Канта. Уделяется внимание тому, что философ считал человека фигурой нравственного сознания, которая разительно отличается от окружающей его природы, и тот в своем поведении должен руководствоваться волеизъявлениями нравственного закона. Делается упор на том, что у Канта имелось понимание того, что по мере исторического развития необходимо вносить изменения в политико-юридические институты.

Ключевые слова: политико-правовые воззрения, демократизация, либерализм, категорический императив.

В ходе своего исторического развития Германия как в средневековье, так и в новое время переживала периоды раздробленности, ее границы неоднократно менялись. В этой связи идея государственного единства привлекала внимание философов, юристов и политических деятелей того времени.

Германия в XVIII–XIX вв. ожидала разрешения трех радикальных вопросов:

- 1) достижение национального единства;
- 2) демократизация государственно-правового строя;
- 3) отмена крепостничества.

Идеологи считали более выгодным интерпретировать вековые революционные идеи на малоизвестный по тем временам язык университетской философии и смягчать накал актуальных тем того времени. Придавалась высочайшая ценность таким аспектам, как созидание, свобода разума и т. д.

Первопроходцем и систематическим обоснователем либерализма в Германии стал профессор философии Кенигсбергского университета Иммануил Кант (1724–1804). Его политико-юридические взгляды содержатся в основном в трудах «Идеи всеобщей истории с космополитической точки зрения», «К вечному миру», «Метафизические начала учения о праве».

Идеи Просвещения были дополнены принципами Канта [6, с. 221]. Он утверждал: ведь абсолютно каждый человек имеет свое, совершенно отличное от всех достоинство, которое имеет безусловную ценность; личность никак не может стать орудием для осуществления каких-либо и чьих-либо планов и замыслов, даже если они имеют благороднейшие помыслы и направлены на благо. Человек – это фигура нравственного сознания, который

разительно отличается от окружающей его природы, в своем поведении должен руководствоваться волеизъявлениями нравственного закона [4, с. 415–416].

По факту, этот закон не может быть подвержен влиянию внешних факторов и обстоятельств. Кант именовал его «категорическим императивом». Он гласит: «Поступай так, чтобы максима твоего поведения могла быть вместе с тем и принципом всеобщего законодательства», или другими словами: веди себя так, чтобы ты сам относился к социуму и любому человеку как к цели и никогда как к средству.

Согласно замыслу И. Канта, независимость воли равно оберегает человека как от личностного произвола, так и от полной власти над волей общественного целого [5, с. 407]. Сам предмет проблемы заключается в том, что не всякий человек использует индивидуальную свободу только в рамках осуществления «категорического императива», зачастую она переходит в произвол. Совокупность условий, которые могут ограничивать произвол одного по отношению к другому посредством объективного социального закона свободы, Кант называет правом.

Исполнение права призывает быть общеобязательным. Но если право не обеспечить принудительной силой, оно будет не в состоянии выполнять предназначенную для него роль в социуме. Присвоить праву эту особенность под силу только государству – исконному носителю принуждения.

Потребность государства Кант сопоставляет не с практическими потребностями представителей социума, а с некоторыми категориями, которые имеют отношение к рассудочному, умопостижимому миру. Под благом государства Кант имеет в виду принадлежность наибольшей согласованности конституции с принципами права. Понятие того, что благо и назначение государства – в совершенном праве, дало основание считать Канта одним из главных создателей концепции «правового государства» [3, с. 64, 73].

Если касаться темы о происхождении государства, то Кант близок своими размышлениями к Руссо. Плавный переход социума от жизни в природном состоянии к гражданской жизни произошел с помощью договора. Толкование самого Канта о природе данного договора неразрывно связано с помыслами об автономии воли и людях как высокоморальных субъектах и т. д. Люди с высокоразвитыми моральными и нравственными разумениями могут заключить этот договор. По этой причине государству не положено обращаться с этими людьми, как с существами, которые не знают морального закона и не могут сами выбрать правильную и свою линию поведения.

По Канту, любое государство имеет три власти: законодательную (которая неподвластна закону и принадлежит «коллективной воле народа»), исполнительную (имеющуюся у правителя и подчиняющуюся законодательной власти), судебную. Субординация и консенсус всех трех ветвей власти обеспечивают благополучие государства.

Кант не придавал большого значения классификации государственных форм, различая автократию (или абсолютизм), аристократию и демократию. По методам государственного управления он различал республиканскую и деспотическую формы. При этом Кант не считал республику синонимом демократии, а абсолютизм синонимом деспотии. По-видимому, Кант считал конституционную монархию самым достижимым строем.

Касаясь политической деятельности, Кант был весьма осмотрителен, и у него не было стремления дать народу право активного сопротивления власти. «Существующей законодательной власти следует повиноваться, каково бы ни было ее происхождение» [6, с. 221].

Таким образом, можно заключить, что у Канта имелось понимание того, что по мере исторического развития необходимо вносить изменения в политико-юридические институты. Но вносить эти изменения надо весьма неторопливым посредством плавных и не радикальных реформ сверху, и ни в коем случае, не агрессивными методами открытой вооруженной борьбы. Кант, по праву, может быть назван одним из самых ранних идеологов, которые внесли свой вклад в социальный реформизм.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. М.: Мысль, 1975.
2. Гегель Г. В. Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. Т. IV. М.: Соцэкгиз, 1959.
3. Кант И. Критика чистого разума. Т. 3. М.: Чоро, 1994.
4. Кант И. Критика чистого разума. Пг.: Типография М. М. Стасюлевича, 1915.
5. Кант И. Сочинения. Т. 2. М., Мысль, 1964.
6. Кант И. Сочинения. Т. 3. М., Мысль, 1964.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: «Ad Marginem», 1999.

POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF I. KANT

V. A. Kolosova

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas

The article describes about the political and legal views of I. Kant. Attention is paid to the fact that the philosopher considered a person to be a figure of moral consciousness, which is strikingly different from the nature surrounding him, in his behavior should be guided by the will of the moral law. Emphasis is placed on the fact that Kant had an understanding that with the historical development it is necessary to make changes in political and legal institutions.

Key words: *political and legal views, democratization, liberalism, categorical imperative.*

Об авторе:

КОЛОСОВА Вера Анатольевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории, обществознания и права, кандидат педагогических наук, e-mail: vakolossova@gmail.com.

About author:

KOLOSOVA Vera Anatolievna

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of History, Social Studies and Law, Candidate of Pedagogical Sciences, e-mail: vakolossova@gmail.com.

УДК 94 (411).03

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ, НАПОЛЕОН И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Л. И. Ивонина

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

Статья представляет собой историко-антропологический анализ стихотворения Владимира Маяковского «Я и Наполеон». Это произведение было написано в 1915 году – в разгар событий Первой мировой войны. С характерной для него эмоциональной экзальтацией, экстазом, состоянием «на грани», поэт образно противопоставлял себя Наполеону и отвергал его, как человека, несущего войну.

Ключевые слова: *Владимир Маяковский, Наполеон, поэзия, война, образ, солнце.*

Войны европейского и мирового масштабов – всегда дежавю: люди, переживающие конкретную войну, обращаются к предыдущей, и часто психологически к той войне, в которой их государство одержало победу. Принято считать, что в русской поэзии от А. С. Пушкина вплоть до В. Маяковского все творцы неизменно восхищались фигурой Наполеона Бонапарта. Впрочем, это не парадоксально, поскольку за это время Россия неспешно «шагала» от од-

ной крупномасштабной войны к другой. И во время этого марша в относительно спокойном дипломатическом мире имя Наполеона посмертно вознеслось на небывалую высоту. Восхищение Наполеоном было важной частью духовной жизни России, особенно в первой половине XIX века. Некоторые отголоски этого восхищения сохранились до гораздо более поздних времен, но после Александра Пушкина, Федора Тютчева и Михаила Лермонтова он постепенно терял в литературе социальную значимость. Уже Лев Толстой в довольно неприглядных тонах описал французского императора, несмотря на демонстрацию в начальных главах романа «Война и мир» восхищения Наполеоном в светских кругах России [10].

Первая мировая война снова поколебала ореол великого человека, что получило отражение в одном из самых известных и, на взгляд историка, интереснейших стихотворений Владимира Маяковского «Я и Наполеон», анализу которого посвящена данная статья.

Маяковский являлся одним из самых ярких поэтов русского модернизма, и вместе со своими собратьями по поэтическому цеху – футуристами – провозглашал новые подходы не только к искусству, но и к историческому и культурному наследию. Знаменитый призыв сбросить с «парохода Современности» великих деятелей прошлого обошел тех личностей, чей вклад в историю был в чем-то созвучен футуристам. К таким знаковым фигурам относился Наполеон, масштаб личности которого в восприятии Маяковского был достаточно грандиозен для того, чтобы бросить ему вызов как достойному сопернику. Пожалуй, в единственном почти специальном (наряду с «Облаком в штанах») коротком, но содержательном анализе стихотворения Маяковского «Я и Наполеон» И. В. Артамоновой отмечено, что через образ Наполеона передана идея о необходимости революции [1, с. 54]. С этим тезисом можно поспорить. Представляется, излишне «революционизировать» все подряд стихи Маяковского не стоит, да и рассматриваемое здесь сочинение все же имеет иное содержание и смысл. Как же оценивал Маяковский императора французов? Каково было его отношение к Первой мировой войне?

Но прежде чем отвечать на обозначенные вопросы, необходимо обратить внимание на эмоциональную форму стихов Маяковского, отражавшую индивидуальность и своеобразие его творчества. Поэт часто оперировал двумя полюсами, контрастными категориями и образами, например: талант и посредственность, одиночество и животная скупенность, смех и трагедия. При этом специфику художественного метода Маяковского исследователи его творчества видят в том, что он не стремился отразить глубину психологии человека, а анализировал его социальный облик. Под различными социальными масками его персонажи чаще всего обличали общечеловеческую природу порока. Маяковский любил использовать оригинальные метафоры, эпитеты и сравнения, а преувеличение и «запредельность» характеристик являлись его излюбленным приемом. Познание мира через себя он заменял познанием мира в себе. Поэт не просто субъективно воспринимал окружающий мир, он его, мож-

но сказать, «авторизировал». В целом, в футуристической поэзии В. Маяковского граница, ранее четко отделявшая творца и творение, была принципиально размыта [2, с. 91–95].

Поэт с такой широкой натурой не мог остаться в стороне от общественной реакции на Первую мировую войну. Следует подчеркнуть, что стихотворение написано в 1915 году, а не в первые месяцы войны, когда в русском обществе все же преобладал патриотизм. Тем не менее, Маяковский почти сразу негативно отреагировал на начало мирового конфликта, и написал несколько стихотворений об этой войне: «Война объявлена», «Мама и убитый немцами вечер», и, наконец, «Я и Наполеон». В них со всей силой звучало чувство боли за ставшего жертвой войны человека, «отвращение и ненависть к ней». А в небольшом произведении «Я и Наполеон» на фоне идеи о личной ответственности каждого за творящиеся на фронте ужасы и бесчинства ярко демонстрируется трагическая картина войны.

В этом стихотворении поэт намеренно и впечатляюще использовал городской антураж, а не поле битвы или окопы. Он не участвовал в военных действиях, поскольку ему не позволили записаться в добровольцы из-за политической неблагонадежности, но ярко вообразил и выразил свое отношение к ней, вдохнув всю свою душу в город. Последний, словно живое существо, живет в напряженном ожидании войны. Маяковский не только подчеркивает, а словно кричит, что война несет в себе зло, убивая все живое. При помощи нескольких емких и выразительных художественных деталей Маяковский лаконично, но глубоко представляет читателю обобщенный образ города времен войны, который, «вытрепав ручонки-флаги, молится и молится красными крестами» [6, с. 70]. Как известно, Красный крест является символом милосердия, медицинской помощи, и поэт создал этот образ для того, чтобы подчеркнуть не политический, не победоносный, а именно жертвенный характер войны. «Я и Наполеон» демонстрирует антигуманный характер любого военного противостояния, подчеркивая при этом страшную особенность конкретной войны – газовые атаки:

*Уже у Ноева оранжереи
Покрылись смертельно-бледным газом!* [6, с. 70].

И далее лирический герой стихотворения – сильная и яркая личность, которая ищет справедливости, – начинает свою борьбу против войны, которую у него олицетворяет фигура завоевателя Европы императора Наполеона. Стоит обратить внимание на то, что автор ассоциирует Наполеона, чьи походы носили масштабный характер, а претензии на мировое господство были очевидны, с солнцем. Маяковский иначе видит образ Солнца, который для подавляющего большинства людей связан с теплом и добром. У него Солнце – великий, беспощадный правитель и завоеватель. Волей-неволей здесь напрашивается сравнение с французским Королем-Солнце Людовиком XIV (1643–1715), о котором Наполеон очень высоко отзывался. Но, вместе с тем, у

Людовика, примеривавшего на себя образы и Аполлона, и Марса, была иная интерпретация Солнца. Помимо того, что Солнце, как податель всех благ, являлось традиционным образом монарха, французский король еще и видел в великом светиле пример для подражания. Солнце на эмблеме у Людовика – не сжигающее непокорных подданных светило, не разящий Аполлон-стреловец, а неустанный труженик и источник справедливости [3, с. 152–170; 4, с. 137–141; 11, р. 48–52].

Герой Маяковского противопоставляет себя бездушному светилу. Сила этого противостояния отражена уже в названии произведения. Через все сочинение проходит антагонизм поэта и императора французов, который особенно четко звучит в строках:

*Сегодня я – Наполеон!
Я полководец и больше. Сравните: я и – он.*

Поэт чувствует и провозглашает себя способным убить «Неб самодержца» Наполеона, смело бросая ему гневный вызов:

*Через секунду
встречу я
неб самодержца,
– возьму и убью солнце!...*

*Тебе,
орущему:
«Разрушу,
разрушу!»,
вырезавшему ночь из окровавленных карнизов,
я,
сохранивший бесстрашную душу,
бросаю вызов! [6, с. 70].*

Примечательно, что Маяковский повторяет в стихотворении образ солнца семь раз, и каждый раз это повторение связано со «смертельными», «убийственными» мотивами. Он пишет, словно гремит: «Возьму и убью солнце!», и оперирует словами «предсмертное» и «последнее солнце». Не случайно этот образ в заключительной части произведения соседствует с похоронным маршем:

*Люди!
Будет!
На солнце!
Прямо!
Солнце съежится аж!
Громче из сжатого горла храма
христи, похоронный марш! [6, с. 70].*

Маяковский отнюдь не умалял достоинств противника. Упомянутые в стихотворении образы Яффы и Аркольского моста отправляют читателей к раннему периоду биографии Бонапарта, характеризовавшемуся его триумфальным восхождением к вершинам власти. Оба этих сражения демонстрировали военные способности, находчивость и исключительное мужество знаменитого полководца. Кровопролитный бой при Арколе в Италии в конце 1796 года шел три дня, и одним из самых стратегически важных мест был именно мост, за который велось противостояние с австрийской армией. Дабы воодушевить своих солдат, Бонапарт решил лично произвести последнее усилие: он схватил знамя, бросился на мост и там его водрузил.

Сравнивая себя с Наполеоном, поэт «примерил» на себя и спорный эпизод из его биографии, когда Бонапарт, тогда еще даже не консул, отважился посетить больных бубонной чумой во время Египетского похода 1799 года:

*Он раз чуме
приблизился троном,
смелостью смерть поправ, –
я каждый день иду к зачумленным
по тысячам русских Яфф!* [6, с. 70].

Почему поэт столь уверенно пишет о таком поступке великого полководца? Ведь ряд исследователей в классических трудах придерживаются иной точки зрения. Так, Е. В. Тарле и А. З. Манфред полагали, что Наполеон избегал контактов с зараженными чумой солдатами по вполне понятным причинам, а его героизм в данном вопросе – всего лишь результат умелой пропаганды [5; 8]. С другой стороны, об этом эпизоде биографии Наполеона без тени сомнения упоминается в самых свежих работах [7; 9]. В любом случае, в XIX – начале XX века в массовом сознании посещение Бонапартом больных воинов было реальным благодаря известной картине на эту тему Антуана-Жана Гро (1804) и целому ряду литературных произведений. Так, в романе «Война и мир» Л. Н. Толстой приводит такое высказывание Андрея Болконского: «Нельзя не сознаться, – продолжал князь Андрей, – Наполеон как человек велик на Аркольском мосту, в госпитале в Яффе, где он чумным подает руку, но... но есть другие поступки, которые трудно оправдать». Не удивительно, что Маяковский использовал, вслед за известными именами, те же героические детали наполеоновской биографии, и оперировал устоявшимся мифом [1, с. 58].

Остается загадкой, почему, отмечая в стихотворении факты биографии Наполеона, Маяковский остановился на славных ее страницах. Поэтом не упомянуты разгром Наполеона в 1812 году в России и «битва народов» при Лейпциге в 1813 году. Очевидно, он подразумевал эти события как следствие «предсмертного солнца Аустерлица». Или отводил роль победителя Бонапарта только себе?

Так или иначе, по сути, сравнивая себя с Наполеоном, даже провозглашая себя Наполеоном («Сегодня я – Наполеон!») Маяковский своеобразно возвышал и собственные возможности. Он отвергал Наполеона, как человека, несущего войну, но подспудно восхищался его гением и примерял его на себя.

В заключение можно отметить, что, по большому счету, сложно абсолютно противопоставлять одних поэтов другим в плане их отношения к Наполеону. Да, одни явно его возвеличивали, другие – гневно осуждали за ведение войны. Тем не менее, и те, и другие все равно видели в нем грандиозного человека, творца истории, даже когда (и весьма оправданно!) резко критиковали его действия. Не случайно Владимир Маяковский, склонный, как личность, к собственному возвеличиванию, противопоставляет себя Наполеону, таким образом, возводя себя в ранг равного, и даже превосходящего, противника великого человека. Впрочем, поэт и так был велик! Без Наполеона.

Литература

1. *Артамонова И. В.* Маяковский, Наполеон и Французская революция. Стихотворение «Я и Наполеон», поэма «Облако в штанах» // Модерн в России. Накануне перемен. Материалы XXIII Царскосельской научной конференции. Санкт-Петербург: Серебряный век, 2017. С. 52–60.

2. *Ибрагимов Р. А.* Концепция художника и окружающего мира в мифопоэтике В. Маяковского // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. С. 91–95.

3. *Малов В. Н.* Людовик XIV: Опыт психологической характеристики // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 152–170.

4. *Малов В. Н.* Психологический портрет Людовика XIV // Европейские монархии в прошлом и настоящем / редколлегия: Е. В. Котова, А. С. Намазова, Г. С. Остапенко, С. П. Пожарская, Н. В. Попов. СПб: Алетейя, 2001. С. 137–141.

5. *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1986.

6. *Маяковский В. В.* Стихи и поэмы. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1958.

7. *Нерсесов Я. Н.* «Свет и Тени» Последнего Демона Войны, или «Генерал Бонапарт» в «кривом зеркале» захватывающих историй его побед, поражений и... не только. Том I. «Надо уметь дерзать». Litres, 2021. URL: <https://www.litres.ru/yakov-nikolaevich-ne/svet-i-te-64037443/chitat-onlayn/> (дата обращения: 19.06.2021).

8. *Тарле Е.В.* Наполеон. М., 1957.

9. *Турунен А.* Памятники не тем: Правители, не заслужившие славы. М.: Альпина Паблишер, 2020. URL: <https://books.google.ru> > books (дата обращения: 19.06.2021).

10. *Mikaberidze Al.* Napoleon in Russian Poetry of the 19th Century. URL: https://www.napoleon-series.org/research/napoleon/c_poem1.html (дата обращения 14.05.2021).

11. *Tischer A.* Ludwig XIV. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 2017.

VLADIMIR MAYAKOVSKY, NAPOLEON AND THE FIRST WORLD WAR

L. I. Ivonina

Smolensk State University, Smolensk

The article presents a historical and anthropological analysis of the poem «Me and Napoleon» by Vladimir Mayakovsky. This work was written at the height of the events of the First World War, in 1915. With characteristic for him emotional exaltation, ecstasy, a state of «on the brink», the poet figuratively opposed himself to Napoleon, and rejected him as a warrior.

Keywords: *Vladimir Mayakovsky, Napoleon, poetry, war, image, sun.*

Об авторе:

ИВОНИНА Людмила Ивановна

Смоленский государственный университет, кафедра всеобщей истории, доктор исторических наук, e-mail: ivonins@rambler.ru.

About author:

IVONINA Liudmila Ivanovna

Smolensk State University, Department of World History, Doctor of Historical Sciences, e-mail: ivonins@rambler.ru.

АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В АРЗАМАСЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

О. В. Ефимов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В статье исследуется на местном архивном материале положение австро-венгерских военнопленных, находившихся в Арзамасе и Арзамасском уезде в период Первой мировой войны. Описаны условия их труда и проживания, обусловленные принятыми правительством «Правилами», и отношение к пленным населения города и уезда; представлен их этнический состав.

Ключевые слова: Первая мировая война, Нижегородская губерния, Арзамас, Арзамасский уезд, военнопленные, работодатели.

Первая мировая война стала настоящим бедствием и испытанием для народов России и европейских государств, подчинив себе социально-экономическую и политическую жизнь стран-участниц. Это был совершенно новый тип войны: масштабные линии фронта, новые виды вооружения (авиация, танки, ядовитые газы, пулемёты, огнемёты и т. д.), боевые операции проводились фронтально на огромной территории с привлечением сотен тысяч солдат и офицеров. Феноменом этого исторического конфликта стала массовая сдача военнослужащих в плен. По приблизительным подсчетам, из 60 миллионов, участвовавших в боевых действиях, оказались в плену 8 миллионов. Содержать такое количество военнопленных не была готова ни одна страна, хотя каждая из них обязалась соблюдать статьи Гаагской конвенции о военнопленных. За время войны русская армия взяла в плен около 3 миллионов солдат и офицеров противника, немецкая – 2,5 миллиона.

Военнопленные Германии и Австро-Венгрии (около 2 миллионов 400 тысяч человек), оказавшиеся на территории России, представляли собой этнический конгломерат, поэтому наименование «германские и австрийские пленные» носит условный характер и определяет не национальность пленного, а его принадлежность к одной из неприятельских армий. Выяснить национальный состав военнопленных на территории Российской империи сложно, так как при их оформлении документально фиксировалось лишь подданство и вероисповедание. В работах Е. С. Синявской, однако, сделана попытка рассмотреть национальный состав военнопленных Габсбургской монархии: австрийцы и немцы – 22%, венгры – 25%, чехи и словаки – 18–20%, сербы, хорваты, словенцы – 12%, румыны – 8%, поляки – 9%, украинцы – 8%, итальянцы – 2% от общего количества пленных в России [6, с. 111].

На территории России военнопленные размещались неравномерно. Основная часть была сконцентрирована в восточных районах (Сибирь, Урал, Туркестан) и в земледельческих областях европейской части страны. Лагерь Сибири и юга не вмещали всего потока постоянно прибывавших пленных. Быт и условия их содержания не могли соответствовать всем требованиям международных договоров. В 1915 г. пленных начали распределять по уездным городам России и даже в деревнях. На берегах Волги обрели временное пристанище представители всех этнических групп, населявших Германию и Австро-Венгрию [1, с. 150].

Россия удерживала самую протяженную линию фронта. Это привело к тяжелейшим экономическим проблемам, которые усугублялись и тем, что регулярные призывы в армию, гибель и ранения трудоспособного мужского населения порождали дефицит кадров во всех отраслях экономики. Центральные и региональные власти компенсировали нехватку кадров привлечением на работы военнопленных. В одном из распоряжений МВД для устранения недостатка в рабочих руках рекомендовалось отпускать для работ в частные промышленные предприятия пленных: почти 1,5 миллиона солдат и офицеров были заняты в экономике России в 1917 г., и по отдельным предприятиям, отраслям и регионам относительные цифры были очень высоки [7, с. 12].

Для использования труда военнопленных правительство выпустило нормативно-правовые акты. Так, 10 октября 1914 г. были утверждены «Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами», 28 февраля 1915 г. – «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», 17 марта 1915 г. – «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях». 22 апреля 1915 г. существовавшие «Правила» были дополнены разрешением распределения военнопленных на лесные, гидротехнические, мелиоративные и прочие работы под непосредственным контролем главного управления землеустройства и земледелия [5, с. 449].

При распределении на работы учитывались профессия и специализация пленного, особенно в тех отраслях, где существовал дефицит рабочих рук.

В Нижегородской губернии из 20 тысяч 140 пленных были отправлены 10 тысяч на промышленные предприятия Нижнего Новгорода (Сормовские заводы), на металлургические и металлообрабатывающие предприятия Выксунского, Кулебакского, Работкинского уездов. Остальные пленные использовались на сельскохозяйственных работах, причем землевладельцы, нуждаясь в рабочих руках, старались привлечь в свои хозяйства как можно больше пленных на длительный срок.

Предполагалось, что пленные будут находиться на сельхозработах только до зимы, после чего они будут возвращены в лагерь. Однако такое решение встретило активное противодействие и губернских, и земских властей, поддержанное нижегородским губернским дворянским собранием, руковод-

ство которого обратилось к начальнику штаба Верховного Главнокомандующего М. В. Алексееву с просьбой оставить пленных [8, Л. 67]. Просьба была удовлетворена.

Военнопленные размещались в бараках или землянках, при отсутствии помещений казарменного типа – в частных домах, питались из общего котла вместе с нижними чинами русской армии. На работу они выходили партиями до ста и более человек. Во время работы они находились в распоряжении уездного исправника и станового пристава. Надзор осуществляли вооружённые десятники и сторожа, иногда в дополнение к ним – командированные из округа ополченцы. Все расходы, связанные с содержанием пленным и использованием их труда, оплачивались из средств Государственного казначейства; за расходы по организации надзора отвечали губернские власти; за снабжение помещением, одеждой, пищей – земские и городские управы [10, Л. 78].

Одним из крупнейших уездных городов Нижегородской губернии был Арзамас. Перед Первой мировой войной это был первый в губернии по количеству населения и торгово-промышленной деятельности город. В отличие от Кулебак и Выксы здесь не было металлургических предприятий, город славился разнообразием производств – войлока, кошмы, обуви, спирта и др., на станциях Арзамас I и Арзамас II работали ремонтные ж/д депо и т. д. В период войны все производства выполняли военные заказы. В связи с мобилизацией не хватало работников и в Арзамасе, и в уездных сёлах. Городские и уездные структуры управления добились от губернских органов власти разрешения на направление в город и уезд военнопленных для помощи в выполнении военных государственных заказов.

В Нижнем Новгороде военнопленные содержались за счет имперской казны. Перемещение их на предприятия и в хозяйства снижало финансовую нагрузку на государство. Поэтому запрос уездной и городской администрации был удовлетворён. В Арзамас направили пятьсот военнопленных австро-венгерской армии. Это были австрийцы, венгры, чехи, словаки, хорваты, словенцы, поляки. Их количество будет постоянно меняться в зависимости от производственной необходимости.

По решению городской управы в обязанности работодателей входило обеспечение военнопленных обмундированием, т. е. бельем, одеждой и обувью. Привлечённому к работам полагались две смены белья в год (по две сорочки и одна пара кальсон), фуражка или шапка, тёплая рубашка или куртка, пальто или тёплый пиджак, при этом виды и качество шаровар, верхней одежды и обуви были строго регламентированы в соответствии с военным стандартом. Срок выдачи был не менее чем на год [9, Л. 11].

Пленных должны были кормить крестьянской пищей или рационом рядового состава русской армии. Работодатели, которые не имели возможности содержать пленным, обязаны были сдать их в распоряжение управы и в соответствующий срок произвести финансовые расчёты с управой и работником (пленным). Например, Арзамасская уездная земская управа 20 апреля 1916 г.

обратилась с просьбой к Ново-Усадскому волостному исполкому объявить землевладельцам, что, согласно постановлению, каждый работодатель за использование труда военнопленного должен выплачивать 4 рубля в месяц: 1 рубль платился казне, а 3 рубля – военнопленному [11, Л. 17].

Местные органы власти проводили ревизию системы распределения военнопленных среди городских работодателей. В волостях уточнялись списки домохозяев, которым требовалась дополнительная рабочая сила, инспектировались предприятия и мелкие мастерские, выяснялась необходимость в дополнительной рабочей силе, контролировалось качество содержания принятых работников.

Пленных солдат использовали на предприятиях по запросу владельцев. Так, на кожевенных предприятиях Бебешина, обувных (сапожных) фабриках Пегова, пивоваренных (спиртовых) заводах Стрегулина и Кашеева трудилось около ста военнопленных. Все предприятия выполняли военные заказы. В железнодорожных депо, на станциях Арзамас I и Арзамас II пленные выполняли ремонтные и подсобные работы.

По запросу землевладельцев Ульянина, Курочкина, Бубнова, Головкина и др. военнопленные направлялись на сельскохозяйственные работы. Помещики брали на себя обязательства достойно их содержать и регулярно поставлять продовольствие согласно хлебной монополии и продразвёрстке [3, Л. 23].

Пленные содержались в фабричных бараках или в жилых помещениях работодателя. Работая в кустарных мастерских, они проживали с хозяевами и питались вместе с ними. На работы их должен был сопровождать конвойный солдат, но это условие часто не соблюдалось, и они имели возможность свободно передвигаться по городу. За такое нарушение, если оно выявлялось, наказывали и караульных, и работодателя. Пленные офицеры и солдаты, прогуливаясь по городским улицам, заходили в кинотеатр и в магазины, в лавки и в трактиры. Они проявляли интерес к арзамасским девушкам, за что городская управа получила жёсткое взыскание от военного ведомства.

Для пленных не было жёсткого лагерного режима, местное население относилось к ним гуманно. Некоторые из них возвратились на родину вместе с женами, оформив в Арзамасе брачные отношения.

По распоряжению земской и городской управ военнопленных освободили от работы по воскресным дням. Такое решение было принято в связи с тем, что русские крестьяне работали и в выходные дни.

Запрещалось использовать труд военнопленных в личных целях, хотя были случаи, когда бывших военных привлекали для работы приказчиками, парикмахерами, прислугой, гувернёрами и т. д. [2, Л. 17].

Трудом военнопленных пользовались, как правило, имущие социальные слои. В центральной России в сельскохозяйственном секторе на 1 000 крестьян работало 3 военнопленных, а на землевладельцев – 270. Крестьянство отказывалось от найма военнопленных, мотивируя это тем, что «пользоваться

дешёвым, подневольным трудом – это большая несправедливость» [4, с. 153]. В Арзамасском уезде в крестьянских хозяйствах труд военнопленных не использовался.

После Февральской революции представители Временного правительства при содействии Российского общества Красного Креста создали Комитет по делам военнопленных, в задачи которого входили организация и обустройство военнопленных, а также их последующее возвращение на родину. Но в результате событий октября 1917 г. деятельность комитета приостановилась. После Брестского мирного договора и акта капитуляции Германского блока основная масса военнопленных вернулась на родину, а некоторые из пленных попали в Чехословацкий корпус и участвовали в борьбе против советской власти.

Литература

1. *Байко С. И.* Казанское губернское жандармское управление в годы Первой мировой войны: о некоторых новых направлениях деятельности // Запад – Восток. 2014. № 7.

2. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО., г. Арзамас), Ф. Р. – 1814. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 17.

3. ГАНО. Ф. Р. – 1913. Оп. 2. Д. 14. Л. 23.

4. *Кара-Мурза С. Г.* Столыпин – отец Русской революции. М.: ЭКСМО – Пресс, 2002.

5. Первая мировая война: австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии (документы и материалы государственного исторического архива Чувашской Республики) / сост. Ф. Н. Козлов. Чебоксары: Новое Время, 2014.

6. *Синявская Е. С.* Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне глазами русского противника // Вестник РУДН. Серия «История». 2009. № 4. С. 111–127.

7. *Ферстер С.* Тотальная война. Концептуальные размышления историческому анализу структур эпохи 1861–1945 // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 12–28.

8. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 1882. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 67.

9. ЦАНО. Ф. 1882. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 11.

10. ЦАНО. Ф. 1882. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 78.

11. ЦАНО. Ф. 1884. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 17.

AUSTRO-HUNGARIAN PRISONERS OF WAR IN ARZAMAS DURING THE FIRST WORLD WAR

O. V. Efimov

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas

The article examines the situation of Austro-Hungarian prisoners of war who were in Arzamas and the Arzamas district during the First World War on the basis of local, concrete-historical material. The conditions of their work and residence, conditioned by the "Rules" adopted by the government, and the attitude of the population of the city and district to the prisoners are described; their ethnic composition is presented.

Key words: *World War I, Nizhny Novgorod region, Arzamas, Arzamas district employment, prisoners of war, economy, humanism, military establishment.*

Об авторе:

ЕФИМОВ Олег Владимирович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории, обществознания и права, кандидат исторических наук, e-mail: oleg.efimov1965@mail.ru.

About author:

EFIMOV Oleg Vladimirovich

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of History, Social Studies and Law, Candidate of Historical Sciences, e-mail: oleg.efimov1965@mail.ru.

УДК 316.7+329

ИММАНУИЛ ВАЛЛЕРСТАЙН О ГЕОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НА ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ МИР-ЭКОНОМИКИ

Ю. К. Волков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В статье рассмотрено основное содержание концепции Иммануила Валлерстайна о геокультурных изменениях в европейской политической системе конца XVIII – XX в., а также показаны эвристические возможности использования концепта «геокультура» в современном обществознании. Сделан вывод о том, что Валлерстайн трактует изменения в европейской

политической системе на этапе формирования глобальной мир-экономики, исходя из критерия геокультурного отношения к идеологии и политике системных и антисистемных движений.

Ключевые слова: Иммануил Валлерстайн, мир-системный анализ, глобальная мир-экономика, геокультура, европейская политическая система, системные и антисистемные движения.

Американский социолог, эконом-историк и политолог Иммануил Валлерстайн (1930–2019) является одним из самых известных представителей школы мир-системного анализа (МСА). Согласно варианту теории МСА, разработанному Валлерстайном, современная мир-система (миросистема)¹ зародилась в так называемом «длинном XVI веке» (приблизительно 1450–1650 гг.) и к середине XIX столетия включила в сферу своего влияния все населенные континенты Земли. До этого времени в мире сосуществовало множество исторических систем, сводимых к двум основным типам: мини-системы и мир-системы, которые, в свою очередь, делились на мир-империи и мир-экономики.

Мир-экономики, по Валлерстайну, – это системы, в которых экономика освобождается от влияния политических факторов, а главным видом отношений становится товарно-денежный обмен, придающий системе социальную динамику. При этом исторические мир-экономики были крайне неустойчивыми, быстро гибли или поглощались мир-империями. Поэтому возникновение и сохранение в «длинном XVI веке» мир-экономики современного типа² было уникальным историческим событием эмерджентного типа, вызванным действием целого набора различных факторов европейской истории³. В дальнейшем, благодаря совокупному использованию экономических, политических и культурных преимуществ, европейская мир-экономика распространила свое влияние на другие регионы планеты.

В результате такого поворота всемирной истории к концу XIX века на Земле существовала и развивалась только одна глобальная социальная система – капиталистическая мир-экономика (КМЭ). В ядро системы до XX столетия входили западноевропейские государства, а гегемоном выступала сначала

¹ Термин «world-system» в русскоязычных изданиях переводится либо как «мир-система», либо как «миросистема». В авторском тексте статьи, за исключением некоторых прямых цитат, используется первый вариант перевода.

² История возникновения и развития общества модерна была изложена Валлерстайном в его фундаментальном произведении – «Современная мир-система», четыре изданные части которого в настоящее время полностью переведены на русский язык.

³ Процесс зарождения мировой системы модерна, как уникального с точки зрения социальных последствий события, начальной точкой которого Валлерстайн называет примерно 1450 г., территориально охватывал Западную Европу. Причинами возникновения новой социальной системы с отсутствующими в феодальных мир-империях свойствами явилось, по мнению Валлерстайна, одновременное влияние сразу нескольких исторических факторов: Ренессанса, книгопечатной революции Гутенберга, Великих географических открытий, совершенных европейскими мореплавателями, и протестантской революции [4, с. 173, 175].

Голландия, а затем Англия¹. Вместе с тем сложноорганизованный характер КМЭ не мог не породить многочисленные противоречия внутри самой системы, главными из которых стали противоречия капиталистического способа производства.

Суть экономических противоречий КМЭ, согласно объяснению Валлерстайна, заключается в целевой разнонаправленности деятельности агента накопления капитала, который должен одновременно снижать конкурентные издержки производства с целью получения прибыли и повышать их, чтобы продолжить сотрудничество с работающими. Если первая и основная для капиталистического способа производства цель реализуется на коротких отрезках, то вторая – носит более перспективный характер с точки зрения разрешения основного противоречия капитализма между трудом и капиталом.

«Для разрешения краткосрочных экономических противоречий, – пишет Валлерстайн, – агенты накопления капитала, выступая как класс, имеют тенденцию двигаться в направлении среднесрочного “кооперативного” поведения. В частности, они спорадически прибегают к перераспределению прибавочной стоимости в пользу трудящихся слоев, чтобы восстановить и расширить эффективный спрос и таким образом обеспечить возобновление экспансии» [2, с. 15].

Исходя из качественно-количественной интерпретации принципа иерархии отношений между экономической и политической сферами, которого придерживается Валлерстайн, государственная политика любого суверенного государства, существующего в масштабе экономической мир-системы, определяется исключительно господствующим способом материального производства всей системы в целом. Отсюда следует вторичная роль национального государства и проводимой им экономической политики. «Государства», по утверждению Валлерстайна, «никогда не были автономными сущностями; скорее они были важной институциональной особенностью миросистемы. ... Только миросистема в целом может иметь определенный способ производства» [5, с. 13].

В то же время Валлерстайн признает что, если у государства есть власть, достаточная для осуществления внутриполитического баланса экономических интересов, то государственная социально-экономическая и культурная политика может заметно менять роль социальных институтов в глобальной системе, основанной на приоритете товарно-денежных отношений. «...Хорошее функционирование системы, – по словам Валлерстайна, – зависит от определенных политико-культурных гарантий для такого конкурентного поведения, которое подталкивает каждого предпринимателя к созданию более эффектив-

¹ Гегемонию в КМЭ Валлерстайн представляет в виде неустойчивого континуума ряда сильных противоборствующих держав, которые либо объединены, либо не объединены в союзы, в то время как сам гегемон обязательно представляет собой союзное государство. В Голландии – это Соединенные Провинции, в Англии – Соединенное Королевство, в Америке – Соединенные Штаты [2, с. 98].

ного спроса... и к совместным действиям с предпринимателями-конкурентами с целью ослабления разрушительных последствий экономической активности (будь то из-за волнений рабочих или из-за межгосударственного «внеэкономического» соперничества)» [2, с. 114].

Тем не менее, несмотря на отмеченные возможности внеэкономического регулирования капиталистической мир-экономики со стороны суверенных государств, тактика среднесрочного разведения во времени основного производственного противоречия в долговременной перспективе ведет, по утверждению Валлерстайна, к подрыву всей экономической мир-системы, поскольку превращает свободные отношения рыночного обмена в отношения перераспределения.

При таком положении дел собственники капитала объективно всегда будут заинтересованы в том, чтобы придать КМЭ «чисто» экономический, рыночный вид с целью интенсификации факторов производства, повышающих прибыль, в то время как рабочие будут солидарно выступать за то, чтобы сделать постоянным перераспределение прибыли в пользу непродовольственного потребления, что неизбежно ведет к политизации их конфликта с работодателями.

Подобное политическое развитие экономического конфликта, как отмечает Валлерстайн, несло следующую двойственную угрозу всей мировой системе, ориентированной на бесконечное накопление капитала. «Во-первых, оно усиливало сторону всемирных трудящихся слоев в их постоянной битве за раздел прибавочной стоимости и, следовательно, ставило под угрозу долгосрочные условия получения прибыли. Во-вторых, для того чтобы политически противодействовать трудящимся слоям, агенты накопления капитала были вынуждены передавать все большую долю прибавочной стоимости своим агентам и защитникам, профессионалам, или «средним» слоям, также ставя под угрозу долгосрочные условия получения прибыли» [2, с. 116].

К началу XIX в. уровень социальных противостояний между собственниками капитала и наемными работниками привел к возникновению идеологии системных и антисистемных движений, определивших конфигурацию политической истории XIX–XX вв. Связующим системным основанием политического ядра, периферии и полупериферии КМЭ стала ее геокультура.

Термин «геокультура», который Валлерстайн ввел в научный оборот, означает культурный способ организации глобального пространства КМЭ¹. При этом культура «ядра» в геокультуре КМЭ так же, как это имеет место в экономике, сохраняет свое доминирующее влияние в политике, проводимой метрополиями по отношению к зависимым странам. Например, геокультура в ее нынешнем виде, по Валлерстайну, – это распространившаяся в мире гео-

¹ Специально понятие «геокультура» Валлерстайн использует в контексте мир-системного анализа геополитических и культурологических проблем, например, в такой работе, как «Геополитика и геокультура» [12], а также ряде статей и выступлений, входящих в сборники «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире» [2] и «После либерализма» [3].

культура модерна, основу которой составляют три убеждения: а) государства как члены содружества – политически суверенны и экономически автономны; б) имеют свою собственную исконную «национальную» культуру»; в) каждое государство может и должно развиваться [3, с. 160].

Однако, как убежден Валлерстайн, реальные возможности для национального развития всех стран в рамках современной мир-системы отсутствуют, поскольку процесс накопления капитала требует неравномерного распределения прибавочной стоимости в географическом и социальном пространстве. «Развитие капиталистического производства в историческом времени, – по словам Валлерстайна, – фактически вело к постоянно возрастающей социально-экономической поляризации населения мира (а на самом деле даже ее требовало). Это дополнялось демографической поляризацией. Таким образом, верно, что, с одной стороны, так называемое национальное развитие в определенной мере всегда возможно, но оно является циклическим процессом в системе» [3, с. 161].

Отсюда Валлерстайн делает вывод о том, что геокультура, которая по своей сути является мир-экономической культурой развития, – есть «историческая форма культурного давления во всех государствах с целью обеспечения программы “модернизации” или “развития”, программы, которая ... привела нас в нынешний тупик» [3, с. 161]. В этой связи коротко остановимся на эвристических возможностях расширительного использования концепта «геокультура», который в концепции Валлерстайна выступает в качестве инструментального понятия, предназначенного для анализа современной экономической мир-системы.

Прежде всего, следует отметить, что универсализация понятия «геокультура» способствовала созданию самостоятельного геокультурного подхода, который активно используется в трудах отечественных исследователей в качестве дополнения либо альтернативы геополитического и цивилизационного подходов.

Одним из наиболее понятных объяснений специфики геокультурного подхода является его культурно-языковая версия. Согласно такой позиции, геокультурный подход предполагает учитывать деление людей не по признакам их национальной и (или) государственно-политической принадлежности, но в зависимости от того, какой язык является для них языком культурного общения. Если же таких языков несколько, то возникает категория «пограничных» людей, которые расширяют и усложняют геокультурное пространство [9].

Хорошо заметная в современном общественном сознании тенденция на проведение междисциплинарных исследований не могла не стимулировать попытки синтеза географических, политологических и культурологических подходов. Подобную позицию занимает, например, российский географ и культуролог Д. Замятин, который определяет геокультуру как серию культурно-географических образов, интерпретирующих локальные пространства. В рам-

ках таких интерпретаций происходит репрезентация политических реалий [8, с. 5].

Заметным явлением в отечественной геополитике стал исследовательский проект В. Цымбурского. Цымбурский в рамках своей «лимитрофной» геополитической концепции использует понятие геокультуры как способа политического проектирования и оперирования жизни человеческих популяций с их четко очерченными географическими пределами. Обращаясь к рассмотрению особенностей российской геополитики, Цымбурский, в частности, указывает на присущий ей «единый гео-идеологический импульс к конструированию “своего”, особого российского пространства из земель, которые обретались бы за пределами “коренной” Европы, не входя в ее расклад – или могли бы быть изъяты из этого расклада» [11, с. 66].

Комплексный вариант геокультурного подхода, как механизма реализации геэкономических и геополитических факторов, рассматривает в своем анализе российской истории Н. Розов. Геополитическое и геэкономическое лидерство страны, как считает Розов, не всегда повышают престиж ее геокультуры, так как культурный престиж страны зависит от факторов, обеспечивающих формирование цивилизационных центров. К числу таких факторов, по мнению Розова, относятся: наличие в этих центрах экономической базы для развития культуры; пересечение в них социальных сетей и культурных традиций; складывание форм состоятельности и наличие механизмов признания культурных новаций; культурное миссионерство [10, с. 115].

Концептуально наиболее близкую к геокультурной концепции Валлерстайна позицию занимают С. Градировский и Б. Межуев, которые в своем исследовании особенностей геокультурного выбора России исходят из общего понимания геокультуры как культурных оснований, обеспечивающих реальную связность геополитических и геэкономических пространств, а также логический синтез стилей мышления. «Геокультурный подход, по словам исследователей, не антагонистичен геополитическому или геэкономическому подходу. Геокультурная парадигма, напротив, может рассматриваться и как попытка снятия, в гегелевском смысле, конфликта между геополитическим и геэкономическим типами мышления» [7].

Возвращаясь к основной теме статьи, отметим, что геокультура глобальной мир-системы, которая начала формироваться после Великой французской революции, породила либеральную политическую идеологию, оттеснившую системный консерватизм, и надолго ставшую господствующей идеологией КМЭ. Идейными противниками либерализма и консерватизма стали антисистемные движения, которые после событий 1848 г. оформились в виде двух основных направлений: социалистического и националистического.

Каким же образом происходили геокультурные изменения в идеологии политической системы Европы XIX–XX вв.? Началом формирования европейской геокультуры и утверждения ее в качестве господствующей политической идеологии КМЭ Валлерстайн считает Французскую революцию 1789

г. Именно Французская революция, благодаря поддержке народа, придала ранее маргинальным идеям свободы и юридического равенства всех людей долговременный характер, обязательный для любой политической системы КМЭ.

Легитимация либеральных идей равенства и свободы, по Валлерстайну, проходила после поражения Французской революции в период 1815–1848 гг., когда наметился частичный возврат к консервативной идеологии. Однако попытки реставрации консерватизма, напротив, стимулировали либеральную идеологию, которая окончательно утвердилась в европейском национальном менталитете.

Тремя конкретизациями этой идеи стали: признание нормальности политических изменений; признание высшим сувереном власти народа; признание жителей государства его гражданами и представителями единой нации. Как считает Валлерстайн, Французская революция открыла «ящик Пандоры» в форме народных выступлений, которые пытались сдерживать как консерваторы, так и либералы, одинаково заинтересованные в сохранении социальной системы [5, с. 15].

В своем стремлении к недопущению народных восстаний консерваторы делали ставку на усиление власти традиционных институтов и символических лидеров, показывая вред законов, которые могут нарушить социальный порядок. Однако в обществе и культуре модерна этих целей консерваторы могли достичь лишь в краткосрочной перспективе.

В политических программах либералов признавались принципы конкретизации идеи свободы и равенства, но поддерживались только те изменения, которые могли быть постепенно проведены под руководством либералов, при сохранении всего того, что получили их группы и семьи. Как известно, своих политических целей либералы достигли в среднесрочной исторической перспективе.

Противостояния и компромиссы консерваторов и либералов происходили на фоне роста народного недовольства, приведшего к событиям 1848 г., которые Валлерстайн называет мировой революцией, поскольку ее долговременные последствия имели не только европейский, но и всемирный характер. Главной стратегической целью идеологии социализма стала идея трансформация КМЭ путем завоевания политической власти.

До 1848 г. протосоциалисты, как отмечает Валлерстайн, были либо заговорщиками, либо утопистами. Однако провал стихийных народных восстаний и неудача реализации локальных проектов утопистов заставили социалистов стать политическими реалистами и попытаться реализовать стратегию захвата власти в суверенном государстве с целью преобразования национального общества. Такая стратегия сохранялась до конца XIX в. Затем социалистический лагерь раскололся по вопросу о тактике захвата государственной власти и темпах преобразования общества [5, с. 17–18].

Вместе с тем в долговременном плане социалистическая стратегия завоевания власти и преобразования капиталистического общества, как считает

Валлерстайн, ничем не отличается от реформаторской идеологии либерализма. Поэтому, несмотря на то, что после 1848 г. в политической системе КМЭ оформились три идеологии: консервативная, либеральная и социалистическая, доминирующей идеологией стала идеология либерального центризма, которая смогла навязать себя в качестве геокультуры КМЭ на протяжении более чем столетия. Наиболее важными направлениями программы либерального центризма, близкими социалистам, стали: предоставление широкого, а затем всеобщего избирательного права; экономическое перераспределение прибыли; демократизация общественной жизни.

Еще одной составляющей геокультуры КМЭ эпохи глобализации, стала, по мнению Валлерстайна, идеология национализма, которая, несмотря на свой очевидный антисистемный характер, также имела связь с либерализмом через понятия гражданства и национальности. Включение в состав национальных государств одних граждан и исключение других позволило нивелировать социальные различия внутри общества и стабилизировать внутриполитическую ситуацию в европейском «ядре» и на периферии КМЭ.

При этом в разных частях КМЭ национализм имел разные политические формы. В государствах «ядра» – это был национализм угнетателей, направленный на сохранение международного status quo. В странах периферии – национализм угнетенных, направленный на приобретение национального суверенитета. Однако и в первом, и во втором случае национализм способствовал внутреннему объединению разных слоев населения и стимулировал распространение либеральных идей. В то же время национализм, как считает Валлерстайн, несмотря на его внутреннюю стабилизирующую роль для государств системы, породил антисистемные идеологии. Речь идет об идеологии расизма и сексизма [5, с. 19].

В XIX в. расизм, как отмечает Валлерстайн, расцвел в Северной и Западной Европе в виде идеологии о превосходстве белой расы. «Белый» расизм исходил из того, что включение граждан в состав национального государства было связано с их сверхгражданством в сообществах сильных государств. Такая идеология исключала весь остальной этнический мир, а также переселенцев из числа тех, кто мог бы стать гражданином национального сообщества. На этапе формирования глобального мира расизм явно и неявно послужил в качестве одного из основных оправданий империалистической политики стран «ядра». Кроме того, этнические различия послужили основанием для противопоставления классовых и естественных различий¹.

Идеология сексизма, как считает Валлерстайн, была связана с созданием и освящением статуса домохозяйки. Благодаря этой идее домашний труд женщины попытались исключить из числа работ, приносящих трудовой доход. В условиях борьбы рабочих за свои экономические интересы сексистская

¹ Критическому анализу классовых, национальных и расовых различий потенциальных субъектов революций посвящен сборник, опубликованный Валлерстайном в соавторстве с французским философом Э. Балибаром [1].

идея об особом статусе домохозяйки носила реакционный характер, поскольку: во-первых, не позволяла определить, сколько реально получает рабочий от прибыли капиталиста; во-вторых, фактически переводила женщин стран «ядра» в ранг населения зависимых стран; в-третьих, исключала участие женщин в важной для государства воинской службе [5, с. 20–21].

Таким образом, к концу XIX в. идеологии национализма, расизма и сексизма в геокультуре КМЭ способствовали тому, что либеральная политика, несмотря на общее расширение прав и свобод граждан, определила те социальные этнические и демографические группы населения, у которых не было таких прав, или они были существенно ограничены.

Октябрьскую революцию 1917 г. Валлерстайн сравнивает с Французской революцией 1789 г. с точки зрения ее поворотного влияния на политическую жизнь Европы. Большевики, как считает Валлерстайн, обвинив прежних социалистов в союзе с либералами, создали новую антисистемную идеологию и новую политическую организацию, предназначенную для захвата и удержания власти сначала в одной стране, а затем в других странах Европы. Однако в реальности до середины XX столетия в Европе социалистической была лишь одна страна – СССР, которая исчезла в 1991 г. В этом смысле, как считает Валлерстайн, Октябрьская революция повторила историческую судьбу Французской революции [5, с. 21].

Геокультурное влияние Октября Валлерстайн оценивает в двух аспектах: панъевропейском и внеевропейском. Панъевропейским влиянием стала либеральная политика уступок рабочему классу. Хотя в целом, как считает Валлерстайн, большевизм для Западной Европы уже опоздал и не мог конкурировать с либеральным центризмом.

Иначе проявилось влияние Октября в неевропейских странах, где большевизм придал новый импульс националистическим движениям. Особенно массовыми национально-освободительные движения стали после второй мировой войны.

Таким образом, Октябрьская революция, по мнению Валлерстайна, оказала на угнетенные классы неевропейских стран такое же влияние, как Французская революция на европейские. В то же время, как считает ученый, преобразования, которые проводили неевропейские страны, получившие национальную независимость, носили не большевистский, а либеральный характер. Благодаря этому глобальный либерализм принял форму самоопределения (деколонизации) наций, а проект создания европейского либерального государства стал проектом развивающихся стран. Такое положение, считает Валлерстайн, сохранялось до революции 1968 г., которая в геокультурном отношении стала историческим аналогом европейской революции 1848 г. [5, с. 23].

К каким же геокультурным изменениям в европейской и мировой политической системе привела системная революция 1968 г.? В своей оценке значе-

ния событий 1968 г. Валлерстайн выделяет краткосрочные и долгосрочные последствия.

К числу первых он относит временное усиление влияния леворадикальных идеологий и движений, которые избрали главным объектом критики либерализм. Долгосрочными последствиями такой идеологической критики, как считает Валлерстайн, стал кризис всей политической системы КМЭ, для которой либерализм был ее своеобразным метаязыком. Утрата доминирующей роли такого метаязыка привела к тому, что от программы либерализма отошли не только радикалы, но и консерваторы. Таким образом, как считает Валлерстайн, после 1968 г. Европа и мир в разных вариациях вернулись к трем следующим идеологиям:

– Идеологии консерватизма (неоконсерваторы, неолибералы и другие правые), в своей основе схожей с идеологией консерваторов до 1848 г. Такая идеология парадоксальным образом стала сочетаться у новых консерваторов с идеологией свободного рынка.

– Либеральной идеологии (социал-демократы и центристы), главным в их программе стал реформизм и идея умеренно социальной экономики.

– Радикальной идеологии (маоисты, новые левые и др.). Если первые быстро сошли с политической арены, то вторые раскололись на революционеров и реформаторов. При этом, как считает Валлерстайн, традиционные радикальные антисистемные движения к концу XX века утратили народную поддержку и упустили свой исторический шанс.

Итак, политическая система «ядра» КМЭ, геокультура которой первоначально всегда формировалась в границах европейского пространства, в картине глобального мира, нарисованной Валлерстайном, оказалась в состоянии кризиса. Главной причиной сложившейся политической ситуации Валлерстайн считает массовое неприятие государственной власти, основой которого стала утрата веры в возможность достижения национальным государством цели всеобщего благосостояния [5, с. 25].

Вместе с тем ослабление институтов государственной власти не привело к усилению власти либералов, поскольку именно государство всеобщего благосостояния служило основой их реформаторской политики. С другой стороны, этот процесс не привел к повсеместному усилению власти консерваторов, которые натолкнулись на сопротивление народных страт, не желавших потерять ранее полученные выгоды. Все это, по мнению Валлерстайна, в ситуации начавшегося системного хаоса и формирования многополярного мира, наряду с другими глобальными проблемами современности, породило кризис политической системы КМЭ.

Отсюда возникает следующий принципиальный вопрос: возможен ли еще один исторический геокультурный цикл в развитии КМЭ? Валлерстайн разбирает такую историческую перспективу и указывает ее отличия от ситуации середины XX века. Главное место в этих отличиях у Валлерстана занимает нынешний повсеместный отказ от проведения либеральной экономической

политики на фоне всеобщей утраты веры в авторитет государства и возможность достижения целей всеобщего благосостояния.

Вместе с тем даже в ситуации вхождения КМЭ в системный хаос Валлерстайн видит потенциальные силы, которые могут попытаться продлить существование капитализма. Это будут визионеры иерархии и привилегий, «хранители вечного огня аристократии», в то время как против них обязательно будут выступать визионеры равенства и демократии – традиционные, а также, возможно, какие-то новые антисистемные движения [2, с. 369–370].

Подведем общие итоги.

1. Предложенная Валлерстайном схема изменений, происходящих в европейской политической системе эпохи нового и новейшего времени, соответствует циклам геокультурных трансформаций КМЭ, связанных с меняющимся отношением к системным и антисистемным движениям, но, прежде всего, к идеологии либерализма – своеобразного метаязыка системы. Таких полных геокультурных циклов в исторической картине существования КМЭ, по Валлерстайну, оказывается два, после чего наступает всеобщий кризис идеологии либерализма, обусловленный исчерпанием целей развития суверенных государств и ослаблением государственного авторитета.

2. Мировые антисистемные движения социалистической направленности, которые первоначально пытались противопоставить себя идеологии либерализма, не смогли использовать свой исторический шанс, так как решали общие с либеральными центристами задачи трансформации капитализма, однако использовали для этого менее привлекательные средства.

3. Касаясь истории возникновения и политического значения идеологии консерватизма, Валлерстайн считает, что такая идеология была не способна решать долговременные исторические задачи европейского общества эпохи модерна. Кроме того, как показывает Валлерстайн, европейский консерватизм оказался тесно связан с таким антисистемными движениями, как национализм и расизм.

4. В качестве политической альтернативы идеологии либерализма, консерватизма и левого радикализма Валлерстайн предлагает демократию, которая, по его мнению, последовательно антивластна и антитоталитарна. В утопическом проекте будущего мира, предложенном ученым, демократическая альтернатива современному капитализму может быть представлена децентрализованной системой общественных предприятий, в которых отсутствует главный принцип капитализма – бесконечное накопление капитала¹.

Литература

1. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. Пер. с фр. Под ред. О. Никифорова и П. Хицкого. М.: Логос, 2004.

2. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном

¹ Подробнее об утопическом проекте Валлерстайна см.: [6].

мире. Пер. с англ. П. М. Кудюкина. Под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001.

3. *Валлерстайн И.* После либерализма. Пер с англ. Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003.

4. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В. И. Иноземцева. М.: Логос, 2004.

5. *Валлерстайн И.* Утопийское, или Исторические возможности XXI века // Прогнозис. 2006. № 1(5). С. 8–56.

6. *Волков Ю. К., Зубанов М. А.* Мир-системное описание будущего современной цивилизации: комментарии и оценки утопического прогноза конца прошлого века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 3(39). С. 79–84.

7. *Градиловский С. Н., Межуев Б. В.* Русский мир как объект геокультурного проектирования // Гуманитарный портал : [сайт]. URL: <http://gtmarket.ru> Библиотека Гуманитарная мысль 64 (дата обращения: 15.09.2021).

8. *Замятин Д. Н.* Геокультура: образ и его интерпретации // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 5–12.

9. *Островский Е.* Новые границы мира: геокультура // Гуманитарный портал. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/472> (дата обращения: 18.09.2021).

10. *Розов Н. С.* Геополитика, геоэкономика и геокультура: взаимосвязь динамических сфер в истории России // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 107–121.

11. *Цымбурский В. Л.* Основания российского геополитического консерватизма // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 41–107.

12. *Wallerstein I.* Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. New York: Cambridge University Press, 1991.

Список сокращений

МСА – Мир-системный анализ

КМЭ – Капиталистическая мир-экономика

IMMANUEL WALLERSTEIN ON GEOCULTURAL CHANGES IN THE EUROPEAN POLITICAL SYSTEM AT THE STAGE OF FORMATION OF THE GLOBAL WORLD

Yu. K. Volkov

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas

The article examines the main content of Immanuel Wallerstein's concept of

geocultural changes in the European political system of the late XVIII–XX centuries and also shows the heuristic possibilities of using the concept of «geoculture» in modern social science. It is concluded that Wallerstein interprets the changes in the European political system at the stage of the formation of the global world economy based on the criterion of geocultural attitude to the ideology and politics of systemic and anti-systemic movements.

Keywords: *Immanuel Wallerstein, world-system analysis, global world-economy, geoculture, European political system, systemic and anti-systemic movements.*

Об авторе:

ВОЛКОВ Юрий Константинович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории, обществознания и права, доктор философских наук, e-mail: yu.k.volkov@yandex.ru.

About author:

VOLKOV Yuri Konstantinovich

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of History, Social Studies and Law, Doctor of Philosophical Sciences, e-mail: yu.k.volkov@yandex.ru.

УДК 94(4)"1945/..."

ЕВРОПА В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КООРДИНАТ

Ю. Н. Мостяев

Рязанский государственный университет, г. Рязань

Данная статья посвящена месту Европы в современной системе международных отношений. Автор рассматривает изменение роли европейских стран после окончания Второй мировой войны. Анализируется характер отношений Европы и США. Автор уделяет внимание зависимости дальнейшей судьбы Евросоюза от его возможностей дальнейшей интеграции и разрешения существующих внутренних противоречий. Даются различные сценарии относительно будущего Европы в мировой иерархии.

Ключевые слова: Европейский союз, система международных отношений, США, Россия, Китай, Римская декларация, европоцентризм, евроинтеграция, евроскептицизм.

В создавшейся современной международной системе отношений роль Большой Европы остается крайне неопределенной, так как существует целый ряд противоречивых оценок ее перспектив, что говорит об отсутствии четких стратегических планов относительно политического лидерства в мире со стороны европейских государств.

До середины XX века Европа, несомненно, являлась признанным мировым лидером, определявшим основные тенденции развития человечества. Примером этого являлись обе мировые войны, начавшиеся, по мнению большинства историков, именно в этой части планеты. В определенном смысле Старый свет стал «генератором мировых войн», которые при этом велись во имя интересов не только Европы, но и других частей мира в лице Азии, Африки, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и т. д. Большинство противоречий подобно сжатой массе концентрировались во многом в Европейском регионе, бывшем в то время оплотом наиболее развитой мировой цивилизации, а затем оттуда после очередного взрыва отголоски расходились по остальным частям планеты [5, с. 30].

Однако уже к концу Второй мировой войны ситуация начала меняться коренным образом. Большинство стран Европы непосредственно пострадали от военных действий и оккупации. Традиционно Великобритания, оставаясь крупнейшей колониальной империей, по инерции пыталась сохранять роль мирового лидера, но и США, и СССР, повысив свое международное значение и влияние, уже во многом через своих лидеров Ф. Рузвельта и И. Сталина постарались отодвинуть У. Черчилля на второй план.

Показателем стал выбор места для встречи «Большой тройки» в конце войны. Между союзниками развернулась серьезная борьба, в которой инициативу попытался взять в свои руки многоопытный У. Черчилль, предложив сначала Северную Шотландию, как равноудаленную от территории и США, и СССР, а затем и Кипр, контролируемый англичанами. Однако, по мнению М. Деягина, и Ф. Рузвельт, и И. Сталин как раз хотели «равноудалиться» от теряющей свое влияние Британской империи [10]. Но на предложения Рузвельта провести встречу в символических для мировой истории местах – Риме, Афинах, Иерусалиме, Александрии, Мальте, Сталин, аргументируя необходимостью оставаться на своем месте в условиях продолжения военных действий и желая показать урон, нанесенный врагом стране, смог продавить Ялту как самое приемлемое решение вопроса. У. Черчиллю пришлось согласиться, что уже во многом предопределило его условное поражение на переговорах.

После окончания Второй мировой войны полуразрушенная Западная Европа попала как в экономическую, в рамках плана Маршалла, так и военно-

политическую, в виде НАТО, зависимость от Соединенных Штатов. В условиях жесткой биполярной системы доминирование США только усилилось.

Одним из важных вопросов является дискуссия о проектах «Широкой» и «Большой» Европы. Вариант «1989: Широкая Европа», появившийся вскоре после падения восточноевропейских просоветских режимов, предусматривал возможность ЕС стать центром объединения всего континента. Европейское пространство предполагалось выстроить в виде концентрических колец вокруг западноевропейского хартленда с центром в Брюсселе. Альтернативой данному проекту стала появившаяся в 1991 году после распада СССР идея «Большой Европы», строящаяся на возможности формирования многополярной Европы с несколькими центрами силы и основанная на традиционных представлениях о плюрализме различных позиций. В качестве одних из центров помимо Брюсселя рассматривались, в том числе, и Москва, и Киев со своим набором внешнеполитических связей [8, с. 12]. До начала XXI века казалось возможным воплощение идей «Большой» Европы в жизнь на началах единого экономического и гуманитарного пространства. Однако в современных условиях этот проект оказался во многом забыт.

На сегодняшний день после выхода Великобритании из Европейского Союза его судьба во многом зависит от эффективности деятельности «Большой четверки» в лице Германии, Франции, Испании и Италии. Эти страны составили так называемый «Версальский формат» по месту встречи в 2017 г. Прогнозировалось, что этот состав мог быть расширен до «Пятерки» за счет присоединения Польши. Однако все последние события показывают, что последняя пытается проводить свой собственный курс, часто вступая в противоборство с Брюсселем.

Проблема состоит и в том, что быстрое расширение Европейского Союза привело к экономическому и политическому раздроблению и условному появлению трех групп стран. К первой относятся страны атлантической направленности в лице Великобритании, стран Скандинавии и Центральной и Восточной Европы. Вторую группу составляют страны, которые в определенной мере занимают антиамериканскую позицию на основах протекционизма, в лице Франции, Греции и Бельгии. Третья группа представляет собой основное направление политики ЕС, которое пытается отойти от крайних позиций [4].

В условиях снижения влияния США на мировой арене, особенно в условиях политики определенной изоляции после прихода к президентству Д. Трампа у Европы появился шанс перехватить пальму лидерства в рамках единого Европейского Союза. Еще в начале XXI века во многих ведущих западноевропейских странах, особенно в Германии и Франции, и даже Великобритании, стали раздаваться идеи о возможности создания в лице Европы автономного мирового центра, отдельного от США. Появились концепции «нового века Европы», которая не будет управлять миром как империя, но даст

международному сообществу европейский образ действий как универсальную ценность [3, с. 19].

Эксперты даже начали анализ двух возможностей для Европы. Во-первых, заменить США в качестве мирового лидера и возглавить новый мировой порядок. Правда, большинство пришли к выводу, что этот вариант вряд ли был возможен в силу постоянных внутренних кризисов, в том числе и из-за позиции «младоевропейцев», вступивших в ЕС после 2004 года. Второй вероятностью стала попытка найти свой, отличный от американского, геополитический путь усиления своей роли на международной арене. В любом случае усиление роли Европы в мире возможно только в случае укрепления ее внутренних позиций. Серьезной проблемой является решение задачи, как усилить роль наднациональных структур при росте центробежных настроений среди ряда европейских стран.

Одним из главных препятствий на пути создания европейской «неимперской империи» является формирование новой модели международных отношений, которая, по мнению многих исследователей, идет на смену либеральному варианту во главе с США или ЕС.

Профессор Геттингенского университета П. Шульце в своем докладе на конференции в рамках «Диалога цивилизаций» приходит к выводу о том, что новая конфигурация сил на мировой арене в первую очередь будет складываться под влиянием США, России и Китая и только во вторую усилиями Европейского Союза [3, с. 21–22].

Еще более радикальную трактовку места Европы в современном мире дает профессор британского Королевского института международных отношений («Чатам хаус») Ричард Саква. На его взгляд, после биполярного и однополярного мира наступает эпоха «третьего мирового порядка», характеризующегося отсутствием ярко выраженного мирового гегемона. Формирование новой системы международных отношений происходит в ходе борьбы двух противоборствующих порядков: с одной стороны, либерального во главе с США, а с другой – антигегемонистского во главе с Китаем, Россией и рядом других стран. В этих условиях перед Европой стоит вариант раствориться в «новом атлантизме» и потерять собственное лицо. ЕС вместо дальнейшего углубления мирной интеграции становится базой для создания новых разграничительных линий на европейском направлении. Европа, сформировавшаяся после окончания Второй мировой войны, исчезает с политической карты мира. На ее месте может быть сформирована новая Европа, интегрирующая евроатлантические и евроазиатские традиции. Однако это не гарантировано окончательно [11, р. 578–579].

Согласно еще одному из подходов к изменению роли Европейского союза на мировой арене возможны три основных сценария [6, с. 16–17]:

Первый. Условное название «евро-Англия» и предусматривает акцентирование внимания на внутренних делах и во внешней политике на соперничестве с Россией в регионе общего соседства. Данный проект обусловлен опре-

деленным кризисом внешнеэкономических и внешнеполитических ресурсов Евросоюза при том, что большинство стран Европы все равно пытаются занять там свое место. При данном варианте ЕС не сможет стать полностью самостоятельным центром силы в мире, будучи во многом зависимым в области своей безопасности от Соединенных Штатов.

Второй. Сценарий «евро-Венеция» направлен на саморазвитие исключительно как гражданской силы, имеющей в своей основе использование для достижения своих политических и экономических целей преимущественно экономических средств.

Третий. «Евро-Франция» предполагает существенное усиление Европейского союза за счет внешнеполитической и оборонной составляющей. При этом варианте у Европы появляется шанс на становление как одного из глобальных центров мира. Однако перспективы данного проекта в силу наличия многочисленных внутренних противоречий выглядит достаточно туманно.

В 2017 году лидеры 27 европейских стран на саммите в Риме приняли декларацию дальнейшего развития Евросоюза в условиях выхода Великобритании и усиления новых угроз в лице региональных конфликтов, роста терроризма и миграционных потоков, в условиях принятия протекционистских мер и усиления социально-экономического неравенства между странами [12]. В основу были положены четыре базовых принципа:

Первый. Безопасная Европа включает укрепление безопасности через защиту внешних границ, борьбу с международным терроризмом, решение проблем незаконной миграции в рамках международного права.

Второй. Процветающая и устойчивая Европа предусматривает создание новых рабочих мест, поддержку малого и среднего бизнеса, снижение энергетических затрат и решение экологических проблем.

Третий. Социальная Европа должна обеспечить рост экономики и прогресс в социальной сфере, обеспечив гендерное равенство, отсутствие дискриминации, борьбу с безработицей и бедностью.

Четвертый. Более сильная на международной арене Европа стоит за дальнейшее развитие отношений со своими традиционными партнерами, налаживание новых связей, обеспечение стабильности у соседей, укрепление безопасности во всем мире.

Эти принципы поддерживают многие европейские политики. Интересно мнение Чрезвычайного и Полномочного Посла Федеративной Республики Германии в Российской Федерации Гезы Андреаса фон Гайра, высказанное им в ходе лекции перед студентами и преподавателями в НИУ ВШЭ в марте 2020 года, что Европа на данном этапе не претендует на статус мировой сверхдержавы, но при этом старается подчеркнуть необходимость участия ЕС в сохранении мира и стабильности на всей планете особенно в условиях усиливающихся процессов глобализации [2]. Особое внимание посол уделил вопросам безопасности Европы, отметив, что в условиях реалий глобализации

даже географически удаленные события вполне могут касаться европейских интересов в области новых угроз и вызовов.

Также проблемы климата, пандемии требуют глобальных решений, в стороне от которых Европа не может находиться. Все это требует четкого ответа со стороны Европейского союза. Не стоит превращать Европейский континент в осажденную крепость, отгородившуюся от остального мира. Необходимо эффективно защитить свои внешние рубежи, наладив отношения как с ближайшими соседями, так и с единомышленниками во всем мире. Посол, признавая усиление роли Азии в мире, ставит дилемму перед европейскими странами: либо сплотиться каждой стране в своих национальных границах, что приведет к явному снижению роли в международных отношениях, либо укрепить единство союза и сохранить влияние Европы на мировой арене, даже поступившись частью национального суверенитета.

Европейская комиссия на том же Римском саммите опубликовала Белую Книгу с изложением пяти возможных сценариев дальнейшего развития Европейского союза до 2025 года [9]:

Первый. Продолжать в том же направлении, уделив основное внимание на росте экономики, увеличении рабочих мест, через укрепление единого рынка и увеличение инвестиций в цифровую, энергетическую и транспортную отрасли. На международной арене ЕС будет продолжать выступать единым целым образованием, оказывая серьезное влияние на глобальные проблемы климата, мировых финансов, укрепляя торговые отношения во всем мире и укрепляя внешние границы.

Второй. Ничего кроме единого рынка предусматривает дальнейшее усиление единого пространства товаров и капиталов при определенном ограничении в сфере перемещения работников и услуг. Европейский союз уже не выступает единым фронтом на международных конференциях из-за глубоких расхождений в сфере внешней политики. В области безопасности все ограничивается только двусторонними соглашениями. ЕС перестает координировать действия в сфере миграционного законодательства и оказания гуманитарной помощи.

Третий. Кто хочет больше, тот сделает больше. Под влиянием группы стран европейские страны будут углублять интеграцию для получения эффективных результатов в сфере укрепления обороны и четырех свобод. По мере укрепления внутренней дисциплины универсализируется налоговое законодательство, решаются вопросы внутренней безопасности, в том числе и путем усиления сотрудничества в области борьбы с терроризмом и организованной преступностью, совместных закупок оружия, повышения и внешней боеспособности для участия в миротворческих миссиях за пределами Евросоюза.

Четвертый. Делать меньше, но эффективнее. Основной упор единая Европа сосредотачивает на развитии инноваций, миграции, торговли, едином оборонном союзе. Во внешней политике вырабатывается общая стратегия.

Однако во второстепенных сферах, например, стандарты в области здравоохранения, экологии, защиты прав потребителей и т. д., у государств остается свобода действий на свое усмотрение.

Пятый. Делать вместе намного больше. Данный сценарий выглядит самым оптимальным, но во многом нереалистичным. Евросоюз в едином порыве пытается реализовать все направления своего развития от создания оборонного союза и усиления сотрудничества в сфере безопасности до совместной борьбы с климатическими изменениями и оказания гуманитарной помощи. Происходит дальнейшая глубокая интеграция в области энергетики, высоких технологий. Таким образом, решаются все проблемы без серьезных жертв со стороны европейских государств.

Реализация данных сценариев будет определяться не только усилиями самого Евросоюза, но и зависимостью от существенных процессов в геэкономическом балансе сил на мировой арене. Происходит значительное усиление новых западных игроков в лице так называемой группы Е7 (Китай, Индия, Россия, Бразилия, Индонезия, Турция и Мексика), которые в совокупности, по ряду прогнозов экспертов, в два раза превзойдут по объему ВВП экономику стран G7, теряющих свое влияние в этой сфере. При этом, с большой вероятностью, доля ЕС-27 в мировом ВВП к 2050 году упадет с сегодняшних 15% до всего лишь 9%, что будет меньше доли Индии с ее будущими 15% [7]. Также, несмотря на то, что Европа остается привлекательным крупнейшим в мире единым рынком, ее валюта на втором месте после американского доллара и т. п., ее роль снижается и в силу демографического фактора. Так, в 1900 году в ней проживала четверть населения мира, а к 2060 году ожидается менее 5% от всего человечества.

Следуя данным прогнозам в соответствии с постулатами «гравитационной модели» в мире должны появиться новые центры силы и измененные стимулы притяжения в различные региональные интеграционные структуры. Возникает закономерный вопрос о возможностях ЕС стать одним из ведущих центров интеграции в условиях, например, попытки Китая реализовать амбициозный трансконтинентальный проект «Один пояс, один путь».

Немаловажным фактором будущего места Европы в мире является позиция США по этому вопросу. При всем многообразии различных точек зрения на эту проблему одним из базисных подходов является позиция Зб. Бжезинского и его сторонников о роли расширяющейся Европы в области международной безопасности как «взаимодополняемой с Америкой, но не независимой от нее» [1, с. 143]. Ряд экспертов утверждает, что США не заинтересованы в дальнейшей углубленной интеграции стран Европейского союза, акцентируя свое внимание на развитии двусторонних отношений и способствуя определенному расколу среди стран континента, что выгоднее для Соединенных Штатов, чем консолидированная Европа как один из важнейших центров мироустройства [4].

В итоге можно констатировать, что место и роль Европы в современном мире остается дискуссионным вопросом, и возможны различные варианты дальнейшего развития Евросоюза как во внутренних делах, так и на международной арене.

Литература

1. *Бжезинский Зб.* Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2005.

2. *Геза Андреас фон Гайр.* Перспективы Европы. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evropa-postroenie-budushchego/> (дата обращения: 21.09.2021).

3. Европа XXI века. Новые вызовы и риски (монография) / под общ. ред. Ал. Громыко, В. П. Федорова. М., СПб.: Нестор-История, 2017.

4. *Новикова О. Н.* Место Европы в новом мировом порядке (обзор). С. 28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-evropy-v-novom-mirovoryadke-obzor> (дата обращения: 13.10.2021).

5. *Проектор Д. М.* Мировые войны и судьбы человечества. Размышления. М.: Мысль, 1986.

6. Россия – Европейский союз: к новому качеству отношений / под общ. ред. И. Ю. Юргенса. М: ЭКОНИНФОРМ, 2008.

7. *Рыбаков А. В.* Сценарии развития кризисных процессов в Европейском союзе: реформы или упадок? // Право и политика. 2019. С. 28–35. URL: https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=29351 (дата обращения: 29.10.2021).

8. *Саква Р.* Украинский кризис и смерть Европы // Вестник Московского университета. Сер 12. Политические науки. 2014. №4. С. 7–27.

9. *Синявский А.* Европа 2020: итоги десятилетия и новые перспективы. URL: https://zakon.ru/blog/2020/01/07/evropa_2020_itogi_desyatiletija_i_novye_perspektivy (дата обращения: 21.09.2021).

10. *Черных Е.* Президента США Рузвельта тайно убили за дружбу со Сталиным? URL: <https://www.kp.ru/daily/27089/4162367/> (дата обращения: 09.10.2021).

11. *Sakwa R.* The Death of Europe? Continental Fates after Ukraine // International Affairs. 2015. № 91 (3). P. 553–579. URL: <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12281> (дата обращения: 09.10.2021)

12. The Rome Declaration, 25.04.2017. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/03/25/rome-declaration/pdf> (дата обращения: 27.10.2021).

EUROPE IN THE MODERN SYSTEM INTERNATIONAL COORDINATES

Y. N. Mostyaev

Ryazan State University, Ryazan

This article is devoted to the place of Europe in the modern system of international relations. The author examines the changing role of European countries after the end of World War II. The nature of relations between Europe and the USA is analyzed. The author pays attention to the dependence of the future fate of the European Union on its possibilities for further integration and resolution of existing internal contradictions. Various scenarios are given regarding the future of Europe in the world hierarchy.

Keywords: *European Union, system of international relations, USA, Russia, China, Rome Declaration, Eurocentrism, European integration, euroscepticism.*

Об авторе:

МОСТЯЕВ Юрий Николаевич

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, кафедра всеобщей истории и международных отношений, кандидат исторических наук, e-mail: mostishe@yandex.ru.

About author:

MOSTYAEV Yury Nickolaevich

Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Department of General History and International Relations, Candidate of Historical Sciences, e-mail: mostishe@yandex.ru.

УДК 32.019.51

РОЛЬ МУСУЛЬМАН В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ

И. Б. Красильников

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

В статье предпринята попытка раскрыть факторы, оказывающие влияние на положение мусульман в современной Европе: численность диаспоры, её активность, проблема строительства минаретов, рост преступности. Особое внимание уделяется работе Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилиза-

ций», в которой заложены основы многих современных взглядов на данную проблему. Автор пытается определить роль общественного мнения в Европе на проводимую политику в отношении мусульман.

Ключевые слова: *теория Хантингтона, мусульманская диаспора, Европа.*

Представить современную Европу, как и остальной мир, без мусульманской диаспоры и обсуждения её роли в настоящее время практически невозможно. Эта проблема особенно обострилась в 2014–2015 годах, когда в европейские страны прибыло более миллиона беженцев из стран Азии и Африки, среди которых оказалось большинство выходцев именно из мусульманских стран.

Одним из первых исследователей, специально обративших внимание на эту проблему, был Самюэль Хантингтон в своей ставшей уже классической работе «Столкновение цивилизаций» [1]. При этом отметим, что Хантингтон не только поставил вопрос о смене парадигмы мирового развития с идеологического противостояния на противостояние культурно-религиозное, но и особо рассмотрел мусульманский фактор мирового развития. С тех пор прошло уже четверть века, и никого не удивляют названия статей «Не превратится ли Европа в Еврабию» [7] или «Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха» [2]. В интернете множество подобных статей, посвящённых как анализу ситуации в отдельных европейских странах, так и положению мусульман в Европе в целом. В своей статье автор попытается рассмотреть историю возникновения данного вопроса, проанализирует некоторые выводы других исследователей.

Надо сразу отметить, что история отношений Европы и мусульманского мира насчитывает тринадцать веков, начиная с того времени, когда арабы вторглись на Пиренейский полуостров и захватили его. Не углубляясь во все исторические особенности, отметим, что за эти века Европа знала разные отношения с исламским миром – от покорения ему до завоевания и культурного обмена. Казалось бы, европейцы накопили достаточно опыта взаимоотношений с мусульманским миром и могут использовать его для решения новых проблем.

Заметим, что до конца XX века на проблему исламского мира и его влияния на Европу никто не обращал особого внимания, хотя в ряде европейских стран – Англии, Франции, ФРГ во второй половине века возникли достаточно крупные мусульманские диаспоры. Однако проблема холодной войны привлекала к себе особое внимание, и на прочие мелочи не отвлекались.

Поскольку мы уже упомянули о работе С. Хантингтона, то приведём целый ряд цитат из нее, где автор обращает внимание на взаимоотношения Европы и мусульманского мира. Как известно, Хантингтон считал, что в современном мире именно культурные различия будут играть особую роль: «В мире после «холодной войны» наиболее важные различия между людьми уже не

идеологические, политические или экономические. Это культурные различия... Люди определяют себя, используя такие понятия как происхождение, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты. Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и – на самом широком уровне – цивилизациями. Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов. Мы узнаём, кем являемся, только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаём, против кого мы» [1, с. 17].

Существовавшие на протяжении столетий отличия христианского и исламского мира, по мнению данного автора, теперь выходят на авансцену и начинают играть особую роль. Ведь в самоидентификации народа религиозные отличия очень заметны. Когда Хантингтон анализирует развитие посткоммунистического мира, то, с одной стороны, он отмечает, что: «страны с западно-христианскими корнями добиваются успеха в экономическом развитии и установлении демократии; перспективы экономического и политического развития в православных странах туманны; перспективы мусульманских стран и вовсе безрадостны» [1, с. 26]. Правда, чуть ниже тут же себя практически опровергает, заявляя, что: «исламские общества стремятся наращивать свою экономическую и военную мощь, чтобы противостоять Западу, создавая достойный противовес» [1, с. 26]. Впрочем, это право автора иногда противоречить самому себе. Для нас гораздо интереснее то, что с опорой на свою основную идею о культурных различиях как главной парадигме современности, Хантингтон выделяет в качестве основного фактора религиозный и разделяет мир, прежде всего, по данному признаку.

Особое внимание Хантингтон уделяет роли ислама в современном мире. По его мнению, это было связано с несколькими факторами, одним из которых Хантингтон считает демографический: «Мусульмане увеличили свой удельный вес более заметно, чем христиане – с 12,4% в 1900 году до 16,5% (по некоторым оценкам – 18%) в 1980 году» [1, с. 89]. Причём автор особо подчёркивает, что «христианство распространяется в первую очередь путём обращения приверженцев других религий, а ислам – за счёт как обращения, так и воспроизводства» [1, с. 90].

Анализируя отношение мусульман к модернизации, Хантингтон повторяет вывод Дэниэла Пайпса о фундаменталистах: «Практически полное исчезновение – такова судьба всех поборников чисто отторженческой политики к концу двадцатого века» [1, с. 103]. Отметим, что даже такие фундаменталистские группы, как талибы, за 20 лет претерпели определённые изменения.

Говоря о значении ислама в развязывании новых военных конфликтов, Хантингтон даже называет один из параграфов в своей работе «Столкновение цивилизаций»: «Кровавые границы ислама». При этом автор признаёт, что именно данное его утверждение вызвало самую яростную критику [1, с. 418]. Обосновывая свой вывод, Хантингтон, в частности, утверждал, что: «мусуль-

мане составляют около одной пятой от всего населения земного шара, но в 1990-х годах они участвовали в намного большем числе межгрупповых актов насилия, чем люди из любой другой цивилизации» [1, с. 416]. Среди факторов, оказывающих особое влияние на активизацию вооружённых конфликтов, помимо чисто политических, автор вновь выделяет изменения в демографическом балансе, отмечая, что: «численный рост одной группы порождает политическое, экономическое и социальное давление на другие группы и вызывает ответное противодействие. Что более важно, он вызывает военное давление на демографически менее динамичные группы» [1, с. 421]. Одним из примеров Хантингтон называет события в Косово, где «к 1980-ым годам около 50% албанцев находились в возрасте менее двадцати лет» [1, с. 423]. «Изменения в демографических соотношениях и “молодёжные пики” в двадцать и более процентов ответственны за многие межцивилизационные конфликты конца двадцатого столетия» [1, с. 425].

По мнению Хантингтона, существует три причины того, почему в настоящее время мусульманские группы прибегают к насилию, причём как в рамках ислама, так и за его границами. «Во-первых, следует помнить, что ислам с самого начала был религией меча и что он прославляет военную доблесть... Во-вторых, начиная с места его возникновения в Аравии, распространение ислама... приводило мусульман в тесный контакт со многими народами, которые были завоёваны и обращены, и наследие этого процесса сохраняется... Третий возможный источник конфликта мусульмане – не-мусульмане заключается в том, что между ними существует «неперевариваемость»» [1, с. 428–429].

Из этих причин автор делал вывод, что «ислам является источником нестабильности в мире потому, что у него отсутствует доминантный центр» [1, с. 430]. Как уже отмечалось, особое внимание Хантингтон уделяет демографическому фактору, который является естественным источником нестабильности, поскольку «демографический взрыв в мусульманских странах и значительная доля в общей численности населения мужчин в возрасте от пятнадцати до тридцати лет, зачастую не имеющих работы» [1, с. 431]. Интересен вывод Хантингтона, что «старение поколения к третьему десятилетию двадцать первого века и экономическое развитие мусульманских стран, если и когда таковое произойдёт, могло бы, следовательно, привести к существенному снижению тенденции мусульман к насилию, а значит, и к общему спаду в повторяемости и напряжённости войн по линиям разломов» [1, с. 431].

Таким образом, мы видим, что Самюэль Хантингтон в своей работе определил причины роста мусульманского терроризма и насилия и дал некоторые прогнозы на ближайшие десятилетия. Теперь посмотрим, насколько его выводы оказали влияние на современные оценки положения мусульман в Европе.

Для начала рассмотрим вопрос о том, насколько велика численность мусульман среди населения европейских стран. Ведь именно увеличение числа

сторонников ислама как за счёт приезжих, так и за счёт быстрого естественного прироста вызывает особую тревогу. По мнению Пайпса: «у христиан на каждую женщину приходится 1,4 ребёнка, что на одну треть меньше, чем это необходимо для поддержания численности их населения на требуемом уровне. Что же касается мусульман, то у них имеется драматично более высокий, хотя и уменьшающийся, коэффициент плодовитости. Ожидается, что Амстердам и Роттердам (в Голландии) примерно в 2015 г. станут первыми городами, в которых большинство населения – мусульмане» [7]. Сегодня 2021 год, однако его прогнозы пока не сбылись. Процент мусульманского населения составляет в Амстердаме – 12,1 %, в Роттердаме – 13,7%. Самый мусульманский город Европы – Брюссель, доля мусульман 25%, а наибольшее количество мусульман – 1,7 миллиона человек проживает в Париже – 15% [4].

Если посмотреть на цифры мусульманского населения Европы более внимательно, то мы заметим, что в 2007 году в странах Европы проживало 53 миллиона мусульман, в том числе 25 миллионов в России и 16 миллионов в странах ЕС [4]. Если из этих цифр убрать российских мусульман, а темой нашей статьи является положение мусульман в странах Европы, то получится, что цифры сокращаются почти вдвое. Из европейских стран только три (Босния и Герцеговина, Косово, Албания) имеют более половины населения исповедующих ислам. В остальных странах Европы эти цифры гораздо меньше. Из стран ЕС только на Кипре мусульмане составляют 25,4%. В остальных странах, а мы отметим только самые большие диаспоры, эти цифры такие: Болгария – 13,4%, Франция – 8,8%, Швеция – 8,1%, Бельгия – 7,6%, ФРГ – 6,1%, Великобритания – 6,3%, Австрия – 7,9%. В большинстве европейских стран эти цифр гораздо меньше: Швейцария – 5,2%, Голландия – 5,1%, Италия – 4,8%, Норвегия – 3,2%, Испания – 2,6%, Ирландия – 1,4%, Финляндия – 1,8%. В большинстве стран Центральной и Восточной Европы от 0,1 до 0,4% [5].

Как можно заметить, в абсолютных и относительных цифрах ситуация кажется не очень острой. Что же вызывает тревогу европейцев? А прежде всего те же демографические факторы. Стремительными темпами растёт удельный вес мусульманской общины в населении Евросоюза: 4% в 1990 году, 6% в 2010 и, по прогнозам, 8% к 2030 году и до 11,2 % к 2050 году [4]. Среди факторов, оказывающих влияние на такой быстрый рост мусульманского населения, можно выделить и такой: «мусульмане намного моложе и имеют больше детей, чем другие европейцы. В 2016 году средний возраст мусульман по всей Европе составлял 30,4 года, что на 13 лет моложе среднего возраста для других европейцев (43,8 года)... Кроме того, ожидается, что у средней мусульманской женщины в Европе будет 2,6 ребёнка, что на одного ребёнка больше, чем у средней немусульманской женщины (1,6 ребёнка)» [5].

Изменение численности мусульманского населения уже начинает оказывать влияние, прежде всего, на политическую жизнь. Среди городов, где мэр-мусульманин, уже можно назвать Лондон, Роттердам, Брэдфорд. Можно

ожидать в скором времени такой же ситуации в Марселе, Барселоне, Брюсселе, Мальмё, Бирмингеме. Но, на наш взгляд, в данной ситуации одной из причин становится господствующая в Европе толерантность. То есть никакой угрозы это явление в себе не таит. При этом надо учитывать, что даже мэр-мусульманин Роттердама Ахмед Абуталеб очень жёстко отреагировал на действия мусульманских боевиков в Париже.

Анализируя мотивы поведения мусульман как беженцев, так и уроженцев Европы, исследователи выявили интересную закономерность. Первое поколение мигрантов старается успешно адаптироваться к новой стране и в то же время понимает, что не может претендовать на те социальные блага, которые европейские страны гарантируют своим коренным жителям. Второе поколение – дети мигрантов первой волны, уже видят всю ограниченность своего социума по сравнению с европейскими сверстниками. И совсем неожиданным оказалось поведение третьего поколения – внуков мигрантов первой волны. Среди них очень выросла склонность к радикальному экстремизму и существует обострённое восприятие своей принадлежности к мусульманской общине – умме [2, с. 64–65].

Европейцев в мусульманах настораживает практически всё. И слабая интеграция в европейское общество, хотя отметим, что во многих европейских странах с их принципом индивидуализма, этим никто серьёзно не занимался. И политическая активность мусульман, и закрытость этнических анклавов мусульман. Современное Европейское сообщество имеет ярко выраженный геронтократический характер, и в данной ситуации действия мусульман, среди которых много молодёжи, оказываются поддержанными молодыми европейцами, как это показали события во Франции в 2005 году, и позднее – «движение жёлтых жилетов». При этом шоком для европейцев стал тот факт, что среди мусульманских террористов, совершавших теракт по всему миру, оказалось много молодёжи, десятилетиями проживавшей в Европе.

По мнению А. Понамарёвой: «очевидно, что в ближайшие годы напряженность в связи с существованием в культурном пространстве Европы столь мощного инородного течения, как ислам, только усилится. Все большая часть мигрантов-мусульман будет отстаивать легитимность своего присутствия на континенте именно в качестве носителей исламской традиции. Ускорится формирование мигрантского социально-религиозного субстрата как самостоятельного субъекта политики. Приоритетной задачей исламских активистов станет укрепление связи с мусульманским зарубежьем, в том числе с мусульманскими радикальными движениями. Международные исламские организации, рассматривающие мигрантский мусульманский социум в качестве потенциального инструмента влияния на политику европейских стран, продолжат оказывать финансовую и социальную помощь наиболее перспективным в данном контексте представителям общин» [2, с. 75].

Реакцией европейцев становится и рост правового радикализма в Европе и активизация антимусульманских настроений. На референдуме в Швейцарии

в 2009 году большинство населения (57,5% при явке в 53%) высказалось против строительства новых минаретов.

Надо отметить, что, несмотря на общие проблемы, в каждой европейской стране ищут свой собственный путь решения проблемы интеграции мусульманского сообщества в европейский мир. Здесь можно говорить отдельно о немецкой, французской или английской моделях [3]. При этом в каждой стране понимают, что: «традиционные исламские ценности сплачивают мусульманскую молодежь, в основном безработную. Она впитывает, в том числе, и экстремистские взгляды и воспринимает модернизацию и глобализацию как угрозу своим экономическим интересам и религиозным традициям. «Радикальный» ислам в отличие от «умеренного» предлагает идеи, доступные для понимания малообразованных масс, и постепенно становится своего рода идеологией социального протеста, которая приводит к росту исламистского терроризма и создает угрозу безопасности всему миру» [3, с. 62].

По прогнозам футурологов: «после 2050 года темпы роста мусульманского населения замедлятся, но это не помешает им к 2100 году превзойти количество христиан на планете примерно на 1% (35% против 34%). В Европе к этому времени читать Коран будет каждый четвертый житель. Что же касается преобладания мусульманского населения над христианским в Старом Свете, то его следует ожидать не раньше середины XXII столетия. По мнению ученых, спор двух религиозных групп будет серьезно коррелировать категория европейцев, не исповедующих никакую религию, которая к 2050 году увеличится на 26%» [6]. Особенно интересным, на наш взгляд, является последний вывод – спор между христианами и мусульманами будут решать атеисты. Если это предположение верно, то можно констатировать, что проблема исламизации Европе не грозит.

Литература

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО Издательство АСТ, 2003.

2. Понамарёва А. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха // Индекс безопасности. 2007. № 3. С. 61–79.

3. Трофимова О. Мусульмане и ислам в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 10. С. 52–62.

4. Мусульмане в Европе – сколько их? URL: <https://fishki.net/anti/2157584-musulmane-v-evrope--skolyko-ih.html> (дата обращения: 30.10.2021).

5. Количество мусульман в Европе: процент населения, отношение, проблемы. URL: <https://zagraninfo.com/musulmane-v-evrope.html> (дата обращения: 29.10.2021).

6. Когда мусульман в Европе будет больше, чем христиан. URL: <https://weekend.rambler.ru/crazy-world/38903348-kogda-musulman-v-evrope-stanet-bolshe-chem-hristian/> (дата обращения: 28.10.2021).

7. Pipes D. Europe or Eurabia? // Australian, April 15. 2008. URL: <http://www.danielpipes.org/5516/europe-or-eurabia> (дата обращения: 27.10.2021).

THE ROLE OF MUSLIMS IN THE POLITICAL LIFE OF MODERN EUROPE

I. B. Krasilnikov

Smolensk State University, Smolensk

The article attempts to reveal the factors influencing the situation of Muslims in modern Europe: the number of the Diaspora, its activity, the problem of the construction of minarets, the growth of crime. Special attention is paid to the work of Samuel Huntington «The Clash of Civilizations», which lays the foundations of many modern views on this problem. The author tries to determine the role of public opinion in Europe on the ongoing policy towards Muslims.

Keywords: *Huntington's theory, Muslim diaspora, Europe.*

Об авторе:

КРАСИЛЬНИКОВ Игорь Борисович

Смоленский государственный университет, кафедра всеобщей истории и международных отношений, кандидат исторических наук, e-mail: kras-igor-2008@rambler.ru.

About author:

KRASILNIKOV Igor Borisovich

Smolensk State University, Department of General History and International Relations, Candidate of Historical Sciences, e-mail: kras-igor-2008@rambler.ru.

ЕВРОПЕЙСКИЙ МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС И РОСТ ВЛИЯНИЯ ПРАВОГО ПОПУЛИЗМА

Н. Е. Белова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В статье оцениваются масштабы современных миграционных процессов в европейских странах, раскрываются основные предпосылки и непосредственные причины европейского миграционного кризиса, а также детерминанты роста влияния правопопулистских политических партий.

Ключевые слова: миграционный кризис, миграционная политика, популизм, правые политические партии.

Популизм как идеология и политическая деятельность, в основу которых положены апелляция к широким народным массам и манипулирование популярными в народе идеями и ценностями, – явление не новое в политике. Со времен античной демократии и в различных исторических условиях политики ради получения власти или ее удержания заигрывали с массами, использовали демагогические приемы, обращались к предрассудкам толпы, давали лживые безответственные обещания.

В своем стремлении понравиться массам популистские политические лидеры предлагают простые и быстрые решения сложных проблем, эксплуатируя присущие обывателю веру в возможность и эффективность подобных решений, черно-белое восприятие мира и категоричность суждений. Элементы популизма можно обнаружить в риторике политических лидеров и партий любой идейно-политической окраски – как левых, так и правых, как авторитарных, так и демократических.

Популизм является спутником политического радикализма, и более того, «чем более радикален политик, тем в большей степени он пользуется популистскими приемами» [1]. А поскольку легковесные обещания, данные политиками-популистами, как правило, никто не собирается выполнять, закономерным результатом популистской политики является массовое разочарование, политическая апатия и абсентеизм. С другой стороны, оппозиционные силы, умело пользуясь популистской риторикой, способны актуализировать действительно насущные проблемы и жестко критиковать правящую элиту за ее ошибки и промахи.

Особенно благоприятны для роста популистских настроений в обществе периоды острых социально-экономических кризисов, сопровождающихся ростом безработицы и приводящие к снижению уровня и качества жизни широ-

ких социальных слоев. Восприимчивостью к популизму могут отличаться не только маргиналы, но и относительно благополучные социальные группы, испытывающие неуверенность в «завтрашнем дне» и ожидающие скорого преодоления кризисных явлений.

Начиная с 2015 г., европейские государства столкнулись с одним из самых масштабных в своей истории миграционных кризисов. По данным Международной организации по делам миграции, за один только этот год границы Европы пересекли более миллиона мигрантов и беженцев. Пограничная служба Европейского союза Frontex, отслеживающая пути, которыми мигранты прибывают в Европу, приводит цифру в 1,8 миллиона беженцев и нелегальных мигрантов, пересекших границы Евросоюза в 2015 году [6]. Особенно значительным является рост числа переселенцев в Германии и Франции, что обусловлено, прежде всего, высоким уровнем жизни и значительными размерами социальных пособий для беженцев в этих странах.

Нестабильная политическая обстановка, гражданские войны, вооруженные конфликты, «этнические чистки» и отсутствие экономических перспектив в ряде стран Ближнего Востока, Северной и Центральной Африки явились основными предпосылками массового исхода беженцев и переселенцев. Непосредственными же причинами европейского миграционного кризиса стали неготовность принимающих стран к резкому увеличению числа беженцев (в том числе недостаточное финансирование, нехватка персонала, занимающегося вопросами переселенцев, отсутствие свободного жилья и т. п.), неэффективность традиционных инструментов миграционной политики, а также раскол в Европейском союзе по вопросу приема и распределения беженцев по странам ЕС.

По мере обострения миграционной проблемы все чаще стали раздаваться голоса политиков, констатирующих «крах мультикультурного подхода». И даже Ангела Меркель, «распахнувшая двери» для мигрантов, заявила о том, что мультикультурализм в Германии «полностью провалился», что можно интерпретировать как сдвиг вправо от ее прежних взглядов. Она призналась, что было заблуждением думать, что немцы и иностранные рабочие могут «счастливо жить бок о бок» [10]. Премьер-министр Баварии Хорст Зеехофер также констатировал, что «мультикультурализм мертв», и если Германия не пересмотрит свою иммиграционную политику, она рискует превратиться во «всемирный офис социального обеспечения» [10].

Еще более жесткая позиция изложена в ставших бестселлерами и вызвавшими большой резонанс книгах бывшего немецкого политика Тило Саррацина «Германия: самоликвидация» [8] и «Враждебный захват: как ислам тормозит прогресс и угрожает обществу» [13], а также в его интервью журналу «Lettre International». По его мнению, большая доля турецких и арабских иммигрантов не может и даже не хочет становиться частью немецкого общества. «Большое количество арабов и турок в этом городе [в Берлине – прим. авт.] не выполняет никакой продуктивной функции, кроме торговли фрукта-

ми и овощами <...> Интеграция есть задача того, кто интегрируется. Я не обязан уважать того, кто ничего для этого не делает. Я вообще не обязан уважать того, кто живет за счет государства, не заботится должным образом об образовании своих детей и во множестве производит на свет маленьких девочек в платках» [12].

Неэффективность миграционной политики европейских государственных и надгосударственных структур, сопряженные с миграционным кризисом социально-экономические проблемы, уличная преступность и террористическая угроза стали причиной роста правопопулистских настроений в обществе и спровоцировали развитие радикального национализма и ксенофобии как реакции на этот кризис. Согласно результатам проведенного в Германии и опубликованного Фондом Фридриха Эберта опроса, 73% немцев опасаются роста связанных с мигрантами преступности и террористической угрозы, 64% – влияния ислама. Недовольство по поводу стоимости интеграции переселенцев и расходования бюджетных средств высказали 61% опрошенных. Растущей конкуренцией на рынке жилья и труда обеспокоены 58 и 30 процентов соответственно. Против приема переселенцев, мигрирующих по экономическим причинам, высказалось 57% коренного населения [11].

По мере усиления социальной напряженности, вызванной наплывом мигрантов, в европейских странах происходит рост популярности и укрепление влияния новых крайне правых политических сил, реабилитирующих европейскую националистическую идею. К их числу относятся «Альтернатива для Германии» (АдГ) и движение ПЕГИДА («Патриотические европейцы против исламизации Запада») в ФРГ, французский «Национальный фронт», бельгийский «Фламандский интерес», Швейцарская народная партия, австрийская «Партия свободы», правопопулистские «Шведские демократы», нидерландская «Партия свободы», итальянская ультраправая «Новая сила», венгерская «Йоббик» и другие. Все они выступают с антииммигрантской и антиисламской повесткой, за ужесточение контроля над иммиграцией, допуская в ряде случаев возможность приема в своих странах только тех беженцев и мигрантов, которые могут быть полезны для национальных экономик, готовы работать, ассимилироваться и уважать европейские ценности.

О росте популярности этих идей свидетельствуют не только данные социологических опросов, но и результаты выборов на региональных, национальных и общеевропейском уровнях власти. Первой фракцией Европарламента, действовавшей с 1984 по 1989 г. и объединившей ультраправые националистические партии, стали «Европейские правые» во главе с Жан-Мари Ле Пенем. Ряд его скандальных заявлений по поводу итогов Второй мировой войны (отрицание Холокоста и др.) привели к расколу внутри фракции и переходу в 2015 г. умеренных членов во главе с Марин Ле Пен в новую парламентскую фракцию «Европа наций и свобод». Во Франции по итогам второго тура президентских выборов 2017 г. Марин Ле Пен заняла второе место с весомым результатом в 34%. На выборах в Европарламент в 2014 и 2019 гг. ее

праворадикальная партия вышла победителем, получив 24,85% и 23,31% голосов избирателей. В Австрии кандидат от ультраправой Партии свободы Норберт Хофер победил в первом туре президентских выборов 2016 г. и проиграл во втором, уступив своему сопернику лишь 0,6% голосов.

На прошедших в 2017 г. в Германии парламентских выборах партия «Альтернатива для Германии» заняла третье место, получив 12,6% голосов. Своей популярности и поддержки избирателей партия добилась благодаря антииммигрантской риторике, критике политики «открытых дверей» и мультикультурализма. В целях предотвращения роста миграционных потоков и усиления позиций ислама АдГ заявила о необходимости реформирования системы социальной помощи с тем, чтобы она не привлекала в страну мигрантов, особенно – низкой квалификации. В представленном в апреле 2021 г. программном документе партии содержится требование запрета переселения в Германию любых родственников принятых в стране беженцев [4].

Другим крайне правым политическим феноменом в Германии является движение ПЕГИДА, позиционирующее себя как борющееся против религиозного фанатизма, за сохранение «христианско-иудейских ценностей», приоритетов немецкой культуры, не выступающее против беженцев и мигрантов как таковых, но настаивающее на их обязательной ассимиляции. В числе требований, выдвигаемых лидерами движения, – принятие правительством специального иммиграционного закона, устанавливающего балльную систему оценки потенциальной «способности иммигрантов интегрироваться». Также в ПЕГИДА считают, что настало время для референдума по вопросу иммиграции [5].

События в Кельне в ночь на 2016 г., когда десятки немецких женщин подверглись грабежам и сексуальным домогательствам со стороны выходцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, вызвали волну гнева и всплеск антииммигрантских настроений в немецком обществе. Особенно возмутило общественное мнение бездействие полиции и отсутствие адекватной реакции со стороны местных властей. После произошедшего Министерство внутренних дел Германии утвердило инструкцию, запрещающую полицейским раскрывать информацию о совершении мигрантами преступлений, ссылаясь на возможность использования подобной информации правыми радикалами для разжигания межнациональной и межрелигиозной ненависти [7].

В своих официальных заявлениях новые правые стремятся дистанцироваться от какого бы то ни было радикализма и экстремизма, но фактическое наличие в их рядах радикальных политиков, провокационные лозунги, скандальные высказывания, карикатуры и макеты виселиц для высших государственных чиновников на демонстрациях протеста против мигрантов и официальной миграционной политики вызывают неоднозначную реакцию в европейском истеблишменте и общественном мнении. Правопопулистские политические силы опираются на ксенофобские настроения в обществе и добива-

ются укрепления своих политических позиций посредством разжигания подобных настроений.

Впрочем, современный правый популизм не следует считать «чисто правым», поскольку его сторонники включают в свои программные заявления требования социального равенства, снижения налогов для пенсионеров, а также запрета разного рода дискриминационных практик, в том числе расистских [2, с. 52]. Новые правые партии значительно более терпимо относятся к своим непримиримым в недавнем прошлом противникам – коммунистам и социалистам, и во многом отражают настроения опорного электората общества благосостояния, получившего развитие во второй половине XX в. в индустриальных и постиндустриальных странах [3, с. 9].

Итак, неэффективность миграционной политики европейских государственных и надгосударственных структур, а также сопряженные с миграционным кризисом социально-экономические проблемы, уличная преступность и террористическая угроза стали причиной роста правопопулистских настроений в обществе. Однако возможности укрепления позиций европейских правых политических партий существенно ограничены в силу сохраняющейся в европейском обществе установки на толерантность и политкорректность. Коренные европейцы, недовольные наплывом мигрантов, в большинстве случаев не готовы открыто говорить об этом. Публичная критика нежеланных гостей считается «дурным тоном» [9, с. 57]. Это иллюстрируют и результаты выборов в Европарламент в мае 2019 г., на которых партия «Альтернатива для Германии» набрала лишь 11% голосов избирателей, а также прошедшие в Германии в сентябре 2021 г. парламентские выборы, на которых АдГ заняла лишь пятое место с 10,3% голосов.

Литература

1. Баранов Н. А. К вопросу о современном популизме. URL: <https://nicbar.ru/nauka/stati/356-k-voprosu-o-sovremennom-populizme> (дата обращения 02.10.2021).

2. Бутенко В. А. Миграционный кризис в ЕС: рост правого популизма // Русская политология. 2019. № 2 (11). С. 50–54.

3. Громыко А. А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 5–12.

4. Гункель Е. Правые популисты в ФРГ представили программу на выборы в бундестаг. URL: <https://www.dw.com/ru/predvybornaja-programma-partii-alternativa-dlja-germanii/a-57163802> (дата обращения 02.10.2021).

5. Движение ПЕГИДА – кошмар для немецкого правительства. URL: <https://topwar.ru/66789-dvizhenie-pegida-koshmar-dlya-nemeckogo-pravitelstva.html> (дата обращения 12.10.2021).

6. Миграционный кризис в Европе в цифрах и графиках. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2016/02/160219_migrant_crisis_charts (дата обращения 02.10.2021).

7. Полонский И. Изнасилованная Европа. Что ждёт Германию и другие страны после «весёлой ночи в Кёльне». URL: <https://topwar.ru/89062-iznasilovannaya-evropa-что-zhdet-germaniyu-i-drugie-strany-posle-veseloy-nochi-v-kelne.html> (дата обращения 12.10.2021).

8. Саррацин Т. Германия: самоликвидация / пер. с нем. М.: Рид Групп, 2012.

9. Свечникова С. В., Вайсеро Т. В. Феномен правого популизма в ФРГ на примере партии «Альтернатива для Германии» // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 2 (91). С. 53–58.

10. Angela Merkel declares death of German multiculturalism. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/oct/17/angela-merkel-germany-multiculturalism-failures> (дата обращения 02.10.2021).

11. Deutsche befürworten Migration und bewerten Flüchtlingspolitik als planlos. URL: <https://www.welt.de/politik/article190504499/Migration-Was-die-Deutschen-ueber-Zuwanderung-denken-eine-Umfrage.html> (дата обращения 02.10.2021).

12. Sarrazin muss sich entschuldigen. Zeit Online Integration. 1. Oktober 2009. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2009-10/sarrazin-aeusserung-integration/komplettansicht> (дата обращения 02.10.2021).

13. Sarazzin T. Feindliche Übernahme. Wie der Islam den Fortschritt behindert und die Gesellschaft bedroht. FBV: München, 2018.

THE EUROPEAN MIGRATION CRISIS AND THE GROWING INFLUENCE OF RIGHT-WING POPULISM

N. E. Belova

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas

The article assesses the scale of modern migration processes in European countries, reveals the main prerequisites and immediate causes of the European migration crisis, as well as the determinants of the growing influence of right-wing populist political parties.

Keywords: *migration crisis, migration policy, populism, right-wing political parties.*

Об авторе:

БЕЛОВА Наталья Евгеньевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, кафедра истории, обществознания и права, кандидат политических наук, e-mail: belovane@yandex.ru.

About author:

BELOVA Natalya Evgenievna

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Department of History, Social Studies and Law, Candidate of Political Sciences, e-mail: belovane@yandex.ru.

УДК 94(41/99)

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ КАК АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ: ЮБИЛЕЙ 2021 ГОДА

Н. П. Таньшина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московский педагогический государственный университет, г. Москва

Статья посвящена 200-летию со дня смерти Наполеона Бонапарта 5 мая 2021 г. и непрекращающимся дискуссиям, происходящим во французском обществе вокруг его личности и деятельности. В центре внимания статьи – полемика во французском обществе и скандал, спровоцированный организацией Музеем Армии выставки современного искусства в Соборе Инвалидов, среди экспонатов которой – 3D-копия скелета коня Маренго, изготовленная скульптором Паскалем Конвером, подвешенная над саркофагом Наполеона Бонапарта. Эта акция вызвала бурную полемику во французском обществе относительно роли Наполеона Бонапарта в истории Франции, его места в исторической памяти и роли истории как таковой.

Ключевые слова: история Франции, историческая память, Наполеон Бонапарт, 200-летний юбилей смерти Наполеона, Э. Макрон, Т. Лени, Ж. Тюлар, П. Конвер, саркофаг Наполеона, конь Маренго.

История – это, конечно, наука о прошлом. Но не только. История – это наука о настоящем и даже будущем. И не только потому, что в прошлом люди ищут ответы на стоящие перед ними вопросы, а исследователи, зная закономерности исторического процесса и учитывая опыт прошлого, пытаются прогнозировать и выстраивать будущее.

Знаковые, эпохальные исторические события и личности не уходят навсегда в прошлое, они остаются в настоящем, отражают его и даже его направляют. Для французов одним из таких важнейших событий является Французская революция конца XVIII в., а одним из исторических деятелей – Наполеон Бонапарт. Но если Французская революция, при всех спорах, дис-

куссиях и даже боях (вспомним Мишеля Вовеля, который вел настоящую битву за 200-летие революции), воспринимается как матрица современной Франции, основа ее политической культуры и образец революции как таковой, то с Наполеоном Бонапартом ситуация гораздо более неоднозначная.

В XIX веке знаменитый писатель Виктор Гюго говорил, что французы продолжают то показывать, то прятать Наполеона, не в силах прийти к однозначному мнению на его счет. С тех пор прошло уже почти двести лет, а ситуация не изменилась. Наполеон Бонапарт продолжает разделять французов. При этом, по опросам общественного мнения, неизменно входит в тройку национальных героев. Первые три места стабильно занимают Шарль де Голль, Людовик XIV и Наполеон Бонапарт, меняются только местами. Что интересно, дальше идут уже персонажи вовсе не исторические, а герои XX–XXI вв.: футболисты, кинозвезды и так далее – то есть рядовой француз своей истории особо не знает. Об этом в своей недавней книге о Наполеоне и Шарле де Голле писал известный французский исследователь Патрис Генифе [6, р. 17].

Итак, Наполеон неизменно лидирует в Пантеоне национальной памяти. И при этом относятся к нему французы очень неоднозначно, и так было всегда. Юбилеи, конечно, актуализируют споры и дискуссии. И 200-летие смерти Наполеона Бонапарта является тому подтверждением.

Что характерно, предыдущий юбилей, 250-лет со дня рождения Наполеона Бонапарта, отмечавшийся в 2019 г., прошел весьма скромно. Конечно, было организовано множество конференций, выставок, произошли грандиозные празднования в родном городе Наполеона Бонапарта Аяччо, но на уровне властей все прошло не то, что бы незамеченным, но очень тихо. Да, председатель Сената выступил на площади Шарля де Голля в Аяччо 15 августа 2019 г., но президент Макрон в тот день не произнес о Наполеоне ни слова. Он выступил на юге Франции с речью, посвященной высадке африканских союзников в Провансе в годы Второй мировой войны. И, общаясь вечером с коллегами и друзьями в Аяччо, я увидела, как им было обидно [2, с. 175]. Правда, известный французский историк Пьер Бранда тогда заверял меня, что французы широко празднуют только столетия: 200 лет Французской революции, 200 лет смерти Наполеона, и был убежден, что мероприятия, посвященные 200-летию смерти императора, будут грандиозными. А теперь посмотрим на это из 2021 года.

Начать следует с того, что в дело вмешалась пандемия. Многие из запланированных мероприятий пришлось перенести на осень или просто отменить. Ваша покорная слуга должна была выступать с докладом в Соборе Инвалидов. Но сначала конференцию перенесли на осень, а потом и вовсе ограничили конференцией в Фонде Наполеона.

Дальше в ход пошла тяжелая артиллерия в виде текущей конъюнктуры. А историческая память всегда политически ангажирована. Как писал знаменитый французский историк Жак Ле Гофф, память «...питает, стремится спа-

сти прошлое лишь для того, чтобы оно служило настоящему и будущему» [1, с. 135]. Наполеон, персона для политических кругов Франции и так неполикорректная, в этом году предстал просто в демоническом облике. На волне расовых и социальных проблем по всему миру, в том числе и во Франции, из всего гигантского наполеоновского наследия актуализировали лишь то, что в 1802 г. он восстановил рабство в колониях. В результате Наполеон, создатель современной Франции, автор Гражданского кодекса, создатель Банка Франции, системы Университета, инициатор нумерации домов по четной и нечетной сторонам улиц, человек, который предложил вакцинацию от оспы и в качестве примера вакцинировавший своего сына, Наполеон, покрывший славой французов и заставивший их поверить, что невозможное – это не по-французски, превратился в расиста, ксенофоба и человеконенавистника. И при этом расовыми проблемами он занимался месяц в своей жизни: восстановил рабство сугубо по экономическим мотивам (сахар тогда был как нефть), сам термин «расизм» в начале XIX в. не употреблялся, а рядовые французы в большинстве своем за всю свою жизнь никогда не видели чернокожих. И этот поток обвинений был настолько силен, что директор Фонда Наполеона, господин Тьерри Ленц назвал свою последнюю книгу «За Наполеона» [8].

По словам Тьерри Ленца, который, к слову, написал уже 47 книг о Наполеоне, Наполеон является частью французской истории, и память жива как обо всем хорошем, так и обо всем плохом, что он сделал. В своей книге «Наполеон и Франция», опубликованной в 2015 г., он подчеркивал, что «настало время для беспристрастного изучения наполеоновской истории. Надо отказаться от стереотипов и клише, от черной и белой легенд, надо, наконец, спокойно подумать о Первой империи и ее создателе» [7, р. 7]. Настал 2021 год, и всем стало ясно, что спокойно думать о создателе Первой империи французы не могут. Это происходит именно потому, что Наполеон, как подчеркивал Тьерри Ленц – это не только прошлое, но и настоящее: он «порой говорит нам о нас, о французах и европейцах XXI века» [7, р. 8]. Наполеон, утверждает Тьерри Ленц, хотя этого или нет, является отправной точкой национальной памяти, и это связано не только с воспоминаниями о военных победах и славе, которой он покрыл французов. Наполеон для Тьерри Ленца – это прежде всего человек. Человек, совершавший ошибки и закончивший свою карьеру головокружительным падением. При этом, как справедливо заметил другой французский исследователь, Пьер Бранда, даже свои неудачи Наполеон умел скрывать и превращать в успех [3].

То есть сейчас французские историки вновь вынуждены защищать Наполеона и не только его, но и национальную историю. Как заметил в своем недавнем интервью *Le Figaro* Тьерри Ленц, «мы должны защищать нашу историю, чтобы сохранить национальное единство» [9]. По его словам, двухсотлетний юбилей превращается в повод, чтобы «пнуть Наполеона, приписав ему неважно какое уничижительное прилагательное». Цель этих атак на

Наполеона, по мнению Тьерри Ленца, заключается в том, чтобы заменить хотя бы минимальное знание истории на слоганы.

На вопрос журналиста *Le Figaro*, является ли его книга защитой Наполеона, Тьерри Ленц ответил, что, вовсе нет, и что он решил написать ее после того, как на одной встрече, посвященной организации выставки, приуроченной к 200-летию смерти Наполеона, один чиновник попросил слова и сказал, что надо говорить о рабстве, о положении женщин, о тирании и войнах. И тогда Тьерри Ленц не выдержал и ответил ему: «Тогда вы должны организовать выставку против Наполеона!» Поэтому его книга, по его словам, это ответ всем тем, кто хочет стереть из памяти наполеоновское наследие, оценивая его с позиций современных реалий [9].

Тем временем страсти продолжали кипеть. И их апофеозом стала художественная акция. Французский скульптор-пластик Паскаль Конвер предложил повесить пластиковый 3D-скелет боевого коня Наполеона Маренго над саркофагом императора в Соборе Инвалидов в рамках выставки, организованной Музеем Армии под названием «Наполеон? Еще!» (*Napoléon? Encore!*). Открытие выставки работ авторов-авангардистов из тридцати стран было запланировано на 7 мая, то есть через два дня после памятной даты. П. Конвер свой проект назвал «*Memento Marengo*» – «Помни о Маренго» в память о знаменитой битве при Маренго, состоявшейся 14 июня 1800 г., когда Наполеон Бонапарт, тогда первый консул, разгромил австрийскую армию.

Идея этой арт-инсталляции, о которой стало широко известно в конце апреля этого года, накануне юбилейной даты, вызвала бурю негодования во французском обществе, что можно проследить, например, по очень эмоциональным комментариям в социальной сети Facebook под постами известных историков-наполеоноведов об этой акции: «Мир сошел с ума»; «Это шутка?»; «Человеческая глупость не знает границ!»; «Какой ужас! Недопустимо!»; «Очевидно, это не искусство, а бизнес!»; «Мы наблюдаем разрушение истории теми, кто должен ее сохранять на налоги граждан. Вы не представляете, как мне стыдно!». Некоторые и вовсе не сдерживались в своей реакции по отношению к властям: «Что они курили, чтобы одобрить такую работу?»; «Они сумасшедшие!»; «Это провокация! Надо протестовать»; «Конь в Инвалидах, осел в Елисейском дворце!» И это лишь малая часть высказываний рядовых французов.

Реакция французских историков была не менее эмоциональной. Тьерри Ленц сразу же после появления этой новости выступил на канале France 5, а на своей странице в Facebook написал: «Вопрос заключается не в том, нравится нам это или нет, а в том, должны ли мы уважать национальный некрополь в Соборе Инвалидов. В постановлении о назначении директора Музея Армии он именуется “хранителем могилы Императора”».

А вот реплика другого известного историка, сотрудника Фонда Наполеона Пьера Бранда: «От возвышенного до смешного один шаг. С пластмассовым скелетом лошади Маренго, инсталлированным скульптором Паскалем

Конвером не только над гробницей императора, но и рядом с могилами Фоша и Вобана, речь идет уже не о смехе, но о шокирующем гротеске. Невозможно все оправдать современным искусством...».

Или реакция известного французского историка, профессора Сорбонны Эрика Ансо: «Идея повесить пластиковый скелет коня над могилой Наполеона в Соборе Инвалидов с целью “очеловечивания” Наполеона уместительна. Такое может быть лишь плодом возбужденного ума и необразованности».

А вот мнение известного реконструктора, выступающего в образе Наполеона, бельгийца Жана-Жеральда Ларсена: «Во-первых, эта акция объясняется необходимостью сбора средств для реконструкции саркофага, поскольку Музею Армии одному это не по силам. Но заинтересовались ли у “дарителей” их мнением? Во-вторых, эта часть Собора Инвалидов является некрополем и криптой, где находятся две могилы. Спросили ли представителей семьи? Что думают члены семьи Бонапарт? В-третьих, что это за страна, позволяющая совершать подобное над останками одного из руководителей государства? В каком мире мы живем?»

Французы быстро окрестили историю со скелетом коня «вторым Маренго». Старейшина наполеоноведения Жан Тюлар дал интервью по поводу истории взаимоотношений Наполеона с лошадьми, подчеркнув, что Маренго вовсе не был любимым конем Наполеона, да и в целом лошади не были его главной страстью. Да и вообще, широко известен «цыпленок Маренго», любимое блюдо Наполеона, а вовсе не одноименный конь.

Но каков был замысел 63-летнего Паскаля Конвера, художника-акциониста, проживающего и работающего в Биаррице? В своем интервью от 17 декабря 2020 г., данном им в Соборе Инвалидов, художник подчеркнул: когда к нему обратились с идеей создать нечто к юбилею со дня смерти Наполеона, он был, с одной стороны, польщен, с другой – озадачен, поскольку никогда не делал работы на столь отдаленные исторические сюжеты (он является автором композиции, посвященной Сопrotивлению). Но, когда он впервые оказался в Соборе Инвалидов, ему в голову пришла идея поместить в огромное пространство часовни маленький скелетик коня. По замыслу художника, этот символический жест позволяет очеловечить как всадника, то есть Наполеона, так и само пространство: «Подвешивание скромного по размерам предмета, действительно маленького коня, завораживает взгляд и очеловечивает пространство. Возвращение истории ее человеческого измерения вовсе не принижает ее величия» [4]. Кроме того, по мнению автора проекта, легкие и тонкие кости скелета лошади, будто бы разделяющее пространство лучами и прорисовывающие его отдельными штрихами, символизируют, что и жизнь человека является лишь штрихом и зарисовкой [4].

Художник, конечно, имеет полное право на самовыражение, но публика эту символику не оценила. Как отметила главный редактор Histoire Magazine Сильви Дюто в своем посте от 25 апреля, «речь идет не о художнике, а о том,

кто заказал ему эту работу для данного места и времени. Сомнительна символика не объекта, а принципа. Это забвение исторического персонажа, который, в этой странной взаимосвязи с предметом современного искусства, лишается своего сакрального и исторического измерения, становясь простым предметом искусства. Речь идет о том, чтобы стереть человека, стереть Наполеона, стереть Историю».

27 апреля 2021 г. еженедельник *Le Nouvel Observateur* (L'OBS), издание социал-демократического направления, а левые очень не любят Наполеона, опубликовал интервью автора скандальной композиции [5]. Статья вышла под заголовком, являющейся цитатой из интервью художника: «Моя работа спровоцировала скандал, поскольку она вторгается в священный круг могилы Наполеона».

Начинается статья следующим заголовком: «Разве это неуважительно, разместить кости над костями?», а предваряет ее редакционный текст: «Музей Армии был занят поиском современного произведения искусства, которое могло бы вписаться в коммеморации 200-летия смерти Наполеона. В ответ на этот запрос скульптор-пластик Паскаль Конвер предложил разместить над могилой Наполеона в Соборе Инвалидов 3D-репродукцию скелета Маренго, любимой лошади Наполеона. Скелет над останками? Богохульство! Немыслимо! Работа еще не обрела свое место (вероятно, это произойдет только 7 мая), а уже Старая гвардия перешла в наступление». По словам издания, вслед за Тьерри Ленцем поднялась вся «Великая армия реакции» с криками: «Куда мы катимся? Бедная Франция!» [5].

Все это весьма напоминает историю с «Олимпией» Эдуара Мане. Тогда публика тоже, как известно, выкрикивала всякие грубости в адрес непонятного ей «произведения искусства» и видела в Олимпии лишь пошлость и надругательство над общественным вкусом. Только теперь произошла инверсия: уважаемых историков L'OBS выставляет как реакционеров, не понимающих сути современного искусства и символического значения художественного жеста.

По словам самого Паскаля Конвера, он не ожидал такой бурной реакции в отношении своего арт-объекта. В интервью он подчеркнул, что лишь выполнял заказ Музея Армии, утвердившего его работу. Никакой мысли о провокации и скандале (тут можно вспомнить первые выставки художников-дадаистов, главной целью которых были именно скандал и эпатаж) у него не было, только размышление художника на тему «*memento mori*».

Характерно, что скульптор, заявивший в своем прошлогоднем интервью, что он был очень далек от наполеоновской проблематики и мало что знал о ней, теперь тщательно подготовился и стал большим специалистом по наполеоновской эпохе: «Двухсотлетие смерти Наполеона разбудило старых демонов нации, разделенной на почитателей и хулителей Наполеона, а краеугольным камнем этого конфликта на сей раз стал вопрос о восстановлении рабства Наполеоном в 1802 г.» [5]. Как видим, скульптор транслирует самые

распространенные современные обвинения в адрес Наполеона, а еженедельник во вставках «Что почитать?» дает ссылки: «Наполеон, расист?», «Наполеон и восстановление рабства» и т. д.

Тем временем французы напряженно ожидали наступления 5 мая, ведь президент Республики Эммануэль Макрон незадолго до юбилея заявил о своем намерении выступить с официальной речью. И общество застыло в ожидании, какие слова произнесет глава Пятой республики, которого поначалу сравнивали с создателем Первой империи, и произнесет ли вообще?

5 мая Эммануэль Макрон выступил с почти двадцатиминутной речью в Институте Франции сразу после выступления Жана Тюлара. 25 декабря 1797 г. Наполеон Бонапарт был избран членом Института Франции, и президент Макрон начал свою речь именно со слов Наполеона Бонапарта, произнесенных им в тот самый день о том, что настоящие победы, не вызывающие сожаления, – это победы над невежеством. Борьба против невежества, любовь к знаниям и к своей истории – именно с такими словами президент Макрон обратился к лицеистам, с первых слов подчеркнув, что Наполеон Бонапарт является частью французской истории.

В целом речь президента Макрона является очень взвешенной, сбалансированной и спокойной. Глава государства признает заслуги Наполеона Бонапарта перед страной, подчеркивая, что он был создателем современного французского государства и многих его институтов, и Франция живет этими достижениями по сей день: «Наполеон Бонапарт – это часть нас, потому что его действия и уроки как воина, стратега, законодателя и строителя проявляются и в наше время» [10].

Изучая речь президента Макрона, я постоянно ловила себя на мысли, что господин президент очень внимательно изучил книги Тьерри Ленца, поскольку он говорил то, о чем писал историк. Либо президент Макрон разделяет эту позицию. Так, вовсе не идеализируя правление Наполеона, президент подчеркнул, что Франция отказалась от худших моментов империи, то есть от ее завоеваний, и взяла лучшее. Именно заслуги Наполеона перед Францией и чувствуют сегодня французы, – подчеркнул президент. При этом он отметил, что эти празднования должны пройти просто и спокойно, «без соблазна судить прошлое исходя из настоящего и по законам настоящего» [10].

Президент Макрон также отметил, что Наполеон, создатель современной Франции, исходивший в своих действиях из идеи ее величия, важен не только для французской нации как таковой, но и для каждого француза, в котором живет, как и в Наполеоне, «сокровенный отголосок древних добродетелей и современных парадоксов». Жизнь Наполеона по Макрону – это ода политической воле. Это пример того, как мальчик из Аяччо может стать властелином Европы и изменить ход истории. Без военного гения Наполеона, без его энергии, его тактики, проявленной в Тулоне, Аустерлице, Фридлянде или Ваграме, облик прошлого и нынешнего мира был бы иным, – заявил президент [10].

Кроме того, подчеркнул Э. Макрон, личность Наполеона так притягательна еще и потому, что вселяет в каждого человека уверенность в его возможности, дает надежду рискнуть, довериться своей мечте, реализовать свой потенциал, в общем – победить. Его жизнь – это гимн разуму, не только персональному, но гимн науке, технике и прогрессу. Более того, подчеркнул Макрон, жизнь Наполеона, как это ни парадоксально, это гимн свободе. Наполеон был первым романтиком не потому, что вдохновил писателей и поэтов-романтиков, а потому, что он сам обладал безграничной свободой. В каждое мгновение своей жизни он переосмысливал свое существование и был бесконечно свободен. «Наполеон мог быть одновременно и мировым разумом Гегеля и демоном Европы», – отметил Эммануэль Макрон [10].

Конечно, на волне обвинений Наполеона Бонапарта в расизме президент Макрон не мог обойти эту злободневную тему, но был очень сдержан и лаконичен. Он лишь отметил, что в 1802 г. Наполеон восстановил рабство, которое было упразднено Второй Республикой в 1848 г., и подчеркнул, что в своих завоеваниях Наполеон никогда не считался с человеческими жизнями, между тем как в современном обществе жизнь человека является высшей ценностью, даже на войне и тем более в условиях пандемии.

И закончил свою речь президент обращением: «Вы – лицеисты. Как французы, вы вписаны в историю... Вы можете ее любить и критиковать. Но надо еще понимать ее, знать ее». И в самом конце, отметив, что деяния Наполеона продолжают изменять французов, он произнес, причем очень спокойно и без всякого пафоса: «Солнце Аустерлица еще сияет! Да здравствует Республика! Да здравствует Франция!» [10]. В тот же день президент Макрон возложил венок у саркофага Наполеона Бонапарта в соборе Инвалидов.

Что касается скандального арт-объекта, то еще до торжественной даты Музей армии пообещал на время мессы демонтировать на несколько часов инсталляцию. Над саркофагом Наполеона никакие скелеты коней не висели. Сама же выставка «Наполеон? Еще!» открыта с 19 мая 2021 г. по 13 февраля 2022 г.

После 5 мая страсти вокруг коня Маренго быстро улеглись, чего нельзя сказать о страстях вокруг самого Наполеона Бонапарта. Как и в позапрошлом веке французы продолжают то показывать, то прятать Наполеона, не в силах прийти к окончательному мнению. Сейчас дискуссия разворачивается вокруг истории со статуей Наполеона Бонапарта в Руане, убранной несколько месяцев назад на реставрацию. Власти предлагают заменить ее на скульптуру в честь французской феминистки и правозащитницы Жизель Халими. Битва за Историю продолжается...

Литература

1. *Ле Гофф Ж.* История и память. М.: Росспэн, 2013.

2. *Таньшина Н. П.* Наполеон Бонапарт: между историей и легендой. СПб.: Евразия, 2020.

3. *Branda P.* Napoléon, la naissance d'un mythe // La Nouvelle république. URL: <https://www.lanouvellerepublique.fr/a-la-une/napoleon-la-naissance-d-un-mythe?fbclid=IwAR0JRJTnwwcOaq3LVayq-doHrIbyPywgjNHUW5Div6g05IYdJqFmj39QJaU> (дата обращения: 11.08.2019).

4. *Convert P.* Mémento Morengo. URL: http://www.pascalconvert.fr/temps/marengo.html?fbclid=IwAR0mFKCCbL0DzbrX_h1vsqKkevFBcgnDg1GIpxLx4EFoZyr5N_fl0ECcDVc (дата обращения: 11.08.2021).

5. *Convert P.* «Mon œuvre fait scandale parce qu'elle entre dans le cercle sacré du tombeau de Napoléon». URL: <https://www.nouvelobs.com/idees/20210427.OBS43341/mon-uvre-fait-scandale-parce-qu-elle-entre-dans-le-cercle-sacre-du-tombeau-de-napoleon.html> (дата обращения: 10.10.2021).

6. *Gueniffey P.* Napoléon et de Gaulle. Deux héros français. Paris: Perrin, 2017.

7. *Lentz T.* Napoléon et la France. Paris: Perrin, 2015.

8. *Lentz T.* Pour Napoléon. Paris: Perrin, 2021.

9. *Lentz T.* Nous devons défendre notre histoire pour préserver la cohésion nationale. URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/histoire/thierry-lentz-nous-devons-defendre-notre-histoire-pour-preserver-la-cohesion-nationale-20210402> (дата обращения: 10.10.2021).

10. *Macron E.* Discours du Président de la République à l'occasion du bicentenaire de la mort de Napoléon Ier. URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-17623-fr.pdf> (дата обращения: 11.09.2021).

NAPOLEON BONAPARTE AS THE ACTUAL PAST: THE ANNIVERSARY OF 2021

N. P. Tanshina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russian Federation; Moscow State Pedagogical University, Moscow

This article is devoted to the 200th anniversary of the death of Napoleon Bonaparte on May 5, 2021 and the ongoing discussions taking place in French society on his personality and activities. This article focuses on the controversy in French society and the scandal provoked by an exhibition of modern art in the Hôtel des Invalides organized by the Army Museum, including a contemporary artist Pascal Convert's 3D-printed copy of the skeleton of the horse Marengo,

suspended over the sarcophagus of Napoleon Bonaparte. This action caused a heated national debate over Bonaparte's role in the history of France, his place in historical memory and the role of history itself.

Keywords: *history of France, historical memory, Napoleon Bonaparte, the 200th anniversary of Napoleon's death, E. Macron, T. Lentz, J. Tulard, P. Convert, Napoleon's sarcophagus, Marengo's horse.*

Об авторе:

ТАНЬШИНА Наталия Петровна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Институт общественных наук, кафедра Всеобщей истории; Московский педагогический государственный университет, кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки, доктор исторических наук, e-mail: nata.tanshina@mail.ru.

About author:

TANSHINA Nataliya Petrovna

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Institute of Social Sciences, Department of General History; Moscow State Pedagogical University, Department of Modern and Contemporary History of Europe and America, Doctor in Historical Sciences, e-mail: nata.tanshina@mail.ru.

РАЗДЕЛ IV. СТРАНИЦА СТУДЕНТА

УДК 94 (37)

РЕТРОАЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ: НА ПРИМЕРЕ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ИСТОРИИ РИМСКОГО ГОСУДАРСТВА В СЛУЧАЕ ПОБЕДЫ МАРКА АНТОНИЯ У М. АКЦИЙ

Ю. Ю. Тункова

Лицей, г. Арзамас; Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет, Арзамасский филиал

Статья представляет собой историографический обзор альтернативных сценариев развития Римской державы в 31 г. до н. э. Анализ несостоявшейся истории в случае победы Марка Антония у м. Акций включает сравнение личных качеств полководцев, их боевых сил накануне морского сражения. Общеизвестно, что большинство авторов (Плутарх, П. Шехтман, А. Штенцель, У. Тарн, Дж. Бейкер, А. Хлевов) отдавали предпочтение как полководческому таланту, так и боевой силе Марка Антония. Именно он, по мнению историков, должен был победить в сражении 2 сентября 31 г. до н. э. В статье представлены два ретроальтернативных сценария победы римского полководца в 31 г. до н. э., критериями сравнения которых выступили форма правления, статус Рима, включение/невключение Египта в состав государства.

Ключевые слова: альтернативная история, мыс Акций, Марк Антоний, Октавиан, Клеопатра, борьба за власть.

2 сентября 31 г. до н. э. произошло великое морское сражение, ставшее переломным событием в судьбе Римской державы. Победу в многолетней борьбе за единоличную власть одержал Октавиан Август.

Согласно античным источникам, решающую роль в ходе битвы сыграло предательское поведение египетской правительницы Клеопатры. Заметив ее бегство, Марк Антоний покинул на произвол судьбы свой флот и отправился вслед за царицей [4, с. 13–36].

Абсолютно ли закономерна была победа Октавиана над «властителем всего Востока»? Понимал ли римский народ, кто действительно сильнее из претендентов на победу?

Отлично иллюстрирует позицию простого плебса анекдот о говорящих воронах. Октавиан, возвращаясь в Рим после битвы, повстречал простого человека, научившего своего ворона говорить: «Приветствуем тебя, Цезарь, наш победоносный командующий». Это так понравилось полководцу, что тот

одарил человека значительной суммой денег. Но выяснилось, что тот дрессировал ворона не один, а с товарищем, который не получил свою долю. После этого товарищ предложил Октавиану показать другого ворона. Когда принесли вторую птицу, она прокричала: «Приветствуем тебя, Антоний, наш победоносный командующий» [2, с. 292].

Данный анекдот о паре совершенно одинаковых птиц символизирует тот факт, что разница между Октавианом и его соперником была не так уж и велика. Каждый из них по объективным обстоятельствам мог стать победителем.

Могла ли битва закончиться иначе? Был ли шанс у Антония? Действительно ли победа одного из них мало повлияла бы на последующее развитие Рима? Необычайный интерес представляют ретроальтернативные сценарии развития мировой цивилизации в случае победы Марка Антония в 31 г. до н. э. у м. Акций.

Прежде всего, необходимо проанализировать личностные качества и организаторские способности каждого из соперников. Плутарх в своем труде «Сравнительные жизнеописания» дал следующую характеристику Антонию: «Он обладал красивой и представительной внешностью. Его мужественный вид напоминал некоторое сходство с Гераклом. Солдатам он внушал удивительную любовь и привязанность. В сражениях Антоний дал многочисленные доказательства отваги воина, дальновидности военачальника и получил подобающие награды и отличия» [5].

По мнению историка, политик ставил себя, искусного полководца, выше молодого Цезаря. Поэтому Антоний в своих письмах ему писал с грубостью и высокомерием [5]. Он недооценивал Октавиана, высмеивая его бегство в первом сражении, его слабое здоровье, его «позорные поступки» [3]. Несмотря на это, Октавиан отличался «милосердием и гражданской умеренностью. Он никогда не начинал сражение или войну, если не был уверен, что при победе выиграет больше, чем потеряет при поражении» [3].

Сравнивая характеристики личностных качеств каждого из соперников, которые были описаны античными авторами, можно сделать вывод, что искусным полководцем, имевшим организаторский талант и большой опыт ведения боя, был Марк Антоний. Именно ему суждено было стать победителем в битве у м. Акций, которая стала роковым сражением в его карьере.

Перейдем к анализу сил противоборствующих сторон. Плутарх сообщал, что по прибытии к м. Акций Антоний имел 500 военных кораблей, а Октавиан – 250 [5]. В то же время П. Шехтман указывал 360 кораблей у Антония и Клеопатры (причем большую часть флота составляли египетские корабли), 260 у Цезаря [8]. А. Штенцель, анализируя силы сторон, указывал, что флот Антония составлял не менее 170 крупных кораблей, на каждом из которых находились не менее 120 солдат. Флот Октавиана состоял из 260 кораблей, причем на каждом не менее 300 воинов [10, с. 348].

Несмотря на разницу в количестве судов, А. А. Хлезов пришел к выводу, что флот Агриппы – Октавиана владел стратегической и тактической инициативой, в то время как суда Антония не могли конкурировать ни в скорости, ни в маневренности. Самым сильным достоинством флота Антония была огневая мощь [7, с. 420–421]. Они превосходили по «суммарному залпу» противника примерно втрое. Однако из исторических источников не следует информации о том, что флот цезарианцев понес хоть какие-нибудь ощутимые потери в корабельном составе. Так что массированный обстрел наносил урон живой силе, но не кораблям. По мнению автора, с тактической точки зрения цезарианцы победили в самом начале – бой пошел по их схеме, антонианцев вытаскивали из залива в море и связали боем [7, с. 421].

Однако как отмечает А. А. Хлезов, «Сражение на измор, теоретически, могло продолжаться очень долго: недостатки одной из сторон в чем-либо компенсировались достоинствами в чем-то другом. Так что флот Антония мог держаться и дольше» [7, с. 421].

Поэтому силы Антония, явно превосходившие в количественном отношении флот Октавиана, вполне могли рассматриваться как сторона победителя, нежели как побежденная.

Подобная позиция существует и в западной историографии. А. Штенцель в своем труде «История войн на море» полагал, что у Октавиана к 32 г. до н. э. почти не было никаких сил для действия против нового могущественного противника, к тому же Италия была совершенно истощена. Если бы Антоний обладал хотя бы некоторой решимостью и энергией, он имел бы отличную возможность напасть на Цезаря в самой Италии и быстро завершить войну [10, с. 349]. Об этом же писал и Дж. Бейкер, рассуждая, что если бы Марк Антоний нанес мгновенный удар, пока Октавиан испытывал финансовые трудности, он мог бы одержать победу в гражданской войне [1, с. 188].

У. Тарн, анализируя планы и силы сторон, считал, что «численность его [Антония] флота давала ему вполне реальные шансы одержать вверх, и он сражался за победу» [12, р. 188–189].

Таким образом, флот Антония и его организаторский талант имели все шансы на благоприятный исход данного сражения. В связи с этим, многие историки, начиная с эпохи античности, пытались представить историю Римского государства в случае победы «властителя всего Востока» и сокрушительного поражения молодого Цезаря.

Ретроальтернативные версии развития античного мира можно сравнить по нескольким критериям: форме правления, статусе Рима, включении/невключении Египта в состав государства.

Несостоявшийся триумф Марка Антония стал объектом изучения еще в эпоху античности. Дион Кассий в начале III в. н. э. писал: «пожалуй, если бы он правил [Антоний], то их город был бы отдан Клеопатре, а столица перенесена в Египет» [4, с. 34].

Многие историки соглашаются с древнеримским историком и полагают, что Марк Антоний, захватив Рим и казнив Октавиана, стал бы единым правителем Запада и Востока. Столица государства была бы перенесена в Александрию. Один из оживленных культурных городов Египта, расположенный на перекрестке торговых путей, стал бы политическим и экономическим центром империи Антония и Клеопатры.

Конечно, ни о какой единоличной власти говорить бы не пришлось. Скорее всего, это был бы союз Антония и египетской царицы Клеопатры, давно желающей править Римом. Превратив Римскую державу в «империю восточного типа» Марк Антоний стал бы чеканить монеты с изображением себя и Клеопатры. Фактически он стал бы продолжателем дела Цезаря.

Рим, лишенный центрального положения, превратился бы в один из провинциальных городов восточной монархии. Вероятнее всего, Марк Антоний поделил бы империю на провинции, во главе которых стояли бы сыновья Клеопатры. Практика пожалования отдельных провинций Римской державы Марком Антонием началась еще до битвы у м. Акций, когда полководец отписал владения детям египетской царицы [5].

Данный процесс продолжился бы и после 31 г. до н. э., охватив уже все провинции государства. На смену ценностям античной цивилизации стала бы насаждаться арабская культура. Антоний, по мнению О. Шпенглера, уже создал новую в Александрии эпоху, которая «нашла свое завершение в драме у Акциума» [9].

Арабская культура вытеснила бы христианские ценности, вслед за которыми пришли бы мусульманские. Вероятнее всего, возникли бы новые философские школы, народные традиции, новые стили в искусстве. Принятие Европой «арабской» культуры привело бы к тому, что она ничем принципиально не отличалась бы от цивилизаций Востока [6, с. 96].

Таким образом, согласно первому сценарию, возникла бы могущественная арабская цивилизация, во главе которой, скорее всего, были Клеопатра и ее наследники, власть Антония была бы лишь номинальной, поскольку он официально являлся соправителем императрицы. Вероятнее всего, Рим потерял бы статус столичного города, уступив место богатой Александрии.

Заслуживает внимания ретроальтернативный сценарий «если бы победил Антоний» американского историка Джозии Обера. По мнению автора, после победы в битве у м. Акций, Марк Антоний вернулся бы в Рим, уничтожил бы прооктавинские силы и очистил бы сенат от сторонников Октавиана, наполнив его своими собственными. Таким образом, государственный строй державы он оставил бы без изменений. Обеспечив стабильность «Антониновой» аристократии, политик мог большую часть времени проживать в Египте [11, р. 14].

Что касается столицы, то Антоний, вероятнее всего, оставил бы ее в Риме, так как Египет не стал бы римской провинцией. Клеопатра и ее наследники доминировали бы в юго-восточном Средиземноморье в культурном и эко-

номическом отношении, стараясь никогда не предпринимать никаких действий, которые могли бы угрожать господству Рима. Средиземноморская культура и торговля вращались бы вокруг двух великих полюсов – Александрии и Рима. Обмен между ними был бы постоянным и интенсивным: римское воздействие на греческую культуру было бы в первую очередь опосредовано через мультикультурный фильтр столицы Египта [11, р. 15].

В заключении историк отметил, что если бы Антоний победил при Акции, Иисус Назарянин, родившийся всего через несколько поколений после битвы, достиг бы зрелости в совершенно другом обществе – в обществе, управляемом высококвалифицированными профессиональными бюрократами птолемеев, которые смогли бы устроить так, чтобы он переехал в Александрию. Таким образом, Иисус мог состариться, собрав себе последователей, привлеченных его социально-религиозным посланием, а не драматическим мученичеством. Если бы это было так, христианство развивалось бы совсем иначе, и центром его была бы Александрия, а не Рим [11, р. 15–16].

Анализ вышеперечисленных неосуществимых сценариев позволяет прийти к некоторым выводам. Все исследователи, занимающиеся данным вопросом, однозначно отмечали уничтожение всех процезарианских сил в Риме после поражения Октавиана. Это неоспоримый факт, но о дальнейшем развитии государства однозначно говорить не приходится. С одной стороны, поддавшись влиянию Клеопатры, Антоний создал бы «империю восточного типа» со столицей в Александрии, в которой господствовали бы арабские ценности, с другой – осталась бы несокрушимой республика с центром в Риме. Историки также расходятся во мнениях по поводу включения в состав государства Египта и последующего развития торгово-хозяйственных связей между двумя полюсами.

Следует признать, что египтомания чуть не погубила в свое время Цезаря. Она стоила потери власти и жизни Антонию. Октавиан не мог найти лучшего мотива для объявления Антонию патриотической войны во имя восстановления целостности империи. Антоний вступил в битву, рассчитывая на победу и имея вполне реальные шансы на успех. Бегство Клеопатры было не исполнением заранее составленного плана, а, как настойчиво утверждает античная традиция, её собственной инициативой. Поддавшись порыву и последовав за ней, Антоний подписал себе приговор. Битва у м. Акий стала поворотным событием в западной истории и ознаменовала начало новой эпохи – Римской империи.

Литература

1. *Бейкер Дж.* Август. Первый император Рима. М.: Центрполиграф, 2010.
2. *Бирд М.* SPQR. История Древнего Рима. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

3. *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати Цезарей. М.: Наука, 1993. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1354637629#72> (дата обращения: 02.10.2021).
4. *Дион Кассий.* Римская история. Книги LI–LXIII / Перев. с древнегреч. Под ред. А. В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2014.
5. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. М.: Наука, 1994. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1439004200#1> (дата обращения: 02.10.2021).
6. *Поликарпов В. С.* Антий выиграл битву при Акциуме // Если бы... Исторические версии. Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1995. С. 85–96.
7. *Хлевов А. А.* Морские войны Рима. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005.
8. *Шехтман П.* Битва при Акции // Море. 1998. № 1. URL: <http://ancientrome.ru/army/18.html> (дата обращения: 02.10.2021).
9. *Шпенглер О.* Закат Европы. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. URL: http://az.lib.ru/s/shpengler_o/text_1922_zakat_evropy.shtml (дата обращения: 02.10.2021).
10. *Штенцель А.* История войн на море. М.: Изографус, ЭКСМО-Пресс, 2002.
11. *Ober J.* Not by a Nose: The Triumph of Antony and Cleopatra at Actium, 31 B. C. // Eminent Historians Imagine What Might Have Been. New York, 2001. P. 23–47.
12. *Tarn W. W.* The Battle of Actium // Journal of Roman Studies. 21(02). 1931. P. 188–189.

RETROALTERNATIVE SCENARIOS OF THE ANCIENT ERA: ON THE EXAMPLE OF THE UNCONTINUED HISTORY OF THE ROMAN STATE IN THE CASE OF THE VICTORY OF MARK ANTONY IN THE BATTLE OF ACTIUM

Yu. Yu. Tunkova

Lyceum, Arzamas; The National Research State University of Nizhny Novgorod,
the Arzamas branch

The article is a historiographic overview of alternative scenarios for the development of the Roman Empire in 31 BC. The analysis of the failed history in the event of the victory of Mark Antony at Cape of Actium includes a comparison of the personal qualities of the commanders, their combat forces on the eve of the naval battle. It is well known that the majority of authors (Plutarch, P. Shechtman, A. Shtenzel, W. Tarn, J. Baker, A. Khlevov) preferred both the military talent and military strength of Mark Antony. It was he, according to historians, who should have won the battle on September 2, 31 BC. The article presents two retro-

alternative scenarios of the victory of the Roman commander in 31 BC, the comparison criteria for which were the form of government, the status of Rome, the inclusion/non-inclusion of Egypt in the state.

Key words: *alternative history, Cape of Actium, Mark Antony, Octavian, Cleopatra, power struggle.*

Об авторе:

ТУНКОВА Юлия Юрьевна

Лицей, г. Арзамас, учитель истории; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, магистрант, e-mail: julija-shamatova@rambler.ru.

About author:

TUNKOVA Yulia Yurievna

Lyceum, Arzamas, history teacher; The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, undergraduate, e-mail: julija-shamatova@rambler.ru.

УДК 94(411).03

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТРУКТУРНОГО РАЗВИТИЯ САЛИЧЕСКОГО ЗАКОНА (LEX SALICA)

И. И. Каталкин

Московский педагогический государственный университет, г. Москва

В статье приводятся и описываются результаты источниковедческого и, в частности, статистического анализа структурного развития Салического закона. Акцент сделан на выявлении структурных закономерностей Правды и их обосновании на основе анализа составленных графиков. Результаты проведенного исследования не только обосновывают сложность и продуманность правовой системы салических франков, но и демонстрируют актуальность использования количественных методов анализа при изучении источников

Ключевые слова: *Салическая правда, варварское право, Раннее Средневековье, метод статистического анализа, статистические закономерности.*

В исторической науке еще с XIX в. одной из наиболее популярных точек зрения в дискуссиях о правовом статусе Салической правды является мнение,

что она представляет собой источник, в котором зафиксированы только наиболее спорные положения обычного салического права [1; 2; 4]. В связи с этим исследователи, разделяющие данную точку зрения, констатируют факт – Салическая правда не является полным изложением правовой системы, носит фрагментарный характер и имеет лишь условную внутреннюю систематизацию, ограничивающуюся обобщающими названиями титулов. Целями настоящего исследования являются доказательство наличия у Салического закона четкой структуры, а также статистическое обоснование ее выявления и развития.

Метод работы заключается в выявлении статистических закономерностей с помощью анализа текста Салической правды, а также последующего составления графиков, отражающих количество параграфов, наказанием в которых является та или иная сумма штрафа. Данный метод был применен к «общему» тексту Салической правды, прибавлениям из рукописей всех V семей, а также к Капитуляриям и особому дополняющему правду документу – *Extravagantia B* [5].

В тексте источника составители в некоторых параграфах при вынесении штрафа ссылаются на другую фиксированную сумму, которую можно назвать «опорной» и прийти к выводу, что именно такие «опорные» штрафы являются структурной основой Салической правды. На графиках же явно прослеживаются «пики» определенных сумм, что является явной закономерностью и подлежит объяснению.

Закономерности Салической правды таким образом можно разделить на «внутренние», то есть те, которые четко обозначены в самом тексте Салической правды в виде ссылки на конкретную сумму при вынесении штрафа, а также на «внешние», которые становятся видны уже при составлении и анализе соответствующих графиков.

Для начала стоит остановиться на основном комплексе параграфов Салической правды. В нем «внутренние» закономерности ярко представлены в таких группах параграфов, как «Рабское законодательство» и «Испытание посредством котелка» (это группы параграфов из титулов XL и LIII). Особенностью этих двух групп является то, на что ссылаются составители Салической правды при вынесении штрафа. Если в обычных параграфах описывается конкретное преступление определенного характера и конкретный штраф за него (например, за кражу ястреба с шеста взимается штраф в 15 солидов), то в этих группах отсутствует описание самого преступления и остается лишь ссылка на какую-либо сумму штрафа – то есть без описания конкретного преступления, а с опорой на сумму. Перейдем к примерам. Параграфы «Рабского законодательства» регулируют наказания для рабов, устанавливая штраф в виде того или иного количества ударов плетью в зависимости от величины штрафа за преступления, в том случае, если бы его совершил свободный. Например: гл. XL. § 1. «Если будет совершен проступок, за который свободный должен уплатить штраф в размере 600 ден., или 15 сол., раб пусть будет

разложен на скамье и получит 120 ударов плетью» [5, с. 39]. Таким образом, мы видим, что составители Правды не расписывают конкретные условия преступления, как это делается в стандартных параграфах для свободных франков, а обозначают для судей «опорную» сумму штрафа в 15 сол.

Несомненно, подобная ссылка на эту сумму штрафа не случайна, что, в свою очередь, подтверждается количеством параграфов Салической правды, закрепляющих за теми или иными проступками и преступлениями штраф в 15 сол. – 55. Параграфы 3 и 5 той же главы различаются лишь суммой тех штрафов, на которые ссылаются составители. Таким образом, проанализировав данную группу, мы можем выделить в качестве «опорных штрафов» такие суммы как: 15 сол., 35 сол. и 45 сол. Целенаправленность ссылки на них подтверждается количеством параграфов с соответствующими штрафами, как в вышеописанном примере (в Салической правде параграфов с такими же суммами штрафа 55, 16 и 25 соответственно (рис. 1).

Группа штрафов, выделенная нами как «Испытание посредством котелка» (гл. LIII. § 1., § 3., § 5), регулирует стоимость выкупа руки в рамках данного испытания в зависимости от величины штрафа, наложенного на нарушителя. Однако в отличие от предыдущего набора параграфов, при анализе этих статей стоит обратить внимание не только на тот штраф, который в статье представлен в качестве «опорного», но и на стоимость выкупа руки. Таким образом, в гл. LIII. § 1. «Если кто будет вызван к испытанию посредством котелка с кипящею водою... Если проступок окажется таким, за какой, в случае улики, виновный по закону должен уплатить 600 ден., что составляет 15 сол., он может выкупить свою руку за 120 ден., что составляет 3 сол» [5, с. 51], «опорным» является штраф 15 сол., а суммой, которую необходимо выплатить за руку – 3 сол. Для обоснования того, почему в данной группе выплата за руку также является закономерностью, необходимо подобным образом проанализировать и остальные статьи. В § 3. «опорный штраф» – 35 сол., стоимость выкупа – 6 сол. В § 5. вместо «опорного штрафа» представлен факт обвинения в смертоубийстве, однако нельзя сказать, что данный параграф выбивается из вышеперечисленного ряда, так как формулировка, касающаяся именно характера преступления, используется здесь потому, что преступления-убийства не имеют своего четкого единого «опорного штрафа» из-за общественной дифференциации салических франков, которая обуславливает разнообразие штрафов за убийства людей разного социального статуса и положения. Стоимость же выкупа руки – 30 сол.

В ходе работы было подсчитано и количество параграфов с этими суммами. Для «опорных штрафов» (15 сол. и 35 сол.) это количество будет 55 и 16 соответственно (рис. 1). Для стоимости же выкупа руки (3 сол., 6 сол., 30 сол.) – 34, 5 и 22 (рис. 1).

Доказательством того, что стоимость выкупа руки является закономерностью, служит тот факт, что все эти суммы штрафов последовательно проходят по «пикам» в графике штрафов, то есть последовательно ведется линия

3 – 6 – 30 по возрастанию (сумму в 15 солидов мы отдельно затронем позже). Таким образом, можно увидеть явную закономерность в том, что все указанные составителями Правды суммы штрафов в данных параграфах являются превалирующими над остальными. При составлении графика штрафов именно эти суммы являются «пиками».

Из вышеперечисленного ряда явно выбивается штраф с показателем 6 сол., так как встречается он всего лишь 5 раз, что несопоставимо с остальными выделенными суммами. Несмотря на это, данный штраф также является закономерным и особенным, что проявляется не только в его упоминании в статьях про выкуп руки, но и в его назначении. Все параграфы, подразумевающие, что нарушитель должен будет выплатить 6 сол. имеют три общих черты: во-первых, все эти штрафы взимаются первоначально с рабов и только за совершенные ими проступки и преступления. Во-вторых, все эти штрафы имеют альтернативный исход событий (кастрация раба в гл. XII. § 2., гл. XXV. § 7., гл. XL. § 4. и 144 удара плетью, как альтернатива кастрации в гл. XL. § 11). В-третьих, хотя все эти выплаты предъявляются изначально рабу, его владельцу предоставляется возможность оплатить штраф за него (что четко прописано в гл. XL. § 4). Таким образом, штраф в 6 солидов в принципе является «техническим», то есть его выплата является альтернативой для хозяина раба в том случае, если он не захочет отдавать своего работника на истязание. Несомненно, наличие лишь статей подобного характера в сумме штрафа размером в 6 солидов не может быть обычным совпадением и подгонялось специально для систематизации включенных в Салическую правду законов.

Далее необходимо сопоставить обозначенные данные по внутренним закономерностям с графиками, то есть выявить «внешние закономерности». При анализе «внутренних» закономерностей для большей убедительности уже были приведены некоторые результаты статистического анализа графиков, однако их необходимо рассмотреть и отдельно, более подробно. При разделении параграфов по величине штрафа на графиках видны «пиковые» суммы штрафов, которые выделяются на фоне остальных количественным параметром, то есть тем, сколько раз этот штраф встречается в параграфах Салической правды (рис. 1, 2, 3, 4). Несомненно, существование подобных «пиков» не является случайным, так как, если утверждать, что Салическая правда не имеет «опорных» сумм штрафов и составлена бессистемно, получается, что суммы штрафов в ней, большинство из которых повторяется в параграфах от 1 до 3 раз, «случайным» образом соседствуют с такими показателями, как 34, 55, 25 и другим количеством повторений суммы, что является нелогичным и не выдерживает критики. Таким образом, приходим к выводу, что Салическая правда имеет свою структуру и логику составления. «Пики» являются опорными суммами штрафов, в которые входят основные параграфы, в то время как остальные суммы штрафов (которые встречаются в Салической правде незначительное число раз по сравнению с «пиковыми») явля-

ются, в большинстве своем, теми же параграфами, однако с учетом тех или иных обстоятельств, влияющих на сумму штрафа (смягчающие, отягощающие, социальная дифференциация салических франков и др.).

Однако на этом исследование Салической правды не заканчивается, так как у документа присутствуют ранее озвученные прибавления и капитулярии. Анализ текста и графиков по прибавлениям, относящимся к наиболее ранним рукописям I семьи, а также Капитуляриям I и II, показывает, что Хлодвиг и его ближайшие потомки сохраняли и вновь обозначали вышеописанную структуру Салической правды. Проявляется это, в частности, в 7 главе Капитулярия I, а также в главе 8 Капитулярия II.

Так, в главе 7 обозначено: «Если какая-либо вдова захочет по смерти своего мужа вторично выйти замуж... И если она получила в качестве приданого 25 сол., то должна дать 3 сол. в качестве асхасиуса ближайшим родственникам умершего мужа... Если же она получила в приданое 63 сол., в качестве асхасиуса поступают 6 сол., так, чтобы с каждых 10 сол. 1 сол. шел в качестве асхасиуса» [2, с. 60]. Видим уже ранее знакомые нам штрафы в 3 и 6 солидов, а также обозначение, что в данном параграфе «с каждых 10 солидов в качестве асхасиуса требуется 1». В обоих вариантах вышеуказанных сумм приданого числа не являются «круглыми» и, по сути, округляются в ту или иную сторону. Таким образом, формально приданое в 25 солидов является слегка уменьшенной суммой от структурного штрафа в 30 солидов, который логично вписывается в схему 10 к 1 сол. О сумме в 63 солида стоит поговорить позже.

Далее первый параграф главы 8 Капитулярия II: «Если антрустион пожелает вызвать в суд по какому-либо делу (другого) антрустиона... И когда обвиняемый явится на суд, тогда истец должен поклясться сам-шестой, если тяжба идет о малом деле, за какое полагается штраф менее 35 сол. И затем тот, кто вызван, если он сознает себя чистым по этому делу, должен очиститься клятвой с 12 (соприсяжниками). Если же будет большее дело, за которое в случае улики следует 35 сол. штрафа и больше, но меньше 45 сол., тогда тот, кто его вызывает, должен поклясться сам-девятый. Тот же, кто вызван, если сознает себя невиновным, должен очиститься клятвою сам-восемнадцатый. А если будет такое дело, за какое полагается 45 сол., или более – до уплаты виры, истец должен поклясться сам-двенадцатый...» [5, с. 65–66]. Видим четкое следование изначальной схеме: 35 – 45 – Вира.

Таким образом, прибавления I семьи рукописей и два первых Капитулярия следуют основной структурной системе Салической правды (рис. 2, 3).

Изменения же в структуре происходят благодаря появлению прибавлений из рукописей II семьи, а именно, Приб 1-е, которое дополняет LIII главу об испытании посредством котелка: «Если проступок будет большой, именно такой, за который он мог быть присужден к уплате 62½ сол., и если стороны придут к соглашению относительно выкупа руки за 15 сол., пусть выкупит свою руку» [5, с. 52]. По описанному ранее методу приходим к выводу, что

62½ сол. – новый опорный штраф, пришедший на замену «пиковому» и не оформленному в качестве опорного штрафа в 63 сол. Таким образом, это обновление структуры устраняет и противоречие из ранее описанного параграфа Капитулярия I, где была четко обозначена сумма приданного в 63 сол. Ну и, конечно же, данное прибавление в очередной раз ссылается на опорную сумму штрафа в 15 сол.

Дальнейшие параграфы из рукописей III–V семей и Капитулярий III–VII и документ *Extravagantia B* не оказывали сильного влияния на структурную основу Салической правды. Как видно на графике (рис. 4), они, в общем и целом, добавляли еще больше параграфов с опорными суммами штрафов, а также, что характерно в первую очередь для Капитуляриев, вносили новые, ранее неиспользуемые суммы (например, 2½ солида).

Обобщив вышеперечисленные факты и выводы, мы приходим к тому, что внутри Салической правды существует система «опорных» сумм штрафов, от которых составители документа создавали остальные – производные штрафы. Логично предположить, что «опорные» суммы отражают степень тяжести преступлений по величине штрафа за их совершение. Таким образом, получаем систему «опорных» сумм штрафов: 3 сол. – проступки, 6 сол. – техническая сумма, созданная для того, чтобы владельцы рабов могли их выкупать, а не отдавать на истязание, 15 сол. – преступления небольшой тяжести, 30 сол. – преступления небольшой/средней тяжести, 35 сол. – преступления средней тяжести, 45 сол. – среднетяжкие преступления, 62½ сол. – тяжкие преступления, виры – «смертоубийства».

Подводя итог, стоит вновь отметить, что, исходя из проведенного исследования, которое включало в себя как традиционные исторические, так и некоторые количественные методы анализа источника, Салическая правда не только имеет четкую структуру опорных штрафов, но и обнаруживает определенное структурное развитие, которое, вероятнее всего, пришлось на период сыновей или внуков Хлодвига I. Данное исследование также показывает перспективность использования количественных методов анализа в источниковедческих исследованиях и, как отмечал исследователь В. К. Криворученко: «Результатом применения математических, количественных методов в историческом исследовании является получение мощных пластов скрытой информации, которая позволила прийти к наблюдениям фундаментального характера» [3, с. 105].

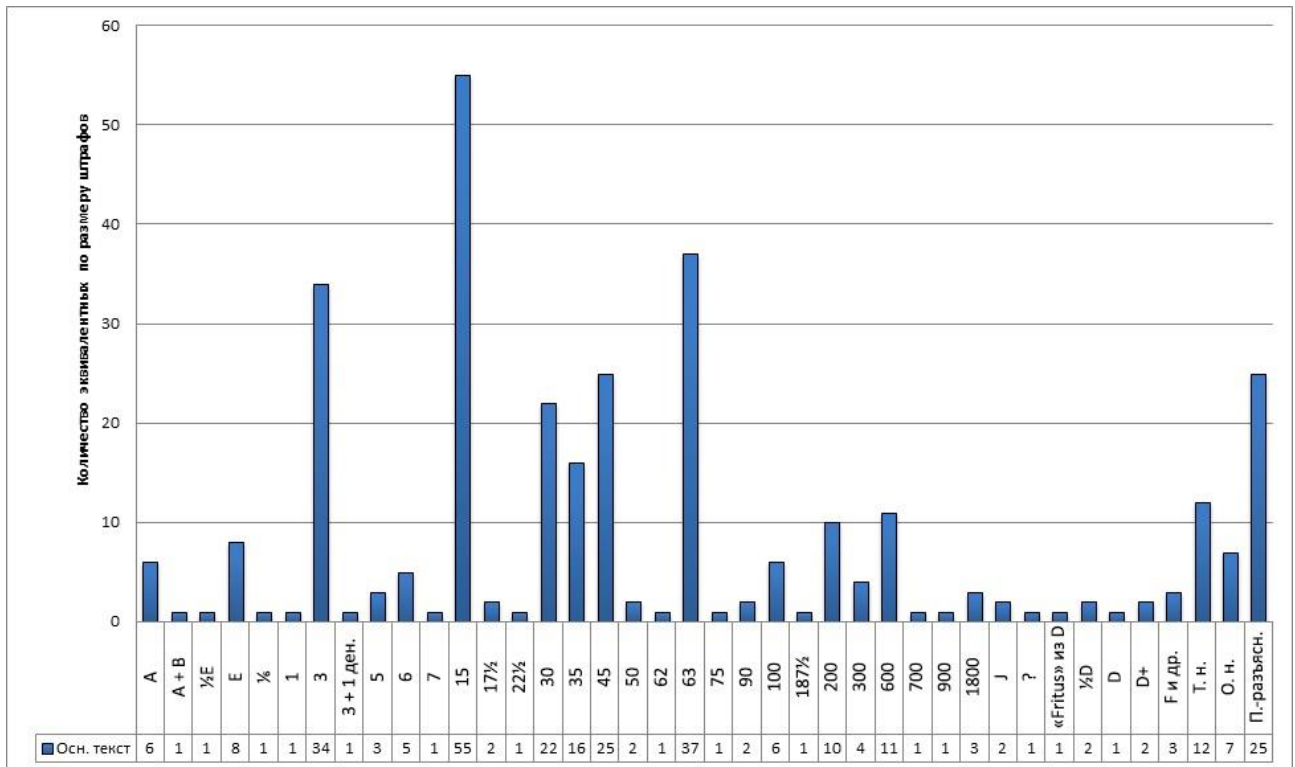

Рис. 1. График количества штрафов основного текста

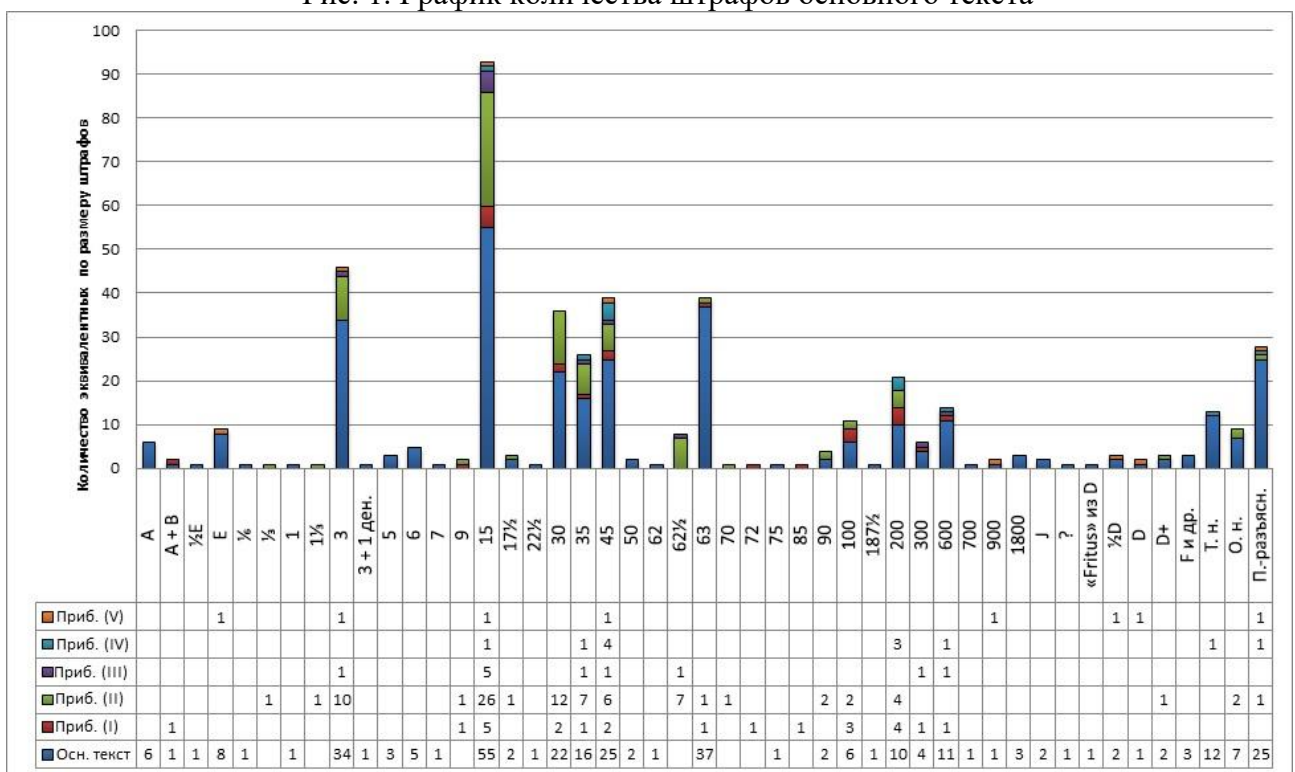

Рис. 2. График количества штрафов прибавлений (I–V семей)

2. Дряхлов В. Н. «Верная улика» в восприятии «Салической Правды» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 6. С. 116–123.

3. Криворученко В. К. О количественных методах в исторических исследованиях // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 96–105.

4. Лависс Э. История Франции в Раннее средневековье / Пер. О. А. Добиаш-Рождественской под ред. И. М. Гревса. СПб.: Евразия, 2018.

5. Салическая правда / Пер. Н. П. Грацианского (документ и вступительная статья). М.: Образцовая тип. им. Жданова, 1950.

Список сокращений

А (в графиках) – возмещение стоимости похищенного

В (в графиках) – возмещение убытков

D (в графиках) – вира (вергельд)

D+ (в графиках) – выкуп своей жизни

Е (в графиках) – оплата штрафа имуществом

Ex. В – Extravagantia В

F (в графиках) – залог

J (в графиках) – переменный штраф

Гл. – Глава

Ден. – Денарий

Кап. – Капитулярий

О. н. (в графиках) – Особые наказания

Осн. текст – Основной текст

П. – Параграф

Приб., Приб.-е. – Прибавление

Сол. – Солид

Т. н. (в графиках) – Телесные наказания

STATISTICAL ASPECT OF THE STRUCTURAL DEVELOPMENT OF THE SALIC LAW (LEX SALICA)

I. I. Katalin

Moscow State Pedagogical University, Moscow

The article provides and describes the results of statistical and, in particular, source study analysis of the structural development of the Salic law. The emphasis has been placed on identifying the structural patterns of the Salic law and its justification based on the analysis of plotted graphs. The results of the study not only substantiate the complexity and reasoning of the legal system of Salian Franks, but also demonstrate the relevance of using quantitative methods of analysis in examining sources.

Keywords: *The Salic law, barbaric law, Early Middle Ages, method of statistical analysis, Statistical patterns.*

Об авторе:

КАТАЛКИН Иван Игоревич

Московский педагогический государственный университет, студент, e-mail: katalkin.iva13@mail.ru.

About author:

KATALKIN Ivan Igorevich

Moscow State Pedagogical University, Student, e-mail: katalkin.iva13@mail.ru.

УДК 9.94

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б. МАНДЕВИЛЯ

Т. А. Грушина

Владимирский государственный университет, г. Владимир

В работе предпринимается попытка проанализировать положение английских женщин на основе работ английского просветителя Бернарда Мандевиля (1670–1733). В своих трудах Мандевиль излагает теорию развития общества, подробно описывая взаимоотношения полов. Не последнюю роль занимали размышления о положении женщин, это и послужило основой для его наиболее известного произведения «Басня о пчелах».

Ключевые слова: *Англия, Английское просвещение, XVIII век, Бернард Мандевиль.*

Конец XVII – начало XVIII века являются важным периодом формирования теорий и взглядов на развитие общества. Значительную роль в этом сыграли английские просветители, которые, во многом находясь под воздействием буржуазной революции и гражданской войны, формируют многие идеи, которые стали основой для всей эпохи. Одним из представителей английского просветительства является философ Бернард Мандевиль (1670–1733), создавший собственную концепцию развития общества.

В зарубежной историографии довольно подробно рассматриваются различные аспекты творчества Мандевиля, однако довольно мало уделяется внимания вопросу о роли женщин в его работах. Описание поведения, взгляда-

дов и ценностей женщин являются важной основой для понимания теории развития общества по Мандевилю. Голдсмит утверждает, что Мандевиль использует образ женщин в качестве насмешки над существовавшими порядками в английском обществе, а также в качестве литературной тактики, чтобы усилить свой ироничный тон и исправить гражданскую гуманистическую традицию, разрушив господствующую иерархию ценностей, которая исключала женщин из стремления к добродетелям [3].

Бернард Мандевиль полностью излагает свою концепцию в «Басне о пчелах». До выхода своей самой знаменитой работы просветитель создал ряд других произведений, в которых попытался обратиться к социальным реалиям, морали, культуре и нравам общества.

Первое произведение Мандевиля на английском языке «The Virgin Unmasked, Or, Female Dialogues, Betwixt an Elderly Maiden Lady, and Her Niece, on Several Diverting Discourses on Love, Marriage, Memoirs and Morals, Etc. of All Times»¹ было опубликовано в 1709 году и переиздано в 1724. В нем писатель обсуждает различные темы, начиная от моды, брака, отношений и родов, заканчивая политикой, государственными финансами и культурой. Главные героини – Люсинда, пожилая, более опытная и мудрая женщина, и Антония её молодая племянница, которая слушает рассказы своей тети, попутно вставляя свои замечания и колкие фразы [5].

Эта работа была во многом истоком основных размышлений Мандевиля, изложенных в его «Басне». Просветитель тщательно изучал человеческие мотивы, эмоции и пороки, чтобы раскрыть их в своей теории. Хорн писал, что только Мандевиль в начале восемнадцатого века открыто утверждал, что традиционные моральные и социальные предпосылки несовместимы с целями государства, создающего богатство [3].

Помимо работы «Разоблачение девственницы...», определенный интерес представляет периодическое издание *Female Tatler*, выходившее в период 1709–1710 годов. Остается загадкой его авторство, но ряд исследователей склонны утверждать, что отдельные статьи были написаны Бернардом Мандевилем. Газета была весьма новаторской в своем обсуждении женщин и женских проблем и во многом опередила свое время. Она охватывала такие вопросы, как образование женщин, внешний вид и социальный этикет, и открыто критиковала женщин, которые отказываются от преимуществ прогресса. Интересно, что «автором» статей стала мисс Кракенторп – «леди, которая знает все на свете», стиль и черты которой напоминают Люсинду [5; 6].

Во многом обе работы имели новаторский характер понимания гражданского общества, его цели и истоков добродетели. Жестко разбивая иллюзии Антонии, Люсинда заставляет её видеть истинный облик мужчин и женщин, их истинную сущность. «Действия, которые могут быть оценены как добро-

¹ «Разоблачение девственницы, или женские диалоги между пожилой незамужней леди и ее племянницей, в нескольких увлекательных беседах о любви, браке, воспоминаниях и морали всех времен».

детельные, исходят из низменных мотивов, в то время как действия, традиционно оцениваемые как подлые, имеют последствия, полезные для общества» [5].

Для современников Мандевиля его идеи представляли угрозу как светским, так и религиозным представлениям, утверждавшим, что добродетельные граждане – условие для добродетельного государства. Только Мандевиль в этот период открыто утверждает, что общепринятые моральные и социальные представления несовместимы с современными ему экономическими целями государства, особенно подчеркивая роль законов; даже «злые» законы, если они приносят общественную пользу, также должны считаться хорошими: «мы можем с уверенностью утверждать, что никаких полезных законов нет» [4].

Иллюстрируя многочисленными примерами свою идею, просветитель обращает внимание на взаимоотношения мужчин и женщин, которые под влиянием своих страстей изменяют социум. Главным «двигателем» выступает гордость, «страсть, которую нельзя удовлетворить, не скрывая, и которой никогда не насладиться в полной мере. Экстаз, от которой, как мы в этом полно убеждены, хорошо спрятан» [1]. Но гордость больше была характерна для мужчин, так как они более падки на похвалу и лесть [6, January 6, 1710]. Лицемерие сойдет за религию, скупость за бережливость, жалость за милосердие...

Другой отличительной чертой людей выступает их социальность. Оставленные необученными по своей грубой природе, люди глупы и невежественны, но в тесном общении друг с другом, общаясь с другими, более мудрыми, чем они сами, они учатся мыслить абстрактно. Однако подготовка к этому должна начинаться в детской. Привязанность побуждает матерей кормить и защищать своих детей, но когда люди бедны, а у женщин нет досуга, чтобы поиграть со своими детьми, дети вырастают глупыми и невежественными [4; 5]. Но каково же положение женщины в его теории?

В начале XVIII века было распространено несколько представлений о женщинах: как о бранящихся женах, заботливых и сострадательных матерях, соперницах, о скромных девственницах или похотливых блудницах. Полярность таких представлений была очевидна, но это не мешало мирно существовать таким женским образам. Пуританский же взгляд на женщин как на спутниц и помощниц мужчин, равных перед Богом, привел к все более идеализированному взгляду на женщин и брак среди современников Мандевиля. В то же время они сохранили традиционное женоненавистническое недоверие к ним [2].

В этом случае можно обратиться к работе Ричмонда Бонда, посвященной исследованию идей о роли женщин в трудах современников Мандевиля [2]. Все работы были условно разделены на три категории. Первая – консервативные писатели, которые придерживались традиционных ценностей, идеи о том, что мораль и интеллект женщины слабее мужского, вторая – группа пи-

сателей, высмеивающая женщин в своих произведениях, показывая все негативные черты характера, и наконец, третья группа – писатели реформаторы, те, кто продвигал идеи равенства в сфере образования, юридических прав и личностных возможностей [2].

К началу XVIII века образ беспутной, хищной женщины заменился новым образом целомудренной и послушной жены. Можно говорить, что Мандевилль был двойственен в отношении к женщинам. В отличие от многих его современников, он начал утверждать, что мужчины и женщины с рождения имеют одинаковые характеристики, но их страсти влияют и устанавливают определенные правила [4]. Просветитель считает, что все понятия о добродетели и стандарты морального поведения являются результатом социальной обусловленности, а не религии или природы.

Обращаясь к современникам-мужчинам, он говорит, что «бессмертная сущность женщин, без сомнения, совпадает с нашей, различия между полами в основном являются результатом образования и воспитания» [5].

Подчеркивая ошибочность представлений о женских добродетелях, просветитель пишет, что «моральные добродетели являются ничем иным, как теми качествами, в которых искусные политики и моралисты, используя зов сирены гордыни, заставили людей поверить. Убедив людей подавить свои собственные эгоистичные страсти, законодатели сделали их более сговорчивыми и, таким образом, лучше способными извлекать из них больше пользы и управлять огромным числом из них с большей легкостью и безопасностью» [4].

Мандевилль иллюстрирует это на примере брака, показывая, что его современники считают его идеальным и естественным состоянием для женщины, что на самом деле это не так. От имени Люсинды он утверждает, что сила, которая заставляет женщин вступать в брак не более, чем их естественный сексуальный аппетит или необходимость¹.

Люсинда презирает романтиков, которые рассматривают брак как естественное и идеальное состояние для женщины. Через нее просветитель говорит, что «замужние женщины бесконечно более подвержены несчастным случаям, которые могут вызвать проблемы, горе и страдания, чем служанки» [5].

Мандевилль пишет, что удел замужних женщин – это боль и страдания в большей степени из-за личных переживаний, бедствий детей и физических трудностей (беременности и родов) [5]. Высмеивая такие нравы, он проводит абсолютную грань между поведением мужчин и поведением женщин, считая

¹ Под любовью Мандевилль подразумевал «сильную склонность, по своей природе отличную от всех других чувств – дружбы, благодарности и кровного родства, которые люди разных полов, любя друг друга, питают друг к другу... именно в этом значении любовь входит в состав ревности и является следствием, а также счастливой маскировкой той страсти, которая побуждает нас трудиться для сохранения нашего вида» (Мандевилль Б. Басня о пчелах или пороки частных лиц...).

их не естественным состоянием, а продуктом общества. Такие условности для него неестественны и неразумны.

Особое внимание уделено процессу ухаживания. Просветитель считает это смешным и слишком условным, он пишет, что мужчины сначала падают ниц к ногам женщин, объявляют себя пожизненными рабами, а затем, вступив в брак, становятся тиранами. Все это необходимо, утверждает Мандевиль, для того, чтобы женщины могли выйти замуж и провести остаток своей жизни в рабстве у тех самых мужчин, которые соблазнили их отказаться от своей свободы [5].

Считая социальные условности нелепыми, Мандевиль показывает, что стимулом для брака, являются пороки и страсти людей, а не возвышенная добродетель, также обращая внимание на лицемерное отношение к женщинам¹.

Философ демонстрирует истоки стандартов морали, которые определяются в первую очередь обществом и сами по себе не имеют внутренней ценности. Важным является его утверждение, что скромность женщин зависит от социальных условностей. Он посвящает первую главу «Разоблачение девственницы...» примерам того, как правила приличия, манеры и одежда зависят исключительно от общественного вкуса и мнения².

Согласно Мандевиллю, женщины находятся в двойственном положении. Ограниченные узким диапазоном морального поведения, они вынуждены быть целомудренными и скромными. Требования скромности, как считает писатель, не позволяют женщинам раскрыть свои возможности и интересы вне брака. Мандевиль считает, что ни целомудрие, ни мужество для мужчин, не заслуживают похвалы, и ни то, ни другое не имеет никакого основания в разуме или религии. Он сравнивает женскую добродетель с гарнизоном, подвергшимся нападению, осажденными извне мужчинами и преданными изнутри своими собственными тайными желаниями, и использует образ Люсинды, чтобы высмеять общепринятую мудрость о том, что разум, религия и скромный образ жизни могут быть противоядием от естественных желаний, особенно похоти [5].

Можно говорить, что его образование врача и интерес к изучению взаимосвязей между эмоциями и действиями сделали Мандевилля проницатель-

¹ «Юная леди строго следит за ее внешностью так же, как и за действиями, и в ее глазах мы можем прочесть осознание того, что у нее есть сокровище, которое нельзя потерять, и с которым она все же полна решимости не расставаться ни при каких условиях» (Mandeville Bernard. The virgin unmaskd: or, female dialogues betwixt an elderly maiden lady, and her niece, on several diverting discourses on love marriage, memoirs, and morals...).

² «В одежде нет ничего нескромного, но когда люди показывают те части тела, которые по обычаю страны полагает им спрятать: в некоторых странах женские нижние юбки доходят лишь немного ниже колен; и все же, если бы здесь женщина... задрала юбку до середины икры, все назвали бы ее нескромной... И те части, которые считаются приемлемыми для показа, даже если они делают женщин полуобнаженными в процессе – это те, которые мужчины находят наиболее привлекательными» (Mandeville Bernard. The virgin unmaskd: or, female dialogues betwixt an elderly maiden lady, and her niece, on several diverting discourses on love marriage, memoirs, and morals...).

ным наблюдателем человеческой природы и социальных институтов. Психология стыда занимает важное место в его работах. Мандевиль утверждает, что стыд, усвоенная реакция, является мощным сдерживающим фактором против социально вредных действий. Начиная с «Разоблачение девственницы...», он анализирует психологические и физиологические отношения и демонстрирует, как они используются для контроля над людьми, чтобы они вели себя социально желательным образом, особенно в отношении к женщинам.

Мандевиль демонстрирует современникам, что на самом деле моральные добродетели, как и моральные пороки и социальные институты, являются результатом обычаев и воспитания, накопленного опыта поколений, движимых и действующих на самолюбие и самолюбие человечества. Именно потребности гражданского общества так надежно связывают женское целомудрие с женской честью. Ибо если безопасность государства зиждется на мужестве, рожденном гордостью и честью, его граждан мужского пола, и на их готовности сражаться до смерти за государство, то и упорядоченное наследование собственности, этот другой бастион гражданства, зависит от целомудрия женщин [6].

Просветитель с помощью своей героини Люсинды показывает трудности, с которыми сталкиваются замужние женщины. Он описывает их как пешек на брачном рынке, которых обменивают ради финансовой выгоды, он указывает на физические и эмоциональные трудности и зависимость от мужей. Мандевиль прилагает все усилия, чтобы указать, что женское остроумие и интеллект равны мужскому. Любые различия проистекают из их уровня образования [6]. Поскольку здравое суждение – это не более чем работа мозга, соединенная с опытом, женщины обладают такими же способностями, как и мужчины. Их превосходная способность к здравому суждению в сочетании с тем фактом, что они не ослеплены гордостью за свою способность рассуждать, делают их более рациональными [4; 6].

Можно говорить о том, что Бернард Мандевиль, возможно, решил уделить женщинам видное место в своих работах по причине их «универсальности» для описания нравов общества. Образ женщины был наиболее эффективным сатирическим приемом, с помощью которого можно было уколоть гражданские гуманистические претензии его современников и продемонстрировать заблуждения, лежащие в основе современных ему представлений. Убежденность Мандевиля в том, что общество проистекает из человеческих страстей, присущи не только ему. Что является уникальным в этом отношении и в значительной степени непризнанным, так это – его акцент на женщинах.

Литература

1. *Мандевиль Б.* Басня о пчелах или пороки частных лиц – блага для общества. М.: Мысль, 2000.

2. *Bond R. P.* The Tatler: the making of a literary journal. Cambridge: Harvard university press. 1971.

3. *Goldsmith M. M.* Public virtue and private vices: Bernard Mandeville and English political ideologies in the early eighteenth Century // *Eighteenth-Century Studies*. Vol. 9. 1976. P. 477–510.

4. *Mandeville B.* A Treatise of the Hypochondriack and Hysterick Passions, vulgarly call'd the Hypo in Men and Vapours in Women. London: Printed for the author D. Leach, W. Taylor, John Woodward, 1711. URL: <https://archive.org/details/b30526619/page/n9/mode/2up> (дата обращения: 09.10.2021).

5. *Mandeville B.* The virgin unmask'd: or, female dialogues betwixt an elderly maiden lady, and her niece, on several diverting discourses on love marriage, memoirs, and morals, etc. London: J. Morphew and J. Woodward, 1709.

6. The Female Tatler. 1709–1710. URL: https://archive.org/details/pub_female-tatler?&sort=-reviewdate&page=2 (дата обращения: 09.10.2021).

THE ROLE OF WOMEN IN SOCIETY BASED ON THE WORKS OF B. MANDEVILLE

T. A. Grushina

Vladimir State University, Vladimir

The paper attempts to analyze the situation of English women based on the works of the English educator Bernard Mandeville (1670–1733). In his writings, Mandeville expounds the theory of the development of society, describing in detail the relationship of the sexes. Reflections on the status of women played an important role, and this served as the basis for his most famous work, *The Fable of Bees*.

Keywords: *England, English Enlightenment, XVIII century, Bernard Mandeville.*

Об авторе:

ГРУШИНА Татьяна Анатольевна

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, педагогический институт, студент, e-mail: tanuagrushina@yandex.com.

About author:

GRUSHINA Tatiana Anatolyevna

Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov, Pedagogical Institute, Student, e-mail: tanuagrushina@yandex.com.

УДК 94(438) + 94(47)

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДАМА ЧАРТОРЫЙСКОГО: ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ 1798–1799 ГГ.

Н. Д. Зотова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В статье рассматривается дипломатическая миссия Адама Чарторыйского в 1798–1799 гг. Будучи отправленным ко двору сардинского короля Карла Эммануила IV, он выполнял обязанности посла и являлся подтверждением протекции императора Павла I. Особое внимание уделяется влиянию дипломатической миссии на дальнейшую жизнь политика и его политические взгляды.

Ключевые слова: Адам Чарторыйский, дипломатическая миссия, российский посол, сардинский двор, Карл Эммануил IV, Флоренция, Рим, Неаполь.

Политическая карьера Адама Чарторыйского в России началась с его приезда в Петербург. Назначение молодого поляка на должность министра иностранных дел не было случайностью: помимо общности идей императора и князя, определённую роль сыграл тот факт, что у Чарторыйского уже был опыт работы в качестве посла в 1798–1799 гг.

По отношению к братьям Чарторыйским, Павел I был очень строг. Тем не менее, чуть ранее Адам получил должность адъютанта Александра, а Константин – великого князя Константина [9, с. 130]. Адам и Константин имели протекцию со стороны великого князя Александра, который был включен в военную «мишуру» своего отца [6, с. 49]. Весной 1797 года в Москве состоялась коронация Павла I, на котором официально присутствовали и братья Чарторыйские в качестве адъютантов великих князей.

В мае 1798 года летней резиденцией был объявлен Павловск, и двор переехал туда вместо Царского Села. В этом же году император Павел решил объехать часть России, взяв с собой и великих князей. Тогда же Адам Чарторыйский получил крест св. Анны второй степени как награду за службу [9, с. 157].

Вскоре Павлу I стало известно об идее заговора графа Фёдора Васильевича Растопчина, который из-за этого был отлучен от двора и сослан в Москву, и с тех пор император стал более подозрительным по отношению к окружающим – он подозревал многих в отсутствии преданности. Адам Чарторыйский писал о том, что многие находились в состоянии постоянного страха, поскольку не были уверены, что Павел не сошлёт их в Сибирь при первой же возможности [9, с. 161].

Адам Чарторыйский подчёркивал, что у Павла вызывало подозрение их с братом польское происхождение, что они либералы или даже тайные якобинцы.

Павел I вызвал Адама Чарторыйского в Петербург, и 23 августа 1797 года Чарторыйский был назначен послом при дворе Карла Эммануила IV (1751–1819), короля Сардинии [4, с. 60], куда император отправил князя как уполномоченного правительства России. По дороге к новому месту назначения Адам Чарторыйский хотел остановиться в Пулавах, где проживали его родители, однако получил отказ и смог повидаться лишь со старшей сестрой по пути в Вену.

Длительной остановкой на пути ко двору короля Сардинии стала Вена, где Адам Чарторыйский провел часть зимы 1798–1799 гг. в обществе сестер. Князь в Вене завязал множество интересных знакомств, в том числе с К. О. Поццо-ди-Борго, корсиканцем и эмигрантом, который произвёл на князя впечатление. Отметим, что в этот период времени венское общество выступало против проявлений французской революции.

В конце зимы 1799 года Чарторыйский покинул Австрию и отправился во Флоренцию, где находился двор короля Сардинии. Его путь проходил через Верону, Мантую и Венецию. В своих записках князь писал, что страна производила жалкое впечатление на окраинах [9, с. 178]. Бедственное положение выражалось в плохих дорогах и бедности населения, с которой столкнулся князь. Тем не менее, Адам Чарторыйский не упустил возможности познакомиться с культурой итальянских городов, познакомившись с главными памятниками. Например, он пишет: «... и я вспоминаю, как, проезжая Верону, Мантую, Венецию и их окрестные поля, окаймленные бордюром виноградных лоз, точно праздничными гирляндами, я только и грезил о Вергилии, о Шекспире, об Отелло, Ромео и Джульетте ...» [9, с. 178].

Пребывание Карла Эммануила IV, короля Сардинии, во Флоренции объяснялось тем, что он был изгнан из своих владений французами. Победы А. В. Суворова способствовали дальнейшему изменению обстановки на полуострове. Королю покровительствовала Россия, однако он не мог вернуться в собственные владения в Пьемонте по многим причинам: французский военачальник Андре Массена после поражения в бою с русскими войсками находился в Генуе, к тому же австрийский двор сделал всё возможное, чтобы помешать королю. Австрия опасалась, что присутствие Карла Эммануила IV помешает ее военным и политическим целям [9, с. 179].

Адам Чарторыйский прибыл во Флоренцию ближе к весне 1799 года. Его задача как посла сводилась к обязанности докладывать российскому правительству о происходящих событиях и уверять Карла Эммануила в протекции Павла I.

Так как в местах проживания короля не происходило важных событий, донесения князя в основном были однообразными. К своим обязанностям посол относился достаточно равнодушно, потому что новая роль изначально не была добровольной и не устраивала Чарторыйского. Король Сардинии также не симпатизировал князю: Адам Чарторыйский сравнивал его с королём Англии, Иаковом I, писал о его склонности к шутовству и нелюбви к официальным делам [9, с. 180–181].

Придворное общество не произвело впечатления на Чарторыйского, поскольку состояло в основном из пьемонтских семей, но они держались обособленно и не принимали гостей, вопреки собственным званиям. Гофмейстер двора Балльи де Сен-Жермен лишь раз устраивал обед. Придворная жизнь Сардинии и флорентийское общество не вызывали интереса у Адама Чарторыйского из-за однообразности. Флорентийцы тоже не стремились взаимодействовать с пьемонтской знатью. Единственным исключением был дом госпожи д'Альбани, которая часто проводила обеды и приглашала на них иностранцев.

В своих мемуарах Адам Чарторыйский более подробно пишет о госпоже Луизе д'Альбани и её супруге – графе Витторио Альфиери [9, с. 182], с которыми князь имел тесные отношения. Он познакомился с ними ещё раньше, в Париже, сейчас же имел возможность общаться ближе. Граф впечатлил посла литературным талантом, когда зачитывал стихотворения из собственных трагедий. Помимо этого, граф Альфиери отличался крепким здоровьем и умом. Он был увлечен идеями французской революции, но вскоре пыл сменился отвращением. Граф был преданно верен Карлу Эммануилу.

Ещё одним человеком, которого Адам Чарторыйский знал и любил, был Франциск Ржевусский, друг семьи и бывший маршалок двора польского короля. Посол отправился к нему в Пизу, чтобы навестить, и был принят с радостью. Ранее Ржевусский пребывал в Петербурге, пока не покинул двор. Помимо этого, он был в курсе особо скандальных новостей как русской столицы, так и Варшавы.

Во Флоренции Адам Чарторыйский изучал редкости в галереях и погружался в итальянскую культуру. Так дела обстояли до весны, пока король Сардинии не был вынужден переехать в Рим в связи с происходящими событиями в мае 1800 года [9, с. 186] – французы перешли Альпы, в битве при Маренго австрийская армия проиграла и покинула территорию Италии [3, с. 127]. Посол был вынужден последовать за королём.

Рим произвёл на Чарторыйского куда большее впечатление, он сразу же поспешил исследовать древний город и писал о нём с восхищением. «Я не мог сдержать своего нетерпения, не мог наглядеться, не мог насытить своё

воображение видом этих мест, свидетелей стольких великих событий...» [9, с. 186]. Посол много времени уделял изучению памятников античности, особенно зданий и архитектуры города в целом, сравнивая изображения строения в прошлом с тем видом, в котором они находятся сейчас. Наблюдения Чарторыйский представил на бумаге в виде общих планов и отдельных картин со всеми подробностями. Для воплощения своей задумки посол изучал книги, планы города и посещал памятники. Но работа не была окончена: он успел запечатлеть Рим разных эпох лишь частично.

Пребывание в Риме, в отличие от Флоренции, оказалось более политически наполненным. Адам Чарторыйский в отчётах сурово докладывал о действиях французов в Венеции, чем удивлял старшего секретаря посольства России: тот был искренне уверен, что поляки испытывают привязанность к французам. Столкнувшись с действиями французов в Италии, князь не питал никакой любви к ним, о чём ясно докладывал в своих письмах.

Другим потрясением для Чарторыйского стала смерть эрцгерцогини Александры, сестры великого князя Александра, в юном возрасте [9, с. 189]. Будучи в браке с эрцгерцогом Иосифом, она погибла в родах, что погрузило весь Петербург в траур. Во взаимоотношениях с Австрией у России назревал конфликт [5, с. 190–191]. Франция воспользовалась конфликтом и возвратила в Россию русских военнопленных, что лишь усугубило отношение к Австрии как к стране «неблагодарной».

Вскоре граф Фёдор Ростопчин передал Адаму Чарторыйскому два письма, в одном из которых поручал послу оказать поддержку генералу Левашеву, а в другом – покинуть сардинского короля под предлогом посещения Неаполя [9, с. 191]. Русское правительство было недовольно поведением сардинского двора. Чарторыйский был рад приказу и сразу выдвинулся в Неаполь, где не было двора как такового. Секретарем посольства был Андрей Яковлевич Италинский, который докладывал о делах Неаполя, а также вёл достаточно уединённую жизнь.

Адам Чарторыйский был представлен фавориту королевы Обеих Сицилий Марии Каролины Австрийской – Джону Актону, управляющему делами Неаполя. Русское войско в это время занимало неаполитанские территории, и даже возникал вопрос о наступлении на Рим. По словам Адама Чарторыйского, памятники культуры в Неаполе находились в «запущенном виде с тех пор, как вспыхнула революция» [9, с. 194].

Весной 1801 года пришло известие о смерти Павла I, которое было встречено с удивлением и страхом. Однако посол никогда не питал любви к императору и уверял, что он не был любим. Курьер, сообщивший новость посольству, также передал Чарторыйскому послание императора Александра, который требовал немедленного возвращения князя в Россию [10, с. 3–4].

Рефлексируя собственное путешествие, Адам Чарторыйский признавался, что, несмотря на богатую культуру и историю Италии, его работа не пришлась ему по душе, поскольку ему было тяжело заводить знакомства, и он

находился слишком далеко от семьи, что влияло на него угнетающе [9, с. 196].

Перед отъездом посол не упустил возможности посетить достопримечательности Неаполя. Одним из таких был вулкан Везувий, где Чарторыйский по неосторожности оступился, чуть не упав в кратер, но был спасён проводником. Помпеи, Геркаланум и Портичи князь посетил уже в спешке.

Из Неаполя в Рим Адам Чарторыйский ехал в компании генерала Николая Михайловича Бороздина. От Рима до Флоренции его сопровождал генерал Василий Иванович Левашев, который был послан в Неаполь с секретным поручением заключить перемирие между воюющими странами, однако миссия не удалась.

Перед тем, как покинуть пределы Италии, Чарторыйский съездил в Ливорно, чтобы проститься с маршалком Ржевусским, после чего отправился в Венту, ненадолго остановился в Пулавах, где повидался с семьёй. Фельдъегерь встретил его близ Риги, отдав дружескую записку от императора и подорожную с приказом почтмейстерам ускорить движение в пути. Император своим обращением предлагал Адаму Чарторыйскому чин тайного советника, но тот выразил удивление столь быстрым повышением и решил его не принимать.

В Петербурге Адам Чарторыйский встретился с императором. Император создал нечто вроде тайного совета из тех лиц, которых считал своими ближайшими сторонниками, друзьями и единомышленниками. Первоначальное ядро составляли Павел Александрович Строганов (1774–1817), Николай Николаевич Новосильцев (1761–1838) и Адам Чарторыйский. Они объединились для того, чтобы провести реформы и помочь императору в борьбе за желанное будущее.

Несмотря на многие сложности, Адам Чарторыйский питал надежду, что сможет помочь своему отечеству и повлиять на исход событий. Он поддерживал императора и не хотел оставлять его, однако всё чаще терял надежду на воплощение собственных идей. «Не имея желания играть роль в делах России и нередко совершенно теряя поддерживавшую меня надежду быть полезным моему отечеству, я то и дело впадал в глубокое уныние и не скрывал моей грусти и стремления вернуться к родителям...» [9, с. 252]. Однако в Польшу Адам Чарторыйский вернуться не мог, к тому же, Александр I видел в нём надёжного товарища и не отпустил бы обратно. Именно таким образом началась карьера Адама Чарторыйского как министра иностранных дел. А. Е. Чарторыйский стал близок новому царю и курировал его внешнюю политику, а также поддерживал создание в империи сети из пяти университетов, в том числе Виленского (центра польской культуры) [1, с. 358].

Когда Адам Чарторыйский занял главенствующую роль в министерстве, он со всей ответственностью подошёл к выполнению внешнеполитических задач, которые поставил император: Россия всё так же должна была сохранять нейтралитет, не вмешиваться в дела Европы, однако при этом было

необходимо поддерживать достойные отношения, чтобы не создавалось впечатления, будто Россия боится других держав [9, с. 295].

Адам Чарторыйский не стал отходить от курса политики семьи. Став во главе министерства иностранных дел, он проводил собственную линию, которая, по мнению князя, была в интересах не только России, но и Польши [7, с. 12–14]. Позже император и князь разойдутся именно на фоне противоречий взглядов на взаимоотношения России и Польши [2, с. 215].

Спустя некоторое время Адам Чарторыйский представил Александру «Проект общей инструкции данной министерству иностранных дел» и мемориал «О политической системе» [4, с. 61], в которых предлагал освободить греков и славян, проводить политику, основанную на соблюдении прав народов и уважении их права к защите своих интересов. Главенствующую роль в освобождении он отводил именно России, что означало усиление влияния на дела Европы. Однако подобную программу встретили неодобрительно, поскольку это накладывало на Россию много обязанностей, в том числе, признание прав других народов на самоопределение и отказ от имперских идей. В планы входило объединение российской и прусской части Польши под русской короной. Россия должна была также взять опеку над балканскими странами, Грецией и Румынией. Сделать всё это представлялось возможным только в союзе с Англией и Францией [4, с. 61].

Адам Чарторыйский долгое время занимался выполнением своей программы и решением польского вопроса. Он заручился поддержкой Англии и Австрии, планируя переустройство Европы в своих целях. Об этом был предупреждён князь Юзеф Понятовский, который должен был стать во главе движения и придать ему национальный характер [9, с. 355]. Аустерлицкое сражение нарушило все планы князя, после чего он принял решение об отставке.

Таким образом, деятельность в качестве посла при дворе сардинского короля Карла Эммануила IV, несмотря на кратковременность, сказалась на карьере Адама Чарторыйского. Во время работы в посольстве он накопил опыт работы в международных делах и сформировал политические взгляды относительно Франции на следующие десять лет.

Литература

1. Бовуа Д. Пространство Польско-Литовской республики в XVIII и XIX вв. // История Центрально-Восточной Европы. СПб.: Евразия, 2009.

2. Григораши И. В. Адам Ежи Чарторыйский (1770–1861) // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 205–218.

3. Жомини Г. В. Политическая и военная жизнь Наполеона. Часть вторая. Пер. с фр.: в 6 ч. СПб.: В типографии Штаба отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1837–1842. URL: <https://runivers.ru/lib/book19821/595644/> (дата обращения: 27.02. 2021).

4. *Крисань М. А.* Адам Ежи Чарторьский // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 58–68.

5. *Милютин Д. А.* История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году: Сост. по высоч. повелению государя имп. Николая I / Соч. полк. Милютина. Т. 1–5. Санкт-Петербург: тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1852–1853. URL: <https://runivers.ru/lib/book3090/28683/> (дата обращения: 27.02. 2021).

6. *Сахаров А. Н.* Александр I. М.: Наука, 1998.

7. *Соловьев С. М.* История падения Польши. М.: Типография Грачева и Ко, 1863. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book476880> (дата обращения: 27.02. 2021).

8. *Смит Ф. И.* История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. СПб.: Типография В. Спиридонова и К°, 1863–1864. 3 т. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/9396-smit-f-i-istoriya-polskogo-voostaniya-i-voyny-1830-i-1831-godov-spb-1863-1864-3-t> (дата обращения: 27.02. 2021).

9. *Чарторьский А.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I, пер. с фр. А. Дмитриевой. Т. 1. М.: Книгоизд-во К. Ф. Некрасова, 1912–1913. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24427-t-1-1912> (дата обращения 27.02.2021).

10. *Чарторьский А.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. пер. с фр. А. Дмитриевой, 2 т. М.: Книгоизд-во К. Ф. Некрасова, 1912–1913. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/24427-t-1-1912> (дата обращения 29.02.2020).

WITH REGARD TO THE QUESTION OF ADAM CZARTORYSKI'S POLITICAL ACTIVITY: DIPLOMATIC MISSION OF 1798–1799

N. D. Zotova

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas

This article deals with the diplomatic mission undertaken by Adam Czartoryski between 1798 and 1799. Being sent to the court of King Charles Emmanuel IV of Sardinia, he fulfilled the ambassadorial duties and was a confirmation of Emperor Paul I's patronage. A special focus is placed on the influence of the diplomatic mission on the politician's later life and his political views.

Keywords: *Adam Czartoryski, diplomatic mission, Russian ambassador, Sardinian court, Charles Emmanuel IV, Florence, Rome, Naples.*

Об авторе:

ЗОТОВА Наталья Дмитриевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, магистрант, e-mail: ndm.zotova@gmail.com.

About author:

ZOTOVA Natalia Dmitrievna

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, undergraduate, e-mail: ndm.zotova@gmail.com.

УДК 94

ГУМАНИТАРНАЯ ПОЛИТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ НА РУБЕЖЕ XIX – XX В.

В. Д. Лозгачёва

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, г. Арзамас

В статье анализируется деятельность Международного движения Красного Креста в странах Европы периода локальных военных конфликтов. Работа данной организации особенно важна для изучения формирования и развития норм гуманитарного права. Ведь в настоящее время Женевские конвенции, принятые данной организацией, являются наиболее широко ратифицированными договорами на планете, что говорит об универсальном признании провозглашаемых ими гуманитарных норм.

Ключевые слова: *Международный комитет Красного Креста, гуманитарное право, Женевские конвенции, Комитет пяти.*

С незапамятных времен и до сегодняшнего дня войны вызывали невыразимый ужас, приносили страдания и гибель миллионам людей как военным, так и гражданским лицам. Ужасные страдания и отчаяние жертв войны вызвали к жизни формирование определённых норм гуманитарного права для предоставления защиты жертвам вооружённых конфликтов. С этой целью была создана Международная организация Красного Креста, сыгравшая определённую роль в развитии гуманитарных норм военного времени.

В сегодняшнем мире нормы международного гуманитарного права обсуждаются и ставятся под вопрос на многих уровнях. К сожалению, так было не всегда, только несколько столетий назад серьёзно взялись за реализацию

данного вопроса, несмотря на то, что вооружённые конфликты наблюдались на протяжении всей мировой истории.

Война так же стара, как и само человечество, и все цивилизации и религии стремились ограничить ее разрушительные последствия, заставив воинов подчиняться обычной практике, кодексам чести или временным соглашениям с противником [3, с. 41]. Подобные формы регулирования военных действий стали неэффективными с возникновением крупных армий и началом промышленного производства мощного оружия в XIX веке. На полях сражений всё чаще наблюдались трагические последствия: военно-медицинские службы не были полностью оснащены необходимыми средствами, чтобы справиться с огромным числом пострадавших в результате применения современного оружия. Вплоть до середины XIX века не существовало эффективной системы обеспечения лечением раненных в бою солдат и мест для их безопасного расположения. Десятки тысяч раненых, больных и умирающих воинов оказывались после сражений брошенными без какой-либо помощи.

Первые в мире шаги в сторону ограничения последствий вооружённых конфликтов в гуманитарной области были инициированы швейцарским предпринимателем и общественным деятелем Жаном Анри Дюнаном (1828–1910). Совершая поездку через Северную Италию в 1859 г., Дюнан стал свидетелем жестокого сражения между французскими и австрийскими войсками, и, ужаснувшись отсутствием помощи и защиты для более 40 тыс. раненых солдат, он организовал активную медицинскую помощь, мобилизовав местных жителей. Впоследствии потрясенный увиденным Дюнан написал книгу «Воспоминания о битве при Сольферино» (1862 г.), обратившись в ней к мировой общественности с призывом: «В чрезвычайных случаях, когда собираются... главы военных ведомств разных национальностей, отчего бы им не воспользоваться такими собраниями, чтобы выработать какие-нибудь международные договорные и обязательные правила, которые, раз принятые и утвержденные, послужили бы основанием для создания Обществ помощи раненым в разных государствах Европы?» [1; 10].

В своей книге Дюнан выдвинул два основополагающих принципа будущей организации: в местах боевых сражений следует создать независимые организации помощи, призванные оказывать помощь раненым солдатам; необходимо заключить международное соглашение с целью предоставления подобным организациям защиты нейтральности.

Впоследствии его идеи были положительно восприняты в нескольких европейских странах и привели к созданию Международного Комитета Красного Креста. Первый состав данной организации, созданной 9 февраля 1863 г. и названной первоначально «Комитетом пяти», состоял всего из пяти человек, представителей влиятельных женеvских семей: Гийом-Анри Дюфура (1787–1875) – первый президент Комитета, Гюстава Муанье (1826–1910), Анри Дюнана, Лун Аппиа (1818–1898), Теодора Монуара (1806–1869) [1, с. 11].

Эти пятеро Женевских граждан сходились во мнении, что все страны мира должны в мирное время создавать некие общества, состоящие из «спасателей-добровольцев», занимающихся формированием медицинских кадров, организацией складов медицинских материалов, носилок и т. п. В случае войны эти общества должны отправиться на театры военных действий на подмогу малочисленным медицинским подразделениям армий своих стран.

Вскоре члены комитета составили план действий. По инициативе Анри Дюнана первым лицам Европы были разосланы письма с приглашением на конференцию, местом которой назначена Женева, а датой – 26 октября 1863 г. Затем, в начале сентября 1863 г. Дюнан отправился на Берлинский Международный статистический конгресс с целью использовать этот форум для распространения и объяснения своих идей.

26 октября в Женеве открылась Международная конференция, в заседаниях которой приняли участие 18 представителей 14 правительств. Делегатами стали военачальники, военные врачи, интенданты. В результате продолжительных обсуждений участники конференции приняли несколько решений, содержащих следующие положения: «Ст. 1. Каждая страна должна иметь комитет, чья обязанность состоит в том, чтобы, в случае войны и если возникнет такая необходимость, оказывать помощь санитарным службам вооруженных сил всеми имеющимися в его распоряжении средствами [1, с. 13]; Ст. 5. Во время войны комитеты воюющих государств оказывают помощь вооруженным силам своего государства, насколько позволяют имеющиеся у них средства, в частности, они организуют добровольный персонал и приводят его в состояние готовности, а также по согласованию с военными властями заблаговременно подготавливают помещения для ухода за ранеными» [1, с. 13].

На конференции была утверждена эмблема или опознавательные признаки добровольных помощников: «Ст. 8. Такой персонал во всех странах носит единообразный отличительный знак – белую нарукавную повязку с красным крестом». Также было принято одно из ключевых положений организации: «Во время войны воюющие государства должны провозглашать нейтралитет санитарных повозок и военных госпиталей, а также полностью и совершенно нейтральными должны быть признаны официальный санитарный персонал и добровольный медицинский персонал, жители страны, приходящие на помощь раненым, и сами раненые» [1, с. 13].

День, когда были приняты перечисленные положения, – 29 октября 1863 г. – принято считать днём рождения Красного Креста.

Спустя год после успешного завершения Женевской конференции Федеральный совет Швейцарии по инициативе Гюстава Муанье пригласил правительства всех европейских и нескольких американских государств на очередную дипломатическую конференцию с целью принятия новой «Конвенции об улучшении положения раненых в ходе войны». На эту конференцию, продолжавшуюся с 8 по 22 августа 1864 г., съехались представители 16 госу-

дарств. Представленный конференции проект конвенции, подготовленный Женевским комитетом, был принят без существенных изменений. Основными принципами, изложенными в Конвенции и поддержанными последующими Женевскими конвенциями, являются: оказание помощи раненым без какого-либо различия по национальному признаку («Статья 6. Раненых или больных бойцов, к какой бы нации они ни принадлежали, следует собирать и ухаживать за ними» [8, р. 280]); нейтральность (неприкосновенность) медицинского персонала и медицинских учреждений, подразделений («Ст. 1–2. Походные лазареты и военные госпитали будут признаваться нейтральными и на этом основании почитаться неприкосновенными и пользоваться покровительством воюющих сторон во все время, пока в них будут находиться больные или раненые. Право нейтральности будет распространяться на личный состав госпиталей и походных лазаретов, включая части интендантскую, врачебную, административную и перевозочную для раненых, а также включая священнослужителей, когда они будут в действии и пока будут оставаться раненые, коих требуется подобрать или оказать им помощь» [8, р. 280]); отличительный знак Красного Креста на белом фоне («Ст. 7. Для госпиталей и походных лазаретов и при очищении таковых будет принят особый, для всех одинаковый, флаг. Он должен во всех случаях быть постановлен вместе с флагом национальным. Равным образом для лиц, состоящих под защитой нейтралитета, будет допущено употребление особого знака на рукаве, но выдача оного будет предоставлена военному начальству. Флаг и знак на рукаве будут белые с изображением красного креста») [8, р. 280–281].

После принятия этих Женевских Конвенций, по сути, первых документов Международного комитета, начался новый этап в истории человечества. С этих документов началось все договорное право войны, а также все гуманитарные нормы военного времени. Эти же документы стали основой будущих Гаагских и Женевских конвенций.

Первой пробой сил для Международного комитета стала датско-прусская война февраля – октября 1864 г. Было принято решение послать двух делегатов для наблюдения за ходом военных действий и оказания помощи раненым. Делегаты-добровольцы, носившие утверждённую ранее символику (красный крест на белом фоне), работали по обе стороны фронта и нередко выступали в качестве посредников между датскими и прусскими войсками.

Затем в июне 1866 г. началась австро-прусская война. К этому году Общество Красного Креста из этих двух стран было создано только в Пруссии. Это сказалось на результатах организации медицинской помощи на полях сражений. Австрийская медицинская служба попросту не справлялась со своими задачами, а в прусской на помощь военным врачам и санитарам приходили прекрасно подготовленные и отлично оснащенные бригады. В итоге, ещё до окончания этой войны, длившейся семь недель, Австрия также присоединилась к Женевской конвенции. Это, несомненно, свидетельствовало о

повышении авторитета Международного комитета по оказанию помощи раненым, как нейтральной и беспристрастной организации.

С первого десятилетия своего существования Международный комитет Красного Креста начал активно осуществлять гуманитарную деятельность в районах военных конфликтов. С началом Первой мировой войны перед организацией возникло множество сложностей, справиться с которыми ей удалось лишь при содействии национальных обществ. На помощь медицинским службам европейских стран пришли работники Красного Креста Германии, Франции, Великобритании, России, Японии и др. стран. При этом, несмотря на идею независимого и нейтрального движения, комитет подчинялся своему правительству, которое, в свою очередь, продвигало государственные интересы за рубежом.

Деятельность Международной Организации на фронтах Первой мировой войны осуществлялась по нескольким основным направлениям: организация оперативной медицинской помощи и эвакуации раненых и больных; формирование медицинских учреждений и их снабжение; обеспечение удовлетворительных санитарно-гигиенических условий для жизни военнослужащих.

Женевской конвенцией от 6 июля 1906 г. об улучшении состояния раненых и больных во время сухопутной войны были официально признаны медицинские бригады и добровольцы. После тщательной подготовки и обучения они были массово мобилизованы уже в первые дни войны. Представители Международного Красного Креста базировались практически на всех фронтах, где происходили боевые действия, располагая при этом всеми необходимыми средствами для оказания срочной медицинской помощи. В частности, силами нескольких европейских стран и США были подготовлены тысячи машин скорой помощи для доставки раненых непосредственно с поля боя. Например, американская компания Ford Motor Company в августе 1917 г. пожертвовала около 1 000 машин скорой помощи.

Использовалась и иная техника. Организация Красного Креста Великобритании мобилизовала тысячи транспортных средств, баржи и десятки катеров для использования в качестве плавучих лечебных учреждений – госпитальных судов. Также были переоборудованы пассажирские поезда для оказания помощи в перевозке раненых. В таких поездах обустроивались санитарные вагоны с подвесными койками, в которых располагались больные и тяжелораненые солдаты, операционные, кухни, столовые, также отдельные вагоны для медицинского и обслуживающего персонала, бани, дезинфекционные камеры. Во время войны санитарные поезда эвакуировали сотни тысяч раненых и больных солдат, такого показателя нельзя было добиться, используя привычную технику для перевозки раненых. К примеру, Британским Красным Крестом были оборудованы три санитарных поезда, доставивших за период военной кампании более 461 844 раненых [4, с. 52].

По инициативе Организации Красного Креста было создано большое количество военных госпиталей и эвакуационных пунктов. Оказывали под-

держку также и гражданские госпитали. За период 1914–1916 гг. в Европе было развернуто более 60 госпиталей. Базовые эвакуационные пункты (их подразделяли на головные и тыловые) разворачивались из расчета один на две дивизии. Обслуживающий персонал таких учреждений набирался из обычных врачей, медсестёр, санитаров.

Организация Красного Креста также была озабочена созданием нормальной санитарно-гигиенической обстановки на фронтах. Для этого необходимо было использовать современные научные разработки и использовать их в интересах армии. Повсеместно использовались паровые дезинфекторы, которые можно было доставить в любую часть фронта своим ходом, и они были готовы к работе уже через час после прибытия на место. Немецкий Красный Крест располагал оборудованием для закачки воды из водоёма и её последующей фильтрации. В распоряжении Французского Красного Креста находились дезинфекторы, а в Бельгии также использовались специальные стерилизационные аппараты для питьевой воды.

Также велась активная борьба с различного рода инфекциями среди военнослужащих. Наиболее губительным стал вирус испанского гриппа, унёсшего жизни миллионов людей. При оказании медицинской помощи многие члены организации погибали.

Активную гуманитарную деятельность осуществляла Российская Организация Красного Креста, занимаясь, к примеру, оказанием стоматологических услуг в местах боевых действий. При госпиталях Красного Креста было создано в общей сложности 18 мобильных зубоврачебных кабинетов, расположенных обычно в санитарных автомобилях [5, с. 1258]. Также российские стоматологи активно сотрудничали в годы Первой мировой войны с зарубежными специалистами. Совместными силами Американского и Российского общества Красного Креста на Восточном фронте на территории России был создан госпиталь, в составе которого было челюстное отделение на 40 кроватей и одонтологическая лаборатория при нём [6, с. 129]. Также в 1914–1915 гг. для оказания специализированной офтальмологической помощи было сформировано три «глазных отряда» Красного Креста.

Кроме того, Российский Красный Крест занимался обеспечением медицинских служб на фронтах рентгеновскими аппаратами. К концу сентября 1914 г. на фронт было отправлено 6 рентгеновских аппаратов, размещенных на автомобилях, а к концу 1916 г. – 33 аппарата. Ранее рентгеновские аппараты до 1914 г. закупались Красным Крестом в Германии, а уже после начала Первой мировой войны их производство было налажено в Москве.

Также на территории европейских стран Российское общество Красного Креста практиковало оказание психиатрической помощи российским военнослужащим, а также гражданскому населению. Обществу Красного Креста было передано 25 вагонов, специально приспособленных для перевозки душевнобольных [6, с. 129]. Доставку психически больных на сборные пункты Красного Креста военные брали на себя. Затем Красный Крест распределял

больных по психиатрическим лечебницам страны. С этой целью в 1915 г. было создано «Управление уполномоченного Московского района Российского общества Красного Креста по рассеиванию душевнобольных воинов». Уже в мае 1916 г. через специализированные психиатрические структуры Красного Креста прошло 24 057 душевнобольных.

Кроме того, группы Красного Креста помогали военнослужащим и иными, не медицинскими мерами. Присутствуя везде, где велись боевые действия, международное движение оказывало армии такие услуги как полевые столовые, прачечные, общежития, мастерские по ремонту обуви и т. п. Гражданское население нередко вступало в ряды Красного Креста, для того чтобы оказывать помощь медикам в транспортировке раненых, солдатам в починке одежды.

Весьма обширной была деятельность Красного Креста по отношению к гражданскому населению. В период основания организации в 1863 г. в её основные задачи и цели не входила помощь обычным гражданам. Прежде всего Красный Крест ориентировался на предоставление медицинской помощи военнослужащим. Однако в предшествующие Первой мировой войне десятилетия некоторые организации Красного Креста оказывали помощь жертвам стихийных бедствий, решали проблемы, связанные с гигиеной и общественным здравоохранением. При этом организации обосновывали свою деятельность условиями Гаагских конвенций 1899 и 1907 годов.

В 1914 г. мир потрясли масштабные бедствия, теперь сотни тысяч населения мировых стран нуждались в помощи. Красный Крест оказывал помощь жертвам туберкулёза, испанского гриппа, а также беженцам. К примеру, во Франции граждане из оккупированных территорий, эвакуированные в другие части страны, получали материальную и моральную помощь. Для них силами Красного Креста были открыты полевые столовые и специализированные медицинские пункты, где каждый нуждающийся мог получить медицинскую помощь, а также продукты питания, одежду, средства личной гигиены и даже мебель, инструменты и многое другое.

Военнопленные являлись второй по значимости категорией, которым оказывалась огромная поддержка со стороны Красного Креста. Уже после одного года военных действий в плену разных европейских государств оказалось около девяти миллионов солдат, и большинство из них эта участь постигла на Восточном фронте. Такое большое число военнопленных, указывающее на значительные потери личного состава армий, могло создать серьёзные проблемы вплоть до развала фронта [7, с. 74]. Также возникали трудности экономического характера и в сфере безопасности. Сотни тысяч солдат, размещённых во вражеском тылу, нуждались в содержании.

Кроме того, военнопленные создавали серьёзную дипломатическую проблему. Власти Германии, Австро-Венгрии и также России искали пути для обеспечения гуманного обращения с военнопленными своих стран. Один такой путь был найден. По инициативе европейских государств были организо-

ваны переговоры с целью дальнейшего развития обоюдных законов обращения с военнопленными. Переговоры проходили в рамках четырёх конференций в Стокгольме на протяжении 1915–1917 гг. На этих встречах на нейтральной территории представители австрийского, венгерского, германского и русского Обществ Красного Креста имели возможность при поддержке своих правительств вести переговоры о судьбе военнопленных.

Ранее, 18 октября 1907 г., была принята четвёртая Гаагская конвенция о законах и обычаях войны, где были прописаны общие положения о нормах обращения с военнопленными. Но положения были немногочисленны и должным образом не проработаны. Говорилось лишь о том, что пленные могут быть размещены «в городах, крепостях, лагерях и на других территориях [9, р. 53–55]», отсутствовали четкие формулировки касательно типа или устройства помещений для военнопленных, а также о минимальных стандартах санитарии и гигиены. Также обнаруживалась недостаточная проработанность конвенции в вопросах об обеспечении почтовой переписки, снабжения и питания военнопленных.

Поэтому центральные державы были заинтересованы в начале прямых переговоров между странами относительно обращения с военнопленными. Реализация такого пути подразумевала привлечение к работе национальных Обществ Красного Креста, имеющих тесные связи с правящими династиями и правительствами, и в то же время формально являющихся независимыми организациями. Через эти национальные общества европейские державы получали возможность взаимодействовать с Обществами Красного Креста на вражеских территориях, в обход длительных переговоров на государственном уровне [7, с. 77].

22 ноября 1915 г. состоялась первая Стокгольмская конференция. Было принято нескольких основополагающих решений, касающихся содержания пленных солдат. В окончательном протоколе значилось, что военнопленных нельзя перемещать на территории с вредным для здоровья климатом, что с них нельзя требовать выполнения работ, превышающих их силу. Прописывались требования к должному содержанию военнопленных и созданию почтового сообщения для получения поддержки с Родины [2, с. 36].

Решения второй и третьей Стокгольмской конференции (1915 и 1916 гг.) были посвящены решению вопросов обращения с заболевшими пленными. Обсуждались вопросы об обмене недееспособными военнопленными, разрабатывались поэтапные меры для предотвращения эпидемий цинги. Для этого указывалось о необходимости создания специальных карантинных зон, оговаривались стандартные процедуры учреждения пропускного режима таких зон [7, с. 80–81]. Некоторые решения этих конференций были реализованы, в частности в Австро-Венгрии были созданы лагеря для пленных, больных туберкулёзом.

Четвёртая встреча представителей Обществ Красного Креста состоялась 4 августа 1917 г. Центральное место было отведено разработке различных ва-

риантов обмена больших групп военнопленных. Для реализации данного вопроса участвовавшие в конференции представители Обществ Красного Креста заключили соглашение по трем пунктам: предоставление официальных гарантий правительствами западных стран о том, что корабли с военнопленными не будут подвергнуты атаке с подводных лодок; обмен военнопленными может быть осуществлён непосредственно на фронте; представители делегаций обязаны всячески содействовать реализации данной инициативы.

Все выше перечисленные Стокгольмские конференции имели важное значение в истории международного гуманитарного права, они существенно дополняли и расширяли базовые нормы, регулировавшие обращение с военнопленными [7, с. 82].

Кроме того, Организацией Красного Креста был принят ещё ряд мер, способствовавших оказанию помощи пленённым солдатам. Была создана специальная Служба по делам военнопленных, содействовавшая восстановлению семей. Служба привлекала церковь, которая также была очень важным участником, оказывающим как материальную, так и духовную помощь. Многие правительства европейских стран неоднократно обращались к Красному Кресту с просьбой организовать перевозку заключённых. Правительство Британской империи, не имея возможности отправлять посылки в Германию, также обращалось к Красному Кресту.

Через Международный Комитет тысячи частных и местных организаций отправляли продовольствие, одежду, предметы гигиены и книги. В общей сложности, за всё время войны через нейтральные страны прошло 497 миллионов писем и 115 миллионов посылок. Организация позволяла доставлять военнопленным необходимые для существования вещи. Например, в марте 1917 г. Красный Крест Германии отправил в Россию сорок четыре поезда из примерно двадцати шести вагонов с едой, одеждой всех видов, книгами и другими товарами для пленных немцев. Из Германии и Австро-Венгрии на территорию России отправляли медсестёр для ухода за заключёнными на вражеской территории.

Организации нейтральных государств были весьма полезны при оказании услуг, которые не могли выполнять национальные общества воюющих стран. Например, швейцарский, шведский и датский Красные Кресты содействовали возвращению на родину тяжелораненых заключённых, оказывая им медицинскую и материальную помощь на протяжении всего пути.

15 октября 1914 года было основано Международное агентство по делам военнопленных, в котором уже к концу года работало 1 200 человек. Оно занималось организацией обмена пленными, так, при его содействии около 200 тыс. солдат смогли вернуться домой. Кроме того, агентство организовывало сбор пожертвований. Агентство проводило инспектирование лагерей военнопленных, за весь период Первой мировой войны 41 делегат Красного Креста посетил 524 лагеря на всей территории Европы.

Обобщив всё выше сказанное, можно сделать следующий вывод: роль Международного комитета Красного Креста в формировании гуманитарных норм военного времени весьма велика. Фактически именно эта организация положила начало развитию международного гуманитарного движения, повсеместно действующего и развивающегося по сей день. А плодотворная деятельность Международного Комитета представляла собой удачный опыт взаимодействия общественных и государственных инициатив в деле помощи пострадавшим.

Литература

1. *Дюнан А.* Битва при Сольферино / Пер. с фр. С. Н. Норман / Под ред. А. П. Плетнёва / Репринтное воспроизведение текста 1904 г. Место вып. оригинального издания С.-Петербург, типография Исидора Гольдберга. / Вступительная статья Пьера Буассье. М.: МККК, 2015.

2. Заключительный протокол Совещания уполномоченных Обществ Красного Креста Германии, Австро-Венгрии и России от 1 декабря 1915 г. // Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных / Сост.: Альбат Г. П. М.: Издание Главного комитета Всероссийского земского союза, 1917. С. 35–37.

3. *Мельцер Н.* Международное гуманитарное право: общий курс. М.: МККК, 2017.

4. *Наумов А. О.* Международные неправительственные организации. М.: Издательство Юрайт, 2020.

5. Одонтологические отряды // Вестник Красного Креста. 1916. № 4. С. 1258–1259.

6. Сборник штатов учреждений Российского общества Красного Креста военного времени // Сост.: Мобилизационное отделение Канцелярии Главного управления Российского общества Красного Креста. 2-е изд. доп. Петроград: Государственная типография, 1917.

7. *Эггер М.* Дипломатическое урегулирование проблемы военнопленных на Восточном фронте (на примере четырех конференций Красного Креста в Стокгольме в 1915–1917 гг.) // Первая мировая война, Версальская система и современность. Сборник статей / Отв. ред.: Новикова И. Н., Павлов А. Ю., Малыгина А. А. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 73–85.

8. Convention for the Amelioration of the Lot of Wounded and Sick Soldiers during the land War of August 22, 1864 // The Laws of Armed Conflicts. A Collection of Conventions, Resolutions and Other Documents / Edited by Dietrich Schindler and Jiri Toman. Third revised and completed edition. Martinus Nijhoff Publishers: Dordrecht, The Netherlands, 1988.

9. Convention on the Laws and Customs of War of October 18, 1907 // The Laws of Armed Conflicts. A Collection of Conventions, Resolutions and Other Documents / Edited by Dietrich Schindler and Jiri Toman. Third revised and completed edition. Martinus Nijhoff Publishers: Dordrecht, The Netherlands, 1988.

HUMANITARIAN POLICY OF THE INTERNATIONAL COMMITTEE OF THE RED CROSS IN EUROPE AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURY

V. D. Lozgachyova

The National Research State University of Nizhny Novgorod. Arzamas branch.
Arzamas.

The article analyzes the activities of the International Red Cross Movement in the countries of Europe during the period of local military conflicts. The work of this organization is especially important for studying the formation and development of humanitarian law norms. After all, at present, the Geneva Conventions adopted by this organization are the most widely ratified treaties on the planet, which indicates the universal recognition of the humanitarian norms that it proclaims.

Keywords: *International Committee of the Red Cross, humanitarian law, Geneva Conventions, Committee of Five.*

Об авторе:

ЛОЗГАЧЁВА Вера Дмитриевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, магистрант, e-mail: komakova.vera@yandex.ru.

About autor:

LOZGACHYOVA Vera Dmitrievna

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, undergraduate, e-mail: komakova.vera@yandex.ru.

УДК 94(47).083

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ РУССКИХ АНАРХИСТОВ-ЭМИГРАНТОВ В ШВЕЙЦАРИИ В 1901–1917 ГГ.

П. Е. Ломако

Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна

В статье предпринята попытка собрать воедино все сведения о периодической печати русских анархистов-эмигрантов в Швейцарии с начала XX века

до Революции 1917 года, проанализировать газеты и листовки, которые удалось обнаружить на цифровых ресурсах.

Ключевые слова: *периодическая печать, анархисты-эмигранты, листовки анархистов, агитация и пропаганда.*

Начало XX века в России было отмечено ростом революционных настроений. В связи с тем, что в самой стране революционеры и, в частности, анархисты тщательно отслеживались охранкой, многие из них уезжали за рубеж, чтобы продолжить свою деятельность там. Центрами русской революционной эмиграции стали Германия, Англия, Франция, США и Швейцария. Именно в этих странах русские анархисты-эмигранты создавали кружки, выпускавшие множество газет, журналов и листовок, в которых развивались и пропагандировались анархистские взгляды, звучали призывы к революции в самой России. К сожалению, единый труд, в котором рассматривалась бы анархистская зарубежная дореволюционная пресса, отсутствует. Такую работу начинал писать А. Г. Менделеев [18], но закончить её он не успел. В трудах же В. В. Кривенького [17], Д. И. Рублёва [37] и других историков газеты и листовки используются либо как источник информации, либо упоминаются только место и время их издания, но разрозненно. В настоящей статье мы постараемся восполнить данный пробел.

Крупным эмигрантским центром была Женева. В 1903 году группа анархистов-коммунистов за границей начала выпуск журнал «Хлеб и воля» [18, с. 166]. По названию этого журнала и членов группы начали называть хлебовольцами. Издание журнала продолжалось до 1906 года [15, с. 296].

Одновременно с началом выпуска «Хлеба и воли» сформировалась группа «Вольная воля», выпустившая единственный номер своего журнала [10]. Тогда же началась печать «социалистического, революционно-технического журнала» «К оружию». Он издавался на русском и французском языках. Редакторам журнала за два года удалось опубликовать только два номера [10].

Издательство газеты «Чёрное знамя» обосновалось в Женеве в декабре 1905 года [15, с. 298], выпустив лишь один номер своей газеты. Тогда же от эсеров отделилась группа рабочих-коммунистов, склонившаяся к анархизму и издавшая три номера журнала «Пролетарское дело» [10].

В 1906 году объединение «Буревестник» начало издавать одноимённую газету. Она издавалась до 1908 года, когда типография была перенесена в Париж [15, с. 307]. В том же году вокруг первого номера газеты «Бунтарь» сформировалась одноимённая группа [15, с. 309]. Однако продолжения «Бунтаря» не последовало по причине нехватки средств и выезда членов редакции для революционной работы в России. Данная газета была возобновлена в 1908 году, но снова ненадолго, до 1909 года. Причиной закрытия печатного органа вновь стал недостаток средств [10].

Редакционная группа «Анархического крестьянского союза» и группа «Интернационал» начали своё существование в 1907 году [15, с. 314], по-

следняя в 1908 года преобразовалась в группу «Босьяк» [15, с. 309]. Первые в союзе с «чернознаменцами» выпускали журнал «Анархист». Первый номер журнала нелегально вышел в Финляндии, затем в конце того же года выпуск был перенесён в Женеву, а с начала 1908 года «Анархист» окончательно переместился в Париж [10]. Вторые в 1908 году выпустили единственный номер газеты «Без Руля» [15, с. 309].

В 1908 году была напечатана газета «Анархия». Она позиционировала себя как «орган говорящих на идиш русских анархистов». Издание предназначалось для нелегального распространения в России, но вышел всего один номер [10].

К началу 1915 в Женеву из Парижа переместилась редакция газеты «Набат». Её последний пятый номер вышел в 1916 году [10].

В Лозанне в 1915 году вышла газета группы русских анархистов-коммунистов «Рабочее Знамя» [37, с. 183]. Но в этом городе печатный орган долго не просуществовал. Уже в 1916 году, после выпуска пятого номера, редакция перебралась в Женеву, где были напечатаны ещё два номера. Затем типография вернулась обратно в Лозанну, выпустив здесь восьмой номер газеты, оказавшийся последним. После Февральской революции член редакции «Рабочего Знамени» А. Ге в одиночку выпустил два «экстренных выпуска», посвященных событиям в России. Впоследствии этот орган пытались возродить в России, но безрезультатно [10].

В Цюрихе существовала группа русских анархистов-коммунистов «Рабочий Мир» [10]. Вероятно, она действовала с 1912 по 1914 годы. Именно на этот период приходится выпуск их первого и последнего номеров этого печатного издания [10].

Последним дореволюционным изданием русских анархистов-эмигрантов в Швейцарии можно считать газету «Путь К Свободе» – орган Цюрихской и Женевской групп русских анархо-коммунистов, опубликованный в мае 1917 года. Издание ограничилось одним выпуском в связи с отъездом редакции в революционную Россию [37, с. 199].

Таким образом, мы видим, что пик создания новых изданий в Швейцарии пришёлся на 1903 год, то есть на самое зарождение русского анархизма в эмиграции (рис. 1).

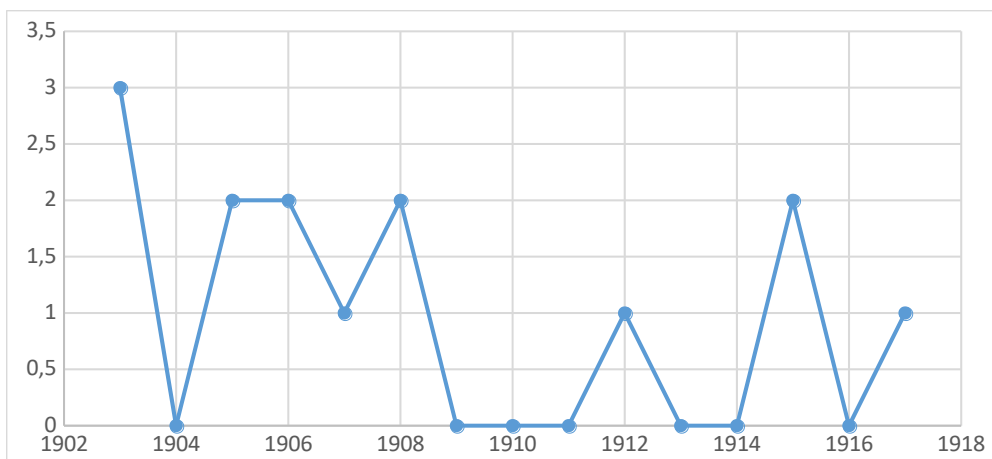

Рис. 1. Вновь создаваемые газеты и журналы русских анархистов-эмигрантов в 1903–1917 гг.

А вот пик единомоментного издания газет и журналов анархистов пришёлся на 1908 год, что можно связать с рефлексией после Первой русской революции и массовым отъездом революционеров из России за рубеж (рис. 2). В 1909–1911 годы наблюдается полное отсутствие каких-либо печатных изданий, что связано, возможно, с разочарованием после поражения Первой русской революции, а также с перемещением центра печати в Париж.

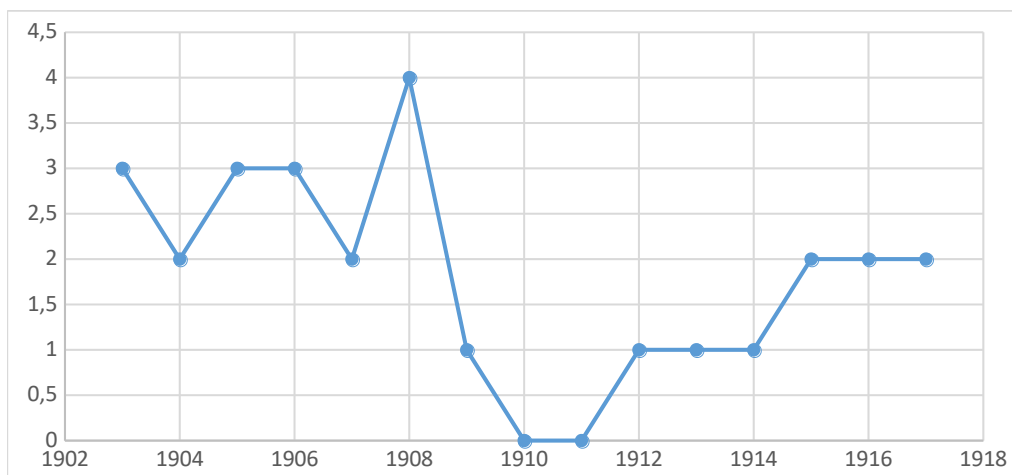

Рис 2. Количество единомоментно издаваемых газет и журналов русских анархистов эмигрантов в 1903–1917 гг.

О чём же писали анархистские газеты и журналы Европы? К сожалению, на данный момент сделать полный обзор не представляется возможным, так как многие выпуски либо были утрачены, либо неизвестно их местонахождение. Большие возможности для исследователя представляют фонды РГБ, где хранятся значительные объёмы прессы, в том числе и дореволюционной, а также ресурсы социальной сети ВКонтакте, на просторах которой энтузиасты в свободном доступе публикуют отсканированные варианты дореволюционных газет и журналов. Поэтому анализировать мы будем то, что имеется в нашем распоряжении.

В газете «Хлеб и Воля» традиционными являлись две рубрики: «Обзор рабочего движения» [38, с. 5–6; 39, с. 4–8; 40, с. 4–8; 41, с. 6–8; 42, с. 6–8; 43, с. 6–8; 44, с. 6–8; 45, с. 6–8; 46, с. 4–7; 48, с. 5–8; 49, с. 8–12], дававшая «краткий обзор этого движения со времени образования Международного Общества Рабочих» и до настоящего на время выпуска номеров момента, и «С Родины» (в одном номере она преобразовалась в «Голос из России») [43, с. 3–6; 44, с. 4–6; 45, с. 3–4; 47, с. 3–7; 48, с. 3–5; 49, с. 8], в которой публиковались новости из России.

Большинство материалов этого печатного органа имели теоретическую направленность. В данной газете:

во-первых, описывалась теоретическая база анархо-коммунизма; в большей степени это делалось в цикле статей «К характеристике нашей тактики» [38, с. 1–5; 39, с. 1–3; 40, с. 1–2; 41, с. 1–2; 43, с. 1–4; 44, с. 1–4; 47, с. 1–3; 48, с. 1–3; 49, с. 1–5; 50, с. 1–5] где подчёркивалось, что анархисты «стремились к уничтожению частной собственности и к передаче всего необходимого для производства ... в руки самого народа ... Но в то же время мы стремимся к уничтожению государства ...»;

во-вторых, публиковались статьи «Аграрный террор» [39, с. 3–4], «Мирный исход или революция?» [45, с. 1–3], «Первое мая» [46, с. 7–8];

в-третьих, печатались отчёты с конференций (например, отчёт о Конференции Грузинских Революционных групп [45, с. 7–8]), манифесты (например, манифест группы «Анархия», озаглавленный «Ко всем товарищам-анархистам» [47, с. 8]);

в-четвертых, шла полемика с другими направлениями анархизма (заметка «Анархизм не индивидуализм» [40, с. 4]) и другими политическими течениями (статья «Анархисты и социалисты-революционеры» [46, с. 1–4]);

в-пятых, рассказывалось об опыте революционного движения [41, с. 2–5; 49, с. 12–16].

С пятнадцатого номера главное место в газете занимали новости о Первой русской революции. Авторы считали, что революцию не надо направлять, что она должна течь сама: «Революционерам не надо учиться руководить движением... им нужно научиться служить ему» [18, с. 173]. Для освещения событий публиковались сводки из разных мест России [18, с. 174; 50, с. 5–10; 51, с. 8–14; 52, с. 5–11; 54, с. 4–12], печатались теоретические статьи «Русская революция» [18, с. 174], распространялись программы объединений анархистов в России, например, программа Русского рабочего союза [52, с. 2–5]. Размышлением о форме Русского рабочего союза открывается и двадцать третий номер газеты. Неизвестный автор писал, что наибольшей силой в таком союзе смогут обладать профсоюзы, но только в том случае, если у них будет сила тред-юнионов Великобритании [53, с. 1–3].

Авторы газеты чтили память теоретиков анархизма. Так, сдвоенные номера были посвящены М. А. Бакунину [51, с. 1–8] и Э. Реклю [52, с. 1].

В газете печатались И. Бертони, П. А. Кропоткин и другие деятели анархизма, но многие статьи не подписаны, так как их авторы опасались преследования.

Органом одного из ответвлений анархо-коммунизма, чернознаменства, являлась газета «Бунтарь».

Первый (и единственный) номер 1906 года отличался крайне обширными статьями на самые разные темы. Анонимные авторы писали о «Вопросах классовой борьбы», «О демократическом созидании и анархическом разрушении», «О коллективизме и государственности», о «Недочётах движения», «О частичных экспроприациях», «О местных буржуазно-революционных организациях» [4, с. 3–30]. Объём газеты соответствовал объёму журнала. И, естественно, на поддержание постоянной печати такого органа уходило бы много средств, которых у группы не было.

Попытка восстановить «Бунтарь» была предпринята, как мы уже писали, в 1908 году. Это издание уже позиционировало себя как листки и отличалось меньшим объёмом. Но и этот печатный орган во многом уделял внимание именно теории. Интерес представляют статьи «К вопросам практической борьбы», в которой описывалось положение в России (реакция, голод, кризис, казни) [5, с. 6–13], «Вопросы организации», в которой подчёркивалось, что для эффективной борьбы силы всех анархистов должны быть объединены [6, с. 19–23], «К теории террора», «Всеобщая забастовка и социал-демократия» [7, с. 5–7].

Большое место на страницах издания занимали некрологи, посвященные погибшим товарищам. В первом номере были опубликованы некрологи Бориса Энгельсона, повешенного в Вильно, и Абрама Гросманна (Александра), застреленного в Киеве [5, с. 1–6]. Во втором-третьем – товарища Фрола, погибшего в Бежице [6, с. 4–7]. В четвёртом – Густава (Копеля Эрделевского), Сони Лившиц и Александра Лисинского [7, с. 1–3].

Немалый интерес представляют статьи «Бунтаря», в рамках которых шла полемика с синдикалистами. К сожалению, все эти размышления давались без указания авторства. В сочинениях «Несколько слов о синдикализме» и «Почему мы не идём в синдикаты?» говорилось, что профсоюзы готовят рабочих к будущей, а не сегодняшней борьбе, поэтому они не эффективны [6, с. 12–18]. В заметке ««Ячейка будущего» и «ячейки в ячейках»» указывалось, что синдикаты не смогут объединить в себе абсолютно всю массу рабочих, не смогут их сплотить [7, с. 4–5].

В целом, «Бунтарь» имел, как и газета «Хлеб и Воля», теоретическую направленность.

Органом «чернознаменцев» являлся также журнал «Анархист». Как и предыдущее издание, он уделял особое внимание памяти погибших товарищей [1, с. 1–2]. Кроме того, этот печатный орган во многом придерживался мнения, что анархистам пора создать некую организацию. По этой причине в статье «Очередная задача» говорилось о необходимости созыва анархическо-

го съезда [1, с. 1–14]. Не забывала редакция и про теоретические вопросы, чему были посвящены статьи «Личность, как движущая сила прогресса», «Принципы трудового анархического союза», «Капиталистическая действительность и формы рабочего движения», «Аграрный вопрос и социалистические программы» [2, с. 3–17].

Помимо этого, на страницах печатного органа были изложены размышления о взаимодействии с синдикализмом. В статье «Анархизм и рабочая организация» некий Буррите (псевдоним неизвестного автора) писал, что у анархистов нет единого мнения по поводу профсоюзов (подтверждение этому мы видели на примере ранее рассмотренных изданий – П. Л.), обвинял синдикализм в оторванности от текущего положения дел и указывал, что это течение использовало наработки 60-х годов XIX века, хотя ситуация в корне изменилась. Также синдикализму вменялся в вину уход в парламентские методы борьбы [1, с. 5–9].

Таким образом, мы видим, что и этот печатный орган анархистов носил больше теоретическую, нежели практическую направленность.

Третьим печатным органом анархистов, который мы рассмотрим в рамках данной публикации, является газета «Без руля». Редакция данного издания придерживалась радикальных взглядов, так как в обращении «От группы «Босьяк» было написано, что «искусственные у всех существующих групп – это и есть те рамки-программы ... мешающие свободному развитию» [3, с. 1]. После этого было опубликовано несколько теоретических статей: «Аграрный ответ» с обзором программ других социалистических партий; «Экспроприация», в которой доказывалась польза этого вида действий; «Люмпенпролетарии-босьяки», указывавшая, что следует делать упор на этот слой общества; «Значение эсперантского языка для анархистов»; «Легальная и нелегальная организация», где обосновывалась польза именно второго вида объединений; «Значение русского синдиката в русском анархическом движении и в частности в Одессе», признававшая плюсы этого направления анархизма, но подчёркивалось, что лучшая борьба – борьба с помощью нелегальной организации [3, с. 1–6]. Таким образом, этот печатный орган имел дискуссионно-маргинальную направленность, однако отношение к синдикализму было более умеренным, нежели у «Анархиста».

Последним крупным довоенным изданием, как мы уже писали, стала газета «Рабочий мир». Политические взгляды редакции были обозначены в программной статье «Наши задачи в грядущей русской революции». Авторы осуждали безмотивный террор, бессистемные экспроприации, критиковали разъединение анархистов в Первой русской революции. Также приводились «лозунги», принципы, по которым анархисты планировали действовать: во-первых, «...пролетарии заинтересованы в свержении самодержавия»; во-вторых, цель объединения трудящихся – «захват земли и фабрик, разрушение центральной власти, организация трудовых коммун, федераций» [32, с. 2–5].

Постоянных рубрик в «Рабочем мире» не сложилось. Тематика статей этого печатного органа была следующей: «О воспитательном значении закона», где заявлялось, что законы – это прописанные нормы жизни общества, они отражают текущий момент и нет смысла вкладывать в них планы на будущее [32, с. 5–6]; «О классовой борьбе и классовом сотрудничестве», в которой говорилось о природной революционности рабочего класса, о его естественном стремлении уничтожить капитализм [32, с. 6–8]; «О работе среди крестьян», в которой писалось, что в мелкой собственности анархисты видят опасность и, следовательно, предпочтительнее для них «мужик-общинник, батрак, городской рабочий» [33, с. 2–4]; «К теории революции» [35, с. 2–4]; «Зло, с которым нужно бороться», где таким злом называли призывы к уничтожению интеллигенции [36, с. 2–4]; «Борьба за всеобщее избирательное право», где указывалось, что такая борьба – пустая трата сил [36, с. 4–5].

На страницах печатного органа неоднократно появлялись лозунги об объединении. В третьем номере идеолог чернознаменства Рощин призывал всех анархистов к преодолению колебаний между максимализмом и минимализмом [34, с. 1–5]. В седьмом номере был опубликован призыв созвать международный анархический съезд [36, с. 7–8].

Полемика, которая разворачивалась на страницах «Рабочего мира» между анархо-коммунистами и анархо-синдикалистами, была достаточно интересной. Во втором номере А. Ге в статье «Теория и практика пролетарской борьбы» отмечал сплочённость синдикализма, стройность его теории [33, с. 4–8]. В следующем выпуске ему отвечал К. Оргеиани, который подчёркивал, что «синдикализм есть и должен остаться лишь формой рабочей организации и способом рабочей борьбы» [34, с. 5–7].

Таким образом, «Рабочий мир», как и большинство предыдущих газет, имел в большей степени теоретическую направленность. В идеологическом плане он стоял примерно на тех же позициях, что «Хлеб и Воля».

Теперь рассмотрим, какие вопросы волновали анархистов в годы Первой мировой войны. Основным печатным органом в то время являлось, как мы писали, «Рабочее знамя». Лозунги этого печатного органа были опубликованы в первом номере и звучали так: «Долой войну! Да здравствует революционный Рабочий Интернационал! Да здравствует социальная революция! Да здравствует анархический коммунизм!» [24, с. 1].

Из теоретических материалов мы выделяем цикл статей «Социалистическое грехопадение и возрождение рабочего интернационала». В первом номере социалисты обвинялись в шовинизме и пособничестве правительствам [24, с. 1–2], во втором рассматривался вопрос, что такое государство и что такое нация [25, с. 1–3], в третьем освещались вопросы культуры и цивилизации [26, с. 1–2], в пятом говорилось про Отечество [28, с. 1], в седьмом – про интернационализм [30, с. 2].

Также не можем пройти мимо цикла статей «Уроки войны». Первым таким уроком называется ещё большее порабощение рабочего класса капитали-

стами [24, с. 2–3]. Во второй части этого цикла описывалась «милитаристская позиция П. А. Кропоткина», указывалось, что в своих оценках он разошёлся с анархической теорией [26, с. 2–3].

Значительное внимание было уделено критике П. А. Кропоткина, который в годы войны призывал рабочих помогать правительствам в странах Антанты, а в Германии – совершать революцию. Эту тематику мы видим в заметках «Русские анархисты и война» [24, с. 3–4], «Открытое письмо П. А. Кропоткину» [25, с. 3–4], в цикле «Уроки войны» (о нём мы писали выше), «Руки прочь!» [29, с. 1], «С Бакуниным или Кропоткиным?» [29, с. 1–2], «Патриотическая вакханалия» [31, с. 2–4].

На страницах «Рабочего знамени» продолжилась полемика между К. Оргеиани и А. Ге, начатая в «Рабочем мире». В статье «О революционном синдикализме» К. Оргеиани рассказал о дебатах хлебовольцев и чернознаменцев, в рамках которых поднимался вопрос о возможности вступления анархистов в беспартийные профсоюзы (очевидно, это происходило, примерно, в 1906 году – П. Л.). Первые отстаивали необходимость вступления; вторые же, напротив, заявляли, что такая форма организации принесёт лишь вред. Автор в то время стоял на позиции хлебовольцев, однако на момент выхода «Рабочего знамени», по его собственным словам, стал более скептически относиться к синдикализму. Это произошло потому, что стало понятно, что «синдикат ... есть перерождение капитализма; это два явления, связанных между собой как причина и следствия, – исчезнет причина, должно исчезнуть и следствие». Далее К. Оргеиани обвинял синдикализм в излишней бюрократизации и централизации, национализме [25, с. 4–5]. Таким образом, благодаря этому обзору мы можем проследить развитие отношения анархо-коммунистов к синдикалистам: от одобрения в первом десятилетии XX в. до критики в 1910-е годы.

Александр Ге в статье «О синдикализме» указывал, что «в основе разногласий ... лежит ... вопрос: кому должна будет, в момент социальной революции, принадлежать инициатива осуществления анархического строя, – сознательной массе ... или инициативному меньшинству...». Он отмечал, что синдикалисты стоят на первых позициях [26, с. 4–5].

В следующем номере к дискуссии присоединился некий Ф. А. Он вновь подчёркивал обюрокрачивание синдикализма, обвинял Александра Ге в смешивании двух понятий класса: экономической и идейно-сознательной категории [27, с. 7]. Рощин в статье «О революционном синдикализме» критиковал Ге за декларируемую им связь синдикализма и капитализма. Автор писал, что тот синдикализм, о котором говорит Ге – это безнадёжный больной и, следовательно, нет никакого смысла его спасать. Рощин обвинял синдикализм в том, что тот сдался демократии, приблизился к парламентаризму, стал бояться раскола и из-за этого слишком пристальное внимание сосредоточил на самой организации. Он подчёркивал, что синдикат – это аналог государства, с которым и должны бороться анархисты [27, с. 7–8].

Последним, вышедшим за границей дореволюционным изданием, как мы уже писали, стал единственный номер газеты «Путь к свободе». Он начинался с заметки «Привет свобода», где приветствовалась начавшаяся в России революция [23, с. 1–2]. В статье «Русская революция, война и наши задачи» указывалось, что главная причина народного недовольства – затянувшаяся война, заявлялось, что «... демократия победила в России. Но её участь будет подобна участи капитализма: она будет фантомом, а не ценностью...», поэтому редакция провозглашает борьбу до победного конца, до полного уничтожения государства [23, с. 2–6]. В следующих заметках также звучала тема революции. В одной из них, «О революционном правительстве», отмечалось, что такая централизация способна задушить революцию, и потому от неё следует избавиться. Статья «Начало конца» выражала надежду на скорую мировую революцию; в заметке под названием «Было ли классовое самосознание и было ли международное товарищество рабочих» были представлены размышления об этих двух вопросах и дан положительный ответ на них [23, с. 6–10]. Затем был опубликован манифест «Ответы», осуждающий «анархопатриотов», а также «Заявления», поднимавшие вопрос экспроприации [23, с. 11–12].

Таким образом, мы видим, что большинство изданий носили теоретический характер, они разрабатывали вопросы тактики борьбы, но крайне редко прямо призывали к ней. Призывы чаще публиковались в различных листовках. Обратимся к ним.

На данный момент известно 13 листовок, выпущенных в Женеве, и одна листовка, вышедшая в Цюрихе. Самая первая из них, озаглавленная «К товарищам в России», вышла в 1901 году. В ней звучит призыв к рабочим в России совершать революцию [14]. После этого по одной прокламации выходило в 1903, 1906 и 1907 годах, две в 1915 годы, по три в 1905 и 1916 годы. В этих листовках анархисты призывали к революции [9, 16, 19, 55], разъясняли программу своих действий [8, 11, 13], протестовали против действий других революционеров-эмигрантов (например, исключение анархистов из Женевской эмигрантской кассы [21]) и позиции отдельных анархистов (например, поддержка отдельной категорией во главе с П. А. Кропоткиным войны [20, 22]), оповещали о своих планах [12].

Итак, пики периодической печати русских анархистов-эмигрантов пришлись на 1905 год, на начало Первой русской революции и на 1916 год, когда накопилось недовольство Первой мировой войной (рис. 3). При этом газеты и журналы больше внимания уделяли теории анархизма, а листовки были более практико-ориентированные, в них больше внимания уделяется сиюминутным призывам. Однако постоянного органа в рассмотренный нами промежуток времени русские анархисты-мигранты в Швейцарии не создали. Это было связано с большой разобщённостью участников данного политического течения в Европе в целом, что не позволяло концентрировать денежные средства на издании одного печатного органа.

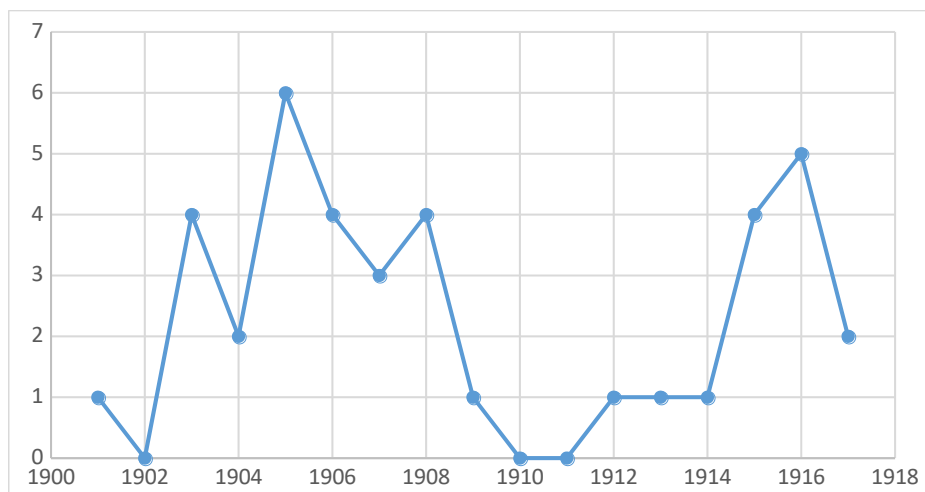

Рис 3. Количество единомоментно издаваемых печатных органов русских анархистов эмигрантов в 1901–1917 гг.

Литература

1. Анархист. 1907. 10 октября. № 1.
2. Анархист. 1909. май. № 3.
3. Без руля. 1908. сентябрь. № 1.
4. Бунтарь. 1906. 1 декабря. № 1.
5. Бунтарь. 1908. 15 мая. № 1.
6. Бунтарь. 1908. июнь-июль. № 2–3.
7. Бунтарь. 1909. январь. № 4.
8. Договор женевской организации анархистов-коммунистов всех фракций. // Анархисты. Документы и материалы. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. Док. № 114. С. 208.
9. Долой частную собственность! // Анархисты. Документы и материалы. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. Док. № 8. С. 45–47.
10. Дубовик А. В. Периодические издания анархистов в России и в эмиграции. 1900–1916. URL: http://socialist.memo.ru/books/biblio/periodika_do_1917.htm (дата обращения: 20.09.2021).
11. Заявление и отчет Б.И.Г.А.-К. // Анархисты. Документы и материалы. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. Док. № 161. С. 263.
12. Заявление // Анархисты. Документы и материалы. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. Док. № 271. С. 417.
13. К рабочим и работницам! // Анархисты. Документы и материалы. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. Док. № 37. С. 90–92.
14. К товарищам в России // Анархисты. Документы и материалы. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. Док. № 5. С. 40–41.
15. Климович Е. К. Обзор революционного движения / [Зав. Особ. отд. Деп. полиции полк. Климович, нач. IV отд. подполк. Беклемишев]. Печ. ориг.: Машинопис. текст, без тит. л. и обл. Описано по 1-ой с. текста. В конце текста указаны авт. и год. изд.: 1909. СПб., 1909. URL:

<http://elib.shpl.ru/ru/nodes/27212-klimovich-e-k-obzor-revolyutsionnogo-dvizheniya-1909> (дата обращения: 21.09.2021).

16. Крестьяне и рабочие! // Анархисты. Документы и материалы. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. Док. № 39. С. 93–95.

17. *Кривенький В. В.* Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. М.: Росспэн, 2018.

18. *Менделеев А. Г.* Печать русских анархистов. М.: РОССПЭН, 2015.

19. На злобы дня // Анархисты. Документы и материалы. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. Док. № 281. С. 424–426.

20. Ответ // Анархисты. Документы и материалы. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. Док. № 280. С. 423–424.

21. Протест // Анархисты. Документы и материалы. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. Док. № 270. С. 416–417.

22. Протест // Анархисты. Документы и материалы. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. Док. № 277. С. 420–421.

23. Путь к свободе. 1917. май. № 1.

24. Рабочее знамя. 1915. март. № 1.

25. Рабочее знамя. 1915. апрель. № 2.

26. Рабочее знамя. 1915. июнь. № 3.

27. Рабочее знамя. 1915. июль-август. № 4.

28. Рабочий знамя. 1915. декабрь. № 5.

29. Рабочий знамя. 1916. август. № 6.

30. Рабочее знамя. 1916. ноябрь. № 7.

31. Рабочее знамя. 1917. март. № 8.

32. Рабочий мир. 1912. 1 июля. № 1.

33. Рабочий мир. 1912. 1 сентября. № 2.

34. Рабочий мир. 1912. 1 ноября. № 3.

35. Рабочий мир. 1913. 15 февраля. № 5.

36. Рабочий мир. 1913. 20 июля. № 7.

37. *Рублёв Д. И.* Российский анархизм в XX веке. М.: Родина ТДА, 2019.

38. Хлеб и воля. 1903. август. № 1.

39. Хлеб и воля. 1903. сентябрь. № 2.

40. Хлеб и воля. 1903. октябрь. № 3.

41. Хлеб и воля. 1903. ноябрь. № 4.

42. Хлеб и воля. 1903. декабрь. № 5.

43. Хлеб и воля. 1904. январь. № 6.

44. Хлеб и воля. 1904. февраль. № 7.

45. Хлеб и воля. 1904. март. № 8.

46. Хлеб и воля. 1904. май. № 9.

46. Хлеб и воля. 1904. июль. № 10.

48. Хлеб и воля. 1904. сентябрь. № 11.

49. Хлеб и воля. 1904. октябрь-ноябрь. № 12–13.

50. Хлеб и воля. 1905. июнь. № 18.

51. Хлеб и воля. 1905. июль. № 19–20.
52. Хлеб и воля. 1905. август-сентябрь. № 21–22.
53. Хлеб и воля. 1905. октябрь. № 23.
54. Хлеб и воля. 1905. ноябрь. № 24.
55. Чёрное знамя // Анархисты. Документы и материалы. Т. 1. М.: РОС-СПЭН, 1999. Док. № 70. С. 130–131.

PERIODICAL PRESS OF RUSSIAN ANARCHISTS-EMIGRANTS IN SWITZERLAND IN 1901–1917

P. E. Lomako

State Social and Humanitarian University, Kolomna

The article attempts to collect all the information about the periodical press of Russian anarchists-emigrants in Switzerland from the beginning of the XX century to the Russian Revolution of 1917, and analyzes those newspapers and leaflets that were found on digital resources.

***Keywords:** periodical press, emigrant anarchists, anarchist leaflets, agitation and propaganda.*

Об авторе:

ЛОМАКО Петр Евгеньевич

Государственный социально-гуманитарный университет, студент, e-mail:
pet.lomako@yandex.ru.

About author:

LOMAKO Petr Evgenievich

State Social and Humanitarian University, Student, e-mail:
pet.lomako@yandex.ru.

МОНАРХИСТЫ И ЭМИГРАЦИЯ: Н. Е. МАРКОВ В ГЕРМАНИИ (1920–1921 ГГ.)

В. А. Шашков

Московский государственный университет, г. Москва

В статье предпринята попытка анализа русских монархических сил в эмиграционный период с 1920 по 1921 гг. Несмотря на первоначальную разобщенность и политические пертурбации в конце 1910-х, вынужденная эмиграция способствовала консолидации монархистов в рамках конкретных объединений, в частности, Высшего Монархического Совета. Значительное внимание в данной работе уделяется Н. Е. Маркову, сыгравшему важную роль в оформлении монархических организаций и популяризации их идей и установок среди русской эмиграции. В качестве источниковой базы исследования используются сведения периодических изданий (журнал «Двуглавый орел», ежедневник «Высший Монархический Совет», газета «Последние новости») и биографические материалы Бахметьевского архива российской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета (США).

Ключевые слова: монархизм, Союз русского народа, Высший Монархический Совет, самодержавие, «Двуглавый орел», Рейхенгальский съезд.

Николай Евгеньевич Марков является известной фигурой правого движения в Российской империи в начале XX в. Начав свою политическую деятельность в Курской губернии, он за короткий срок смог стать одним из лидеров Союза Русского народа и депутатом Государственной Думы III и IV созывов. Однако революционные события 1917 г. и последующая гражданская война нанесли сокрушительный удар правому движению России, после которого многие монархисты уже не смогли оправиться. Преобладающее количество представителей правой мысли, в том числе Н. Е. Марков, были вынуждены эмигрировать из России, преимущественно в страны Запада. Период с 1920 по 1921 гг. стал трудным испытанием для каждого представителя правой мысли, вынужденного наблюдать падение устоев монархизма в России и неудачи Белой армии в ходе Гражданской войны. Перед монархистами вставала необходимость в поиске новых способов борьбы за возвращение их идеалов в социально-политическую жизнь России. Именно Н. Е. Марков сыграл важную роль в объединении правого движения за границей, став руководителем Высшего Монархического Совета (ВМС) в 1921 г. Эта международная организация, а также Конституционно-монархический совет и движение монархистов-легитимистов (сторонники великого князя Кирилла Владимировича в его борьбе за престол) стали центрами русской эмиграции монархистов. Не-

смотря на сложные отношения между вышеперечисленными организациями, их всех объединяла вера в то, что монархическая форма правления является наиболее эффективной для России. В связи с этим важно проследить особенности деятельности Н. Е. Маркова в первые два года жизни в Берлине, ставшие судьбоносными для монархического движения за границей.

Н. Е. Марков родился 2 апреля 1866 г. в селе Александровка в Курской губернии (также существует версия о рождении монархиста в Симферополе)¹ [1, р. 1]. Получив инженерное образование в Санкт-Петербурге, будущий монархист решил связать свою жизнь с политической деятельностью. В 1904 г. Н. Е. Марков начал участвовать в заседаниях Курского земского собрания. Тогда же он с рядом своих единомышленников (князем Н. Ф. Касаткиным-Ростовским, В. Ф. Доррером, Я. В. Кривцовым, Г. А. Шечковым и др.) создал Курскую народную партию порядка, которая в конце 1906 г. была преобразована в Курский отдел Союза русского народа. Именно в составе данной партии монархисту удалось достичь широкой известности среди правого движения империи. Фактически уже к 1910 г. Марков стал лидером Союза русского народа после отставки А. И. Дубровина, а в 1912 г. уже официально был избран председателем Генерального совета партии. Преданность идеям самодержавия, последовательность в защите монархической формы правления в России, высокие ораторские способности и широкая известность принесли Н. Е. Маркову поддержку со стороны правого движения. В обществе распространялись слухи о возможном его назначении на пост министра внутренних дел, достигшие пика в 1915 г. после отставки князя Н. Б. Щербатова, однако по настойчивому требованию императрицы министром был назначен А. Н. Хвостов.

Февральская революция в 1917 г. застала Н. Е. Маркова врасплох. Первое время он скрывался в Финляндии, появляясь в Санкт-Петербурге исключительно для встречи со своими сторонниками, в частности, в рамках подпольной монархической организации «Великая единая Россия», что, в конечном счете, привело к его временному аресту [3]. После прихода к власти большевиков Марков с другими монархистами разрабатывал план освобождения Николая II и его семьи, но этот план так и не был осуществлен. В 1919 г. Марков принял участие в Белом движении и в ряде монархических организаций. Поражение армии Н. Н. Юденича вынудило монархиста покинуть Россию, эмигрировав в Германию [19, с. 281].

Из рукописной биографии Н. Е. Маркова, хранящейся в Бахметьевском архиве российской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета (США), известны некоторые особенности жизни семьи монархиста в Берлине: «Переехав из Ревеля в Берлин, Николай Евгеньевич нашел себя в знакомой и спокойной обстановке. Жена его уже была там, и

¹ Данная версия объясняется тем, что примерно в этот промежуток времени отец семейства Е. Л. Марков работал в Симферополе директором гимназий и училищ.

дочь Татьяна уехала из Лондона¹. Жили сначала в пансионе... а затем в квартире на Marburgerstraße (Марбургер-штрассе – *авт.*) в Шарлоттенбурге (округ Берлина с 1920 г. – *авт.*). Монархистов было много. Газеты издавались и доклады слушались» [1, р. 11].

В самом начале эмиграционного периода жизни Н. Е. Марков занялся организацией монархического движения, консолидируя оказавшихся в Германии русских представителей правой мысли. Так, монархист принял участие в организации в Берлине «Русского общественного собрания» (во главе с А. А. Римским-Корсаковым), а также стал редактором журнала «Двуглавый орел», который сначала издавался с 1920 по 1922 г. в Берлине (31 выпуск), затем с 1926 по 1931 г. в Париже (42 выпуска). В берлинский период существования журнал выходил два раза в месяц, в Париже публиковался ежемесячно в издательстве «Долой зло!» М. К. Горчакова. Стоит отметить, что в Берлине издавалось значительное количество печатных изданий, принадлежащих к иным политическим течениям, в частности, издательство «Скифы» (левые эсеры, выпускалось в 1920 г.), газеты «Дни» (правые эсеры; выпускалась с 1922 по 1925 гг.), «Социалистический вестник» (левые меньшевики, выпускалась с 1921 по 1933 гг.), «Заря» (правые меньшевики), «Руль» (кадеты, выпускалась с 1920 по 1931 гг.) и др. [2, с. 114–117].

В первом выпуске «Двуглавого орла» от 14 сентября 1920 г. членами редакции журнала был отражен взгляд монархистов на ключевые события последних лет. Так, свое бездействие во время последних недель пребывания на троне Николая II они объясняли следующим: «Надеясь спасти Россию, Царь запретил монархистам поднимать борьбу, пока не кончится война с Германией. Оплетенные, отверженные обезумевшей толпой, молча, умирали монархисты – одни на фронте, другие дома под пулями наемных убийц и палачей революции» [7, с. 3]. Бездействие в последующих событиях объяснялось боязнью за судьбу Царя, который находился в заложниках, а также тем, что революционеры с приходом к власти расправились со всеми правыми периодическими изданиями, а ведущих деятелей монархистов поместили под стражу. Кроме того, не без доли критики отнеслись монархисты и к деятельности Белой армии, объясняя это связью Н. Н. Юденича, А. В. Колчака и А. И. Деникина с «союзниками» (последних берлинские монархисты обвиняли в бездействии в ходе Первой мировой войны, в спонсировании революционных организаций в России и в склонении генералов «к всевозможным демократическим и социальным опытам» [7, с. 3]) и привлечением октябрьских революционеров в свой состав. Однако многие монархисты, несмотря на это, приняли активное участие в Гражданской войне в составе Белой армии, в том числе и Н. Е. Марков. Интересным является взгляд членов редакции на предполагаемое будущее России: «Революционный круг начинает смыкаться, дальнейшее углубление революции уже невозможно, следующим этапом может быть

¹ В Лондоне Татьяна оказалась еще в годы Первой мировой войны по настоянию родителей.

только анархия и хаос, а затем ... возродится с новой удесяттеренною мощью все тот же исторический вековечный государственный строй, без которого России не быть» [7, с. 4].

В общественно-политической жизни русской эмиграции в 1920 г. продолжались дискуссии об оценке поведения монархистов в 1917 г. Формой связи русской эмиграции была печать. Еще в дореволюционной России было принято получать новую информацию из газет и журналов, в эмиграции данная тенденция продолжилась. В 1920 г. центром эмигрантской журналистики стала Франция, в которой на этот момент было около десяти русских журналов [18, с. 342–343]. К примеру, большую популярность получила статья «Белые лилии Маркова II» Б. Мирского (настоящее имя автора – Б. С. Миркин-Гецевич), опубликованная 7 июля 1920 г. в 61 выпуске парижской газете «Последние новости»¹. Б. С. Миркин-Гецевич (1892–1955) – правовед, конституционалист, в дореволюционный период являлся преподавателем, в 1920 г. эмигрировал во Францию, где продолжил педагогическую деятельность (в Институте высших международных знаний Парижского университета, в Институте славяноведения и Русском народном университете), а также был назначен вице-директором международного института истории Французской революции [4, с. 146].

В своей статье Б. С. Миркин-Гецевич критически отнесся к деятельности берлинских монархистов, возглавляемых «пресловутым Марковым II», характеризуя их «...отбросы старого строя, в равной мере германофилы и черносотенцы...» [11, с. 2]. Автор отмечал, что, несмотря на попытки подойти к разработке новой монархической платформы с позитивистской позиции, «создавая идеологический букварь социальной, крестьянской монархии», все устремления монархистов – лишь мечты. Показательным в этом плане является сравнение последних с персонажем произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души» помещиком Маниловым, качественными характеристиками которого являются мечтательность, бездеятельность и отрешенность от реальной действительности: «Это (создать новую монархию – *авт.*) скорее мечтали, Маниловы, заговорщики сплетники, – но не строители» [11, с. 2]. Стремление к монархии автор объясняет следующим образом: «Три года революции и ужасы большевизма рождают в наивном мышлении ничем необоснованное суждение о том, что порядок в России может установить только монарх» [11, с. 2]. О деятельности берлинских монархистов Б. С. Миркин-Гецевич пишет: «Марков II и его единомышленники не рыцари белых лилий, а наемники,

¹ Крупнейшая газета левого крыла эмиграции, выпускалась с 1920 по 1940 гг. Первоначально выходила под редакцией М. Л. Гольдштейна (в дореволюционное время был редактором газеты «Вечернее время»), однако по причине финансовых трудностей 1 марта 1921 г. перешла в собственность к конституционно-демократической партии, редактором газеты стал лидер кадетов П. Н. Милоков. Несмотря на общую умеренно-либеральную позицию, в выпусках газеты могли печататься представители иных политических течений, в частности, социалисты. Кроме историко-политических статей, в газете публиковались колонки о бытовой жизни эмиграции, важные мировые новости, существовала рубрика «Вопросы и ответы» и т. д.

способные устраивать свои комитеты и выпускать свои газеты не только в Берлине... но всюду и везде, где находятся темные люди, где нужны темные дела и где имеются темные деньги» [11, с. 2].

Н. Е. Марков свой ответ Б. С. Миркину-Гецевичу опубликовал в третьем выпуске «Двуглавого орла» от 1 марта 1921 г. В нем монархист раскритиковал позицию своего оппонента, указывая: «История не знает республиканской России, а знает лишь Россию – Монархию и тем, кому Россия монархическая ненавистна, им ненавистна вообще Россия... им любя Россия будущего, Россия воображаемая, Россия мнимая» [9, с. 10]. На утверждение Миркина-Гецевича о том, что стремление к монархии является наивной мыслью, продиктованной революцией и ужасами большевизма, Н. Е. Марков отвечает: «... непреложный факт: не только русский обыватель, но вся стихия русского народа с каждым днем все более и более склоняется к этому “чисто отвлеченном формально юридическому (по мнению Бор. Мирского) понятию – “Монархия”» [9, с. 13]. Суждения монархиста соответствуют взглядам, изложенным в статье от редакции в первом выпуске журнала, что может свидетельствовать о причастности Н. Е. Маркова к написанию данного текста.

Однако позиция Маркова не лишена субъективных интерпретаций исторических фактов с идеологически окрашенных позиций. Так, автор пишет: «Император Александр II, наделив освобожденных им крестьян землей, отобранной в мирном, законном порядке у собственников, явил этим актом единственный в истории пример. Ни одна республика не осмелилась совершить что-либо подобное. Освобождение рабов Северной Америки произошло на шесть лет позже освобождения русских крепостных, и все же демократическая американская республика не дала освобожденным земледельцам ни одного акра земли» [9, с. 11]. Монархист верно заметил, что одним из отличий реформы в США от реформы в Российской империи стало освобождение крестьян с землей. Однако умалчивается факт того, что утвержденные реформой положения не сняли остроту земельного вопроса. Несомненно, доказательство данной интенции требует полноценного рассмотрения особенностей отмены крепостного права в Российской империи в 1861 г. Однако подробное освещение данной проблемы останется вне рамок текущего исследования. Целесообразно остановиться лишь на следующих аспектах. Реформа оказалась невыгодна как для крестьян, так и для помещиков. Первые оказались недовольны формой освобождения, количеством (проблема малоземелья) и качеством земли, а также сохранением ряда налогов (в частности, подушной подати) наряду с обременительными выкупными платежами, что впоследствии обрекло значительную часть крестьян на бедственное положение. Вторые, лишившись бесплатной рабочей силы, не смогли приспособиться к установившимся капиталистическим порядкам. Известный историк Л. А. Муравьев охарактеризовал данные преобразования как полубуржуазные, подчеркивая, что были оставлены традиционные формы зависимости крестьян в лице барщины и оброка [12, с. 52]. Кроме того, зависимость кре-

стьян от общины была не только сохранена, но и закреплена в положениях реформы.

Нахождение монархистов в эмиграции подталкивало их к разработке программы действий, которые позволили бы не только восстановить монархическую форму правления в стране, но и вернуть утраченное положение. Один из таких вариантов был изложен Г. Лукьяновым в 4 выпуске «Двуглавого орла» 15 марта 1921 г. По мнению автора, монархистам необходимо отмежеваться от консерваторов, которые не готовы меняться, а свои воззрения строят лишь на концепте охранения государственного строя. Затем подготовить кадры идейных монархистов, обладающих способностями к агитации и ведению дискуссий с представителями других течений политической мысли, что позволит, дождавшись нового стихийного волнения населения страны, направить массы против большевистской власти. «Нам нужно ясно понять и проникнуться убеждением, что настоящая работа внутри России, что наше эмиграционное положение – передышка...» [8, с. 11].

Важнейшим событием данного периода становится созыв в баварском городе Бад-Райхенхалле Рейхенгальского съезда (с 29 мая по 7 июня 1921 г.), одним из инициаторов которого был Н. Е. Марков. Общее количество делегатов составило 106 человек. Географический охват участников был весьма широк, преимущественно европейские страны и США. Председателем стал известный монархист А. Н. Крупенский. Значительное содействие проведению съезда оказали представители православной церкви [13, с. 110]. Съезд был посвящен вопросу хозяйственного восстановления России. В эмиграционной среде активно распространялись убеждения, что РСФСР в скором времени ожидает крах, вызванный глубоким экономическим кризисом. В связи с этим, по мнению монархистов, было необходимо разработать программу действий по восстановлению экономики России. Необходимо отметить, что программа не предполагала восстановление дореволюционного социально-экономического положения: признавалось право собственности крестьян на полученную землю, прежним владельцам земли предполагалась денежная компенсация из государственного бюджета, а также иные права и свободы, которые соответствовали гарантиям, изложенным в демократических конституциях иных стран (права на труд, гражданские свободы, неприкосновенность личности и т. д.). Монархия была названа единственным возможным вариантом политического режима в стране, однако ее облик должен был быть «без старых недостатков, но на старом фундаменте», что позволило бы объединить различные группировки правого движения от сторонников парламентской монархии до ярых защитников самодержавия. Сильна была и легитимистская фракция, требовавшая провозглашение нового правителя, однако вопрос престолонаследия было решено отложить, так как не было достоверных сведений о реальном убийстве царской семьи. Аграрный вопрос предполагалось решить в пользу «многомиллионного земледельческого населения России на основах частной собственности» [15, с. 2].

Н. Е. Марков на открытии съезда выступил с кратким докладом по ряду важнейших вопросов. Во-первых, причину съезда он объясняет актуальностью идей монархизма для современной России, поскольку Гражданская война показала населению истинное лицо большевистского и белого движений: «Ни Красные, ни Белые, не ответили страстному запросу Русского Народа и он возненавидел одних и отвернулся от других» [17, с. 3], «Народ наш отверг и Белых и Красных. Он ждет кого-то третьего. Громко об этом третьем еще не говорится, но это ожидание везде чувствуется» [17, с. 4]. В качестве доказательств этому Н. Е. Марков приводит сведения о росте восстаний в различных частях страны, называя в качестве объединяющего фактора – «всеобщую ненависть к революции и революционерам». В своем выступлении монархист также поднял вопрос финансирования съезда, значительную материальную помощь которому оказало русско-немецкое общество в городе Мюнхен «Ауфбау». В качестве основных задач съезда монархист выделил следующие: «Объединение всех течений монархической мысли и всех сил монархического действия. Возглавление монархического движения и представление его вовне» [17, с. 6]

Одним из ключевых выступлений на съезде стал доклад А. М. Масленникова «Идеология Российской Императорской Власти». В нем автор дал собственную интерпретацию исторических событий, произошедших в России до 1921 г. По мнению монархиста, все предыдущие попытки свержения власти большевиков терпели крах лишь по одной причине: «...погибали не столько от победы большевистских вооруженных сил, сколько от внутреннего разложения» [10, с. 2]. На вопрос о том, какая власть сможет утихомирить бунт и решить существующие социально-экономические проблемы, автор отвечает однозначно: «...только авторитетная, всем понятная и всеми признанная государственная власть. Такой авторитетной властью может стать только та власть, которая исторически складывалась в народной психике... (т. е. власть монархическая – *авт.*)» [10, с. 3]. Одной из характерных черт новой власти монарха, по мнению А. М. Масленникова, будет проведение постоянных выборов представителей населения для осуществления «участия в законодательстве» (каким именно будет данное участие автор не говорит), «к утверждению государственного бюджета» и «к контролю за действиями исполнительной власти» [10, с. 8].

Важным решением съезда стало создание Высшего Монархического Совета, который должен был стать главенствующей организацией правого движения в эмиграции. В его состав вошли Н. Е. Марков, князь А. А. Ширинский-Шахматов, А. М. Масленников, митрополит Антоний Храповицкий (в случае отъезда его должен был заменять архиепископ Евлогий). Численность совета – до 6 человек. Задача – объединение и руководство монархическим движением. В качестве инструмента осведомления о деятельности Высшего Монархического Совета было принято создать одноименный еженедельник [15, с. 2]. С 14 августа по 12 декабря 1921 г. было издано 20

выпусков еженедельника. Как правило, каждый выпуск содержал несколько основных разделов: начинался с одной или нескольких статей от редакции по различным проблемам, связанных с Россией или монархическим движением; затем шел раздел, посвященный событиям, которые происходили на территории России (церковные, этнические, аграрные, рабочие, культурные и иные проблемы); далее был раздел «На Дальнем Востоке», после раздел «В русских кругах за границей», посвященный деятельности различных политических течений, преимущественно в странах Европы, и завершал все раздел «Из заграничной печати». Одним из отличительных свойств еженедельника стала его сравнительно низкая цена. К примеру, до 5 выпуска (11 сентября 1921 г.) еженедельник раздавался на безвозмездной основе, затем была введена плата за выпуск в размере одной немецкой марки (выпуск «Двуглавого орла» стоил десять марок). Практически во всех выпусках газеты за 1921 г. содержались утверждения о росте монархических настроений у русских людей как за границей, так и в РСФСР: «Монархическое движение с каждым днем захватывает все новые круги. Сторонниками монархии в России становятся круги, еще недавно отвергавшие возможность этой формы правления» [20, с. 1], «Наши враги не дремлют. Они видят, как с каждым днем увеличиваются ряды монархистов» [16, с. 1], «Монархическое движение ширится и растет с каждым днем...» [5, с. 1], «Нам пишут, что в лагерях и общежитиях в Германии, по которым ютится большое количество неимущего русского беженства, замечается рост монархического настроения» [6, с. 4.] и т. д.

Рейхенгальский съезд, задуманный как объединение русских монархистов, находящихся в различных странах, для организации совместной борьбы за монархические устои в России, смог консолидировать представителей правой мысли лишь на короткий промежуток. Дело в том, что съезд так и не решил вопрос о престолонаследии, создав тем самым проблему вакуума в монархическом движении, заключающейся в отсутствии фигуры, способной связать воедино хаотичные группировки внутри монархического заграничного движения. Слухи о возможном спасении Царской семьи оттягивали принятие решения о следующем наследнике престола. Кроме того, за границей не было лидера, способного не только стать символом, но и получить легитимное право возглавить движение. В связи с этим значительная часть съезда выступила за выбор нового царя исключительно на Русской земле, в том числе и Н. Е. Марков. Однако решение перенести выбор наследника престола привело к обострению разногласий в будущем. В частности, Великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938) сначала в 1922 г. объявил себя «Блюстителем Престола», а в 1924 г. – Императором. Его кандидатура не сыскала значительной поддержки, что привело к усилению брожений в эмиграционном монархическом движении.

Характерная для российской истории симфония государства и русской православной церкви в контексте существования монархического движения в эмиграции с 1920 по 1921 гг. выразилась в их тесном сотрудничестве, где

Церковь выступала как «живая творческая сила», скрепляющая монархистов и всех тех, кому не чужда православная вера. Стоит отметить и роль церкви в сохранении исконно русской монархической ментальности, связанной с приверженностью родным, неевропейским паттернам мировосприятия, а также в жертвенной преданности своим воззрениям, что являлось общим идейно-ценностным фундаментом как для церковных служителей, так и для представителей монархической мысли. Православная вера не только выступала в качестве цементирующего субстрата для монархистов за границей, периодические издания которых регулярно содержали призывы к богослужению, соблюдению религиозных практик и сведения о положении церкви в России и за рубежом, но и через проповедуемую идею мучеников выражала готовность человека принести себя в жертву во благо исполнения своих идеалов, что находило свой отклик в среде монархистов, стремившихся вернуть лучшую в их понимании форму политического устройства на Родине, несмотря на все объективные трудности этому.

В 1921 г. оформилось тесное сотрудничество монархистов с Русской Православной Церковью за границей (РПЦЗ), особую роль в этом сыграл Н. Е. Марков. Представители духовенства не только активно участвовали на съездах монархического движения (напомним, что митрополит Антоний был избран одним из членов ВМС), но и сами монархисты принимали участие в оформлении православной церкви в эмиграции. К примеру, во время первого Всеаграничного Собора Русской Православной Церкви, проходившего с 21 ноября по 2 декабря 1921 г. в Сремски-Карловци (Сербия), влияние монархистов было так велико, что они добились отказа от участия бывшего председателя Государственной думы III и IV созывов М. В. Родзянко, которого они обвинили в причастности к свержению монархии в России. Несмотря на выступления представителей РПЦЗ в поддержку восстановления монархической формы правления в России, Всеаграничный Собор Русской Православной Церкви выразил сдержанную позицию по вопросу престолонаследия. Так, председатель Собора митрополит Антоний в своей речи указал лишь необходимость возвращения на трон представителя рода Романовых: «...да вернет на всероссийский престол Помазанника, сильного любовью народа, законного православного Царя из Дома Романовых» [14, с. 29]. Хотя даже такая формулировка вызвала дискуссию, так как ряд делегатов выступил против признания претендентом на царство только представителя династии Романовых, отмечая, что вопрос рода не имеет принципиального значения, важно лишь само наличие Царя. Тем не менее в официальном варианте послания была закреплена формулировка, предложенная митрополитом Антонием.

Таким образом, период политических пертурбаций в конце 1910-х гг. нанес серьезный ущерб монархическому движению, которое и до этого не отличалось единством. Однако этап нахождения в эмиграции способствовал некоторой консолидации монархических сил. Несмотря на объективные трудности, монархистам удалось наладить связи с представителями правой мысли

в различных странах Европы и США, провести совместный съезд в г. Бад-Райхенхалле, а также начать выпуск периодических изданий, пользовавшихся широкой популярностью среди эмигрантов из России. Значительную роль в консолидации сыграл Н. Е. Марков, который не только возглавил движение монархистов в Берлине и принял участие в организации и проведении вышеупомянутого съезда, но и, будучи редактором журнала «Двуглавый орел» и ежедневника «Высший Монархический Совет», способствовал популяризации монархических идей и установок. Однако нерешенность вопроса престолонаследия создала проблему вакуума в монархическом движении.

Литература

1. Bakhmeteff Archive – Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff archive (USA). N. E. Markov Papers. Collection. Box 1. Биография Н. Е. Маркова 2-го. Р. 1–15.

2. *Базанов П. Н.* Издательская политика политических организаций русской эмиграции // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сборник статей. СПб.: Издательство «Европейский Дом». 2020. С. 113–119.

3. *Богоявленский Д., Иванов А.* «Курский зубр». Николай Евгеньевич Марков (1866–1945) // Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб., 2006. С. 111. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=161481> (дата обращения: 25.09.2021).

4. *Бочкарев С. В.* Политико-правовые идеи И. Миркина-Гецевича // История международного публичного и частного права: проблема интерпретации: Коллективная монография. СПб.: Астерион, 2016. С. 146–150.

5. Вражеские сети // Высший монархический совет: еженедельник. Берлин: Издательство «Двуглавый орел», 1921. Вып. 11. С. 1–2.

6. В русских кругах за границей // Высший монархический совет: еженедельник. Берлин: Издательство «Двуглавый орел», 1921. Вып. 11. С. 4.

7. От редакции // Двуглавый орел. Берлин: Издательство «Двуглавый орел», 1920. Вып. 1. С. 1–5.

8. *Лукьянов Г.* Наши задачи // Двуглавый орел. Берлин: Издательство «Двуглавый орел», 1921. Вып. 4. С. 4–12.

9. *Марков Н. Е.* Ответ монархиста // Двуглавый орел. Берлин: Издательство «Двуглавый орел», 1921. Вып. 3. С. 10–13.

10. *Масленников А. М.* «Идеология Российской Императорской Власти» // Двуглавый орел. Берлин: Издательство «Двуглавый орел», 1921. Вып. 8. С. 1–8.

11. *Мирский Б.* Белые лилии Маркова II // Последние новости: Ежедн. газ. / Под ред. М. Л. Гольдштейна. Париж, 1920. Номер 61. С. 2.

12. *Муравьева Л. А.* Отмена крепостного права в России: причины, механизм реализации, значение // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 2 (6). С. 42–53.

13. Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. (На фоне катаклизмов XX века). В двух томах. Том первый. М.: Русская Идея; СПб.: Русская Ли́ра, 2020.
14. Никон (Рклицкий). Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого: в 17 т. Нью-Йорк: Северо-амер. и канад. епархия, 1960. Т. VI.
15. От редакции // Высший монархический совет: еженедельник. Берлин: Издательство «Двуглавый орел», 1921. Вып. 1. С. 1–2.
16. Провокация // Высший монархический совет: еженедельник. Берлин: Издательство «Двуглавый орел», 1921. Вып. 5. С. 1.
17. Речь Маркова 2-го при открытии съезда Хозяйственного Восстановления России // Двуглавый орел. Берлин: Издательство «Двуглавый орел», 1921. Вып. 10. С. 3–9.
18. Романова В. Б. Периодическая печать как источник о жизни эмиграции «первой волны» (на материалах газет «Возрождение» и «Последние новости») // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (24–25 ноября 2020 г.). М.: Институт российской истории РАН, 2020. С. 342–347.
19. Смолин М. Б. Тайны русской империи. М.: Вече, 2014.
20. Шаг за шагом // Высший монархический совет: еженедельник. Берлин: Издательство «Двуглавый орел», 1921. Вып. 4. С. 1.

MONARCHISTS AND EMIGRATION: N. E. MARKOV IN GERMANY (1920–1921)

V. A. Shashkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article attempts to analyze the Russian monarchical forces in the emigrational period from 1920 to 1921. Despite the initial disunity and political upheavals in the late 1910s, forced emigration contributed to the consolidation of monarchists within specific associations, in particular, the Supreme Monarchical Council. Considerable attention in this work is paid to N.E. Markov, who played an important role in the design of monarchical organizations and popularization of the ideas and attitudes of these organizations among the Russian emigration. The data of periodicals (the «Double-headed Eagle» magazine, the hedgehog diary «Supreme Monarchical Council», the newspaper «Latest News») and bio-graphic materials of the Bakhmetyev Archive of Russian and East European History and Culture of Columbia University (USA) are used as the source base of the research.

Keywords: *monarchism, the Union of the Russian People, the Supreme Monarchical Council, autocracy, the «Double-headed Eagle», the Reichengal Congress.*

Об авторе:

ШАШКОВ Владислав Александрович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, факультет политологии, магистрант, e-mail: vlad-shashkov@mail.ru.

About author:

SHASHKOV Vladislav Alexandrovich

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political Science, undergraduate, e-mail: vlad-shashkov@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белова Наталья Евгеньевна, кандидат политических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал

Беляев Михаил Петрович, кандидат исторических наук, Российский университет кооперации, г. Мытищи

Бирюков Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна

Волков Юрий Константинович, доктор философских наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал

Галкина Ольга Игоревна, кандидат исторических наук, Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна

Грушина Татьяна Анатольевна, студент, Владимирский государственный университет

Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

Ефимов Олег Владимирович, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал

Зотов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал

Зотова Наталья Дмитриевна, магистрант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал

Иванова Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, Смоленский государственный университет

Ивонина Людмила Ивановна, доктор исторических наук, Смоленский государственный университет

Исаков Алексей Александрович, кандидат философских наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал

Каталкин Иван Игоревич, студент, Московский педагогический государственный университет

Ковалёв Максим Александрович, кандидат исторических наук, Владимирский государственный университет

Колосова Вера Анатольевна, кандидат педагогических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал

Красильников Игорь Борисович, кандидат исторических наук, Смоленский государственный университет

Куликова Юлия Викторовна, кандидат исторических наук, Московский педагогический государственный университет

Курдин Юрий Александрович, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал

Лозгачева Вера Дмитриевна, магистрант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал

Ломако Петр Евгеньевич, студент, Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна

Лоцилова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, Московский педагогический государственный университет

Мальшев Алексей Владимирович, Межрегиональная общественная организация социально-гуманитарных научных исследований «Историческое сознание», Отдел Этнологии, г. Кулебаки

Мальчикова Светлана Петровна, Смоленский государственный университет

Мостяев Юрий Николаевич, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет

Носова Екатерина Сергеевна, кандидат исторических наук, Московский педагогический государственный университет

Панов Александр Ростиславович, доктор исторических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал

Писчикова Наталья Петровна, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет

Праздников Андрей Геннадьевич, доктор исторических наук, Вятский государственный агротехнологический университет, г. Киров

Пряников Александр Викторович, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал

Сабитова Лилия Равильевна, кандидат исторических наук, доцент, Саратовский государственный университет

Савосина Юлия Вячеславовна, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Рязань

Сергеев Евгений Юрьевич, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН; Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Сорокина Татьяна Борисовна, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал

Таньшина Наталия Петровна, доктор исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте

РФ, Московский педагогический государственный университет

Третьякова Марина Владимировна, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал

Тункова Юлия Юрьевна, лицей, г. Арзамас; магистрант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал

Шашков Владислав Александрович, магистрант, Московский государственный университет

Щелокова Наталия Вячеславовна, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал

Эрлихсон Ирина Мариковна, доктор исторических наук, Рязанский государственный университет

Яблонская Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал

EDITOR'S PREFACE

Dear colleagues!

This is the fiftieth issue of the collection of scientific articles «Political Life of Western Europe: Antiquity, the Middle Ages, Modern and Contemporary Times». The thirteenth all-Russian scientific conference of the same name with the collection was held in October 2021. This collection is an anniversary issue. It is symbolic that the anniversary of our publication is accompanied by the anniversary of the ideological inspirer of both the collection and the conference - Doctor of Historical Sciences, Professor Evgeny Vasilyevich Kuznetsov, who turned 90 this year.

Scientists from various universities of Russia (Moscow, Kolomna, Yegoryevsk, Smolensk, Kaliningrad, Yaroslavl, Kirov, Ryazan, Magadan, Mytishchi, Vladimir, Penza, Nizhny Novgorod, Arzamas, Kulebaki) took part in the conference. In total, the collection includes the works of forty-one authors, many of whom traditionally participate in this conference.

The structure of the current collection is still traditional. It consists of four sections. The first section includes articles dedicated to the creative activity of the anniversarian - the works of E. V. Kuznetsov. In the second section there are articles which examine the features of the socio-political development of England in the middle ages, early modern, modern and contemporary times. The third section contains articles dealing with the socio-political development of other European countries in the era of antiquity, early modern, modern and modern times. The fourth section includes articles written by students and undergraduates.

We will conclude this short essay-introduction with a phrase that has also become traditional.

We hope that our collection will be interesting to the reader and will bring benefit and pleasure!

На четвертой странице обложки
Джованни Антонио Каналь (*Giovanni Antonio Canal*), Каналетто (1697–1768) *Canal-
aletto The City Seen Through an Arch of Westminster Bridge, 1747*, частная коллекция
(Сайон-хаус, Лондон)

Научное издание

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ:
античность, средние века, новое и новейшее время**

Выпуск 15

Сборник статей участников

XIII Всероссийской научной конференции (14–15 октября 2021 г.)

Технический редактор С. П. Никонов

Верстка, оформление и вывод оригинала макета А. Р. Панов

Подписано в печать 15.11.2021. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 20 п.л. Тираж 300 экз. Заказ № 902.

Издательство Арзамасского филиала ННГУ

607220, г. Арзамас Нижегородской области, ул. К. Маркса, 36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии

Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37